ФАНТАСТИКА
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ЕСЛИ

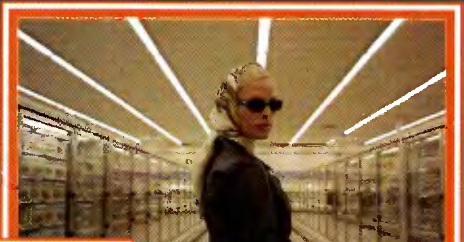
11'2003

ИНДЕКСЫ ПОДПИСКИ: 73118, 42918, 99336. ИНТЕРНЕТ: WWW.RUSF.RU/ESLI

ДЖИН ВУЛФ
ТОЧКА ЗРЕНИЯ

АЛЕКСАНДР ГРОМОВ
МАЙКЛ СУЭНВИК
ТЕД ЧАН
НИНА НЕНОВА

*ВИКТОР МЯСНИКОВ:
МЭЙНСТРИМ
И ФАНТАСТИКА*



Дмитрий Караваев

ЧТО НАША ЖИЗНЬ? ТЕЛЕИГРА!

Вл. Гаков

У ГРАНИЦЫ ОСНОВАНИЯ

Сергей Лукьяненко

СПАЙС ЧИЛДРЕН

ЧИТАЙТЕ РАЗДЕЛ «ВИДЕОДРОМ»

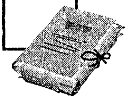
РЕДАКТОР ЖУРНАЛА:
Александр ШАЛГАНОВ
ЗАМЕСТИТЕЛЬ РЕДАКТОРА:
Елена БОСОВСКАЯ
ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:
Татьяна МУРИНА
РЕДАКЦИЯ:
Екатерина АРОЯН,
Дмитрий БАЙКАЛОВ,
Владимир ГУБАРЕВ,
Михаил КОМАРОВСКИЙ,
Евгений ХАРИТОНОВ,
Тамара ШЕЛАМОВА
Людмила ЩЕКОТОВА
ТВОРЧЕСКИЙ СОВЕТ:
Эдуард ГЕВОРКЯН,
Александр ГРОМОВ,
Олег ДИВОВ,
Марина и Сергей ДЯЧЕНКО,
Евгений ЛУКИН,
Сергей ЛУКЬЯНЕНКО,
Владимир МИХАЙЛОВ,
Борис СТРУГАЦКИЙ
ОБЛОЖКА:
Игорь ТАРАЧКОВ
ИЗДАТЕЛИ:
ООО «Издательство ЛК пресс»,
ЗАО «Асмэръ»
АДРЕС ДЛЯ ПЕРЕПИСКИ:
МОСКВА, 125057, а/я 28
ЭЛЕКТРОННАЯ ПОЧТА:
esli@rusf.ru
КОНТАКТНЫЕ ТЕЛЕФОНЫ:
248-08-90, 248-08-91,
248-21-09
РАСПРОСТРАНЕНИЕ:
«Издательство ЛК пресс»
тел. 248-16-42, 248-45-55
ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДИСТРИБЬЮТОРЫ:
«Наша пресса», «ОДА»,
АРП «Регион», «Сейчс»,
«Метропресс» СПб,
ХК «Сегодня пресс»,
«ЗРС Периодика»,
«Роспечать», ДМ Пресс

Журнал зарегистрирован
в Комитете РФ по печати
Свидетельство № 656

Отпечатано ЗАО
«Красногорская типография»
143 400, г. Красногорск,
Коммунальный квартал, д. 2
Тираж 14 500 экз. Зак. №2898
В розницу цена свободная

Подписка по объединенному
каталогу «Пресса России»
Перепечатка материалов
допускается только
с разрешения редакции
Рукописи не рецензируются
и не возвращаются
Редакция вступает в переписку
только на страницах журнала
Редакция не несет
ответственности за содержание
рекламных объявлений
© «ЕСЛИ», 2003

ФАНТАСТИКА
ЕСЛИ
№ 11(129)
ISSN 0136-0140



51 **Нина НЕНОВА**

БЫЛ И ДРУГОЙ

«Нет, весь я не умру», — понимает астронавт, пожив на этой странной пустынной планете.

127 **Джин ВУЛФ**

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

И вновь бегущий человек...

3 **Тед ЧАН**

ВАВИЛОНСКАЯ БАШНЯ

Подлинная история ее возведения, рассказанная самим участником.

27 **Майкл СУЭНВИК**

МЕДЛЕННАЯ ЖИЗНЬ

За этот рассказ в нынешнем августе писатель получил премию «Хьюго».

111 **Джон БОДЕН, Рон КОЛЛИНЗ**

ПОКА ВЕРТЯТСЯ КОЛЕСА

Красивая, умная, преданная, выносливая! Просто мечта, а не... машина.

193 **Александр ТЮРИН**

ЧЕЛОВЕК, НЕ УМЕВШИЙ КАК СЛЕДУЕТ ЛЕТАТЬ

...но получивший другой, не менее полезный навык.

207 **Евгений ПРОШКИН**

ПЕРЕСАДКА

Чтобы стать молодым и успешным, необязательно прыгать в кипяток. Есть технологии более щадящие.

227 **Александр ГРОМОВ**
СИЛА ТРЕНИЯ КАЧЕНИЯ
Триста километров пути по пересеченной местности с трехсоткилограммовым грузом — такая миссия выпала бывалому дипкурьеру.

257 **Майк РЕЗНИК**
СЛОНЫ НА ПЛАНЕТЕ НЕПТУН
Родина слонов, оказывается, не там, где мы думали.

269 **Александр РОЙФЕ**
И СЕЛИ ОНИ В РАКЕТУ...
...или Этапы большого пути.

100 **Евгений ХАРИТОНОВ**
БАЛКАНСКИЙ «ОАЗИС»
Хотелось бы, конечно, чтобы было без кавычек, но не так все гладко в болгарской НФ.

270 **Виктор МЯСНИКОВ**
ПОГРАНИЧНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ
Зачем фантастика мэйнстриму?

282 **ЭКСПЕРТИЗА ТЕМЫ**
Зачем мэйнстрим фантастике?

286 **РЕЦЕНЗИИ**
Осень выдалась не слишком урожайная.

298 **КУРСОР**
Последние фестивали года и другие новости.

173 **ВИДЕОДРОМ**
Фантастические телешоу на экране... Без-Основательные экранизации... Возвращение на Дюну.

292 **Сергей ПИТИРИМОВ**
ХИППИТОПИЯ
...возможна только после вселенской Чумы, считает знаток поп-арта Пэт Мэрфи.

294 **Владимир УСПЕНСКИЙ, Валентин ШАХОВ**
ВСЕ НА ВЫБОРЫ!
Предвыборная кампания в самом разгаре, а мы уже знаем состав грядущей Думы.

301 **ПЕРСОНАЛИИ**
Вся правда об авторах этого номера.

ТЕД ЧАН

ВАВИЛОНСКАЯ

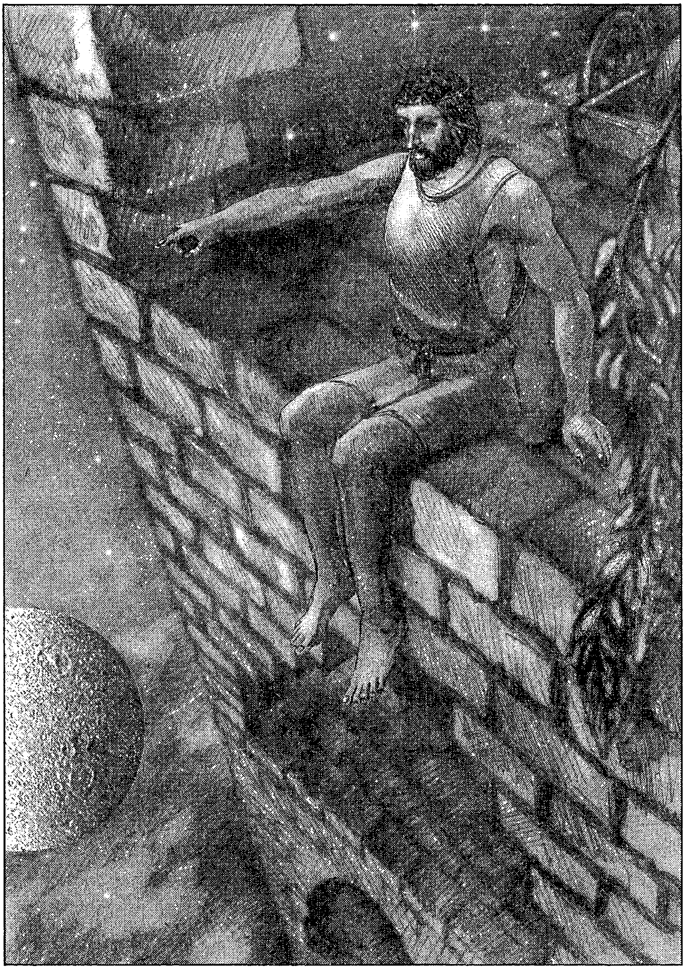


Иллюстрация Сергея ГОЛОСОВА

БАШНЯ

Лежала бы башня поперек долины Сеннаарской, два дня ходу понадобилось бы, чтобы пройти от одного ее конца до другого. Но башня стоит, и требуется полный месяц и еще половина, чтобы взобраться от ее основания до вершины, даже если человек не обременен грузом. Однако редкие мужи поднимаются с пустыми руками: большинство волочет за собой тачку с кирпичами. Четыре месяца минет с того дня, когда кирпич, уложенный в тачку, окажется у стены, дабы успокоиться в ней.

Хиллала всю жизнь прожил в Эламе. О Вавилоне он знал лишь то, что там скупают эламскую медь. Медные слитки грузили на корабли, а те держали путь по Каруну в Нижнее море* и оттуда уже поднимались вверх по Евфрату. Хиллала и остальные рудокопы двигались посуху с торговым караваном, везущим ядра для катапульт. Они шли пыльной дорогой, которая, петляя по предгорьям вниз через долинки, вывела их наконец на зеленые поля, расчерченные каналами и насыпями.

Никто из них прежде не видел башни. Она показалась им за много лиг: тоненькая, как ниточка из льняной кудели, линия колыхалась в знойном мареве, вздымалась из корки грязи, какой предстал сам Вавилон. Когда они подошли ближе, корка выросла в могучие городские стены, но башня заслонила все. Когда они опустили взгляд на речную пойму, то увидели шрамы, которые она оставила вокруг города: сам Евфрат протекал теперь по широкому низкому ложу, вычерпанному ради глины для кирпичей. К югу от города рядами выстроились печи для обжига, ныне остывшие.

Когда они подошли к городским воротам, башня нависла над Хиллалой. Он и вообразить не мог подобной громады: единый столп, в обхват, наверное, больше храма, а все-таки возносится так высоко, что исчезает из виду. Рудокопы шли, запрокинув головы и щурясь на солнце.

Нанни, друг Хиллалы, ткнул его в бок локтем, преисполнясь страха.

— И мы на это полезем? На самый верх?

— Поднимемся, чтобы рыть. Это... против естества.

Рудокопы достигли главных ворот в западной стене, откуда как раз выходил другой караван. Все притиснулись друг к другу в узкой полоске тени от стен, а Бели, старший над ними, крикнул привратникам, стоявшим на башнях:

— Мы рудокопы, призванные из земли Эламской.

---

* *Персидский залив. (Прим. перев.)*

Привратники обрадовались.

— Это вы прокопаетесь через свод небес? — вопросил один.

— Мы.

* * *

Веселился город. Праздник начался восемь дней назад, когда на высоту отправили последние кирпичи, и продолжится еще два. Каждые день и ночь город танцевал, пел и пировал.

Бок о бок с кирпичниками пировали тягловые, чьи мышцы были как связки канатов от бесконечных штурмов башни. Всякое утро какая-нибудь артель начинала восхождение с тачками, они взбирались четыре дня, передавали свой груз следующей артели и на пятый возвращались порожними в город. Одна другую сменяли артели до самой вершины, но только самые нижние пировали с городом. Тем, кто жил наверху, послали достаточно мяса и вина, чтобы праздник растянулся на весь столп.

Вечером Хиллала и другие эламские рудокопы сидели на глиняных скамьях за полным яств столом, одним из многих, какие поставили на городской площади. Рудокопы завели разговор с тягловыми, расспрашивая о башне.

Нанни сказал:

— Один человек говорил, будто каменщики, работающие на вершине, вопят и рвут на себе волосы, если уронят кирпич: ведь четыре месяца уйдет, чтобы его заменить. А когда упадет человек, то не замечают вовсе. Это правда?

Словоохотливый тягловый Лугата покачал головой.

— Нет, это пустые байки. Наверх поднимается непрерывный караван кирпичей, каждый день вершины достигают тысячи штук. Утеря кирпичика для каменщиков ничего не значит. — Тут он наклонился поближе. — Но есть одно, что они и впрямь ценят больше человеческой жизни... Мастерок.

— Но почему мастерок?

— Если каменщик уронит свой мастерок, то будет сидеть праздно, пока не доставят новый. Четыре месяца он не сможет отрабатывать пищу, поэтому вынужден будет брать в долг. Утратив мастерок, каменщик безутешно стенает... Но если падает человек, а его мастерок остается, работники втайне радуются. Следующий, кто уронит свой, может взять лишний и продолжить работу.

Хиллала ужаснулся и уже было попытался подсчитать количество инструмента, взятого с собой рудокопами. А потом догадался.

— Это не может быть правдой. Почему бы не доставить наверх побольше мастерков? В сравнении с кирпичами они весят не больше пера. Да и утрата каменщика обернется немалой задержкой, разве что наверху есть лишние люди, знающие толк в кладке. Не будь таких сменных, работа бы остановилась, пока снизу не вскарабкается новый работник.

Все тягловые расхохотались.

— А ведь его не проведешь, — веселясь, сказал Лугата и повернулся к Хиллале. — Значит, вы начнете подъем сразу после праздника?

Хиллала отпил пива.

— Верно. Я слышал, к нам присоединятся рудокопы с западной земли, но пока их не видел. Ты знаешь о них?

— Да, их родина — земля, которая зовется Египтом, но они не копают руду, как вы. Они добывают камень.

— И мы в Эламе тоже добываем камень, — возразил Нанни, пережевывая кусок свинины.

— Не такой, как вы. Они рубят гранит.

— Гранит? — В Эламе добывали алебастр и известняк, но не гранит. — Ты уверен?

— Купцы, побывавшие в Египте, рассказывают, что там стоят каменные зиккураты и храмы, построенные из известняка и гранита. Из огромных гранитных глыб. А еще из гранита вырубают гигантские статуи.

— Но с гранитом работать тяжко.

Лугата пожал плечами.

— Только не им. Царские зодчие сочли, что такие камнеделы будут полезны, когда вы доберетесь до свода небес.

Хиллала кивнул. Верно, пожалуй. Кто знает наперед, что им понадобится?

— Ты их видел?

— Нет, они еще не подошли, их ожидают только через несколько дней. Однако если они не появятся до конца празднеств, то вы, эламцы, отправитесь наверх одни.

— Но ты будешь сопровождать нас?

— Да, первые четыре дня. Потом придется повернуть вспять, а вы, счастливцы, двинетесь дальше.

— Почему ты называешь нас счастливцами?

— Я мечтаю подняться на самый верх. Однажды я работал с артелью, которая ходит дальше моей, и взобрался на высоту двенадцатого дня, но выше бывать мне не доводилось. Вы же пойдете много дальше. — Лугата уныло улыбнулся. — Завидую вам: вы коснетесь свода небес.

Коснуться свода небес... Взломать его кайлами... От этой мысли Хиллале стало не по себе.

— Завидовать здесь нечему... — начал он.

— Ага, — кивнул Нанни, — когда мы закончим, свода небес коснутся все люди.

Следующим утром Хиллала пошел посмотреть на башню. Он оглядел обширный двор, который ее окружал. Сбоку стоял храм, который сам был немалых размеров, но казался карликом в тени гиганта.

Хиллала нутром чувствовал, какая это громадина. Послушать стариков, так башню возводили с таким запасом прочности, какого не имел ни один зиккурат: на ее строительство шел только обожженный кирпич, тогда как для обычных привозили простой, из высушенной на солнце глины, а обожженный пускали лишь на облицовку. Кирпичи промазывали земляной смолой, которая пропитывала закаленную в огне глину и, отвердевая, скрепляла их крепче камня.

Основание башни походило на нижние две ступени обычного зиккурата. Посреди двора стояла гигантская квадратная платформа длиной в двести локтей и высотой в сорок; по стороне, обращенной к югу, поднимались три лестницы. На этой первой платформе сложили второй уровень, поменьше, подняться на него можно было только по срединной лестнице. Лишь наверху второй платформы начиналась сама башня.

Она была шестидесяти локтей в основании и вздымалась квадратным столпом, который держал на себе груз небес. Снизу ее обвивала, будто кожаный ремень — рукоять, вырубленная в стене дорога. Но присмотревшись, Хиллала увидел, что дорог две и что они перевиты. По внешней кромке каждой тянулась череда колонн, не толстых, скорее широких — для тени. Поднимая взгляд, он видел чередующиеся ленты: дорога, кирпичная кладка, дорога, кирпичная кладка, дорога, кладка, пока глаз еще различал их. А башня все росла, скрываясь из виду, уходила ввысь; Хиллала моргнул и прищурился — у него закружилась голова. Спотыкаясь и пятясь, он сделал несколько шагов и с дрожью отвернулся.

Ему вспомнилась история, которую он слышал в детстве — ее рассказывали сразу за преданием о Потопе. В ней говорилось о том, как люди снова распространились до последних пределов мира, заселив земель больше, чем прежде. А после они поплыли к краю мира и увидели, как падает с этого края океан и исчезает в тумане, где сливается с черными водами Бездны. И так люди поняли размеры своего мира и почувствовали, сколь он мал, и пожелали узнать, что лежит за его пределами, узреть все Творение Яхве. Тогда они подняли глаза к небесам и спросили себя, не там ли, над кладезями, хранящими небесные воды, стоит чертог Яхве. Так много столетий назад началось строительство башни, столпа в небеса, лестницы, по которой люди способны подняться, чтобы увидеть дело рук Яхве, а Яхве может спуститься, чтобы увидеть дело рук сынов человеческих.

История будоражила Хиллалу: это была легенда о тысячах людей, трудящихся беспрестанно, но радостно, ибо они работали ради познания Яхве. Он обрадовался, когда в Элам пришли за рудокопами вавилоняне. А теперь, когда он стоял у подножия башни, его чувства бунтовали, настаивая, что никому не положено возноситься в поднебесье. Он следил глазами за убегающими ввысь лентами, и чудилось, что они утягивают его за собой.

Но стоит ли карабкаться?

На утро подъема вторая терраса была от края до края запружена рядами крепких тачек о двух колесах. Многие доверху были нагружены всевозможной едой: мешками с ячменем и пшеницей, чечевицей и луковицами, финиками, огурцами, хлебами и вяленой рыбой. Не было числа громадным глиняным кувшинам с водой, пальмовым вином и маслом, пивом и козьим молоком. Другие тачки щетинились товарами, какие продают на базаре: бронзовыми сосудами, тростниковыми корзинами, штуками льна, деревянными табуретами и столами. Были тут откормленные бык и козел, которым жрецы прилаживали на головы колпаки, чтобы животные не могли смотреть по сторонам и не боялись подъема. Их принесут в жертву, когда они достигнут вершины.

Еще здесь были тачки, куда сложили кайлы и молоты рудокопов, а также все необходимое для небольшой кузни. Старшина рудокопов приказал нагрузить несколько тачек деревом и снопами тростника.

Лугата стоял рядом с тачкой и затягивал веревки, скрепляющие вязанки дров. Хиллала подошел к нему.

— Откуда взялось это дерево? С тех пор как мы ушли из Элама, я лесов не встречал.

— К северу есть целый лес, который посадили в год закладки башни. Стволы сплавляют к нам по Евфрату.

— Вы посадили столько деревьев?

— Начиная строительство, зодчие знали, что древесины на растопку печей для обжига потребуется много больше, чем можно найти на равнине, поэтому приказали насадить лес. Есть артели, чья работа поливать его и взамен каждого срубленного дерева сажать новое.

Хиллала был изумлен.

— И это полностью покрывает потребность в древесине?

— Бо́льшую часть. На севере вырубили много лесов и сплавили по реке. — Он осмотрел колеса тачки, откупорил висевшую у него на поясе кожаную флягу и плеснул немного масла на ступицу.

Поглядывая искоса на раскинувшиеся перед ними улицы Вавилона, подошел Нанни.

— Никогда прежде я не бывал так высоко, чтобы увидеть внизу город.

— И я тоже, — сказал Хиллала, но Лугата только рассмеялся.

— Пойдем. Наши тачки готовы.

Вскоре всех работников расставили попарно и подвели к тачкам. Мужчины стали между двух тягловых жердей, к которым крепились кожаные петли. Рудокопам назначили идти вместе с опытными тягловыми, чтобы новички держали шаг и не замедляли ход всего каравана. Лугата и еще один тягловый оказались позади Хиллалы и Нанни.

— Помните, — сказала Лугата, — держаться нужно в десяти локтях от тачки впереди вас. Когда поворачиваем, всегда тянет тот, кто справа; меняться будете каждый час.

Тягловые начали заводить свои тачки на подъем. Хиллала и Нанни пригнулись, и каждый забросил на плечо по петле. Потом они разом выпрямились, оторвав от земли передок тачки.

— Тяните! — скомандовал Лугата.

Они налегли на ремни, и тачка покатилась. Стоило сдвинуться с места, как тянуть стало совсем легко, и они зашагали едва не насвистывая. Вот процессия достигла поворота, и снова пришлось приналечь.

— И это здесь называют легкой тачкой? — пробормотал Хиллала.

Дорогу вверх сделали такой ширины, чтобы идущий вниз мог протиснуться рядом с тачкой. За столетия колеса проделали две борозды в кирпичном основании. Потолок над головой выгибался уступчатым сводом: массивные квадратные плиты наползали друг на друга, пока не сходились в середине. Из-за широких колонн справа проход напоминал туннель. Если не смотреть по сторонам, то и не скажешь, что находишься в башне.

— Вы поете, когда рубите проход? — спросил Лугата.

— Если камень мягкий, — ответил Нанни.

— Тогда спойте что-нибудь...

Просьбу передали остальным рудокопам, и вскоре пела вся артель.

Тени укорачивались, а люди взбирались все выше и выше. В укрытом от солнца проходе, на свежем воздухе было много прохладнее, чем на узких городских улочках внизу, где полуденный зной мог убить ящерицу, решись она перебежать из тени в тень. Повернув голову вправо, рудокопы могли видеть Евфрат и тянущиеся на многие лиги поля, пересеченные поблескивающими в лучах солнца каналами. Вавилон представал узором из извилистых улиц и скученных построек, ослепительных от побелки. По мере подъема их оставалось все меньше и меньше в поле зрения: город словно прижимался к подножию башни.

Снова был черед Хиллалы тянуть правую петлю, и он шел почти у колонн, когда услышал крик, раздавшийся уровнем ниже. Он уже собирался остановиться и поглядеть через край, но ему не хотелось сбиваться с шага, к тому же нижнего яруса было не разглядеть.

— Что там происходит? — крикнул он через плечо Лугате.

— Один из ваших рудокопов боится высоты. Такое иногда случается с новичками. Иной раз человек бросается на пол, отказываясь идти дальше. Однако мало кто пугается так рано.

Хиллала его понял.

— И мы знаем сходный страх. Есть люди, которым невыносимо войти в шахту; их гнетет мысль о том, что они будут похоронены заживо.

— Правда? — спросил Лугата. — Я о таком не слышал. А что ты думаешь о высоте?

— Ничего. — Но он поглядел на Нанни — они оба знали правду.

— Ты чувствуешь покалывание в ладонях, верно? — прошептал Нанни.

Хиллала потер руки о грубые волокна веревки и кивнул.

— Я тоже это почувствовал. Раньше, когда был ближе к краю.

— Может, и на нас следует надеть колпаки, как на козла и быка, — пошутил Хиллала.

— Думаешь, мы тоже задрожим, когда взберемся выше?

Хиллала задумался. То, что один из их числа поддался страху так рано, дурной знак. Он отмел эту мысль: тысячи взбирались без опаски, и глуп тот, кто позволит ужасу одного рудокопа заразить всех.

— Просто нам высота в диковину. У нас впереди месяцы, чтобы к ней привыкнуть. Когда достигнем вершины, пожалеем, что башня столь невысока.

— Нет, — сказал Нанни. — Сомневаюсь, что мне захочется снова вот так тянуть лямку.

Они оба рассмеялись.

Вечером они поужинали ячменной похлебкой, чечевицей и луком, а затем легли спать в узких коридорах, уходящих в глубь башни. Наутро рудокопы едва смогли встать, так болели ноги. Тягловые посмеялись и дали новобранцам мазь, чтобы те втерли ее в натруженные мускулы. Еще они распределили их поклажу по другим тачкам, дабы облегчить ношу новичкам.

На второй день от одного взгляда вниз у Хиллалы тряслись колени. На этой высоте дули сильные ветры, и он решил, что выше они станут воистину яростными. Он спрашивал себя, сдували ли они когда-нибудь неосторожных людишек, случайно приблизившихся к краю. Падение будет долгим, хватит времени прочесть молитву, прежде чем ударишься оземь.

Хиллала поежился.

Второй день для рудокопов походил на первый, только стоптанные ноги болели сильнее. Теперь путники могли видеть много дальше, и открывающийся взору простор поражал: стали видны лежащие за полями пустыни, караваны выглядели вереницами насекомых. Но ни один рудокоп не испытывал больше панических приступов, и их восхождение ничто не нарушало.

На третий день ноги у рудокопов болели по-прежнему, и Хиллала чувствовал себя немощным старцем. Однако на четвертый день осталась лишь ломота, и тачки рудокопов нагрузили как прежде. Подъем продолжался до вечера, когда они встретились со второй артелью тягловых, быстро спускавшихся налегке по соседней полосе. Обе дороги переплетались, не касаясь друг друга, но соединялись коридорами внутри самой башни. Поравнявшись, тягловые перешли с одной стези на другую.

Рудокопов познакомили с тягловыми второй артели; они беседовали друг с другом и ужинали вместе в тот вечер. На следующее утро первая артель подготовила порожняк к возвращению в Вавилон, и Лугата простился с Хиллалой и Нанни.

— Берегите свою тачку. Она поднималась до верха башни чаще, чем кто-либо из людей.

— Ты и тачке завидуешь? — усмехнулся Нанни.

— Нет, ведь всякий раз, когда она достигает вершины, ей приходится спускаться вниз. Я бы такого не вынес.

Когда в конце того дня вторая артель остановилась, тягловый, ставший позади Хиллалы и Нанни, подошел кое-что показать им. Звали его Кудда.

— Вы никогда не видели с такой высоты, как садится солнце. Пойдем. — Тягловый придвинулся к краю и сел, свесив ноги в пустоту. Но Хиллала и Нанни мешкали. — Не бойтесь. Если хотите, можете лечь и заглянуть за кромку. — Хиллала не хотел выглядеть пугливым дитятей, однако не мог заставить себя сесть на краю обрыва, который, словно скала, уходил вниз на тысячи локтей. Он лег на живот — только его голова выступала за край. Нанни лег рядом.

— Когда солнце начнет садиться, смотрите на стену башни. — Хиллала опустил было взгляд и тут же поспешил перевести его к горизонту.

— И чем же отличается здешний закат?

— Сам подумай. Когда солнце заходит за вершины западных гор, в долине Сеннаарской становится темно. Но здесь мы выше горных хребтов, поэтому еще можем наблюдать солнце. Оно должно опуститься много ниже, чтобы и для нас настала ночь.

Рот у Хиллалы открылся, когда он понял.

— Тени от гор возвещают начало ночи. Ночь приходит на землю раньше, чем сюда.

Кудда кивнул.

— Ты можешь видеть, как ночь карабкается вверх по башне — от земли к небу. Взбирается она быстро, но глаз способен за ней уследить.

С минуту он наблюдал за красным шаром солнца, потом глянул вниз и показал пальцем:

— Глядите!

У подножия колоссального столпа крохотный Вавилон скрылся во мраке. Потом тьма поползла по башне — точно полог разворачивался вверх. Двигалась она вроде бы медленно, и Хиллала решил, что сможет рассчитать ее поступь, но, приближаясь, она набирала скорость, пока не пронеслась мимо них за долю мгновения, и вот все кругом окутали сумерки.

Перекатившись на спину, Хиллала поглядел вверх и еще успел увидеть, как тьма стремительно поднимается к вершине башни. Когда солнце ушло за край мира, небеса потускнели.

— Чудесное зрелище, правда? — спросил Кудда.

Хиллала не сказал ничего. Впервые он познал суть ночи: она — тень земли, отброшенная на небо.

Через два дня Хиллала немного свыкся с высотой. Хотя они поднялись на добрую лигу, он уже мог спокойно стоять у края и смотреть на стену вниз. Держась за колонну, он осторожно наклонился, чтобы глянуть наверх. Там башня уже не походила на гладкий столп.

— Она как будто расширяется кверху, — сказал он Кудде. — Разве такое возможно?

— Присмотрись внимательней. От стен башни отходят деревянные террасы. Они построены из кипарисовых стволов и подвешены на пеньковых канатах.

Хиллала прищурился.

— Террасы? Для чего они?

— На них насыпана земля, чтобы люди могли выращивать овощи. На такой высоте воды мало, поэтому обычно сеют лук. Вот поднимемся выше, где иногда перепадают дожди, тогда увидишь бобы.

— Куда же исчезает дождь?

Кудда удивился вопросу.

— Высыхает в воздухе, конечно.

— О, разумеется, — пожал плечами Нанни.

К концу следующего дня они достигли висячих огородов. Это были плоские, густо засаженные луком платформы, подвешенные на толстых канатах, которые крепились к стене сразу под следующим ярусом террас. На каждом ярусе в теле башне имелось по несколько узких комнат, где жили семьи тягловых. Проходя, рудокопы видели женщин, которые, сидя на пороге, шили туники или трудились в огородах, выкапывая клубни. Дети играли в салочки среди тачек и без страха пробегали по самому краю. Обитатели башни приветливо улыбались рудокопам и махали им руками.

Когда пришло время вечерней трапезы, тачки поставили на землю и сняли с них съестное и другие товары, чтобы раздать здешним людям. Тягловые приветствовали свои семьи и пригласили рудокопов разделить с ними ужин. Хиллала и Нанни ели с семьей Кудды, которая приготовила вкусную трапезу: вяленую рыбу, хлеб, фрукты и пальмовое вино.

Хиллала понял, что в этой части башни вырос своеобразный городок, разбитый между двух улиц — дороги вниз и дороги вверх. Здесь был храм, где по праздникам совершали жертвоприношения. Здесь жили городские старшины, улаживающие споры. Здесь стояли лавки: товары для них привез их караван. Разумеется, город был неотделим от каравана: один не мог прожить без другого. И все же суть каравана — в преодолении пути, который начинается в одном месте и завершается в другом. И городок тоже построили как временное пристанище; он был лишь частью многовекового пути.

После трапезы Хиллала спросил у Кудды и его семьи:

— Кто-нибудь из вас бывал в Вавилоне?

Ответила жена Кудды Алита:

— Нет. К чему это нам? Путь неблизкий, а у нас есть все, что нужно.

— Вы не хотите ступить на землю?

Кудда пожал плечами.

— Мы живем на дороге в небеса. И трудимся для того, чтобы проложить ее дальше. Когда мы покинем башню, то пойдем вверх, а не вниз.

Рудокопы все поднимались, и однажды настал день, когда, заглянув за край, они увидели, что башня и вверх, и вниз выглядит одинаково. Ее стена терялась из виду задолго до того, как достигала долины внизу. Но и вершины отсюда было не видно. Куда ни глянь — одна только стена. И смотреть в обе стороны было страшно, ибо душа не утешалась последовательностью: они перестали быть частью земли, но и частью неба не стали тоже. Башня казалась подвешенной в воздухе нитью, не привязанной ни к земле, ни к своду.

В тяжкие дневные переходы Хиллала иногда отчаивался, чувствуя, что потерял свое место в мире: как будто земля отвергла его за неверие, а небо не удостоило впустить к себе. Он возжелал, чтобы Яхве подал сынам человеческим знак, что их затея во благо. Как иначе они могут оставаться в месте, где столь неприютно душе?

Но обитатели башни и здесь были довольны своим положением: рудокопов они всегда приветствовали тепло и желали им удачи в трудах у свода. Эти люди жили в сыром тумане густых облаков, грозы видели и снизу, и сверху, из воздуха собирали свой урожай и никогда не страшились, что здесь им не место. Никто не ждал ни утешения, ни поощрения свыше.

Шли недели, солнце и луна, ежедневно стремясь к зениту, всходили все ниже и ниже. Луна заливала южную часть башни серебряным сиянием, светилась, точно вперившийся в них глаз Яхве. Еще через несколько дней караван поравнялся с луной, достиг уровня первого из небесных тел. Прищурив глаза на выщербленный лик, они любовались его величественным движением.

Потом они приблизились к солнцу. Был летний сезон, когда огненный шар над Вавилоном стоял почти прямо над головой, а значит, на этой высоте проходил близко к башне. Ни одна семья не жила в этой части, не было тут и террас, ибо жар обжигал так, что высыхали и рассыпались в пыль ячменные зерна. Здесь кирпичи скрепляли не земляной смолой, которая размягчилась бы и потекла, а запекавшейся от жара глиной. Защищая от дневного зноя, колонны здесь стали совсем широкими, превратились почти в единую стену, и дорога проходила в туннеле с узкими щелями, впускающими свистящий ветер и лезвия золотого света.

Прежде артели тягловых сменялись через равные промежутки времени, но теперь пришла иная пора. Каждое утро караван выступал в путь все раньше и раньше, чтобы как можно дальше успеть пройти в темноте. Когда они поднялись вровень с солнцем, то шли только ночью. Днем они пытались поспать — голые и потеющие под раскаленным ветром. Рудокопы беспокоились, можно ли им заснуть, не зажарятся ли они насмерть до пробуждения. Но тягловые много раз проделывали этот путь и пока не потеряли ни одного человека. Со временем караван миновал уровень солнца, и тогда все стало так, как было под ним.

Только теперь солнечные лучи били снизу вверх, что казалось совсем уж противным естеству. В террасах зияли щели, чтобы дневной свет омывал растения, которые росли вбок и вниз, изгибались и тянулись к животворным лучам.

Затем караван подошел к уровню звезд, маленьких огненных сфер, разбросанных, насколько хватало глаз. Хиллала думал, они должны висеть теснее друг к другу, но, хотя здесь светили крохотные, невидимые с земли звездочки, сферы все же были рассыпаны слишком уж скудно. И располагались они не на одной высоте, а занимали просторы на следующие несколько лиг вверх. Трудно сказать, насколько высоко они находились, так как ничто не указывало на размер звезд, но иногда какая-нибудь приближалась, и тогда можно было убедиться в стремительности их движения. Хиллала догадался, что все тела в небе мчатся с одной скоростью, чтобы за день успеть совершить путешествие от одного края мира к другому.

Днем небо было гораздо светлее, чем казалось с земли, — знак того, что путники приближаются к своду. Рассматривая небеса, Хиллала с удивлением заметил: здесь звезды видны и днем. С земли они терялись за яростным сиянием солнца, но на такой высоте просматривались совсем ясно.

Однажды к нему прибежал Нанни.

— В башню ударила звезда!

— Что? — Объятый страхом Хиллала оглянулся по сторонам, чувствуя себя так, словно под дых двинули его самого.

— Нет, не сейчас. Это было давно, больше ста лет назад. Один из местных стариков как раз об этом рассказывает. Отец его отца видел все своими глазами!

Они вошли в комнатку за коридором: несколько рудокопов сидели вокруг сморщенного старика.

— ...засела в кладку в полулиге кверху отсюда. Выбоину до сих пор видно, она словно исполинская оспина.

— А что стало со звездой?

— Она горела и шипела и была такая яркая, что болели глаза. Люди подумали, не извлечь ли ее, чтобы она могла продолжить свой ход, но из-за жара к ней нельзя было подступиться, и они не посмели ее погасить. Прошли недели, и она сама остыла, превратилась в шишковатый слиток черного небесного металла. Так велик был ком, что его едва можно было обхватить руками.

— Так велик? — изумленно переспросил Нанни. Когда звезды по собственной воле падали на землю, люди находили иногда небольшие слитки небесного металла, который казался крепче самой лучшей бронзы. Этот металл нельзя было расплавить для отливки, поэтому его обрабатывали кувалдой, раскалив прежде докрасна; из него изготавливали амулеты.

— И верно, не слыхано, чтобы такой слиток нашли на земле. Представляешь себе, какие можно было бы отковать из него инструменты!

— Вы ведь не попытались пустить его на инструменты, правда? — в ужасе спросил Хиллала.

— О, нет. Люди боялись к нему прикоснуться. Все спустились с башни и ждали возмездия Яхве за то, что нарушили ход его творения. Они ждали многие месяцы, но не дождались знака. Наконец они вернулись и извлекли из кладки звезду. Сейчас она в каком-то городском храме внизу.

Повисла тишина. Потом один рудокоп сказал:

— Ни в одном из рассказов о башне я такого не слышал.

— Это проступок. О подобном не говорят.

Они поднимались и поднимались, и небеса становились все более блеклыми, и, проснувшись однажды утром и став у края, Хиллала вскрикнул от неожиданности: то, что доселе казалось бледным небом, сейчас предстало бескрайним белым потолком. Они подошли так близко, что узрели небесный свод, увидели его, как плотный массивный панцирь, сковавший простор. Все рудокопы, когда говорили, понижали голос и, как полоумные, пялились вверх, а обитатели башни над ними смеялись.

Снова двинувшись в путь, они были поражены, насколько же близко подобрались к своей цели. Гладкий, невыразительный свод обманул их, представляясь прежде невидимым, пока не оказался вдруг прямо у них над головами. Теперь люди ползли не в небо, а к бесцветной равнине, протянувшейся во все стороны, насколько хватало глаз.

При виде ее все чувства Хиллалы пришли в смятение. Временами, поднимая глаза на свод, он ощущал, что мир каким-то образом перевернулся и, если оступишься, упадешь вверх — навстречу небу. А покоящийся над головой рудокопа свод словно бы лег на него, придавил своим грузом. Небо было той же твердью, что и земля, но не имело опоры, и Хиллала познал страх, какого никогда не испытывал в шахтах: страх перед тем, что на него упадет потолок.

Еще, бывало, свод казался вертикальным обрывом невообразимо высокой скалы, которая вставала перед ним, а оставшаяся позади полузабытая земля представлялась вторым таким же. Башня виделась канатом, туго натянутым между ними. Посещали мысли еще более страшные: нет ни верха, ни низа, и само тело Хиллалы готово потеряться, утратив ориентиры. Это было сродни боязни высоты, только гораздо хуже. Часто он просыпался от беспокойного сна — весь в поту и с онемевшими пальцами, которыми цеплялся за кирпичный пол.

Нанни и другие рудокопы тоже смотрели перед собой затуманенным взором, хотя никто не заговаривал о том, что тревожит их сны. Подъем не ускорился, а, напротив, замедлился: как заметил старшина Бели, вид свода внушает страх, а не жажду приблизиться. Тягловые стали негодовать и сердиться на рудокопов. Хиллала задумывался, что за люди вырастают из тех, кто всю жизнь провел на башне. Как они сопротивляются безумию? Привыкают к таким условиям? И не зайдутся ли плачем рожденные под твердым небом дети, почувствовав под ногами землю?

Возможно, сыны человеческие не созданы для того, чтобы жить в вышине. Если их собственное естество мешает им подойти к небесам слишком близко, значит, людям следует оставаться на земле.

Когда караван достиг вершины, рудокопы перестали чувствовать себя потерянными или, может быть, просто утратили остроту восприятия. С квадратной площадки на вершине они увидели самую поразительную картину, какая только открывалась человеческому взору: за пеленой колышущегося тумана далеко внизу раскинулся, насколько хватало глаз, ковер суши и морей. Прямо над ними — крыша самого мира, последняя твердь, ручательство того, что выше этой смотровой площадки ничего уже нет. Перед ними лежит все Творенье, какое только возможно узреть.

Жрецы вознесли молитвы Яхве: они благодарили его за возможность увидеть столь многое и молили простить, что жаждут увидеть еще больше.

И на вершине клали кирпичи. Густая, едкая вонь вара поднималась от нагреваемых котлов, в которых плавились куски земляной смолы. Это был самый земной запах, какой ощутили рудокопы за четыре месяца; их ноздри жадно ловили его, пока не переменился ветер. Здесь, на вершине, жижа, некогда сочившаяся из щелей в земле, теперь затвердевала, чтобы скрепить камни: земля отращивала руку в небо.

На последней площадке трудились каменщики, перемазанные смолой мужчины, которые смешивали раствор и ловко клали тяжелые кирпичи. Эти мужи не могли позволить себе испытать головокружение, когда глядели на свод, ведь башня и на пядь не должна отступать от вертикали. Каменщики наконец приблизились к завершению своих трудов, и после четырех месяцев пути рудокопы были готовы начать свои.

Вскоре вслед за ними пришли египтяне. Имели они кожу темную, тела худощавые и бороды редкие. Они притащили тачки, заполненные долеритовыми молотками, бронзовыми инструментами и деревянными клиньями. Их глава звался Сенмут, и он стал совещаться с Бели, старшим над эламитами, как им проникнуть в свод. Из привезенного с собой скарба египтяне, как эламиты, воздвигли кузню, чтобы заново отливать бронзовые орудия из тех, которые затупятся в забое.

Став на цыпочки, любой мог бы коснуться свода кончиками пальцев вытянутой руки. Если подпрыгнуть и приложить к нему ладонь, на ощупь свод окажется гладким и прохладным. Он был как будто из мелкозернистого белого гранита, не имевшего ни единой отметины. И в этом заключалась трудность.

Некогда Яхве обрушил Потоп, выпустив на волю воды верха и низа. Воды Бездны вырвались из источников земных, а воды Небесные излились через шлюзовые ворота кладезей. А теперь, увидев свод вблизи, люди не могли отыскать в нем ворот. Они всматривались в белую поверхность, но ни одного отверстия, ни одного окна, ни одного шва не нарушало гранитной глади.

Казалось, их башня поднялась к своду в том месте, откуда было далеко до небесных хранилищ, что являлось истинным благом. Окажись поблизости шлюзовые ворота, была бы опасность вскрыть их и опустошить хранилище. И тогда на Сеннаар падет дождь — не ко времени года и сильнее, чем зимние ливни, и из-за него вздуется Евфрат. Когда опустошится хранилище, остановится и дождь, но, возможно, Яхве захочет наказать людей, и дождь будет лить, пока не упадет башня и Вавилон не растворится в глине и иле. Хотя ворота скрывались от взоров людских, опасность все равно оставалась. Что если у ворот нет стыков, видимых человеческому глазу, и хранилище располагается прямо над их головами? А вдруг оно настолько огромно, что даже если ворота находятся в нескольких лигах, хранилище все равно нависает прямо над ними?

Шли бесконечные споры о том, что предпринять теперь.

— Яхве не смоет башню, — уверенно заявил кирпичник по имени Квурдуза. — Окажись башня святотатственной, Яхве давно бы ее разрушил. А ведь за все столетия, что люди ее строят, мы не видели ни малейшего признака его недовольства.

— Если бы Яхве благоволил нашей затее, нас уже ждала бы лестница внутри свода, — возразил эламит по имени Элути. — Яхве не станет ни помогать нам, ни препятствовать. Если мы проломим стену хранилища, на нас хлынет вода.

В такую минуту Хиллала не мог скрывать свои сомнения.

— А что если воды бесконечны? — спросил он. — Яхве, вероятно, нас не накажет, но может позволить нам самим навлечь на себя беду.

— Эламит, — сказал ему Квурдуза, — пусть ты и новичок на башне, но уж, наверное, повидал достаточно. Мы трудимся из любви к Яхве и поступали так всю нашу жизнь, как наши отцы, и отцы наших отцов, и их отцы до них. Таких праведников, как мы, не может ждать суровая кара.

— Пусть наши намерения чисты, но это еще не значит, что мы воплощали их мудро. Верную ли дорогу избрали сыны человеческие, решив провести свою жизнь вдали от глины, из которой были созданы? Ни разу Яхве не подал знак, что люди сделали правильный выбор. Сейчас мы готовимся взломать небеса, хотя и знаем, что над нами вода. Если мы заблуждаемся, то на чем основана уверенность, будто Яхве защитит нас от наших собственных ошибок?

— Хиллала призывает к осторожности, и я на его стороне, — заявил Бели. — Мы должны убедиться, что не навлечем на мир второго Потопа или хотя бы опасных дождей на долину Сеннаарскую. Я говорил с Сенмутом Египтянином, и он показал мне, как они запечатывали гробницы своих царей. Думаю, когда мы начнем копать, их опыт поможет нам.

Жрецы принесли в жертву быка и козла на церемонии, где были произнесены многие священные слова и много воскурено благовоний, после чего рудокопы взялись за работу.

Задолго до того, как рудокопы достигли свода, стало очевидно: простой забой кайлами и молотами пользы не принесет. Даже если бы они прорубали горизонтальный туннель, то твердый гранит не позволил бы им продвигаться больше, чем на два пальца. Работа же в вертикальном туннеле будет идти намного, намного медленнее. Поэтому они прибегли к огню.

Они разложили большой костер под сводом и полный день без устали подкладывали в него поленья. От жара камень пошел трещинами и начал крошиться. Дав костру догореть, рудокопы полили свод водой, чтобы он растрескался еще больше. Расширив трещины кайлами, они смогли теперь откалывать крупные куски, которые тяжело падали на вершину башни. Так они могли продвигаться на добрый локоть в каждый из дней, когда горел костер.

И все же туннель не поднимался прямо, а шел, как лестница, под углом, чтобы потом можно было соединить его с башней ступенями. Выжигание выглаживало пол и стены: рудокопы вбили клинья и на них основали доски-ступеньки, не позволяющие соскальзывать вниз. Еще они сложили помост из обожженных кирпичей, чтобы на нем разводить костер в конце туннеля.

Когда туннель углубился на десять локтей, они выровняли его и расширили — получилась комната. Потом рудокопы вынули весь ослабленный огнем камень, и тогда их место заняли египтяне. Камнеделы не прибегали к огню. Работая только долеритовыми ядрами и молотками, он начали строить скользящую дверь из гранита.

Сперва они продолбили канавки, чтобы вырубить в одной из стен огромный гранитный блок. Хиллала и другие рудокопы пытались помочь, но увидели, что это очень трудно: здесь камень не истирали дроблением, а скалывали мерными ударами молотка одной и той же силы; ударь сильнее или слабее — и все труды пройдут впустую.

Прошло несколько недель, и блок был готов. В высоту он превосходил мужчину. Чтобы отделить его от пола, у основания камня выдолбили бороздки, а затем забили в них высушенные на ветру деревянные клинья. В эти клинья вбили другие, потоньше, чтобы первые расщепились, потом в трещины налили воды, давая набухнуть древесине. Через несколько часов камень понизу треснул, и блок высвободился.

В задней части комнаты, по правую руку рудокопы выжгли узкий, поднимающийся вверх под углом коридор, а в полу перед входом продолбили паз, на локоть утопленный вниз. Получился единый гладкий скат, проходивший через пол прямо напротив входа и заканчивавшийся чуть левее его. На этот скат египтяне затащили гранитный блок. Они затянули и затолкали его в боковой проход, куда он едва-едва поместился, и укрепили на месте стенкой из плоских иловых кирпичей, который оперли о низ левой стены — словно на скат легла колонна.

Скользящий камень должен задержать воду, и потому рудокопы могли спокойно продолжать рыть. Если люди проломят стену хранилища и небесные воды хлынут в туннель, то работники сломают кирпичи и камень поползет вниз, пока не остановится в углублении в полу, намертво заблокировав вход. Если воды польются с такой силой, что вымоют из туннеля людей, иловые кирпичи понемногу растворятся и камень все равно соскользнет вниз. Он удержит поток, и рудокопы смогут начать новый туннель в другом направлении, чтобы обогнуть хранилище.

Рудокопы опять развели костер, на сей раз в дальнем углу комнаты. Для циркуляции воздуха на высоких деревянных рамах натянули бычьи шкуры, а рамы поставили наискосок по обе стороны от входа в туннель. Так ветер, непрестанно дующий под сводом небес, загоняли в туннель. Он не давал погаснуть костру и очищал воздух после того, как огонь гасили, чтобы эламиты могли работать, не задыхаясь от дыма.

Египтяне, поставив на место скользящий камень, тоже не сидели праздно. Пока рудокопы махали кайлами в конце туннеля, они вырубали в камне лестницу на смену деревянной времянке. И это они тоже делали с помощью деревянных клиньев, а на месте вынимаемых из покатого пола блоков оставались ступени.

Так работали рудокопы, прокладывая туннель все дальше и дальше. А он все поднимался — и хотя через равные промежутки, точно нить в шве, менял направление, но его общий ход оставался неизменным. Были построены и другие комнаты со скользящими дверями, чтобы, если вдруг проломится стена хранилища, затопило только самый верхний участок туннеля. Египтяне долбили бороздки в поверхности свода, а в них подвешивали навесные дорожки и площадки. От этих платформ на расстоянии многих локтей от башни вырыли боковые туннели, сходившиеся в недрах свода к главному. В эти отводные туннели тоже гнали ветер, чтобы он выводил дым.

Работы шли годами. Артели тягловых доставляли уже не кирпичи, а воду и дерево для костров. В туннелях у поверхности свода поселились люди и на висячих платформах насадили изгибающиеся книзу овощи. Рудокопы жили у предела небес; кто-то нашел себе жену и вырастил детей. Немногие с тех пор ступили на землю.

Обернув влажной тряпкой лицо, Хиллала спустился по деревянным ступеням на камень — он только что подложил поленьев в костер в конце туннеля. Огонь будет гореть еще много часов, а он пока станет ждать на нижнем ярусе, где воздух несколько свежее.

Тут раздался отдаленный грохот обвала, звук, с которым раскалывается каменная гора, а за ним — мерный и все нарастающий рев. И тут из туннеля хлынул поток воды.

На мгновенье Хиллала застыл от ужаса. Вода, страшно холодная вода ударила его по ногам, повалила на пол. Он поднялся, он ловил воздух ртом, он силился удержаться против течения, цепляясь за ступени.

Рудокопы наткнулись на хранилище.

Ему надо спуститься под самую верхнюю скользящую дверь до того, как она закроется. Его ноги хотели прыгать по ступеням, но он понимал, что, поддайся порыву, не удержится на ногах, и его унесет вниз гневный поток. Двигаясь так быстро, как только смел, Хиллала стал переползать со ступени на ступень.

Несколько раз он оступался, соскальзывал на десяток ступеней, камень царапал ему спину, но он не чувствовал боли. И все это время он с ужасом ждал, что туннель вот-вот обвалится и раздавит его или же расколется все хранилище, и у Хиллалы под ногами разверзнется небо, и с небесным дождем он полетит на землю. Настал час кары Яхве, время второго Потопа.

Когда же он достигнет скользящего камня? Туннель все тянулся и тянулся, и вода лилась даже как будто быстрее. Хиллала почти бежал по ступеням.

Вдруг он оступился и с плеском упал в неглубокую заводь. Он добрался до конца лестницы и упал в нескольких шагах перед скользящим камнем, и вода здесь была ему выше колен.

Встав, он увидел Дамквийю и Ахуни; заметили его и рудокопы. Они стояли перед камнем, который уже закрыл выход.

— Нет! — вырвалось у него.

— Они его закрыли! — закричал Дамквийя. — Они не стали ждать!

— Еще кто-нибудь придет, — без особой надежды крикнул Ахуни, — тогда мы сумеем сдвинуть блок.

— Других нет, — ответил Хиллала. — Они могут оттолкнуть его со своей стороны?

— Они нас не слышат. — Ахуни несколько раз ударил в гранитную стену кайлой, но звук потерялся за грохотом воды.

Хиллала оглядел крохотную комнату и только тогда заметил плававшее лицом вниз тело египтянина.

— Он умер, упав с лестницы, — проорал Дамквийя.

Ахуни закатил глаза.

— Пощади нас, Яхве.

Трое стояли в прибывающей воде и жарко молились, но Хиллала знал, что это напрасно: его час настал. Яхве не просил сынов человеческих строить башню или проникать в свод, решение воздвигнуть ее принадлежало им одним, и они умрут в этих стараньях, как погибал каждый в своем земном труде. Благочестие не спасет людей от последствий их деяний.

Вода поднялась им до середины груди.

— Давай подниматься! — крикнул Хиллала.

Они ползли по туннелю мучительно, наперекор течению, а вода поднималась за ними по пятам. Немногие факелы, освещавшие путь, погасли, поэтому люди карабкались в темноте, бормоча молитвы, которых сами не слышали. Деревянные планки-ступени наверху туннеля сорвались с мест и перегородили туннель. Несчастные с трудом перебрались через них и ползли, пока не достигли гладкого каменного склона; остановились и стали ждать, когда вода понесет их выше.

Рудокопы ждали молча, их молитвы иссякли. Хиллала воображал, что стоит в черной глотке Яхве, Всесильный большими глотками пьет небесную воду и готов проглотить грешников.

Вода поднялась и понесла их за собой, и вскоре Хиллала уже мог, вытянув руку, коснуться потолка. Колоссальная расщелина, из которой хлестала вода, пролегла совсем рядом. Остался лишь крохотный пузырь воздуха. Хиллала закричал:

— Когда эта комнатка наполнится, мы сможем выплыть на небо.

Он не знал, услышали ли его. Наконец вода достигла потолка, он в последний раз набрал в легкие воздух и поплыл в расщелину. Он умрет намного ближе к небу, чем кто-либо до него.

Расщелина тянулась на много локтей. Как только Хиллала миновал ее, край разлома ускользнул из-под его пальцев, и теперь, даже дергая конечностями, он касался лишь пустоты. Ему было показалось, что его уносит течением, но потом он усомнился и в этом. Его окружала одна только тьма, и он снова испытал ужасающее головокружение, какое познал, когда впервые приблизился к своду: он не мог различить сторон света, не знал даже, где верх, а где низ. Он барахтался в воде, но не понимал, сдвигается ли с места.

Теперь он бессилен. Возможно, он дрейфует в стоячей воде, возможно, его несет бурный поток — он ощущал лишь холод, от которого цепенело все тело. Он ни разу не увидел и луча света. Неужто в этом хранилище вообще нет поверхности, к которой он мог бы всплыть?

Тут его снова ударило о камень. Пальцами он коснулся другой расщелины. Неужели он вернулся туда, откуда начал? Течение потянуло его внутрь, и у него не было сил противиться. Его засосало в туннель, где то и дело било о стены. Туннель был невероятно глубок, как самая длинный шахта: Хиллале казалось, его легкие вот-вот разорвутся, но проход все не кончался. Наконец он больше не смог задерживать дыхание, и воздух вырвался меж его губ. Он тонул. Чернота вошла в его легкие.

Но внезапно стены раздвинулись. Его нес стремительный поток; он почувствовал воздух над водой! А потом уже ничего больше не чувствовал.

Хиллала очнулся. Лицом он прижимался к влажному камню. Он не видел ничего, но ощущал под ладонями воду. Хиллала перекатился и застонал, члены его болели, он был наг, и почти вся его кожа представляла собой единую ссадину, а местами сморщилась от влаги, но он вдыхал воздух.

Прошло немного времени, и наконец он смог встать. Вокруг его коленей бурлила вода. Он сделал шаг в сторону — вода стала глубже. По другую руку был сухой камень: на ощупь — глинистый сланец.

Кругом было черно, как в забое без факела. Расцарапанными руками он нащупывал себе дорогу по дну, пока оно не поднялось и не стало стеной. Медленно, будто слепая тварь, он ползал взад-вперед. Он нашел источник воды, — это было большое отверстие в полу. Он вспомнил! Его извергло из хранилища через дыру. Он ползал и ползал; казалось, прошли часы; если он находился в пещере, то в огромной.

Он нашел место, где пол поднимался покато вверх. Может быть, там проход? Может быть, новый туннель все-таки приведет его на небеса?

Хиллала полз, не зная хода времени, безразличный к тому, что не сможет повернуть вспять, поскольку не мог вернуться туда, откуда пришел. Он следовал туннелями вверх, когда натыкался на них, туннелями вниз, когда не оставалось иного выхода. Хотя прежде он наглотался воды больше, чем считал возможным, его начала мучить жажда.

И со временем он увидел свет и поспешил к нему.

Свет заставил его зажмурить глаза, и человек пал на колени, зажав кулаками глазницы. Это сияние Яхве? Вынесут ли его глаза вид бога? Прошло несколько минут, и, заставив себя открыть их, он увидел перед собой пустыню. Он выбрался из пещеры у подножия каких-то гор, песок и камни простирались до самого горизонта.

Неужто небеса в точности походят на землю? Неужто Яхве живет в подобном месте? Или это просто иное царство в Творении Яхве, иная земля, расположенная поверх его собственной, а сам Яхве обитает еще выше?

Солнце стояло у горных вершин за спиной Хиллалы. Оно встает или садится? Есть ли здесь ночи и дни?

Прищурившись, Хиллала всмотрелся в песчаную даль. У горизонта двигалась неровная ниточка. Караван?

Хиллала помчался к нему, крича, напрягая пересохшее горло, пока не задохнулся, и вынужден был остановиться. Некто в хвосте каравана увидел бегущего и заставил встать всю вереницу. Хиллала побежал опять.

Заметивший его походил на человека, а не на духа, и одет был как для пути через пустыню. Он держал наготове бурдюк. Еще задыхаясь от бега, Хиллала выпил, сколько смог.

Наконец он вернул бурдюк владельцу и через силу спросил:

— Что это за место?

— На тебя напали разбойники? Мы направляемся в Эрех.

Хиллала уставился на него в изумлении.

— Не обманывай меня! — закричал он. Мужчина отпрянул и посмотрел на Хиллалу так, будто тот потерял разум, перегревшись на солнце. Хиллала увидел другого мужчину, который шел от головы каравана узнать, в чем дело. — Эрех ведь в долине Сеннаарской!

— Да, верно. Разве ты не туда направлялся?

Второй мужчина держал наготове посох.

— Я пришел из... я был в... — Хиллала остановился. — Вы знаете про Вавилон?

— А, вот куда ты держал путь? Это к северу от Эреха. Дорога туда нетрудная.

— Башня. Вы о ней слышали?

— Конечно. Это столп в небеса. Говорят, люди на вершине роют туннель через небесный свод.

Хиллала упал на песок.

— Ты нездоров?

Погонщики пробормотали что-то друг другу и отошли посовещаться с остальными. Хиллала на них не смотрел.

Он в долине Сеннаарской. Он вернулся на землю. Он прополз через хранилища небесных вод и снова оказался на земле. Яхве привел его в это место, чтобы помешать подняться выше? Но Хиллала пока не видел никаких знаков, никаких указаний на то, что Яхве его заметил. Он не испытал, не ощутил чуда, которое совершил бог, чтобы перенести смертного сюда. Насколько Хиллала мог понять, он просто проплыл вверх от свода и вынырнул в пещере под землей.

Каким-то образом свод небес оказался под землей. Словно земля и небо лежали бок о бок, опирались друг на друга, хотя и были разделены многими лигами. Как такое возможно? Как могут соприкасаться столь отдаленные места? Голова у Хиллалы шла кругом.

А потом его осенило: цилиндр для печатей. Если прокатить его по табличке из мягкой глины, резной цилиндр оставлял складывающийся в рисунок отпечаток. Две фигуры могут оказаться по разные концы таблички, хотя на поверхности цилиндра они стоят бок о бок. Весь мир — такой цилиндр. Люди воображают себе землю и небеса как углы таблички, а между ними — растянувшиеся небо и звезды. На самом же деле мир загадочным образом свернут так, что земля и небеса соприкасаются.

Теперь стало ясно, почему Яхве не поразил башню, не покарал сынов человеческих, посмевших вторгнуться за назначенные им пределы: ведь самый долгий путь только вернет их туда, откуда они вышли. Столетия труда не откроют им о Творении большего, чем они уже знают. И все же через свои старания люди узрят дивную механику Творения Яхве, увидят, как изобретательно устроен мир. Это мироустройство свидетельствует о деле рук Яхве — и оно же дело рук Яхве скрывает.

Так сыны человеческие будут знать отведенное им место.

Колени Хиллалы дрожали от благоговения, но он поднялся на ноги и пошел искать погонщиков каравана. Он вернется в Вавилон. Возможно, снова увидит Лугату. Он пошлет весточку тем, кто трудится на башне. Он расскажет им, как устроено мироздание.

Перевела с английского
Анна КОМАРИНЕЦ

МАЙКЛ СУЭНВИК

МЕДЛЕННАЯ

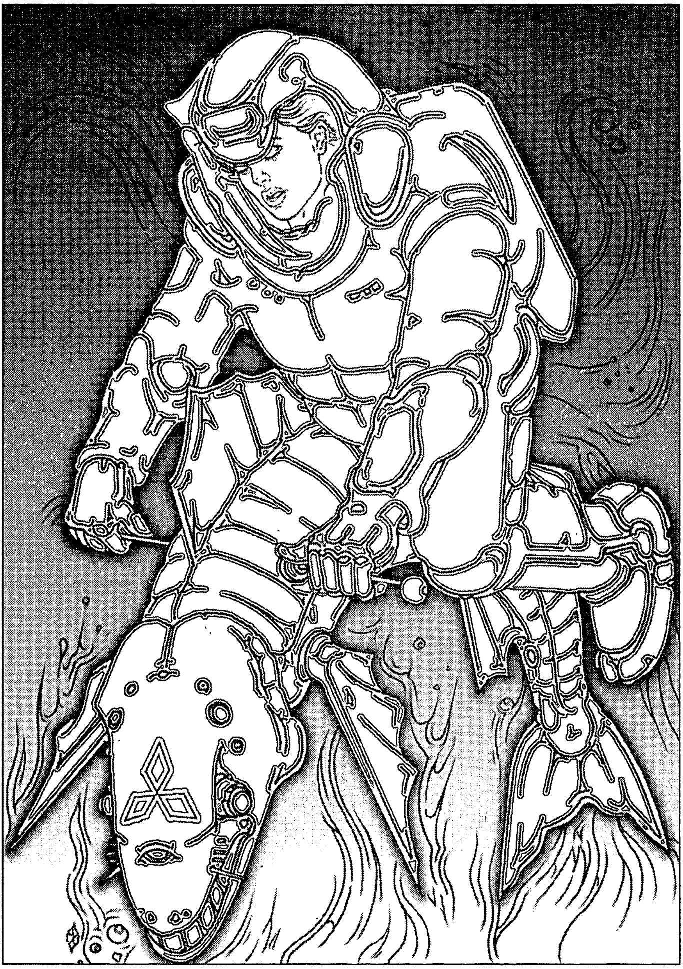


Иллюстрация Алексея ФИЛИППОВА

ЖИЗНЬ

Наступила Вторая Космическая Эра. Гагарин, Шепард, Гленн и Армстронг — все мертвы. Теперь была наша очередь творить историю.

Из мемуаров Лиззи О'Брайен.

Дождевая капля начала формироваться в девяноста километрах над поверхностью Титана. Первой была бесконечно малая пылинка толина, плавающая в холодной азотной атмосфере. Потом на этом затравочном ядре стал конденсироваться дианоацетилен, молекула за молекулой, пока не превратился в льдинку в облаке из миллиардов ей подобных.

Теперь путешествие вполне могло состояться.

Вышеупомянутой льдинке потребовался год, чтобы опуститься вниз, на двадцать пять километров. Там температура оказалась достаточно низкой, чтобы на ней начал конденсироваться этан. Но на этот раз все происходило гораздо быстрее. И льдинка снова стала снижаться.

На высоте сорока километров она попала в облако этана, где продолжала расти. Иногда она сталкивалась с другой каплей и удваивалась в размерах. Наконец она стала слишком большой, чтобы удержаться в слабых стратосферных потоках.

Она упала.

В падении она захватывала метан и скоро так увеличилась, что достигла предельной скорости — почти два метра в секунду.

На высоте в двадцать семь километров она прошла сквозь плотный слой метановых облаков, где собрала еще больше метана.

По мере того как сгущался воздух, скорость уменьшалась, и она, вследствие испарения, начала терять некоторую часть своей субстанции.

Когда до цели осталось два с половиной километра, капля извергласъ из последнего слоя редких облаков, при этом она теряла массу с такой скоростью, что вряд ли смогла бы достигнуть почвы.

Однако она падала на экваториальные нагорья, где ледяные громады на пятьсот метров возвышались над землей, устремив к небу грозные вершины. Когда до земли осталось два метра, а скорость уменьшилась до одного метра в секунду, казалось, что еще миг — и капля ударится о поверхность.

Но тут две руки подхватили открытый пластиковый мешок и подставили под каплю.

— Есть! — ликующе объявила Лиззи О'Брайен, застегивая молнию мешка. Потом подняла его вверх, чтобы нашлемная камера смогла прочесть код в углу, подтверждая: «Одна капля», — и сунула мешок в ящик-коллектор для образцов.

Иногда какие-то, вроде бы незначительные мелочи и делают вас самыми счастливыми. Кто-то потратит целый год, изучая эту крохотную капельку, которую Лиззи доставит домой. А ведь это был всего лишь мешок № 64, в ящике-коллекторе № 5. И Лиззи пробудет на поверхности Титана достаточно долго, чтобы набрать такое количество природного материала, которое произведет революцию в планетарной науке.

Сама мысль об этом наполняла ее радостью.

Лиззи опустила крышку ящика и принялась скользить по гранитно-твердому льду, разбрызгивая лужи и ручейки жидкого метана, стекавшие со склона горы.

— Я пою под дождем... — пропела она, вскинув руки и кружась. — Просто пою под дождем!

— Э-э... О'Брайен! — окликнул Алан Грин с «Климента». — Ты в порядке?

— Ля, соль, фа, ля, ля, соль, фа, ми... я... снова пою...

— Да оставь ты ее в покое, — добродушно посоветовала Консуэло Хонг. Она работала внизу, на равнине, где метан просто испарялся в воздух и почва была покрыта толстым слоем тягучего толина. Как говорила Консуэло, ощущение возникало такое, словно ты по щиколотку увязла в патоке.

— Неужели не можешь распознать новый научный метод, применяемый прямо у тебя на глазах?

— Ну... если ты так считаешь... — с сомнением протянул Алан. Сам он застрял на «Клименте»: нужно ведь было кому-то руководить экспедицией и сидеть в интернете. Вроде бы довольно теплое местечко — не приходилось спать в костюме и существовать на оборотной воде и энергетических брикетах, но вряд ли коллеги подозревали, как ненавидел Алан свои обязанности.

— Что там дальше по расписанию? — осведомилась Лиззи.

— Ну... требуется выпустить робота-палтуса. Как двигаются дела, Хонг?

— Неплохо. Все идет по плану. Через пару часов думаю добраться до моря.

— Отлично, значит О'Брайен самое время присоединиться к тебе на посадочном модуле. О'Брайен, надувай воздушный шар и проверяй подвесную систему по контрольному списку.

— Вас поняла.

— А пока ты этим занимаешься, я прослушаю голосовую почту из интернета. Готовьтесь к сеансу связи.

Лиззи застонала, а Консуэло показала язык. В соответствии с политикой НАФТАСА астронавты участвовали во всех сеансах интернет-вещания. Официально — члены команды были счастливы поделиться своим опытом с простыми смертными. Но голосовой интернет (Лиззи втайне считала его чем-то вроде ликбеза) вынуждал их общаться с людьми, у которых отсутствовали даже минимальные зачатки интеллекта, необходимые, чтобы управляться с клавиатурой.

— Ничего другого нам не остается, — проворчала Консуэло.

— Мы уже делали это раньше, — вставила Лиззи.

— Ладно. Вот первое сообщение.

— *Привет, это Клинок Ниндзя 43. Я все гадал, что это вы, парни, надеетесь там обнаружить.*

— Прекрасный вопрос, — соврал Алан. — Ответ таков: мы не знаем! Это путешествие первооткрывателей, и сейчас мы заняты тем, что называется «чистой наукой». Время от времени подобные исследования оказываются самыми рентабельными. Но так далеко мы не заглядываем. Просто надеемся найти что-то совершенно неожиданное.

— Господи, ну и ловок же, — пробормотала Лиззи.

— Стираю запись, — жизнерадостно объявил Алан. — Следующий.

— *Это Мэри Шредер из Соединенных Штатов. Преподаю английский в колледже и специально для моих студентов хочу узнать, какие отметки вы получали в их возрасте.*

— Боюсь, я был настоящим «ботаником», — начал Алан. — На втором курсе получил четверку по химии и запаниковал. Но потом отказался от пары факультативов, подтянулся и исправил оценку.

— Я успевала по всем предметам, кроме французской литературы, — прощебетала Консуэло.

— Меня едва не вытурили, — заявила Лиззи. — Учение давалось тяжело. Но потом я решила стать астронавтом, и все встало на свои места. Я поняла одно: черт возьми, это всего лишь упорный труд. И вот я здесь.

— Прекрасно. Спасибо, девочки. Третий вопрос. Поступил от Марии Васкес.

— *Есть ли жизнь на Титане?*

— Возможно, нет. Девяносто четыре градуса по шкале Кельвина — все равно что сто семьдесят девять по Цельсию или минус двести девяносто по Фаренгейту. И все же... жизнь штука упрямая. Она существует во льдах Антарктиды и в кипящей воде подводных вулканических впадин. Поэтому мы и уделяем особое внимание изучению этано-метанового моря. Если где и можно найти жизнь, то именно там.

— Судя по химическому составу, условия здесь напоминают бескислородную атмосферу на Земле, где впервые зародилась жизнь, — добавила Консуэло. — Мы считаем, что такой предбиологический химический состав существует здесь уже четыре с половиной миллиарда лет. Для химика-органика, вроде меня — это лучший ящик с игрушками во всей Вселенной. Но серьезную проблему представляет отсутствие тепла. Химические реакции, которые дома происходят быстро, здесь длятся тысячи лет. Трудно понять, как может зародиться жизнь в столь неблагоприятных условиях.

— Это будет очень медленная жизнь, — задумчиво протянула Лиззи. — Что-нибудь растительное. Обширнее любых империй и медленнее черепахи. Пройдут миллионы лет, прежде чем эта жизнь достигнет зрелости. Одна-единственная мысль может потребовать века...

— Спасибо за импровизацию, — поспешно вмешался Алан. Их начальство из НАФТАСА косо смотрело на любые предположения и домыслы. По его мнению, это было почти так же непрофессионально, как героизм.

— Следующий вопрос от Денни из Торонто.

— *Эй, парень, хочу сказать, что жутко завидую тебе. Оказаться в крохотном кораблике вместе с двумя горячими дамочками!*

Алан весело рассмеялся.

— Да, мисс Хонг и мисс О'Брайен на редкость привлекательные женщины. Но, к сожалению, мы так заняты, что на другое не хватает времени. Кроме того, пока я присматриваю за «Климентом», они находятся на поверхности Титана, в самом нижнем слое атмосферы, которая на шестьдесят процентов плотнее земной, и одеты в армированные скафандры. Даже появись у меня посторонние мысли, мы просто не могли бы...

— Эй, Алан, — окликнула Лиззи, — скажи мне кое-что.

— Я весь внимание...

— Что надето на тебе?

— Э... переключаемся на частный канал.

Полет на шаре, решила Лиззи, лучший способ путешествия. Передвигаться вместе с легким ветром, притом совершенно бесшумно. А вид! Просто потрясающий!

Люди много болтали о «мутной оранжевой атмосфере» Титана, но глаза быстро к ней привыкали. Стоило поднять антенну на шлеме, и белые ледяные горы просто ошеломляли своей красотой! Метановые потоки вымыли загадочные руны по склонам. А на границе со слоем толина белое сияло радугой оранжевых, красных и желтых оттенков. И там происходило такое! Вряд ли она сможет досконально понять суть происходящего, даже через сотню посещений Титана.

Долины, на первый взгляд, казались более унылыми, но и в них таилось очарование. Правда, атмосфера была такой плотной, что отраженный свет делал горизонт как бы вогнутым. Но к этому быстро привыкаешь. Черные спирали и загадочные красные следы неизвестных процессов внизу, на поверхности, никогда не надоедали.

Лиззи увидела на горизонте темную полоску узкого моря Титана, если это можно назвать морем. Озеро Эри было крупнее, но земные спин-специалисты считали, что, поскольку Титан намного меньше Земли, здесь это может считаться морем. Лиззи имела собственное мнение, но она знала, в каких случаях следует держать рот на замке.

А вот и Консуэло. Лиззи переключила смотровое устройство на живое изображение. Самое время полюбоваться шоу.

— Поверить не могу, что я наконец здесь! — воскликнула Консуэло, позволяя туго обернутой рыбе соскользнуть с плеча на землю. — Пять километров не кажутся слишком уж большим расстоянием, если спускаешься с орбиты: как раз достаточно, чтобы оставить допуск на ошибку, иначе спускаемый аппарат может упасть в море. Но когда приходится одолевать все это пешком, через вязкий, липкий толин... чертовски утомительно, доложу я тебе.

— Консуэло, можешь сказать, каково там? — спросил Алан.

— Пересекаю берег. Теперь я на краю моря.

Девушка опустилась на колени и окунула руку в море.

— Знаешь, что это такое? Много-много толченого полурастаявшего льда во фруктовом сиропе. Почти наверняка смесь метана с аммиаком. Точнее мы узнаем, когда отправим образец в лабораторию. Однако довольно верный признак — эта штука растворяет толин на моей перчатке.

Консуэло встала.

— Можешь описать берег?

— Белый. Усыпан гранулами. Я могу разбрасывать их сапогом. Наверняка ледяной песок. Мне сначала собрать образцы или выпустить рыбу?

— Сначала рыбу, — потребовала Лиззи почти одновременно с Аланом. — Давай.

— Ладно.

Консуэло тщательно очистила в море обе перчатки, схватилась за язычок молнии на обертке и потянула. Пластик распался на две половины. Консуэло неуклюже высвободила рыбу, подняла за две боковые ручки и зашла вместе с ней в темную слякоть.

— Ну вот, я стою в море. Оно мне по щиколотку. А сейчас по колено. Думаю, здесь достаточно глубоко.

Она опустила рыбу.

— Включаю.

Палтус, созданный в «Мицубиси», вильнул хвостом, как живой, одним гибким движением рванулся вперед, нырнул и исчез.

Лиззи переключилась на камеру рыбы.

Черная жидкость мелькала мимо инфракрасных глаз палтуса. Рыба плыла по прямой, от самого берега, не видя ничего, кроме пылинок парафина, льда и других взвешенных частиц, всплывавших перед ней и уносимых ее яростным натиском. Пролетев сто метров, палтус выдал радарный импульс, отразившийся от поверхности, и ушел на глубину.

Лиззи, плавно покачивавшаяся в своей подвесной системе, зевнула.

Через минуту точнейшая японская кибернетика взяла крошечный образец аммиачной воды, пропустила через остроумно вмонтированную внутреннюю лабораторию и выпустила со стороны хвоста отработанный продукт.

— Мы на двадцати метрах, — объявила Консуэло. — Пора брать второй образец.

Палтус был приспособлен к забору сотен анализов, но располагал объемом только для двадцати образцов, которые мог доставить обратно. Первый был взят с поверхности. Теперь палтус извернулся и глотнул пять граммов жидкости во всей ее потрясающей загрязненности. Для Лиззи это была живая наука. Донельзя наглядная. Не слишком драматичная, но невыразимо волнующая.

И тем не менее она зевнула.

— О'Брайен! — окликнул Алан. — Когда ты в последний раз спала?

— Что? А... двадцать часов назад. Не беспокойся за меня, я в порядке.

— Иди спать. Это приказ.

— Но...

— Сейчас же.

К счастью, скафандр был достаточно удобен для сна. Собственно говоря, он был специально для сна приспособлен.

Сначала она вытащила руки из рукавов. Потом подтянула ноги под подбородок и крепко обхватила себя.

— Спокойной ночи, приятели.

— Buenas noches, querida, — пожелала Консуэло, — приятных тебе снов.

— Спи крепко, космическая путешественница.

Едва она закрыла глаза, тьма стала такой абсолютной, что, казалось, перебирает по телу мохнатыми лапками. Чернота, чернота, чернота. Во мраке вспыхивали фантомные огоньки, образуя линии, ускользая, когда она пыталась их разглядеть. Такие же верткие, как рыба, светящиеся, слабее слабого, и стоило только присмотреться, как они исчезали.

Мириады мыслей-мыслишек серебряными чешуйками пронизывали мозг и таяли.

Что-то звонило — тихо, глубоко. Колокол затонувшей часовой башни терпеливо отбивал полночь.

Лиззи начинала приходить в себя.

Там, внизу, то место, где должна быть почва. И растут невидимые цветы. А наверху должно быть небо, если таковое действительно есть. Там тоже плавают цветы.

В глубине подводного города ее охватило невероятно огромное и безмятежное осознание себя самой. Вихрь незнакомых ощущений пронесся сквозь разум, а потом...

— Ты — это я? — спросил нежный голос.

— Нет, — осторожно ответила она, — не думаю.

Крайнее удивление.

— Ты — это не я?

— Совершенно верно.

— Почему?

Подходящего ответа у нее не нашлось, поэтому она вернулась к началу беседы и воскресила в памяти каждое слово, пытаясь пустить разговор по другому руслу. Только затем, чтобы снова наткнуться на это «почему».

— Не знаю, почему, — выговорила наконец Лиззи.

— Почему?

— Не знаю.

Она снова и снова шла по кругу, путаясь в этом сне, как в сетке...

Когда она проснулась, опять шел дождь, только на этот раз — морось чистого метана, брызгавшая из нижнего облачного слоя, в пятнадцати километрах от поверхности. Согласно теории, эти облака были метановым конденсатом, образовавшимся из влажного воздуха над морем. Дождь падал на горы, очищая их от толина. Именно метан разъедал лед, придавая ему причудливые формы, вымывая пещеры и овраги.

На Титане больше видов дождя, чем где бы то ни было в Солнечной системе.

Пока Лиззи спала, море подобралось ближе. Теперь оно загибалось вверх с обоих концов горизонта, словно гигантская улыбка. Пора начинать спуск. Проверив систему креплений, она включила камеру, чтобы посмотреть, что делают остальные.

Рыба-робот спиралью уходила вниз, в мрачное море, в поисках далекого дна. Консуэло снова преодолевала вязкий слой толина, пустившись в обратный путь, туда, где находился спускаемый аппарат «Гарри Стаббс». Алан отвечал на очередной поток вопросов.

— Модель эволюции Титана показывает, что Луна образует вокруг планеты облако, состоящее из аммиака и метана, которые потом конденсируются. То же самое происходит на Сатурне и других спутниках. Состояние нижних слоев...

— Э... Алан...

Алан остановился.

— Черт побери, О'Брайен, теперь мне придется начинать заново!

— Добро пожаловать в мир живых, — перебила Консуэло. — Тебе стоит прочитать показания, полученные с робота-рыбы. Куча длинноцепочных полимеров, фракций с нечетным числом электронов... тонны самых интересных вещей.

— Ребята...

На этот раз Алан уловил что-то неладное в голосе Лиззи.

— Что с тобой, О'Брайен?

— По-моему, система креплений отказала.

Лиззи никогда не думала, что несчастье может быть такой занудной штукой. Первым делом последовало многочасовое совещание с инженерами НАФТАСА. Каково положение веревки № 14? Попытайтесь потянуть за веревку № 8. Не случилось ли чего с кольцами?

Работа шла медленно, потому что требовалось немало времени для приема и передачи сообщений с Земли и обратно. А Алан настаивал на том, чтобы заполнять перерывы голосовой интернет-почтой. С каждой минутой история Лиззи приобретала все более широкую известность, и каждый безработный неудачник на Земле считал своим долгом сунуться с очередным мудрым предложением.

— Я Тезгемот 337. Если у вас есть ружье и вы сможете выстрелить в шар, он сдуется, и вы сумеете спуститься вниз.

— У меня нет ружья, да и выстрел просто разнесет шар в клочья. Я в восьмистах метрах над поверхностью, подо мной море, а мой костюм не приспособлен для плавания. Следующий.

— *Если у вас имеется здоровенный нож...*

— Довольно! Иисусе, Алан, это лучшее из того, что ты смог отыскать? От органиков ничего не слышно?

— Только сейчас поступил их предварительный анализ, — сообщил Алан. — Единственное, что они могут предположить, — и я отбрасываю при этом кучу всякой чепухи, — тот дождь, под который ты попала, состоял не из чистого метана.

— Да что ты говоришь, Шерлок?!

— Они считают также, что тот белый осадок, который ты видишь на кольцах и веревках, — это и есть причина. Правда, они никак не могут прийти к соглашению, что это за штука, но думают, что какое-то вещество вступило в реакцию с тканью твоего шара и наглухо забило панель управления.

— А мне казалось, это совершенно нереактивная среда.

— Так оно и есть. Но шар впитывает тепло, идущее от выпускных клапанов твоего скафандра. Воздух в нем на несколько градусов выше точки таяния льда. Здесь, на Титане, это эквивалентно плавильной печи. Достаточно энергии, чтобы вызвать ряд самых необычных реакций. Кстати, ты не перестала дергать за веревку воздушного клапана?

— И сейчас дергаю. Когда начинает болеть одна рука, действую другой.

— Молодец. Я знаю, как ты устала.

— Погоди пока с голосовой почтой, — предложила Консуэло, — и посмотри на результаты, которые мы получили с рыбы.

Лиззи последовала ее совету и, согласно их ожиданиям, на некоторое время отвлеклась. В воде было куда больше этана и пропана, чем предсказывали модели, зато на удивление мало метана. Смесь фракций тоже оказалась ни на что не похожа. Ее познания в области химии как раз позволяли оценить важность собранных данных, но для научных обобщений их не хватало.

По-прежнему дергая за веревки в той последовательности, которую предложили инженеры из Торонто, Лиззи просматривала схему углеводородов, растворенных в озере.

Этин... Пропин... Бутадиен... Нитрилметан... И цифры, цифры...

Немного погодя упорный и абсолютно бессмысленный труд вместе с осознанием того факта, что ее несет все дальше и дальше над унылым морем, начали действовать на нервы. Столбцы цифр сперва потеряли смысл, а потом и вовсе расплылись.

Нитрилпропан... Нитрилпропен... Нитрилпропилен...

Она и не заметила, как снова заснула.

...И очутилась в неосвещенном здании, где пришлось подниматься по нескончаемой лестнице, пролет за пролетом. Правда, вместе с ней шли и другие люди. Пока она бежала по ступенькам, они сталкивались с Лиззи, взлетали вверх или молча проходили мимо.

Ее пробирал озноб.

Она смутно помнила, как внизу находилась в каминном зале, где царила удушливая жара. Здесь куда холоднее. Она почти замерзла.

Лиззи обнаружила, что замедлила шаг. Определенно, здесь страшный холод. До чего же неприятно.

Мышцы ног саднило. Воздух, казалось, тоже сгущался. Теперь женщина едва могла двигаться.

Она поняла, что слишком удалилась от камина. Чем выше она поднимается, тем меньше тепла остается, и энергия, переходящая в движение, постепенно иссякает. Что же, вполне естественно.

Шаг. Пауза.

Шаг. Пауза подлиннее.

Остановка.

Люди вокруг нее тоже постепенно останавливаются. Ее вдруг коснулся ветер, холоднее самого льда, и Лиззи без всякого удивления поняла: они добрались до верхней площадки и сейчас стоят на крыше здания. Здесь царил такой же мрак, что и внутри. Она посмотрела наверх и ничего не увидела.

— Горизонты. Абсолютно непостижимо, — пробормотал кто-то рядом с ней.

— Ничего подобного. Нужно только привыкнуть, — ответила она.

— Вверх и вниз — это и есть ценности?

— Необязательно.

— Движение. Что за восхитительное понятие.

— Нам нравится.

— Значит, вы и есть я?

— Нет.

— Почему?

Она пыталась найти ответ, когда кто-то ахнул. Высоко в беззвездном однообразном небе просиял свет. По толпе, собравшейся на крыше, пробежал шелест молчаливого страха.

Свет становился все ярче. Она чувствовала исходящий от него жар, не сильный, но вполне определенный, как тепло отдаленного солнца. Но окружающие застыли от ужаса. Более пугающим, чем неожиданный свет, появление которого казалось невозможным, стало возникновение тепла. Такого просто не могло быть. И все же было.

Она, вместе с остальными, ждала и высматривала что-то... сама не зная, что именно. Свет медленно перемещался по небу, узкий, слепящий, уродливый.

И тут свет *пронзительно завопил.*

Лиззи проснулась.

— Вот это да! — хмыкнула она. — Я только что видела совершенно фантастический сон!

— Да ну? — небрежно бросил Алан.

— Точно. В небе появился свет... как ядерная бомба или что-то в этом роде. То есть на ядерную бомбу он не походил, но был таким же страшным. Все уставились на него. Мы не могли пошевелиться. А потом... — Она покачала головой. — Потом... не помню. Просто все это было так странно! Не могу объяснить.

— Ну и не надо! — весело заметила Консуэло. — Зато мы получили потрясающие показания с морского дна. Фракционированные полимеры, углеводороды с длинными цепочками... сказочный материал! Жаль, что ты заснула и ничего не видела!

Но Лиззи уже было не до сна, а реальность ее совсем не радовала.

— Насколько я понимаю, это означает, что ни у кого не возникло гениальных идей относительно моего избавления.

— Гм...

— Если бы они возникли, ты не была бы так чертовски жизнерадостна.

— Похоже, кто-то встал с левой ноги, — вмешался Алан.

— Прости, — откликнулась Консуэло. — Я просто пыталась...

— ...отвлечь меня. Ладно, все в порядке. Какая разница, буду вам подыгрывать.

Лиззи постаралась взять себя в руки.

— Стало быть, твои открытия означают... что? Жизнь?

— Сколько раз вам повторять: еще слишком рано делать выводы. Пока мы имеем только очень, очень интересные результаты.

— Поведай ей великие новости, — посоветовал Алан.

— Крепись, Лиззи, у нас есть всамделишный океан. Не просто крохотное, жалкое озерко, размерами двести на пятьдесят миль, которое мы называли морем, а целый океан! Гидроакустические данные позволяют с уверенностью предположить: то, что мы видим, — это всего лишь котловина-испаритель поверх ледяного поля тридцатикилометровой толщины. Настоящий океан лежит под ним, на глубине двести километров.

— Иисусе, — ахнула Лиззи, с трудом приходя в себя. — То есть здорово! Существует какой-то способ запустить туда рыбу-робота?

— А как, по-твоему, мы получили эти данные? Рыба прямо сейчас направляется туда. В самом центре видимого моря есть нечто, вроде отвесной полой трубы, откуда жидкость и поступает на поверхность. А прямо под дырой... угадай, что? Вулканические впадины!

— Означает ли это...

— Если опять скажешь слово «жизнь», я начну плеваться, — предупредила Консуэло.

Лиззи ухмыльнулась.

— Как насчет приливных замеров? Я думала, что отсутствие орбитальных пертурбаций полностью исключает возможность обнаружения всякого океана.

— Ну... Торонто считает...

Сначала Лиззи сумела следовать ходу рассуждений планетарных геологов из Торонто. Потом отвлеклась. Речь Консуэло превратилась в отдаленное жужжание. И уже уплывая в сон, она с раскаянием сообразила, что не должна постоянно клевать носом в такое время. И чувствовать себя смертельно усталой. Она...

Она снова оказалась в поглощенном водой городе. И хотя по-прежнему ничего не видела, поняла: это город, потому что до нее доносились вопли хулиганов, крушивших витрины магазинов. Потом голоса поднялись октавой выше, превратившись в несвязный вой, но тут же упали до злобного бормотания, словно по улицам пронесся буйный водяной вал. Лиззи попятилась в тень.

Кто-то сказал ей на ухо:

— Почему ты сделала с нами такое?

— Я ничего вам не делала.

— Ты принесла нам знание.

— Какое знание?

— Сказала, что ты — это не мы.

— Но это правда.

— Тебе не следовало говорить нам этого.

— Хотели, чтобы я солгала?

Испуганное смятение.

— Обман. Что за отвратительная мысль!

Шум погромов становился все сильнее. Кто-то рубил дверь топором. Взрывы. Звон стекла. Безумный смех. Визг.

— Зачем ты отправила посла?

— Какого посла?

— Звезду! Звезду! Звезду!

— Какую звезду?

— А есть две звезды?

— Существуют миллиарды звезд.

— Не нужно больше! Пожалуйста! Прекрати! Больше не нужно!

Она проснулась.

— Привет, да, я понимаю, что молодая леди попала в чрезвычайно опасную ситуацию, но не думаю, что ей следовало бы употреблять имя Господа всуе.

— Алан, — не выдержала Лиззи,— мы в самом деле должны это выслушивать?

— Ну... учитывая те миллиарды долларов, которые внесли налогоплательщики, чтобы мы оказались здесь... да. Именно. Я даже знаю нескольких астронавтов из резерва, которые поклялись бы, что возня с чересчур эмоциональной голосовой почтой — достаточно малая цена за привилегию работать на Титане.

— О черт!

— Переключаюсь на частный канал, — спокойно объявил Алан.

Фоновое излучение незаметно изменилось. Слабое сухое потрескивание немедленно ушло, когда она попыталась на нем сосредоточиться.

— О'Брайен, какого дьявола с тобой творится? — напряженным от сдержанного гнева голосом осведомился Алан.

— Слушай, мне очень жаль. Извини. Просто немного взволнована. Я надолго отключалась? Где Консуэло? Я намереваюсь сказать слово «жизнь». И слово «разумная» тоже.

— Прошло несколько часов. Консуэло спит. О'Брайен, мне неприятно говорить это, но, судя по всему, ты немного не в себе.

— На то имеется логическая причина. Да, признаю, звучит немного странновато, и тебе может показаться не совсем логичным, но... послушай, я вижу сны с продолжением. И, думаю, они очень важны. Можно я тебе расскажу?

И она принялась излагать. Во всех подробностях. А когда добралась до конца, последовало долгое молчание. Наконец Алан спросил:

— Слушай, Лиззи, почему оно общается с тобой во снах?

— Думаю, по-другому просто нельзя. Таким же образом оно, наверное, общается и внутри себя. И не двигается: движение для него — чуждая, хотя и восхитительная концепция. Кроме того, оно, вероятно, не подозревает, что его составные части способны к индивидуализации. Мне это кажется чем-то вроде передачи мыслей. Радиосети.

— В твоем костюме есть аптечка. Открой ее. Поищи пузырек, на котором шрифтом Брайля нанесена цифра 27.

— Алан, мне совершенно ни к чему антидепрессанты!

— Я и не говорю, что они тебе нужны. Но хуже не будет.

Ну вот, Алан в своем репертуаре. Вкрадчив, невероятно убедителен, уговаривает ангельским тоном.

— Хорошо.

Она выпростала руку из рукава скафандра, на ощупь поискала аптечку, осторожно вынула таблетку, проверив шифр четыре раза (на каждой таблетке тоже была выдавлена цифра), прежде чем проглотить.

— А теперь, может, послушаешь? Я вполне серьезно...

Лиззи зевнула.

— Я действительно думаю, что...

Она снова зевнула.

— Что...

— Да брось!

«Ну вот, опять в пропасть», — подумала Лиззи, прежде чем провалиться в море мрака. Правда, на этот раз она кое в чем разобралась. Город считался подводным, потому что находился на дне темного океана. Он был живой и согревался вулканическим теплом. Поэтому и учитывал иерархические ценности по верхней и нижней шкалам. Наверху все было холоднее, медленнее, более вяло. Внизу — жарче, быстрее, насыщено мыслями. Город/организм представлял собой коллективную форму жизни, как португальский военный корабль или управляющая Сеть с гигантским разветвлением связей. Все общение в его пределах происходило посредством какой-то формы электромагнетизма. Допустим, ментальное радио. Точно так же организм общался и с ней.

— Думаю, теперь я понимаю вас.

— Не понимай. Беги!

Кто-то нетерпеливо стиснул ее локоть и потащил за собой, все ускоряя темп. Она ничего не видела. Как будто мчалась в полночь по неосвещенному подземному туннелю длиной в сто миль. Под ногами хрустело стекло. Почва была неровной, и Лиззи иногда спотыкалась, но невидимый спутник снова и снова рывком поднимал ее на ноги.

— Почему ты так медленно двигаешься?

— Медленно?

— Очень.

— А почему мы бежим?

— Нас преследуют.

Они внезапно свернули в боковой проход и поковыляли по острым булыжникам. Где-то выли сирены. Что-то рушилось. Толпа наступала.

— Да уж, вы весьма своевременно усвоили смысл движения.

Нетерпеливо:

— Это всего лишь метафора. Надеюсь, ты не думаешь, что это *настоящий* город? Почему ты такая несообразительная? Почему с тобой так трудно общаться? Почему ты такая медлительная?

— Я этого не замечала.

С нескрываемой иронией:

— Поверь, так оно и есть.

— Что мне делать?

— Бежать!

Смех и улюлюканье.

Сначала Лиззи спутала звуки с грохотом уличных буйств. Потом узнала голоса Алана и Консуэло.

— Сколько я пробыла в отключке? — спросила она.

— А ты была в отключке?

— Не больше минуты-двух, — сообщил Алан. — Это неважно. Посмотри видеокадры, только что переданные роботом-рыбой.

Консуэло увеличила изображение. Лиззи тихо ахнула.

Это было поразительно. Прекрасно, как прекрасны великие европейские соборы. Сооружение было длинным, тонким, желобчатым, с контрфорсами. Оно выросло вокруг вулканической впадины и имело придонные отверстия, через которые морская вода сначала поступала, а затем поднималась наверх, вслед за нарастающей жарой. Некоторые каналы вели наружу, а потом, извиваясь, снова входили в основной корпус. Конструкция казалась невозможно высокой, хотя, разумеется, находилась под водой и при этом в условиях низкого тяготения, она состояла из сложно-слоистых скоплений труб, напоминающих конструкцию органа, или глубоководных, любовно переплетенных червей. Она обладала элегантностью дизайна, присущей живому организму.

— Ну и ну. Консуэло, теперь-то ты признаешь...

— Могу говорить только о «сложной добиологической химии». Все остальное может подождать до получения более точных сведений.

Несмотря на сдержанность слов, в голосе Консуэло звенело торжество, яснее ясного говорившее, что теперь она с радостью умрет прямо здесь. Истинно счастливый ксенохимик.

Алан, почти так же взбудораженный, добавил:

— Смотри, что начинается, когда мы усиливаем четкость.

Сооружение превратилось из серого в радугу пастельных тонов: розовый переходил в коралловый, солнечно-желтый — в голубизну зимнего льда.

— Как красиво!

На какое-то мгновение даже собственная смерть показалась почти незначительной.

И с этой мыслью она снова погрузилась в сон. Упала во тьму, в шумный гомон разума.

Это был настоящий ад. Город исчез, сменившись матрицей шума: стук молотов, звяканье, неожиданный грохот. Она шагнула вперед и оказалась в вертикальной стальной трубе. Отшатнулась и, спотыкаясь, вошла в другую. Где-то поблизости заработал двигатель: гигантские рычаги шумно клацали, перемалывая что-то, издававшее скрежет металла. Под ногами дрожал пол. Лиззи решила, что умнее всего будет остаться на месте.

Знакомое присутствие проникло в ее отчаяние.

— Почему ты сделала это со мной?

— Что я сделала?

— Я привык быть всем.

Поблизости словно начал работать отбойный молоток. У Лиззи разболелась голова. Приходилось кричать, чтобы ее услышали.

— Ты по-прежнему что-то.

Спокойно:

— Я ничто.

— Это... это неправда! Ты... здесь! Ты... существуешь! Это... уже что-то.

Мировая скорбь:

— Ложное утешение. Что за бессмысленное понятие!

Она снова обрела сознание.

И услышала обрывок фразы Консуэло:

— ...не понравится.

— Наши медики утверждают, что это будет наилучшим решением для нее.

— О, пожалуйста!

Алан, должно быть, самый сдержанный тип из всех ее знакомых. Консуэло — самая флегматичная. Видимо, случилось что-то невероятное, если между ними возникла перепалка.

— Э... ребята, — окликнула Лиззи. — Я проснулась.

Последовало минутное молчание, совсем как в детстве, когда она врывалась в комнату во время ссоры родителей. Потом Консуэло чересчур весело сказала:

— Эй, хорошо, что ты вернулась!

А Алан добавил:

— НАФТАСА хочет, чтобы ты кое с кем потолковала. Не отключайся. Я подготовил запись первой передачи.

В наушниках возник женский голос:

— *Это доктор Элма Розенблюм. Элизабет, я бы хотела поговорить с вами о том, что вы сейчас испытываете. Понимаю, что расстояние между Землей и Титаном несколько затрудняет нашу беседу, но уверена, что мы вместе это преодолеем.*

— Что это за чушь? — рассердилась Лиззи. — И кто эта женщина?

— НАФТАСА считает, что тебе могло бы помочь...

— Она психотерапевт, верно?

— Транзиторный терапевт. Лечит резкие перепады настроений, — поправил Алан.

— Я ничего не желаю слушать об этой трогательно-деликатно-чувствительной... — Она хотела сказать «бредятине», но вовремя опомнилась, и закончила: — ...материи. Так или иначе, к чему вся эта спешка? Вы, ребята, еще не поставили на мне крест?

— Что ты несешь!

— Ты проспала много часов, — пояснила Консуэло. — В твое отсутствие мы провели небольшое моделирование погоды. Может, хочешь послушать?

Она передала информацию на костюм Лиззи, а та переправила ее на свой дисплей. Примитивная модель показала озеро-испаритель, над которым болталась Лиззи, вместе с температурным графиком жидкости. Оказалось, что та всего на несколько градусов теплее воздуха, но и этого было достаточно, чтобы создать сильный восходящий поток из центра озера. Схема из крохотных голубых стрелок показывала направление локальных микротоков воздуха, сходящихся вместе, чтобы образовать спиральную колонну, поднимающуюся более чем на два километра над поверхностью, прежде чем рассеяться и распространиться в западном направлении.

Небольшая звездочка в восьмистах метрах над озером обозначала Лиззи. Маленькие красные стрелки показывали ее возможный дрейф.

Согласно схеме, она должна вращаться и вращаться по кругу до бесконечности. Оснастка воздушного шара не позволяла подняться настолько высоко, чтобы порыв ветра подхватил Лиззи и отнес к земле. Костюм не был приспособлен для плавания. Даже если она сумеет совершить мягкую посадку на воду, то камнем пойдет ко дну. Правда, не утонет. Но и не доберется до берега.

И все это означало, что она умрет.

Невольные слезы брызнули из глаз Лиззи. Она пыталась их сморгнуть, злясь на себя.

— Боже, не дай мне умереть так!!! Только не из-за моего собственного невежества!

— Никто ничего и не говорил о некомпетентности... — начал Алан успокаивающе.

В этот момент прибыло дополнительное сообщение от доктора Элмы Розенблюм.

— *Элизабет, я специалист по моральной поддержке. Вы столкнулись с эмоционально значительной вехой в своей жизни, и очень важно, чтобы вы это поняли и приняли. Такова моя работа. И чтобы понять всю значительность и необходимость, и... да... даже красоту смерти.*

— Частный канал, пожалуйста.

Лиззи несколько раз глубоко вздохнула, чтобы успокоиться. Потом, уже сдержаннее, добавила:

— Алан, я католичка, ясно? И если должна умереть, мне не нужен специалист по моральной поддержке. Мне необходим чертов священник!

Она вдруг зевнула:

— О Господи! Только не это!

И тут же зевнула еще дважды.

— Священник, ясно? Разбуди меня, когда он будет на связи.

Она снова стояла на дне своего разума, в унылых пространствах, где раньше стоял затонувший город. И хотя ничего не видела, была твердо уверена, что находится в центре гигантской безликой равнины, такой большой, что можно шагать по ней целую вечность и так ни до чего не добраться. А может, это всего лишь временное успокоение.

Бескрайнее напряженное молчание окутывало ее.

— Привет? — робко сказала она. Слово отдалось безмолвным эхом: небытие в небытии.

Наконец мелодичный голос ответил:

— Ты кажешься иной.

— Мне предстоит умереть, — пояснила Лиззи. — Осознание этого изменяет личность.

Земля была покрыта мягким пеплом, словно здесь недавно бушевал всепожирающий пожар. Она не хотела думать о том, что здесь пылало. Запах гари до сих пор наполнял ее ноздри.

— Смерть. Мы осознали это понятие.

— Правда?

— С тех пор как ты дала его нам.

— Я?

— Ты дала нам понятие индивидуальности. Это одно и то же.

И тут до нее дошло.

— Культурный шок! Дело именно в этом, верно? Вы не знали о возможности существования более чем одного сознания. Не знали, что жили на дне океана — во Вселенной с миллиардами галактик. Я принесла вам больше информации, чем вы могли проглотить в один прием, и вы поперхнулись.

Скорбно:

– Поперхнулись. Что за гротескное понятие!

— Проснись, Лиззи!

Она проснулась.

— Похоже, я начинаю куда-то двигаться, — объявила она. И рассмеялась.

— О'Брайен, — осторожно начал Алан, — почему ты смеешься?

— Потому что никуда я не двигаюсь. Только вращаюсь и вращаюсь по окружности. Причем очень медленно. И кислорода у меня осталось...

Она проверила приборы.

— ...на двадцать часов. И никто меня не спасет. Я умру. Но если не считать этого, я делаю огромные успехи.

— О'Брайен, ты...

— Я в порядке, Алан. Немного измучена. Может, чересчур эмоциональна и от этого откровенна. Но, учитывая обстоятельства, думаю, это позволено?

— Лиззи, священник на связи. Отец Лаферье. Архиепископ Монреальский договорился с ним.

— Монреаль? Почему Монреаль? Нет, не объясняй: очередной политический ход НАФТАСА, так?

— Видишь ли, мой шурин тоже католик, вот я и спросил его, к кому лучше обратиться.

Лиззи чуть помедлила.

— Прости, Алан. Не знаю, что на меня нашло.

— На тебя столько всего свалилось... ладно, слушай.

— *Здравствуйте, мисс О'Брайен, я отец Лаферье. Связался со здешним начальством, и оно пообещало, что мы поговорим конфиденциально и никто не будет записывать беседу. Так что если хотите исповедаться, я готов.*

Лиззи проверила спецификации и переключилась на частный канал. Лучше не вдаваться в лишние подробности. Она просто перечислит грехи по категориям.

— Простите, отец мой, ибо я согрешила. Прошло два месяца со дня моей последней исповеди. Мне предстоит умереть, и, может, поэтому я не совсем здраво мыслю, но, кажется, я вступила в контакт с инопланетным разумом. Думаю, будет ужасным грехом притвориться, будто это не так.

Она немного помолчала.

— То есть не знаю, грех это или нет, но уж точно нехорошо.

Она снова помолчала.

— Я виновна в гневе и гордыне, зависти и похоти. Я принесла понимание смерти в неведающий этого мир. Я...

Она почувствовала, что снова засыпает, и поспешно добавила.

— В этих и других прегрешениях я каюсь и от всего сердца прошу прощения у Господа, и отпущения, и...

— И что?

Снова мелодичный голос. Она опять очутилась в странном темном ментальном пространстве, спящая, но в сознании, мыслящая, но готовая принять любой вздор, неважно, каким бы он ни был объемным. Не было ни городов, ни башен, ни пепла, ни равнин. Ничего, кроме отрицания отрицания.

Не дождавшись ответа на вопрос, голос сказал:

— Это имеет какое-то отношение к твоей смерти?

— Да.

— Я тоже умираю.

— Что?

— Половины наших уже нет. Остальные вот-вот последуют за ними. Мы считали себя единым существом. Ты показала, что это не так. Мы считали себя всем. Ты показала нам Вселенную.

— И поэтому вы должны умереть?

— Да.

— Почему?

— А почему нет?

Лиззи обнаружила, что способна мыслить так же быстро и уверенно, как в обычной жизни.

— Позволь мне показать кое-что.

— Зачем?

— А почему нет?

Собрав все свои мыслительные способности, Лиззи вернулась к тому моменту, когда впервые увидела на камере рыбы город/организм. Его возвышенное величие. Хрупкую грацию. И переливы цвета, как рассветные лучи, падающие на сверкающее ледяное поле: гармоничные, сливающиеся, совершенные. Она вызвала в памяти эмоции, испытанные в тот момент, и добавила к ним свои ощущения в минуту рождения младшего брата, шелест холодного ветра в легких, когда она добрела до вершины своей первой горы, чудо Тадж-Махала на закате, вид призматического полумесяца атмосферы на краю Земли, когда смотришь на нее с низкой орбиты...

Все, что у нее было, она вложила в эту картину.

— Вот так вы выглядите, — объяснила она. — Это то, чего мы оба лишимся, если вас не станет.

— О! — выдохнул мелодичный голос.

И она снова оказалась в своем костюме. В нос ударил запах ее пота, обостренный страхом. Она ощущала свое тело и легкую боль в тех местах, где на него давили веревки подвесной системы, тяжесть в ногах, к которым прилила кровь. Все было кристально ясно и абсолютно реально. Все, что случилось раньше, казалось дурным сном.

— *Это Пес Сета. Какое чудесное открытие вы сделали! Разумная жизнь в нашей Солнечной системе! Почему правительство пытается это скрыть?*

— Э...

— *Я Джозеф Деври. Этот инопланетный монстр должен быть немедленно уничтожен!*

— *Привет, это Педро Домингес. Как адвокат должен сказать: я считаю величайшим оскорблением то, что НАФТАСА не сообщает никакой информации!*

— Алан! — завопила Лиззи. — Какого хрена тут творится?

— Сценаристы, — пояснил Алан странным, извиняющимся и одновременно раздраженным тоном. — Они подключились к каналу, услышали твою исповедь, а ты, очевидно, сказала что-то такое...

— Прости, Лиззи, — поддакнула Консуэло. — Нам и вправду очень жаль. Может, тебе послужит некоторым утешением, что архиепископ Монреальский вне себя от злости. Грозится подать в суд.

— В суд? Да на кой мне все это...

Лиззи осеклась.

Рука сама собой поднялась и схватила веревку номер № 10.

«Не делай этого», — подумала она.

Другая рука протянулась вбок и сжала веревку № 9. Лиззи и этого не собиралась делать. Когда же она попыталась отнять руку, та отказалась повиноваться. Потом первая рука (правая) продвинулась вверх на несколько дюймов и мертвой хваткой вцепилась в веревку. Левая тоже скользнула вверх на добрых полфута.

Дюйм за дюймом, рука над рукой, она поднималась к шару в полной уверенности, что окончательно спятила.

Теперь правая рука стискивала панель управления, а другая легко держала веревку № 8. Без всякого усилия повиснув на них, она вскинула ноги. Потом прижала колени к груди и выбросила ноги вперед.

Нет!!!

Ткань лопнула, и она начала падать.

Едва различимый голос шепнул на ухо:

— Не беспокойся, мы спустим тебя вниз.

Охваченная паникой, она схватилась за веревки № 9 и № 4. Но они вяло обвисли в ее пальцах, совершенно бесполезные при падении с такой скоростью.

— Потерпи.

— Я не хочу умирать, черт возьми!

— Тогда не умирай.

Она беспомощно летела вниз. Ощущение было страшноватым: бесконечный бросок в белизну, несколько замедленный путаницей веревок и рваным шаром, тащившимся за ней. Она растопырила ноги и руки, превратившись в подобие морской звезды, и сопротивление воздуха еще больше замедлило падение, но все равно море с возмутительной скоростью надвигалось на нее. Ей казалось, что это длится вечность.

Все было кончено за одно мгновение.

Лиззи таким же непроизвольным толчком освободилась от шара и креплений, сдвинула ноги, вытянула ступни и расположилась перпендикулярно поверхности Титана. И в такой позе пробила верхний слой жидкости, послав во все стороны огромные фонтаны. От удара она на миг потеряла сознание. Внутри взорвалась багровая боль. Лиззи подумала, что, вполне возможно, сломала несколько ребер.

— Ты многому научила нас, — сказал мелодичный голос. — И так много дала.

— Помогите мне!

Вокруг сомкнулась темная вода. Свет стал меркнуть.

— Множественность. Движение. Ты показала нам Вселенную, бесконечно бо́льшую, чем ту, которую мы знали.

— Послушайте, спасите меня и считайте, что мы квиты. Идет?

— Благодарность. Какое необходимое понятие!

— Несомненно!

И тут она заметила палтуса, плывущего к ней в кипении серебряных пузырьков. Лиззи протянула руки, и рыба послушно пошла к ней. Ее пальцы сомкнулись вокруг ручек, которыми воспользовалась Консуэло, чтобы запустить прибор в море. Последовал рывок, такой резкий, что Лиззи показалось, будто руки выломало из суставов. Но робот тут же ринулся вперед и вверх, и ей только и оставалось, что держаться за ручки.

— О Господи! — неожиданно для себя крикнула она.

— Мы надеемся, что сумеем довести тебя до берега. Но это будет нелегко.

Лиззи судорожно цеплялась за ручки. Потом ухитрилась подтянуться так, что почти оседлала механическую рыбу, и уверенность в себе вернулась. Она доплывет! В конце концов, это не труднее, чем в тот раз, когда она с температурой участвовала в соревнованиях по гимнастике и выступила на брусьях и коне. Все дело лишь в решимости и упорстве. Ей просто нужно сохранять самообладание.

— Послушайте, — начала она, — если вы действительно благодарны...

— Да.

— Мы дали вам все эти новые понятия. Но должно же быть то, что вы знаете, а мы — нет.

Короткое молчание, вмещающее в себя бездну мыслей.

— Некоторые наши понятия могут вызвать путаницу и непонимание.

Пауза.

— Но если говорить о перспективах, все будет в порядке. Шрамы исцелятся. Вы переустроитесь. Шансы на самоуничтожение пока что находятся вполне в приемлемых пределах.

— Самоуничтожение?

Несколько секунд Лиззи не могла дышать. Городу/организму потребовалось несколько часов на то, чтобы разобраться в чуждых понятиях, которые она на них вывалила. Человеческие существа думали и жили куда более медленными темпами. Сколько времени ушло бы у них, чтобы усвоить чужие понятия? Месяцы? Годы? Века? Эти создания говорили о шрамах и переустройстве. Звучало довольно зловеще.

Но тут рыба увеличила скорость, да так неожиданно, что Лиззи едва не выпустила ручки. Вокруг нее вихрились темные воды. Невидимые частицы замерзшей материи отскакивали от шлема. Она безудержно рассмеялась. И вдруг почувствовала себя просто потрясающе!

— Начинайте, — сказала она. — Я возьму все, что у вас есть.

Да, это будет та еще прогулка!

Перевела с английского
Татьяна ПЕРЦЕВА

НИНА НЕНОВА

БЫЛ И ДРУГОЙ

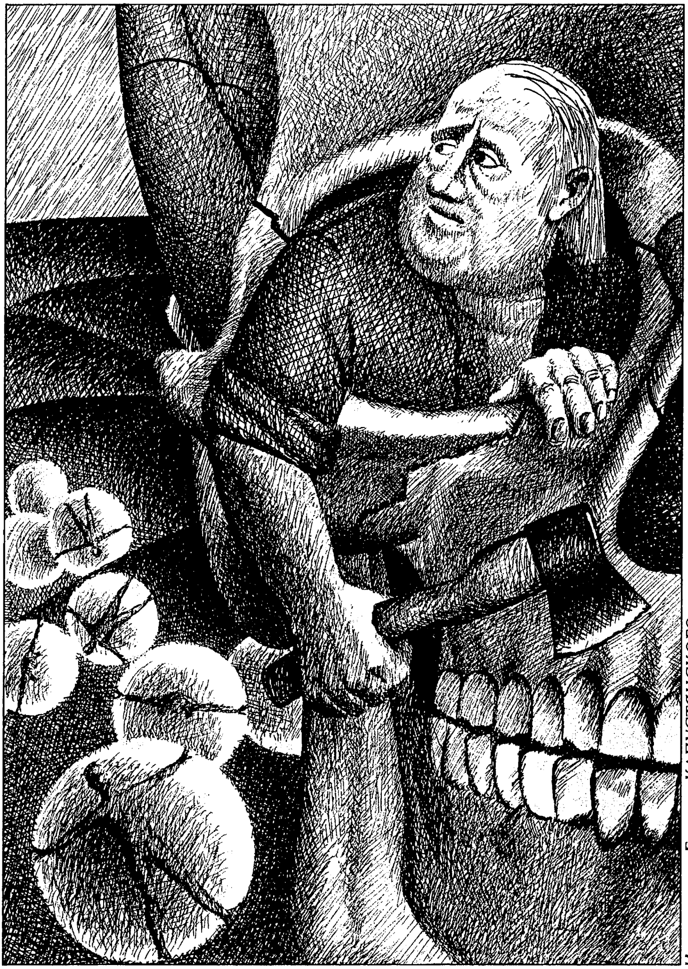


Иллюстрация Евгения КАПУСТЯНСКОГО

1.

Как всегда, он не спешил открывать глаза. Ему нравился этот спокойный переход от сна к действительности, когда чувства еще расслаблены и передают информацию в лениво смягченном виде, словно процеживая их через легкую пушистую марлю. Да и воздух вокруг прохладный, насыщенный незнакомыми, но приятными запахами; тишина невольно ассоциируется с гомогенной смесью приглушенных дальних шумов; сквозь веки проникает свет... Тано, вдохнув, потянулся, рука его нащупала что-то влажноватое и скользкое. И прежде чем уяснить, что это такое, в мозг грубо ворвалась истина: он не проснулся — он пришел в сознание.

Тано сел с широко открытыми глазами и обостренным слухом, в первые секунды не видя и не слыша ничего, кроме собственных воспоминаний: как огромный кусок скалы с грохотом летит сверху, как по скафандру стучат опередившие его камешки, а Тано пытается отскочить в сторону, сталкивается со стоящим рядом роботом. Отлетает в сторону. И его пронзает неописуемая боль...

— О Господи! — стонет Тано, хватаясь за голову.

Тот факт, что она у него не болит, что у него вообще ничего не болит, вначале его удивил, а потом исполнил чувством безграничного облегчения. Он засмеялся, вглядываясь в расколовшийся при падении обломок — буквально в метре от него. Какой шанс! И если это не вторая жизнь... Вероятно, сразу после столкновения с роботом его оглушило каким-то камнем, и уже в бессознательном состоянии Тано откатился сюда. За секунду до того, как свалилась проклятая глыба! Да, но эта боль? Похоже, она была мнимой, вызванной смертельным ужасом, а шлем смягчил удар...

Шлем?!

Он только сейчас сообразил, что скафандра на нем нет. И роботов нет. И что он — единственный человек на все этой планете — сидит в рубашке и брюках, словно собрался на пикник. Он замер, тревожно прислушиваясь к себе, но, сколько ни напрягался, не уловил никаких симптомов отравления здешним воздухом. Потом он осторожненько ощупал тело — ни ран, ни малейшей царапины или ожога. Ну так это хорошо! Просто здорово! Но где, черт возьми, скафандр? Выходит, роботы сняли с Тано скафандр и скрылись вместе с ним, бросив самым наглым образом своего хозяина.

— Потрясающая нелепость... — пробормотал он, скорее озадаченный, чем сердитый.

Остановившись, он чуть не влетел в спрятавшуюся за его спиной флегмаду. Все понятно — это ее он коснулся совсем недавно. С неприязнью дал ей пинка, и она начала удаляться куда-то, провисшая и бесформенная, словно огромный трухлявый мешок. Тано устремил взгляд к пролому: именно в тот самый момент, когда он выходил оттуда вместе с роботами, с ним и произошла — вернее, чуть не произошла — беда. Он осторожно приблизился к оскаленной пасти пролома. Надо немедленно вернуться в звездолет, посаженный с другой стороны горной цепи, но Тано опасался нового камнепада. И все же пошел в том направлении, инстинктивно закрыв голову руками.

И тогда:

— Эй!

Это был человеческий голос!

Ошарашенный абсурдностью происходящего, Тано с трудом нашел силы обернуться. Ему навстречу, пошатываясь, прихрамывая, отплевываясь и суетясь, шел какой-то кошмарно толстый старик. Щеки его, отвисшие чуть ли не до шеи, тряслись при ходьбе. Одет он был в темно-зеленую робу, которая грозила лопнуть на тучном теле. Брюки врезались в ляжки, рубаха, расстегнутая наполовину, открывала грудь — морщинистую, безволосую, перекатывающуюся волнообразно при каждом его шаге и усеянную мелкими капельками пота.

— Ты кто? — прохрипел Тано, едва старик остановился.

Тот выудил из закатанного рукава рубахи клетчатый платок и начал вытирать сначала грудь, потом лицо. Надо сказать, вблизи незнакомец не выглядел таким старым. Правда, кожа у него была морщинистая, а волосы совсем седые и такие жидкие, что сквозь них просвечивал розоватый череп, зато взгляд — хотя глаза и утопали в жировых складках — оставался ясным и живым.

— Зови меня Сам*, — тщательно отерев правую руку, он протянул ее Тано. Тот пожал руку, все еще не веря в реальность происходящего. — Да-да, с полным правом можешь называть меня Сам. Потому что я действительно один, совершенно один на этой яловой планете. Яловой.

— Но как ты сюда попал? Когда прилетел? На чем? — Тано задавал свои вопросы скороговоркой, словно Сам в любую минуту мог исчезнуть, испариться... что, в конце концов, было бы гораздо менее удивительно, чем его присутствие.

Тот, однако, не исчез. Наоборот, захихикал, причем неожиданно тоненько, с плотно сжатыми губами, в уголках которых выступила слюна.

---

* *Сам (болг.) — один, одинокий (Прим перев.)*

— А как тебе хочется, чтобы я прилетел? Верхом на ядре, словно барон Мюнхгаузен? — Его смешок почти сорвался в крик. — Или размахивая оперенными восковыми крыльями, как Икар? Или на ковре-самолете?

— Слушай, Сам! — промолвил Тано. — Я первый человек, ступивший на планету вне Солнечной системы. Понимаешь?

— А я? — Он наклонил голову, и лицо его «перетекло» на одну сторону, будто тесто. — Я в таком случае кто? Второй человек, ступивший на планету вне Солнечной системы, так, что ли?

— Нет, но...

— А может быть, наоборот?

— В смысле?..

— В смысле, ты — второй! — Сам очень сильно хлопнул его по плечу. — Раз я встречаю тебя здесь!

— Ты не понимаешь, — забормотал сбивчиво Тано. — Я не претендую на первенство, просто недоумеваю: ведь я отправился сюда на единственном на Земле звездолете... Или существовал и другой? Засекреченный? И в секретном режиме запущенный?

— Все может быть.

Объяснение, которое Тано сам себе дал, моментально его успокоило. Да это же яснее ясного — сверхсекретные космические проекты и тому подобное. Только вот...

— Только я не видел никакого другого звездолета, Сам!

— Я отправил его на Землю в автоматическом режиме.

— Зачем?!

— Я бы не выдержал обратной дороги. Здоровье подкачало. Но звездолет должен был вернуться, ведь он баснословно дорогой.

Как все естественно и понятно! Тано едва не закричал от радости.

— Я гляжу, и ты без скафандра, — сказал он, успокоившись. — Здешний воздух нам подходит.

— Да-да.

— А моя аппаратура зафиксировала повышенное содержание углекислого газа...

— Да оставь ты в покое эту аппаратуру. От нее уже ничего не зависит, — пренебрежительно махнул рукой Сам, и Тано заметил, что его распухшие пальцы искривлены. Артрит?

— И сколько же времени длился твой полет, Сам?

Последовал новый заряд смешков, резанувший по нервам Тано, словно пилой.

— Что ты все ходишь вокруг да около? — Сам ткнул его пальцем в живот. — Ведь тебе интересно, сколько мне было лет, когда я покинул Землю. Я кажусь тебе слишком старым для астронавта, но тебе неудобно сказать об этом прямо. Только тогда я был... м-д-а-а, был молодым, вот как ты сейчас, да и здоровьем мог похвастаться. Я даже бородку, помнится, носил — густую и каштановую, точь-в-точь как твоя!

Он конвульсивно затрясся, словно испытывал бешеную щекотку, ритмично хлопая себя по ляжкам... Тано только теперь смекнул, чем же удивлял этот странный смех: он был поразительно искусственным, каким-то вымученным.

— А ты сам-то? Зачем и как появился на этой планете? — Без тени любопытства спросил собеседник.

— Я улетел за несколько месяцев до того, как должны были закончить второй звездолет, или... теперь и сам не знаю, который по счету...

— Неважно, который. Скажем, «следующий» звездолет, идет?

— Идет. Меня запустили вместе с шестью роботами, материалами и техникой. В мою задачу входила предварительная разведка и строительство базы. Потому что не более чем через полгода сюда прилетит экспедиция из двадцати трех человек! И тогда мы начнем серьезное исследование планеты... Между прочим, мне — как пионеру — могли бы предоставить право дать ей название. Но теперь выходит, что это право принадлежит тебе, Сам.

— О, с удовольствием передаю его тебе!

— Правда? — Тано даже не пытался скрыть волнение. — Принимаю твой великодушный жест. Пусть ее имя будет Диана!

— А твоя красавица его одобрит? — Сам растянул мокрые губы. — Планета-то не из приятных.

— Да, но ведь планета! — Опьяненный мечтами о будущем, Тано, глуповато улыбаясь, поделился своими мыслями: — Диана тоже прилетит, это из-за меня она попросилась в экспедицию!

— Прилетит, прилетит, — Сам закивал головой. — Все прилетят, помотаются туда-сюда, соберут данные и отчалят. Только уже не все.

Тано посмотрел на него с тревогой — в тоне Сама проскальзывало нечто угрожающее, чуть ли не роковое. Потом до него дошло, на что намекал новый знакомый, и Тано попытался даже утешить его.

— Не унывай, приятель! Ты тоже можешь вернуться вместе с нами. Мы такие условия тебе создадим, что ты и не заметишь, как прилетишь. К тому же среди нас двое врачей высочайшего класса. Починят тебя, станешь как новенький!

— Мой лагерь там, — указал Сам, — вон за тем холмом. Ты доберешься туда... очень скоро.

— Доберусь, само собой! А сейчас пойду выясню, что там с моими роботами. Почему они раздели меня и бросили... А ты не хочешь вместе со мной взглянуть на звездолет?

Плечи Сама приподнялись как-то сами по себе, автономно, словно он не имел никакого отношения к этому движению.

— Нет смысла, Тано, — он произнес эту фразу до странности глубоким голосом. — Да и подготовить кое-что надо к твоей встрече.

— А завтра или послезавтра ты не мог бы мне помочь выбрать подходящее место для базы? Ты ведь, наверное, знаешь каждую пядь земли в этой долине?

— Знаю. Так хорошо знаю, что за это время мог бы съесть ее всю с потрохами.

— Ага... Ну, до свидания.

Не ответив ему, Сам запустил руку за пазуху. Вынул оттуда шапку, сшитую из такой же темно-зеленой материи, что и роба, нахлобучил ее на лоб и пошел вниз по склону. Ноги его по щиколотку утопали в волокнистой массе, он прихрамывал, плевался, бурча что-то неразборчивое себе под нос... Издали он походил на бритый кактус, слепленный из нескольких шариков размягченного пластилина.

— Не стоит надевать скафандр, а? — крикнул ему вслед Тано. — Ты абсолютно уверен, что здешний воздух безвреден?

— Да-да! — ответил тот. — Уверен, что теперь ты вообще больше не наденешь скафандр!

«Одиночество сделало его эксцентричным», — отметил про себя Тано, всматриваясь в уменьшающуюся — шарик на шарике — фигуру. И пошел через пролом. Двигался он очень медленно, осторожно, чуть ли не на цыпочках, с беспокойством думая и о нависающих над головой валунах, и о поведении роботов, и о неизбежном сосуществовании с Самом на протяжении месяцев. А когда вышел с другой стороны горной цепи, все его мысли разом улетучились. Он остановился, опустив руки, и уставился круглыми от изумления глазами на открывшееся перед ним пустое пространство.

Звездолета не было.

2.

До лагеря за холмом Тано добежал бегом, дрожа от ужаса, гнева и панического чувства бессилия.

— Сам! — взревел он. — Ты где?

Прерывисто дыша, сжимая и разжимая кулаки, он озирался, нервно кусая губы.

— Сам!

Он плюхнулся на покосившуюся скамейку, но взгляд его продолжал шарить по окрестностям. Было очевидно, что Сама поблизости нет, и с этим никак не хотелось мириться. Тано горел нетерпением сейчас же, сию же минуту бросить обвинение в лицо этому человеку, задать ему с десяток вопросов, тая где-то внутри абсурдную надежду получить объяснения, которые развернут ситуацию на сто восемьдесят градусов. Например: «Пока ты валялся там без сознания, роботы подняли звездолет и посадили его неподалеку отсюда. Это я им велел...» Или: «Не переживай, пришлось вывести звездолет на стационарную орбиту, потому что сейсмографы указывали на опасность землетрясения». Чепуха, чепуха! «Но почему ты не предупредил меня, Сам?» — «Хотел пошутить». Че-пу-ха!

И все же понемногу Тано успокоился. Его внимание переключалось на открывающуюся картину. А это что за лагерь? Одна-единственная постройка продолговатой, неправильной формы, напоминающая барак и сооруженная из... чего там только не было! Листы алюминия, керамические блоки, куски пластмассы, металла, оргстекла, пустые бидоны и даже нетесаные камни. Но удивительней всего было то, что, несмотря на абсолютную несочетаемость всех этих «стройматериалов», Саму удалось как-то их совместить — если не со вкусом, то, по крайней мере, с чувством максимально возможной устойчивости. И отдельные мелочи говорили, что в бараке жили давно. Очень давно.

Тано поднялся со скамейки и вошел внутрь. Первое помещение оказалось жалким подобием кухни. Посредине возвышался сундук, заменяющий стол, и второй, поменьше, служащий стулом. На полу валялась куча пустых консервных банок, словно брошенных туда только что, а в углу у окна стоял полный бидончик воды. Тано сунул палец — вода была еще холодной, значит, Сам налил ее совсем недавно. Охваченный смутными подозрениями, Тано вышел в коридор и заглянул в следующее помещение. Спальня с раскладушкой без простыней и подушек, лишь тоненькое вытертое одеяльце небрежно брошено поверх кровати. Окно широко распахнуто, но, несмотря на это, в воздухе пахнет потом, затхлостью и пылью. Дальше располагалось подобие шкафа, забитого всяким старьем, протертой до дыр одеждой и рваной обувью. На стене висела еще одна раскладушка, с рамы которой свисало сложенное вчетверо одеяло — шерстяное и почти новое.

Затем взору гостя предстала совсем пустая комната, тоже с открытым окном, и, бегло осмотрев ее, Тано приблизился к последней двери. Попытался ее открыть... Но кто-то подпирал дверь изнутри! Прижимал ее, мешая открыть, терся об нее. Тано в смятении отступил. Образовавшаяся щелка потихоньку сузилась, дверь медленно захлопнулась. И опять послышался противный звук. Заледеневшими руками Тано снова толкнул дверь. Она уперлась в какую-то мягкую податливую массу. Под его усиливающимся нажимом щель начала расширяться сантиметр за сантиметром, и только сейчас он сообразил, что за дверью абсолютная темень. И непонятно почему, но именно эта расширяющаяся полоска мрака превратила его смятение в душераздирающий страх. Нервы у него не выдержали, он бросился бегом по коридору. Услышав, как позади него дверь с протяжным скрипом открылась, он не посмел даже оглянуться. Что-то затопало вслед...

Выскочив на улицу, он поискал глазами какое-нибудь средство самообороны. Схватив камень, он повернулся к... Саму. Его лицо, серое и обрюзгшее, деланно улыбалось.

— Ты? — Тано продолжал сжимать камень. — Это ты был за дверью?

— А ты думал — кто? Твоя Диана, что ли?

— Прекрати. Зачем ты прятался?

— Ну-ну! Прятался, видите ли. Да на этой планете от чего прятаться?

— От меня!

— Разве ты «от чего», Тано? Или «от кого»?..

Тано швырнул камень и схватил Сама за плечи, но тут же отпустил, такой тот был липкий и потный. Обтер машинально ладони о штанины.

— Тела, тела, — не переставал ухмыляться Сам. — Потеют, иногда воняют и непрестанно стареют.

— Где мой звездолет?!

— Улетел.

— Как? Когда?

— Как, спрашиваешь? А вот так! — Сам помахал мясистыми руками вверх-вниз. — Как волшебная серебряная птица. А когда? Сообщу как-нибудь в другой раз.

— Ладно, Сам, хватит! — Тано чуть ли не умолял его. — Ты наверняка знаешь правду. Скажи, почему роботы меня бросили, зачем забрали скафандр, как улетели? Я ничего не понимаю!

— Да чего тут понимать? Что-то в здешних условиях на них повлияло, вот они умом и повредились. Или камешком кого-то из них стукнуло, у него крыша поехала, он и подговорил остальных сыграть с тобой злую шутку. Может, у тебя есть более убедительное объяснение?

— Нет, — вздохнул подавленно Тано. — Все до такой степени нелепо, просто бред... Но почему ты меня не предупредил?

— Я хотел, чтобы ты туда пошел. Мне нужна была еще пара часиков.

— Для чего?

— Проявить гостеприимство. Уж я расстарался, чтобы встретить тебя как следует.

«А может, он сумасшедший?» — Тано напряженно всмотрелся в лицо нового знакомого, взглянул в глаза, которые следили за ним зорко и оценивающе. В них не угадывалось ни малейшего намека на безумие.

— Слушай, Сам, — проговорил он нарочито спокойным тоном, — я на этой планете ровно неделю...

— И что ты все это время делал? — перебил его толстяк.

— Ну... пробы, исследования, — Тано смутил этот крайне неуместный вопрос, — естественно, самое пристальное внимание я уделил этим существам...

— Зря. Они — ничтожества.

— Гм... Малоподходящее определение для первичных организмов.

— Или вторичных, — поучительно поднял палец Сам. — Какая разница! Важно, что флегмады — жалкие ничтожества. Ты убедишься в этом. Скоро.

— Ты тоже называешь их «флегмадами»? — удивился Тано.

— А как их еще называть? По имени? Или по фамилии? Извини, но я не могу каждый раз заглядывать им внутрь, чтобы как-то отличать друг от друга.

— Но ведь это название придумал я!

— От слов «флегматики» и «громады», так? — оживился Сам.

— Да! — с облегчением засмеялся Тано. — Но это просто невероятно, что нам обоим пришла в голову такая чепуха.

— Чепуха для того и существует, чтобы приходить в чьи-нибудь головы.

Они помолчали несколько секунд, глядя друг на друга, механически кивая головами. Потом Тано вернулся к своим вопросам, хотя уже понял: Сам умышленно не хочет давать ему вразумительных ответов. И увиливает при помощи разных туманных, отвлеченных фраз. Только по какой причине?

— Я вот о чем хотел спросить. Никак не пойму, почему за целую неделю, пока я работал там, за скалами, ты ни разу ко мне не пришел? Ведь событие-то исключительное — совершил посадку чужой звездолет...

— Я не видел, как ты садился, — заявил Сам. — Видимо, спал в тот момент, да я никогда, никогда не смотрю на небо. А ты опустился на антигравитаторах, бесшумно и легко, легко, легко!

— Да, но, понимаешь, все же это очень удивительно — ведь звездолет должен был оставить хоть какие-то следы. Как это может быть — всего за несколько часов...

— Может, Тано. В нашей долине — затишье, скалы нас оберегают, однако там, дальше, непрестанный ветер уничтожает все следы. Там бушуют стихии! Я испытал их силу на себе. К тому же, как ты только что сам говорил, ты опустился легко, на антигравитаторах.

— Это не я, а ты говорил, — уточнил Тано. — И теперь изволь объяснить, откуда тебе это известно?

— Я просто предположил... Перестань меня допрашивать! Что такого особенного случилось?

— Как это — что?! — воскликнул Тано, но, подумав, добавил более спокойно: — А ты прав, приятель! Ничего особенного. Роботы в любом случае вернут звездолет на Землю. А через несколько месяцев прибудет экспедиция, и все образуется. К счастью, я еще в первый день сообщил им свои координаты. Искать нас не придется — обнаружат сразу же.

— Да-да! Но до тех пор, хочешь ты того или нет, придется тебе побыть у меня. Ведь так?

— Что ты спрашиваешь? Разве у меня есть выбор?

— Выбора у тебя никакого. Нет его! Ни у тебя, ни у меня! Хорошо, что ты это понимаешь.

Сам зашел за барак и вскоре вернулся оттуда с глубоким жестяным сосудом, который вполне мог сойти за ведро. Поставил его к ногам Тано, и тот с неприятным чувством отскочил назад — внутри лежали два больших окровавленных куска мяса.

— Откуда ты это взял?

— О, не беспокойся, — небрежно бросил тот. — Этого у нас много. Даже слишком много. — Он нагнулся, начал резать мясо и бросать куски возле каменного очага у скамейки.

— Откуда ты это взял, я спрашиваю! — повторил Тано.

— Из консервных запасов, мог бы и сам догадаться.

— А почему оно с кровью?

— Таков способ обработки этих консервов. Ты что, раньше не видел? Мой звездолет был забит ими, я их выгрузил, перед тем как отправить корабль на Землю. А иначе чем бы я питался? Ну-ка, помогай! А то с голоду помрешь.

Вдвоем они накидали в очаг засохшего темно-коричневого мха, Сам утрамбовал его ногой, потом принес из кухни бидончик с водой, две пластмассовые тарелки и полбутыли густой желтоватой жидкости. Капнул несколько капель в кострище, и мох мгновенно вспыхнул.

— Реакция, своевременно открытая, — объявил он, прищурив глаза от разгорающегося огня.

Потом закрепил над костром решетку, сооруженную из толстой переплетенной проволоки, и бросил на нее кусок мяса. Разнесся аппетитный запах, и Тано сразу понял, насколько он голоден. И как ему хочется пить! Он пил долго, прямо из бидончика.

— По крайней мере, вода здесь хорошая, — отметил он, вытирая губы рукавом.

— Хорошая, чистенькая, — закивал Сам. — Плюс к тому ее здесь в изобилии, хватило бы на миллионы утопленников. А может, и на миллиарды?

Он посмотрел на Тано, вопросительно подняв брови, словно ожидая ответа. Но тот только недоуменно пожал плечами.

Вскоре они занесли тарелки с жареным мясом в кухню. Сам притащил откуда-то еще один сундучок, и они сели за «стол», на котором уже лежали вилки и ножи. Мясо было очень вкусное, сочное и ароматное. Тано чувствовал, как к нему возвращаются силы, а вместе с ними и оптимизм. На улице темнело, огонь медленно угасал, появились первые звезды. Спокойная, почти идиллическая картина...

— Можно подумать, что мы на Земле, — с улыбкой произнес он. — Два друга, отправившиеся в путешествие.

— Или двое охотников, раскинувших бивуак после дневной вылазки! — Глаза Сама хищно блестели в сумерках. — Что скажешь, Тано? Пещерные люди! Только шкур не хватает. Развесили бы их повсюду — пусть сохнут, выделали бы хороше-е-енько, чтобы стали мягкими, белыми, как сукно, сшили бы из них одежду, вдевая тонкие жилы в иглы, сделанные из заостренных костей!

Тано, однако, не прислушивался к его болтовне. Он уже думал о совсем других вещах.

— А твои роботы, Сам? Как они себя вели здесь?

— Я прилетел без роботов.

— Но это невозможно!

— Нет, конечно, — подтвердил Сам.

И встал. Отвел Тано в пустую комнату, принес из чулана сначала вторую раскладушку вместе с одеялом, а потом и маленькую пластмассовую тумбочку.

— Здесь ты будешь спать, — пробормотал он, раздвигая кровать привычными, ловкими движениями.

Он начал вынимать из тумбочки разные мелочи и раскладывать их: расческу, зеркальце, механическую бритву, мыло, полотенце, комплект чистого, но не нового постельного белья...

— Ты как будто ждал меня, — прошептал Тано.

— Да, я очень давно тебя ждал, — также шепотом ответил ему Сам.

Он задом вышел в коридор и тихо притворил за собой дверь.

Тано устало присел на кровать. Снял брюки, начал расстегивать рубашку и лишь сейчас обратил внимание, что она была застегнута не на те пуговицы. Снял ее — она пахла каким-то незнакомым стиральным порошком, была странно растянута и имела довольно потрепанный вид, особенно на воротничке и манжетах. А когда натягивал ее утром, перед тем как надеть скафандр, она выглядела почти новой... И еще: когда он успел сообщить Саму свое имя? Или этого не было?

3.

Солнце било ему прямо в глаза. Стоял день. Тано наспех оделся и осторожно выглянул на улицу: сидя на скамейке, Сам шевелил длинной гнутой проволокой в горящем костре. Отсюда были видны розовеющие на решетке куски мяса. Похоже, запасы его были действительно велики, раз консервы ели даже на завтрак.

Бесшумно, как следопыт, Тано покинул комнату. Дошел до той двери, за которой вчера прятался Сам. Открыл ее, но полумрак в коридоре не давал достаточно света, чтобы рассмотреть обстановку внутри. Надо было войти. Он перешагнул порог и чуть не вслепую стал ощупывать стены: какие-то полки, на них ничего, кроме пыли. Добрался до окна, закрытого двумя толстыми кусками брезента. Отодвинул их в сторону. И хлынувший в помещение свет наконец-то позволил ему понять, для чего предназначено помещение, точнее, для чего было предназначено. Он задумчиво дотронулся до единственного пакетика с сухим молоком, потом до нескольких очень пыльных банок с консервами... Это все, что осталось на бывшем продуктовом складе. И все до единой даты со сроками годности были тщательно затерты.

Задернув полотнища, Тано тихонько вышел в коридор. Дошел до кухни, проверил пустые консервные банки и установил, что даты тоже затерты. Наконец вышел на улицу, объятый тягостными неясными сомнениями.

— Проспал, как всегда! — встретил его Сам, словно они жили вместе не со вчерашнего дня, а, по крайней мере, год. Подождал, пока тот сядет рядом с ним на скамейку, и подал ему тарелку с уже готовым мясом. — На свежем воздухе завтрак усваивается лучше, хотя наша пища, так или иначе, полноценна. Белки и все такое!

Тано начал без аппетита есть. А Сам рассматривал его, вроде бы сильно заинтересованный его внешним видом, и смеялся с набитым ртом. Его щеки и двойной подбородок тряслись, блестя жиром.

— Я смотрю, Тано, сегодня утром ты не подровнял свою бородку. Кажется, я забыл оставить тебе ножницы. Принести? Вместе с зеркалом?

— Завтра, — рассеянно пробормотал Тано.

— Ого! У тебя и «завтра» будет?

— Будет, Сам. Если ты меня не зарежешь, пока я сплю.

— Нет-нет! — энергично замахал руками тот. — И в мыслях не держал! Что это ты обо мне навыдумывал, дружище? Я не мясник.

Но, по сути дела, именно на мясника он и был похож. Потный, краснолицый, с закатанными по локоть рукавами, а спереди на одежде несколько коричнево-ржавых пятен, похожих на засохшую кровь.

— Давай напрямую. Я не особо догадлив.

— Что ты собираешься делать сегодня? — бесцеремонно сменил тему Сам.

— Пойду за скалы. Не могу поверить, что следы звездолета пропали так скоро. Наверное, вчера я неверно сориентировался.

— Ну!.. Хотя почему бы и нет... Поищи еще. Поищи, но помедленней, поосновательней. Во время бурь человек часто теряется. Да мы и без бурь растерялись, положа руку на сердце. А оно, твое сердце, здесь, внутри, ведь так? — И Сам ткнул в левую часть его груди своим толстым испачканным указательным пальцем.

Тано резко отшатнулся. Встал и, не сказав ни слова, пошел к пролому.

Мох, который стелился от одного края долины до другого (который никаким мхом, конечно, не был, не был даже растением), все еще находился в состоянии подвижности. Его бесчисленные лентовидные тельца хаотично развевались в разные стороны, оплетая ноги Тано чуть ли не до колен. Мешали идти, затрудняя каждый шаг, но было видно, что скоро они успокоятся: скопившаяся за ночь влага выплескивалась фонтанчиками из их микроскопических отверстий, а цвет быстро менялся со светло-коричневого на яркий, насыщенно-желтый.

Когда Тано поднялся по склону и обернулся назад, мох был полностью обезвожен — его тельца, прочно вцепившееся в землю, истончились до гибких золотистых нитей и развевались на слабом ветерке, словно гривы галопирующих волшебных коней.

— А этот чудной толстяк утверждает, что планета некрасива! — воскликнул Тано в восторге от раскинувшегося перед ним пейзажа.

Тут его взгляд невольно остановился на необычайно большом скоплении флегмад на берегу едва текущей реки. И хотя отсюда они казались просто грязновато-белыми шарами, картина навязчиво напоминала ему об их отвратительном виде. Тано поднял глаза к небу — какое-то линялое, водянисто-серое, усеянное темными и плоскими, словно заплатки, облаками. Он повернул голову к скалам, которые врезались в это небо настолько уродливыми и черными пиками, словно росли прямо из ада. Он представил себе бесконечные порывы ветра, поднимающие песок по ту сторону скал, пыльные бури, тучи мертвого мха и останки гниющих флегмад... Увы, в целом планета действительно была довольно неприятной. Но все же здесь и сейчас, в этом тихом, позолоченном оазисе она излучала своеобразное таинственное очарование. Тано расправил плечи и торжественно поднял руку:

— Будьте благословенны, бескрайние просторы Дианы!

Его рука застыла в воздухе: на холме, за которым раскинулся лагерь, показалось нечто бесформенное и темно-зеленое. Старина Сам. Тано развернулся и пошел дальше — нарочито медленно — к пролому. Дойдя до него, сделал десяток шагов вперед, но потом залег среди камней и ползком вылез обратно. Спрятавшись за тем обломком скалы, который вчера едва не лишил его жизни, он начал наблюдать за Самом. А тот, в свою очередь, смотрел в сторону пролома, причем в бинокль. Вне всякого сомнения, он видел, как Тано вошел туда, и теперь ждал, не вернется ли он. Постоял так несколько минут, потом опустил бинокль и исчез за холмом.

Прошло некоторое время, и силуэт толстяка опять возник на фоне ярко-желтого покрывала из мха. Он шел в направлении сбившихся в кучу флегмад и нес в руке какие-то предметы, только Тано, сколько ни напрягал зрение, не мог их разглядеть. Он на глаз определил расстояние, прикинул, как ему добраться до флегмад первым, да так, чтобы Сам его не заметил. Он пополз по-пластунски — вначале по склону, затем скатился вниз и там встал, отряхнулся и, низко пригнувшись, побежал.

По берегам реки высилось множество дюн, так что Тано легко нашел себе наблюдательный пункт за одной из них. Поднявшись не без некоторого усилия на ее вершину, он бросился в зернистый черный, как антрацит, песок и постепенно унял свое учащенное дыхание. Сам приближался. Он тоже дошел до берега и двинулся вдоль него, но в противоположном направлении, то есть в данный момент шел навстречу Тано. Теперь стало совершенно ясно, что у него в руках. В левой он держал то самое ведро, в котором вчера было мясо, а в правой что-то на длинной ручке и с блестящим на солнечном свете острием... Топор.

Остановился возле расположившихся ближе к берегу флегмад и чуть в стороне от того места, где спрятался Тано. Бросил в ноги ведро и топор, скрестил руки и принял вызывающую, чуть ли не воинственную позу.

— Бесплодные имитаторы! — яростно воскликнул он. — Лишенное духа тряпье! Ненавижу вас! — Он забегал туда-сюда вдоль берега, театрально жестикулируя. — По какому праву вы, низшие из нижайших червей, более безмозглые, чем самые тупые медузы, вы... — Впав в бешенство, он бросился на песок, заметался по нему, катаясь и пронзительно вопя: — Вы... с вашей бутафорией. Соблазнили меня, обманули, ограбили. Ах, жизнь моя-а-а-а...

Тано потрясенно смотрел на старика сверху. «Он безумец, опасный безумец!» Но в то же время его не покидало чувство, что в этот момент на его глазах разыгрывается какой-то заезженный спектакль.

— Души моей ждете. Отнять ее хотите! Бесплодные студни — воровки!

Сам вскочил на ноги с неожиданной для него легкостью и схватился за топор. Размахивая им над головой, он ринулся в скопление почти трехметровых флегмад и затерялся среди них. Лишь по вялому их колыханию то в одном, то в другом месте можно было проследить его путь.

— Воровки, прилипалы! — верещал он, не переставая. — Ну, а если я захочу освободиться от этого своего тела, тогда как? Да, я давно мечтаю, хочу этого, а вы все ждете. Гиены из теста! Смертью угрожаете, так вот вам, вот вам...

Он внезапно замолчал, словно кто-то заткнул ему рот. А внутри стада флегмад начал образовываться пустой, медленно расширяющийся круг — может быть, Сам освобождал себе место. И действительно, после довольно продолжительной тишины из круга послышались удары топора — сначала приглушенные и чавкающие (явно били по какой-то из флегмад), а потом... Потом звуки стали острее, перешли в хруст, в отчетливый резкий треск чего-то твердого. Словно Сам колол дрова... или кости!

Тано медленно спустился по склону дюны, подошел к флегмадам и с гримасой отвращения заскользил между ними. Он прилагал все усилия, чтобы не соприкасаться с тварями, но это было невозможно, поскольку большинство их них тесно жалось друг к другу. Порой ему даже приходилось расталкивать флегмад, чтобы продолжать движение. Он напрягал мышцы, его руки утопали в их студенистой ткани; существа оказались намного тяжелее тех, что жили за горной цепью; они были более гладкие, без характерных морщин и складок на поверхности тел — наверное, потому, что долина отличалась гораздо более благоприятными условиями. Поэтому и тварей здесь больше.

Удары, по звуку которых ориентировался Тано, стихли, и он растерялся. Пытался двинуться то в одну, то в другую сторону — и не мог выбрать направление. Кожа на руках зачесалась, покрылась пузырьками от частого соприкосновения с флегмадами. Их вонючие испарения начали душить его, глаза слезились. Он с трудом сдерживал рвущийся из горла кашель. И вдруг почти случайно добрался до расчищенного круга. Сама, однако, там не было — видимо, он вернулся на берег. Обозлившись, Тано пригляделся ко все еще примятому стокилограммовой массой мху. Он остановился в том месте, где мох был вытоптан сильнее, и с удивлением отметил, что его волокна так же подвижны, как ночью или во время дождя. Они стали значительно толще, их кончики тянулись кверху, и не было сомнения, что они только что напитались немалым количеством жидкости — видимо, от флегмады, которую разрубил толстяк. Впрочем, сама тварь была ближе всех к участку с вытоптанным мхом и выделялась на фоне остальных. Она уже зализала свои «раны», но продолжала пульсировать, и вид у нее был опустошенный, сморщенный, словно Сам ее сдул, как шарик.

Тано нагнулся и осторожно ощупал мох вокруг. Он надеялся найти под ним какую-то твердь — это могло бы объяснить странный хруст. Ведь именно этот звук — своим совершенно необъяснимым происхождением — заставил его прийти сюда. Поиск продолжался довольно долго и закончился безрезультатно. Тано выпрямился и с удивлением заметил, что липкая влага, оставшаяся на пальцах, имеет какой-то странный красноватый цвет. Потом ногой начал расчищать толстый слой мха, пока не показалась довольно большая проплешина черной песчаной земли — в ней тускло блеснул маленький продолговатый предмет. Он поднял его...

Это была шпилька для волос!

Он положил вещицу на ладонь и уставился на нее лишенным мысли взглядом. Смотрел долго. Потом сунул в карман брюк. Встал на колени и лихорадочно начал копать, разгребать землю; под ногти стали забиваться острые черные песчинки. Он чем-то порезал палец — кусок стекла! Вскочил. Оттолкнул сгрудившихся вокруг флегмад, расчистил ото мха площадь гораздо большую, чем прежде. И вскоре наткнулся на ржавые скобы, потом на пластмассовый стакан, на метровый алюминиевый блок, точно такой же, как в трюме его звездолета — такие блоки роботы должны были использовать при строительстве базы. Должны были, если бы не... И еще один стакан, и элемент пеносиликатного фундамента, и сломанные наручные часы, и сгнивший шелковый шарфик, и опять часть фундамента...

Да, Тано так и не сумел понять, что же крушил Сам с таким хрустом. Но зато он нашел остатки некогда существовавшей здесь человеческой базы. Базы, где отдельные элементы постройки, выполнив свое предназначение, были разобраны. Чтобы быть возвращенными в другой звездолет. Который опять улетел на Землю... когда? Сколько лет назад?

4.

Когда Тано вернулся в лагерь, солнце на Диане уже клонилось к закату. Сам лежал на скамье голый по пояс, его обильная плоть растеклась по обеим сторонам скамьи, подобно бледно-серому перекисшему тесту. Отвратительное зрелище! Глаза — закрыты, дыхание — свистящее, но равномерное; похоже, он крепко спал. Ни ведра, ни топора рядом не было. Спрятал или просто убрал? Сейчас Тано это не волновало. Он решительно подошел к Саму, собираясь тут же его разбудить, но, присмотревшись к нему внимательней, остановился в нерешительности. В лице толстяка, расплывшемся, с пористой, неприятно потрескавшейся от жары кожей, было что-то очень трогательное и беспомощное. Страдальческое. Может быть, такое впечатление производили губы, с их плаксиво опущенными уголками, может быть, лоб, широкий и волевой, так не соответствующий его общему гротескному образу. Или печать старости, отметившая его черты не для того, чтобы облагородить и смягчить, но обезобразить раз и навсегда...

Отекшие веки слегка приподнялись, и сквозь образовавшиеся щелочки Тано увидел зоркие сине-серые глаза, в которых не угадывалось и намека на сонливость.

— Ты ведь не ходил по ту сторону скал, а, Тано? — улыбнулся он с издевкой.

— Нет.

Тано следил за движениями Сама и чувствовал, как постепенно его одолевает какое-то странное оцепенение... Вот ужасно толстая рука тянется вниз, добирается до небрежно брошенной под скамейку рубахи, старик садится и медленно, очень медленно начинает ее надевать. Его пальцы неловко хватают самую нижнюю пуговицу, с трудом продевают ее в петлю, потом следующую пуговицу — в следующую петлю. Но они выскальзывают из толстых, искривленных артритом пальцев, и те опять хватают пуговицы... С подспудным беспокойством Тано нащупал пуговицы своей рубашки — тоже маленькие, немного выпуклые. Их тоже неудобно застегивать... если пальцы такие...

— Давай! — отозвался Сам. — Я готов к разговору.

Тано удивленно моргнул.

— Разве не спал? Или спал?

— Хоть сто раз переспроси, я все равно не отвечу. Но не из вредности, а потому что не могу. Не знаю.

— Не знаешь, спал или нет?

— А ты, Тано, уверен, что все это происходит с тобой наяву?

Сам схватил его за ремень сбоку и резко дернул, принуждая сесть рядом на скамейку. Потом зашептал, приблизив блестящие, словно накрашенные, губы к его уху:

— Спрашивай, спрашивай больше. Я хочу рассказывать, объяснять и смотреть, как ты дергаешься. Давай!

— Но почему ты решил...

— Тс-с-с! — многозначительно улыбаясь, Сам коснулся пальца его правой руки — с глубоким порезом и все еще набившимися под ноготь черными песчинками. — Копал, искал. И, наверное, там!

— А ты что там делал? Что рубил топором?

— Нет! Пока нет! — простонал неожиданно Сам. — Этот вопрос — позже... Что ты там видел?!

— Ничего! — Тано был так ошеломлен его реакцией, что даже принялся успокаивать. — Ничего я не видел, только слышал стук топора и...

— Не сейчас! Давай по порядку, прошу тебя! Сейчас можешь спросить о... о... Ну, давай!

Но Тано молчаливо покачал головой — желание спрашивать о чем бы то ни было испарилось без следа. Он испытывал острое, мучительное чувство обреченности, непреодолимой близкой беды. Сидя рядом с ним, Сам реагировал шумно, пыхтел, притопывал ногой, явно подчеркивая, что начинает терять терпение. Он распалялся все сильнее, распространяя запах пота и гнилых зубов. И какого-то незнакомого... или уже знакомого? — стирального порошка. По спине Тано побежали мурашки.

— Что со мной случилось, Сам? — простонал он. — Когда ты нашел меня, я был еще без сознания? Вчера?

— Вчера? Ха-ха-ха! «Словно все это было только вчера», кажется, есть такое выражение?

— А когда? Сколько времени я пролежал там, у пролома? Дни, недели?

— Спокойно, — лукаво оглядел его Сам. — Там ты лежал не больше часа. — И, выдержав короткую, но эффектную паузу, совершенно неожиданно издал ликующий возглас: — Ты нашел старую базу!

Он подождал ответной реплики со стороны Тано, но так как ее не последовало, вновь заговорил, уже более тихим, выразительным, как у артиста, голосом:

— Т-а-а-к. Ты нашел старую базу и теперь спрашиваешь меня с недоумением и подозрительностью: «Зачем ты меня обманул, Сам? Ведь ты был не один, Сам! Здесь высадилась целая экспедиция. Много людей, мужчин и женщин. Избороздили долину, исследовали, изучали. Да-да, изучали, прежде всего, флегмад и мох, естественно. А что тут еще изучать? Ага! Сообразил, еще воздух изучали, Сам...» А я тебя гневно оборву: «Да будьте вы прокляты с вашим изучением! И с людьми, непрерывно умирающими», — добавлю. В помойное ведро меня превратили! — он закрыл лицо руками и безутешно закачался вперед-назад, словно оплакивая самого себя. — Души свои вам надо было изучать, а не воздух...

Тано осторожно похлопал собеседника по спине.

— Почему ты остался на этой планете, Сам?

— Они улетели без меня. Вот так, просто взяли меня и бросили! Ты можешь себе представить? Ах, предатели черствые!

— Нет!.. Этого не может быть! Если только у них нашлась какая-то веская причина?

— Причина? Ты заставил меня отыскать эту причину. Что ж, слушай! — Сам воздел глаза к небу и зарядил, как пономарь: — Я заболел, оказался в постели, раскашлялся, покрылся лиловыми пятнами, температура поднялась до сорока восьми градусов...

— Но это же абсурд!

— Вот именно. Потому-то меня и изолировали. Потому что я выжил с такой температурой. Но и из-за пятен, само собой. Особенно женщины, среди которых была одна по имени Диана, панически избегали меня. Ни одна не удосужилась даже стакан воды принести. И врачи объявили: неизлечимая, неизвестная, смертельная, страшно заразная болезнь.

Тано инстинктивно отшатнулся от него. А Сам воскликнул, с горечью указывая на него пальцем:

— Вот видишь! И ты испугался. И ты бы меня бросил. Я заразный! Ты это подумал!

— Нет-нет... зачем ты так... — преодолевая внутренне сопротивление, Тано даже толкнул его плечом.

— Дурак! — процедил с неописуемой злобой Сам.

— Я не поверил ни единому твоему слову, — устало вымолвил Тано. — Но мне понятно, что ты пережил какое-то большое горе, и я хочу тебе помочь.

— Потому-то я и обозвал тебя дураком! И жалей лучше себя, а не меня. Ведь именно ты... — он насупил брови, словно подсчитывая что-то в уме, — ты ровно в триста три... или нет, в триста четыре раза больше заслуживаешь жалости, чем я. «Но почему?» — удивишься ты. На что я тебе отвечу: узнаешь, когда придет время.

— Ну хватит, хватит! — Тано встал и начал ходить взад-вперед возле скамейки. — Прекрати эти дурацкие угрозы. Не знаю, с какой целью, но с первых минут нашей встречи ты стремишься меня подавить, отнять веру. Но учти, я человек с устойчивой психикой, Сам. И к тому же чувствую себя отлично. Я полон сил! — Звездолетчик остановился напротив него, сжал руку в локте, а другой хвастливо похлопал себя по выступающим из-под рубашки мускулам. — И вообще, хорошо, если бы ты понял: я сделаю все, запомни — все необходимое, чтобы дождаться своей экспедиции!

— И своей Дианы?

— Вот именно!

Сам с подчеркнутым скептицизмом закивал головой. Сверху его покрытый жидкими белыми волосиками затылок выглядел как-то вызывающе уязвимым. Затылок старика. Один-два удара, и... Тано закусил губу, шокированный собственными мыслями.

— Видишь ли, Сам, — заговорил он мягким, примирительным тоном, — я тебя понимаю. Что-то, по-видимому, заставляет тебя хранить тайну...

— Придет время, и я открою тебе эту тайну!

— Что-то заставило тебя остаться здесь. Нести бремя одиночества годами...

— Да, но пока я тебе не скажу, сколько именно лет!

— Это одиночество измучило тебя, ожесточило. Ты травмирован. Но почему ты выплескиваешь свои отрицательные эмоции на меня? Ведь в твоих несчастьях нет моей вины, да и зла я тебе не желаю. Наоборот, предлагаю дружбу.

— Только мне нужна не твоя дружба, а твоя ненависть! — с необъяснимым запалом произнес Сам. — И вместо того, чтобы тебя ублажать, я прямо заявляю: ты больше никогда не обнимешь свою Диану. Никогда, никогда!

Его последние слова прозвучали столь уверенно, что внезапно Тано увидел свое будущее в ином свете. В конце концов, его судьба действительно целиком зависит от этого человека. По всей вероятности, толстяк именно на это намекал.

— Утром я заходил на продуктовый склад, Сам, — медленно сказал Тано. — Там почти пусто.

— Я перенес все в другое место.

— Зачем?

— Чтобы твоя жизнь оставалась в моей власти!

— Опять врешь, — вздохнул Тано. — Если ты вообще переносил что-то, это случилось задолго до моего появления. Полки на складе покрыты слоем пыли.

— Но ведь вчера вечером ты понял, что я давно тебя жду.

Подумав пару секунд, Тано смиренно пожал плечами:

— Возможно. Всему человечеству было известно, что строятся звездолеты. В отличие от вас, мы этого не скрывали. И наш маршрут сюда был известен с самого начала... Но я не упрекаю тебя, Сам. Продукты у тебя, по-видимому, иссякают, в таком случае ты вправе оставить их для себя одного.

— Но ты можешь попробовать их отнять! — Сама сотрясал сардонический смех. — Ты молодой, намного сильнее меня, и тебе ничего не стоит узнать, куда я их спрятал. Даже пытки можно пустить в ход. Страшные, жестокие пытки! К примеру, резать меня тупым ножом, или душить медленно-медленно, или ломать конечности одну за другой, или...

— Хватит! — Тано были противны не столько его слова, сколько нарочитое, едва ли не мазохистское наслаждение, с которым он их произносил. — У меня нет никакого желания отнимать у тебя что бы то ни было!

— Даже если будешь умирать от голода?

— Да! Если не хватит обоим, значит, будешь жить ты. Это справедливо.

— «Справедливо»! Но кто ты такой, черт возьми, чтобы судить о справедливости? И ведь ни разу не сказал: «Я молод, а ты стар; у меня есть моя Диана, а ты одинок. И поэтому...»

— Заткнись! — взревел Тано. — У меня такое ощущение, что ты не человек, а... просто демон какой-то!

— О-о-о, разве я один не человек?!

Сам уже не смеялся, а просто орал, извиваясь в истерических конвульсиях. Прошло больше минуты, прежде чем он успокоился. После чего проговорил охрипшим, притворно севшим голосом:

— Не переживай, Тано. Ведь я же говорил тебе вчера: мяса у нас завались. Хватит на века!

— Почему же ты думаешь, что я не дождусь экспедиции?

— Поймешь... скоро.

И поднявшись с устало поскрипывающей скамейки, Сам направился к бараку. Но не вошел внутрь, а двинулся в обход. Тано последовал за ним, удрученный нелепостью последнего разговора. Какую цель преследовал чертов старик? Почему вел себя таким, мягко говоря, странным образом? Врал, а потом спешил сам себя опровергнуть; пытался создать конфликтную ситуацию, в которой заведомо проиграл бы; сознательно провоцировал... Но, по крайней мере, в одном сомнения не возникало: толстяк не был ни сумасшедшим, ни глупцом. А раз так, значит, все его якобы нелогичное поведение подчинялось какому-то заранее обдуманному плану.

Оказалось, что совсем близко к торцу барака располагался довольно глубокий колодец с намотанной на ворот веревкой. Чуть в стороне от колодца высилось несколько кучек песчаной земли. Сам неловкими движениями опустил самодельное ведро в колодец.

— Почему ты не остался жить на вашей базе, там, на реке? — спросил Тано, рассеянно ковыряя ботинком рыхлую землю. — Было бы гораздо удобней. Во-первых, не нужно строить новый лагерь. Во-вторых, не возникло бы нужды в колодце.

— Эти предатели все забрали с собой, когда улетали, — огрызнулся Сам, продолжая крутить ворот.

— Нет, не все, — возразил Тано. — Это меня и удивляет: снабдили тебя огромными запасами еды, а жилье разобрали и увезли с собой. Почему?

— Кто их знает? Предполагаю, они рассуждали так: «Наш Сам это заслужил — пусть ест, ест, пока не лопнет, жрет до безобразия, пусть живет, как скотина!..» Да и, если честно, не они оставляли мне это мясо; оно принадлежит им лишь в некотором смысле. Никто из них не хотел, чтобы я его употреблял. Просто иного выбора у них не оставалось...

Но Тано уже не слушал толстяка — все его внимание было направлено на кучу, которую он только что разворошил. Под высохшей поверхностью земля оказалась влажной, даже мокрой... Все еще мокрой. Он подошел к другой куче, быстро разворошил ее — совершенно сухая, как внутри, так и снаружи. Тано поднял голову и задумчиво посмотрел на Сама: такой тяжелый, грузный, старый... Нет, ему не под силу самостоятельно вычистить этот колодец. А земля в последней куче была вычерпана не более чем два-три дня назад...

Когда здесь был другой человек!

Может быть, он и сейчас здесь. Притаился где-то поблизости, следит за ними. Или заперт? Или... Тано невольно пригнул свою беззащитную спину и огляделся вокруг. Потом опять остановил взгляд на Саме.

Поставив наполненное водой самодельное ведро на землю, он стоял со скрещенными на груди руками и напряженно наблюдал за звездолетчиком. Его губы застыли в мрачной, непроницаемой улыбке.

5.

Река словно через силу несла свои тяжелые воды, вилась, зажатая между берегов — двух широких траурно-черных лент из песка, и их навевающая скорбь монотонность была лишь прелюдией к тому глубинному, безликому смирению, которое не пускает в себя ни луча света, ни искорки надежды или, по крайней мере, ожидания.

Смирение вечной реки.

Подавленный ее неодушевленным темным присутствием, Тано медленно шел по левому берегу. Он искал брод, чтобы перейти реку, и часто оборачивался назад: метрах в двадцати от него брел Сам. Старик следовал за ним больше часа, не приближаясь, но и не отставая, молчком, сжимая в руке топор и словно постоянно ухмыляясь. Что он задумал?.. Тано инстинктивно коснулся рукоятки ножа, заткнутого за пояс. «У меня таких с дюжину, и они очень хорошо заточены», — всего-то и сказал ему Сам, увидев, как гость берет нож на кухне. И даже не попытался помешать ему или возразить. Но потом совершенно открыто увязался за астронавтом, причем с топором в руке. Ну а тот, другой? В любой момент мог откуда-нибудь выскочить, и тогда они на пару с Самом нападут на него и убьют! Но зачем? У него нет ничего, что можно было бы отнять, и пугать он их не пугал. Или они боятся, что он узнает какую-то их тайну? Станет свидетелем... Чего?

Тано снова обернулся. И опять встретил упрямый, прямой взгляд Сама, лишенный всякого выражения, опять увидел его неизменную полуулыбку...

— Чего ты хочешь от меня? Оставь меня в покое! — в который раз крикнул ему Тано.

И Сам опять не ответил.

Наблюдая за ним через плечо, Тано ускорил шаг. Сам тоже пошел быстрее. Тано побежал. Побежал и Сам. Его чудовищные телеса затряслись так сильно, что казалось, могут рассыпаться кусок за куском. Несмотря на это, он не отставал. Шатался, спотыкался, прихрамывал все сильнее, но расстояние в двадцать метров между ними оставалось неизменным. Тано слышал громкое учащенное дыхание преследователя, ему начинало казаться, что он улавливает биение сердца старика. И вдруг беглеца объяло жуткое чувство, что его преследует, гонится за ним и пыхтит не толстяк, а он сам — Тано. Отраженный в каком-то кривом зеркале будущего, предстоящих десятков лет, которые капля по капле высосут его молодость, разрушат и обезобразят его, где бы он ни находился. Здесь или на Земле...

Пыхтенье за спиной превратилось в хриплые стоны, в отрывистый и отчаянный скулеж — так подвывают охотничьи собаки, когда не могут добраться до добычи. «Что я делаю? — вздрогнул Тано. — Ведь он же просто старик. Получит удар и умрет по моей вине!» И он резко замедлил шаг.

— Будь ты проклят! — прохрипел бессильно Сам. — Будь ты проклят со своим тупым, добродушным постоянством!

И они вновь пошли один за другим — двое мужчин, запертые на чужой планете, отделенные сотнями парсеков космической пустоты от дома. Запертые в самих себе.

Вскоре река начала расширяться влево, так как справа возвышалась длинная череда скал; многочисленные оползни едва не вытеснили воду. Уже стали видны торчащие над поверхностью огромные камни — некоторые скругленные водой и временем, другие отломившиеся, видимо, не так давно — островерхие. Где-то поблизости ожидался брод — камни задерживали наносы песка, и должны были появиться мели. Мели, которые невозможно было разглядеть, даже если бы они пролегали в сантиметре от поверхности воды, потому что сама вода казалась такой же черной, какими были и песок, и камни, и скалы.

Тано остановился и вгляделся в противоположный берег. Да, именно здесь он перейдет реку и наконец-то отделается от Сама, который ни за что не сможет за ним угнаться, особенно если Тано начнет взбираться вон по тому опасному обрыву. Дальнейший план был не особенно ясен Тано и диктовался скорее всплеском эмоций, нежели трезвым рассудком. В общих чертах он сводился к следующему: найти надежное укрытие... может быть, нишу в скалах или пещеру, а потом... Потом все-таки выследить Сама, узнать, где же он спрятал продукты, и тайком перенести часть из них в свое укрытие. Но, конечно, надо разведать, где прячется тот, Другой. Поэтому спать он будет только днем, а по ночам начнет пробираться к лагерю и следить. Если тот все еще жив и если не улетел на его звездолете, то непременно появится там. Или же Сам пойдет к нему. И вот тогда...

«Буду действовать по обстоятельствам, — сказал себе Тано, — но всегда с ножом в руке!»

Он бегло взглянул на старика: тот остановился неподалеку и опять ухмылялся! Только на этот раз еще более вызывающе. Не колеблясь ни секунды, Тано закатал штанины и ступил в воду — ни теплая, ни холодная, да и течение такое медленное, что почти не чувствуется, словно он шел сквозь какой-то странный нематериальный объект. И лишь сопротивление делало воду осязаемой.

До противоположного берега было метров двести, и он прошел четверть, даже не замочив колени. Однако дно плотно усеивали камни, что сильно затрудняло движение. Каждую секунду он мог поскользнуться и сломать ногу. Тано даже начал спрашивать себя, а не стоит ли ему вернуться и переплыть реку выше по течению, где она еще достаточно глубока. Но нельзя было исключить, что под кажущимся спокойствием воды скрываются воронки, подводные течения или черт знает что еще. Да и все его существо возмущалось при одной мысли, что ему придется погрузиться в эти чужие, непроглядно темные воды... Нет, надежней будет брести по камням — хотя они скользкие и коварные, но все же более родные, почти земные.

Дойдя до середины брода, Тано остановился передохнуть и, естественно, оглянулся назад. Как он и ожидал, Сам остался на берегу. «Ну, кажется, я от него отделался!» — вздохнул он с облегчением. Потом его взгляд рассеянно скользнул по руслу реки. Немного ниже оно делилось на два рукава, а между ними образовался узкий островок, усеянный страшными колотыми камнями... Но что это там, сбоку?.. Нет, это не флегмада! Какой-то удлиненной формы предмет, почти белый и резко выделяющийся на общем черном фоне. Время от времени его заливает вода, и тогда он колышется как-то странно, до отвращения знакомо...

Тано сделал несколько неосторожных шагов в том направлении. Споткнулся, попытался помочь себе рукой, но она попала между двух больших камней. Один из них провернулся и защемил конечность чуть выше локтя. Его пронзила острая боль, но Тано почти не обратил на нее внимания. Он попал в капкан! Не мог выпрямиться, а голова едва высовывалась над поверхностью воды, да и то, если он откидывал ее назад. Он уперся свободной рукой в камень, попробовал его сдвинуть, но быстро понял, что ничего не выйдет. К тому же боль в зажатой руке становилась просто невыносимой при малейшем движении.

До его слуха донесся характерный звук плещущейся воды. Тано с трудом повернул голову... Сам тоже вошел в реку! Едва-едва переступая, он размахивал руками, чтобы удержать равновесие. Топор он оставил на берегу — теперь он и без него легко мог осуществить свои намерения. В панике Тано опять попытался выдернуть руку. Ему показалось, что кость затрещала...

— Не шевелись! — крикнул Сам невероятно тоненьким голоском. — Останешься без руки, дурак!

Тано застыл на месте. Неужели старик хочет ему помочь? После всего сказанного и сделанного? А впрочем, что такого особенного он наговорил? И вообще, если бы хозяин лачуги захотел, то убил бы его еще прошлой ночью. А сейчас мог бы просто остаться на берегу, чтобы наблюдать агонию. Вот и облака на небе уже свинцово-серые, похоже, собирается дождь. Река поднимется и... конец!

Сам полз, как улитка. Несколько раз его так заносило, что у Тано захватывало дух. Один раз «спасатель» упал и пропал под водой — может, какая-то подводная яма?.. Но, слава Богу, поднялся. Он казался таким неестественно огромным, безобразным до неправдоподобия. И испуганным. Растолстевший до уродства старик, который пытается превозмочь страх и собственный вес. Сердце Тано вдруг сжалось от сочувствия. «Еще раз упадет, и все — конец! Он так устал, что уже не поднимется...»

Казалось, прошли часы, прежде чем Сам добрался до Тано. Они переглянулись.

— Стой спокойно, — проговорил Сам едва слышно.

С его одежды стекала вода, облепившая тело ткань делала еще более рельефными обвисшие жировые складки. Лицо — смертельно бледное с лихорадочно красными пятнами на щеках — напоминало карнавальную шутовскую маску.

— Стой, тебе говорят...

Он нащупал камень, прикинул, куда его сдвинуть, чтобы не задеть прижатую руку, поднатужился, запыхтел, выпучив глаза — казалось, они вот-вот выскочат из орбит. Сине-серые, с карими точечками на радужке...

— Готово!

Сам помог несчастному встать. Рука Тано не особенно пострадала. Болела, конечно, ну так что же: главное, ни перелома, ни вывиха. Они сели прямо в воду, на те самые камни, которые только что сыграли роль капкана. Переглянулись и прыснули.

— Представляешь, — сказал Тано, — когда я шел сюда, вдруг в голове мелькнуло: «Сейчас споткнусь, и эти проклятые камни прищемят мне руку». Так и вышло! Получается, что человека, с одной стороны, предупреждают об опасности, а с другой — не обращают внимания на его беду!

— А я, когда шел, тоже удивлялся: вроде бы все должно повто́ряться, а на поверку выходит не так. Похоже, разнообразию нет предела!

— А я сначала подумал, что ты увязался за мной, чтобы меня прихлопнуть...

— А я сначала подумал, что пока до тебя доберусь, произойдет непоправимое. Очень я медлителен, чтоб мне лопнуть!

«А я...», «А я...»

По дороге обратно Тано поддерживал товарища. А Сам старался не касаться его поврежденной руки. Несмотря на то, что состояние у обоих было не из лучших, они находили повод для шутки. От недавней враждебности не осталось и следа. «Мы подружились, подружились! — ликовал Тано. — Он просто недоверял мне. Хорошо, что со мной приключилась беда, по крайней мере, он смог показать свое истинное лицо...»

Но едва они очутились на берегу, Сам опроверг этот оптимизм, причем самым диким образом: он ударил приятеля кулаком в живот! И пока Тано, согнувшись, переводил дух от неожиданности и боли, Сам успел добраться до брошенного неподалеку топора. Схватив его, он многозначительно провел ногтем по блестящему лезвию, и выражение его лица вмиг приобрело прежнюю нагловатую насмешливость.

— Сам... что тебе от меня надо?!

— Ну, например, чтобы ты более внимательно прислушивался к моим словам и воспринимал их в буквальном смысле. Потому что в них содержится очень страшная для тебя информация.

— Страшная, — механически повторил Тано. — Страшная...

И ассоциация, которая тут же пронзила его сознание, заставила его броситься вдоль реки. Он остановился напротив островка. Покачивающийся на воде предмет отсюда не был виден. Наверняка он и сейчас болтался там, выброшенный на мель за острыми камнями. Но этот рукав реки был глубокий, а опять искать брод... К черту! Тано прыгнул в воду и поплыл, взмахивая одной, здоровой, рукой.

Он доплыл до островка без какой-либо передышки. За это время Сам доковылял по берегу до места напротив островка и стоял совершенно неподвижно. Тано осторожно пошел между камней. Если бы подметки его ботинок не были такими толстыми, он бы уже десять раз порезался...

Перед ним лежал труп женщины. Изуродованный, одноногий, безрукий.

6.

— Не приближайся! — прорычал Тано.

Он выволок труп на берег и теперь, не отрывая взгляда от Сама, надевал отжатую одежду.

— Убийца!

— Точно, — нагло кивнул ему Сам, остановившийся в пяти-шести шагах от него. — Я убийца, но не в данном случае.

— Врешь!.. Или ее убил тот, Другой?

— Кто — «другой»?

— Тот, кто совсем недавно помог тебе вычистить колодец! И, может быть, украл мой звездолет!

Сам лег на песок — огромная, раздутая жаба! — и удовлетворенно отметил:

— Ты совсем запутался, Тано, да и нервы у тебя порядком расшатались. Похоже, пора объясниться.

Тано не слушал. Женщина была молода, около тридцати лет. Наверное, когда она отправлялась в свое звездное путешествие, то хорошо знала, что рискует собственной жизнью. Но даже в самом страшном сне ей не снилось, что жизнь может быть отнята человеком. С такой садистской жестокостью! Тано с состраданием склонился над изуродованным телом. Река волочила его неделями, била о скалы...

Руки — отрублены по плечи, нога — по пах, а лицо... От него почти ничего не осталось. Удар, несомненно, был нанесен топором, рассек его ото лба до подбородка, а потом камни превратили тело в ужасающую кашу из раздробленных костей и плоти...

— Ладно, ладно, — протянул Сам, — хватит переживать. Я же сказал — *это* никто не убивал.

Тано посмотрел на него с неизмеримой брезгливостью. Встал на колени и начал копать яму в песке.

— Что, хоронить собираешься! — захихикал Сам.

— Ты не боишься... — поднял голову Тано, — тебе не приходит в голову, что я...

— Что ты можешь настрогать меня моим же ножом? Увы, нет. Не боюсь. Знаю, что ты на такое не способен.

Сцепив зубы, Тано продолжал копать. Вскоре пошел дождь, все сильнее и сильнее, но он ничего не чувствовал. Копал и копал, выбрасывая уже мокрый песок... Затем перенес тело и положил в яму. Засыпал медленно, осторожно. У него было такое чувство, что мертвая испытывает боль, когда черные песчинки липнут к разодранной и обескровленной плоти.

— А крест? — спросил с подчеркнутой озабоченностью Сам. — Откуда нам взять крест на могилу?

Тано молчаливо поднялся.

— Ну а теперь, — продолжал Сам, — пошли со мной. Настало время показать тебе, что я делал этим утром! Если захочешь, можем повторить. Вместе! Я — топором, ты — ножом!

И он пошел вверх по реке, уверенный, что Тано последует за ним. Тано безвольно потащился за стариком. Дождь лил и лил, стуча и заглушая звук шагов. Смывая следы, оставленные на чужом берегу.

Прошло немало времени, когда они подошли к скоплению флегмад. Небо очистилось, дождь прекратился, даже одежда начала просыхать. Как и раньше, не обменявшись ни единым словом, они повернули направо и медленно вступили на территорию мхов. Пресыщенные обильной влагой, их тельца ползли, корчились под ногами, переплетаясь одно с другим; они до омерзения походили на жирных коричнево-желтых червей. На миллиарды червей, покрывших густым кишащим слоем почти всю долину. У Тано подвело желудок, его тошнило от одного их вида. А Сам как будто с удовольствием наступал на них, нарочно их топтал, размазывая каблуками ботинок. Он направился к отделившейся от стаи флегмаде и, подойдя поближе, начал ее огибать, положив руку на пояс и в возбуждении облизывая отвисшую нижнюю губу. Тано остановился в нескольких метрах от него.

Флегмада, впрочем, как и все остальные, принимала пищу — на ее поверхности периодически появлялись большие слизистые пятна, она стелилась по мху, тельца которого прядями прилипали к ее туловищу. Она засасывала мох постепенно, все глубже и глубже, пока наконец от него не оставались, шевелясь, одни усики, которыми мох крепился к земле. Потом исчезали и они. И тогда флегмада конвульсивно сжималась, словно готовясь к глотку, а на ее поверхности вновь проступали слизистые пятна...

— Очень упрощенный цикл, — с необычайной серьезностью проговорил Сам. — Флегмады питаются мхом, а когда начинают разлагаться, мох поедает их. Чистая работа, безотходная. Однако вот тебе проблема! Стоит одному-единственному человеку вмешаться в процесс, как чистая работа превращается в «мусоровоз».

— Какое вмешательство ты имеешь в виду? — спросил Тано.

— Прямое. Прямое, невольное и фатальное.

Разозлившись на то, что ничего не понял из ответа, Тано попытался вставить слово, но Сам вряд ли услышал бы его. Взгляд толстяка где-то блуждал, лицо исказила дикая гримаса. Одной рукой он прижимал к груди топор, другой щупал, тискал липкое туловище возле себя. Потом схватил его, сжав пальцы, и мягкая эластичная ткань с чавкающими звуками просочилась между ними.

— Не знаю, не знаю, что нам тут попалось, — забормотал он, брызгая слюной. — Хотя мне это давно безразлично.

Он обернулся и подошел к Тано.

— Они ждали тысячелетиями, — зашептал он доверительно. — С тех пор как существует этот вид, они только жрали и ждали. Да-да, это были пустые, яловые утробы, жаждущие родить. Быть оплодотворенными, все равно чем или кем. Чтобы хоть что-нибудь росло в их вонючих внутренностях, чтобы раздувало их, заполняло. Ненавижу их! Они крадут нас, понимаешь? И хотят еще. Хотят самого важного... Смерти нашей хотят! Потому что без нее они и сейчас яловые, хотя и не пустые.

Тано отпихнул его:

— О чем ты говоришь, черт возьми?!

— А-а-а, — широко раскрыл рот Сам. — Не понимаешь...

Он с подчеркнутой решительностью вернулся к флегмаде. Нагнулся, приложил острие топора к ее нижней части и осторожно, словно пытаясь сделать хирургический разрез, нажал на топор. Появилась маленькая ранка.

— На этот раз будем действовать более деликатно, да, Тано? Чтобы картина казалась поразительно правдоподобной и чтобы ущерб был минимальный!

Он раздвинул ранку, запустил в нее руку как можно глубже. Потом взял топор...

— Мне привычней в таких случаях замахнуться и ударить, — прохрипел он сипло. — Но сейчас лучше вспороть ее ножом. Дай-ка его сюда!.. Ну ладно, давай, говорю!..

Но Тано стоял, словно парализованный, и лишь отрицательно мотал головой.

— Ага! Не смеешь! — все так же наклонившись, Сам, пыхтя, копался во внутренностях флегмады.

А она тряслась, учащенно пульсируя — стремилась закрыться...

— Оставь ее, — неожиданно для самого себя прокричал Тано.

Он в два прыжка очутился возле Сама, схватил его сзади за рубаху. Сам выпрямился, повернулся лицом к нему... И Тано увидел, что глаза старика полны слез. Они стекали по жирным, одутловатым щекам.

— Вот, возьми, — Сам устало, по-стариковски наклонил голову и подал Тано топор. — Возьми его, если думаешь, что я могу тебя зарубить. Но дай мне нож. Ты должен узнать...

Тано не взял топор, и он упал между ними. Сам отбросил его в сторону, протянул руку к его ремню, схватил нож за ручку и осторожно вытащил.

— О Боже! Какой острый, — промямлил он распухшим языком. — Острый и... ясный! Не таит загадок, не порождает вопросов. Создан, чтобы резать, и только. Резать, покуда есть кому им орудовать.

Губы у него распухли и побелели, его знобило, даже зубы постукивали. Их взгляды встретились. Глаза Сама — уже совсем сухие, словно намеревались пробуравить его глаза своим блеском. Сине-серые глаза с коричневатыми крапинками на радужке... с коричневатыми... В состоянии неодолимого оцепенения Тано с жадностью вглядывался в эти странные знакомые глаза. И ему казалось, что, несмотря на их мрачный блеск, несмотря на их сухость и леденящую проницательность, где-то глубоко внутри тлеет что-то очень доброжелательное. Сочувственное...

— Сам... Зачем, Сам...

— Тихо, тихо!

Сам поймал его за руку и повернул лицом к флегмаде. Пальцы его были холодными и скользкими.

— Так, стой так, Тано.

Нож мутно сверкнул, глубоко утонул в плоти все еще трясущейся флегмады, потом пополз вверх, рассекая ее с едва уловимым чавканьем. Из нее брызнула густая желтоватая жидкость, пульсации достигли бешеной скорости. И...

Бледное человеческое тело шлепнулось в месиво.

Тано не пошевелился, не вздрогнул, не издал ни звука. Скованный каким-то кошмарным видением, он смотрел на голую грудь мужчины, который словно прилег вздремнуть у его ног. Там, на коже, Сам нечаянно сделал ножом легкую царапину. И из царапины каплями стекала кровь.

— Ну, Тано? — Сам потряс его за плечо. — Ты понял наконец, что они собой представляют? Жалкие безмозглые организмы, среди рефлексов которых невесть каким образом появился и этот: красть чужие образы и воспроизводить их!

— Он жив, — ошеломленно пробормотал Тано. — Смотри... у него кровь...

— «У него»? — с иронией поднял брови Сам. — Да это всего лишь человеческое тело и ничего, ничегошеньки больше. Флегмады могут копировать ткани, кости, органы, все до мелочей, каждую клеточку в строгом порядке. Но они не могут копировать души!

Внезапно покрывшись потом, Тано присел возле мужчины. Прикоснулся к нему — теплый! И сердце... Оно билось спокойно, ритмично. Грудь поднималась и опускалась... Если бы его глаза не были широко открыты, он походил бы на спящего. И еще: эти стеклянные, с отсутствующим выражением глаза моргали. Свет их раздражал...

— Живой... — повторил Тано.

— Ну да, если считать, что человек ничем не отличается от медузы.

— Замолчи, ради Бога!

— ...Или, если точнее, — невозмутимо продолжал Сам, — как флегмада, которая его воспроизвела. Причем с двумя существенными недостатками, ибо, в отличие от нее, этот организм не способен ни есть, ни двигаться.

Тано присмотрелся к неестественно размытым, лишенным всякого выражения чертам лица.

— И если его так оставить, — не переставал монотонно звучать голос Сама, — он будет лежать здесь — дышать, моргать, а ночью зрачки у него будут расширяться... и это все. Он не испытывает боли, жажды, холода, не реагирует на внешние импульсы. У него нет души, духа, сознания — как угодно это назови. Он просто будет лежать, пока не перестанет биться сердце. А оно перестанет биться очень нескоро: они живут по месяцу и больше.

Эти черты — волевой угловатый подбородок, одна бровь чуть больше изогнута, чем другая, и довольно длинный нос... «Нос у меня длинный, поэтому у меня есть нюх, Тано», — шутил он иногда...

— Алекс!.. Александр Ковальский.

— Узнал! — неожиданно рассмеялся Сам. — Однако стоит сделать одно исключительно важное уточнение: перед тобой всего лишь тело вашего штурмана Александра Ковальского. Причем не в оригинале.

— О Господи! Алекс! — Тано схватил теплые, тяжелые, бесчувственные руки. — Алекс, дружище!

— Ты не сможешь его «разбудить», Тано. Потому что он не спит. По существу, его вообще здесь нет! А этого, — Сам пренебрежительно потыкал тело носком ботинка, — этого тут навалом.

— Что?!

— Да, Тано! В этих грязных, вонючих утробах, спрятаны совершенные копии тел всех двадцати трех участников твоей экспедиции. А поскольку флегмад в одной только долине не меньше тысячи, а дальше — миллионы, представляешь себе, сколько «Александров» на этой планете? Увы, вся она уже безвозвратно заражена! Заражена не земными вирусами, а энергетическими импульсами генетического кода человека!

Сам зашелся в фальшивом взрыве смеха. Он все еще держал нож в руке и сейчас размахивал им с театральной воинственностью. Устремясь к флегмадам, он начал их вспарывать, быстро, хаотично, остервенело. Из них одно за другим сыпались белые безучастные тела — мужские, женские, со страшной, абсурдно неодушевленной наготой. С одинаково пустыми глазами.

Энергия Сама, казалось, была неисчерпаемой. Он резал, крушил, войдя в варварский раж. «Вот так их, так их, твоих друзей! — он заикался от возбуждения. — Вот так их, тех, которых ты ждал! Они давно улетели... А тебе вот что оставили. На память!.. Вот Виктор... и Антон... Вот Лора... Ага: Стивен... И опять Стивен... Но ее не могу отыскать, почему она мне не попадается... куда она подевалась...»

— Остановись! — взревел, словно раненое животное, Тано.

Он бросился к Саму, спотыкаясь о теплые, окровавленные тела. Добравшись до него, не обращая внимания на нож, впился ему в шею. Мягкая, мягкая... Да, теперь он понял, на кого похож Сам! На расплывшуюся, желеподобную флегмаду! На долю секунды в голове мелькнула бредовая мысль, что если вспороть и вскрыть это выродившееся туловище, то изнутри появится другое, нормальное, действительно человеческое...

— Она здесь, Тано, — хрюкал полузадушенный Сам. — Здесь она, твоя Диана! Можешь на нее посмотреть, пощупать ее, погладить... А можешь найти ее в десяти—пятнадцати экземплярах. Пятнадцать почти настоящих Диан!.. Соберешь их в большом, теплом, мигающем, дышащем отсеке — и ляжешь между ними...

— Сам... Я убью тебя, Сам! — Тано отпустил старика и, пошатываясь, отступил назад.

Потом его осенила страшная догадка... Кошмарное, неотвратимое прозрение заставило его схватиться руками за живот — у него вдруг свело желудок.

— Ого! — Сам похлопал его по спине. — Дошло, значит.

Тано поднял голову, его лицо исказили спазмы. Он опустился на колени перед Самом и молитвенно сложил ладони:

— Не вынуждай меня... Прошу тебя, не вынуждай меня убивать тебя, человек! Не говори, что мясо, которое мы ели...

Сам склонился над ним со странной ухмылкой.

— А я говорю, — произнес он отчетливо. — Говорю!

И сделав широкий жест в направлении неподвижных, ни живых, ни мертвых тел людей, которых Тано любил, он завопил:

— Это и есть наши продуктовые запасы! Неисчерпаемые, очень хорошо законсервированные! Длительного срока хранения!

7.

Они сидели рядом на песчаном берегу, и всего несколько шагов отделяло их от темной, вечно текущей вниз реки. Сидели так, может быть, около часа, каждый со своими мыслями, отчаяньем, болью, страхами, сомнениями. И каждый в силу своих человеческих возможностей пытался найти в этом ворохе хоть какое-то, пусть иллюзорное основание своего пребывания на этой планете.

— Не могу понять тебя, Тано, — нарушил наконец молчание Сам. — Почему ты не спрашиваешь, как же так случилось, что экспедиция прибыла сюда раньше тебя? Этот вопрос должен быть для тебя самым важным.

Тано уныло покачал головой:

— Сейчас для меня самое важное то, что мне некого ждать.

— И, несмотря на это, ты будешь жить?

— Да, буду.

— Но зачем? Какой смысл?

— А зачем живешь ты? — пожал плечами Тано. — Разве это не одно и то же?

— Нет-нет! Не одно и то же! — как-то испуганно возразил Сам. — Для меня — нет. Я нашел смысл. Я поставил перед собой очень тяжелую задачу, которую должен решить. Это только моя задача!

— Наверное, и я поставлю перед собой задачу, Сам. Каждый человек должен ценить жизнь и пытаться понять ее, независимо от того, где он находится.

— Ну да... каждый человек, — Сам стрельнул в него острием сине-серого взгляда. — Но когда человек потерял близких...

— Я их не терял, — Тано удалось улыбнуться. — Знаю, они там, на Земле. И могу надеяться, что они счастливы.

— Ага! Надеяться! — оживился Сам. — А вот я тебе скажу, что твои близкие — мать, отец, брат, сестра, друзья — все давно мертвы. И сгнили в своих земных могилах. Потому что ты расстался с ними сорок восемь лет назад!

Щурясь от заходящего солнца, Тано опять улыбнулся — очень спокойно, старательно.

— Я не верю тебе, Сам.

— Неправда, веришь! Но не хочешь признаться даже самому себе. Потому что тебе нужно оправдание.

— Оправдание? В чем?

— В том, что ты готов влачить свое жалкое существование день за днем в этой бурой долине, ютиться ночь за ночью под ветхим одеялом, на провисшей раскладушке, засыпая в ожидании, что утром опять подсядешь к старому очагу, на котором зажаришь очередные куски...

Тано развернулся и наотмашь ударил старика по лицу тыльной стороной ладони. Сам небрежным движением отер кровь, хлынувшую из рассеченной губы, и презрительно закончил:

— Тебе нужна надежда, чтобы оправдать свою скотскую жизнь.

Рука Тано поднялась, чтобы нанести новый, еще более хлесткий удар, но повисла в воздухе. Астронавт уставился на нее — мускулистая рука молодого мужчины, красивая, с длинными пальцами: столько в ней было здоровья и жизни.

— Обойдусь без надежды, — сказал он тихо.

На мгновенье Сам неодобрительно нахмурил поредевшие брови. Потом лег на песок и, закрыв глаза, прочувствованно заговорил:

— Она, твоя Диана, часто приходила на этот берег. Сидела, обхватив руками колени, и долго смотрела на реку. Может быть, на том самом месте, где сейчас сидим мы. Только сорок восемь лет назад. Можешь себе представить?

— Ничего не хочу себе представлять! — воскликнул Тано. — Ничего!.. Объясни мне, что случилось!

— Я знал: ты не выдержишь... — быстро поднялся Сам. — Ну что ж, выслушай, например, такое объяснение. На пути сюда ты попал в зону разреженного времени, или сжатого, или черт его знает какого. Для тебя в этой зоне прошло всего несколько месяцев от старта до приземления, а здесь — почти полвека!.. Да ты и сам знаешь: по остаткам базы видно, что ее строили очень давно. База для людей из твоей экспедиции!

— И не было никакого другого звездолета, да, Сам? Ты прилетел с ними.

— С ними?.. Ну, конечно. Меня включили в состав экспедиции в последний момент, поэтому ты меня не знаешь... может быть. А не найдя тебя на планете, твои товарищи единодушно объявили: «Погиб где-то в бескрайних просторах Космоса»! Осмотрелись, изучили обстановку, им тут совсем не понравилось. Совершенно не понравилось! И всего через месяц они улетели. А я остался.

— Почему?

— Почему, почему!.. Разве тебе это интересно? Да тебе наплевать на судьбу толстого, жалкого старикашки. Или я не прав?

Тано старался не смотреть на него. Поправил без нужды воротничок рубашки, пригладил свалявшиеся, все еще влажные волосы и под конец, не без колебаний, попросил:

— Расскажи мне... о Диане.

— Она тоже решила, что ты погиб, — охотно начал Сам. — Сначала даже плакала, как полагается, но быстро успокоилась. С другим.

— С кем?

— Да со мной, Тано! Тогда я был совсем молодым, стройным, с модной бородкой, словом, очень похож на тебя... видимо, потому мне и повезло. — Сам цинично захихикал: — Красивая дамочка, нет слов!

Тано вскочил, как ужаленный:

— Мерзавец!

— Я не заставлял ее. Она сама бросилась мне на шею. Бешеный темперамент... Ну, да что тебе рассказывать? Ты не хуже меня знаешь.

Задрав голову, Сам откровенно любовался страданиями Тано. Но странно: глубоко в душе Тано осознавал, что его страдание, по существу, не такое уж искреннее, что он больше изображает его, по обязанности, напоказ, причем не только перед своим единственным зрителем, но и перед самим собой. Словно жаждет убедиться в своей не пошатнувшейся способности переживать, иметь личную духовную драму, не связанную с примитивным страхом за собственное существование. А правда состояла в том, что внутри него было тихо, тихо... И пусто. Тано посмотрел на свои драматически сжатые кулаки и с чувством, что совершил предательство, тихонько разжал их.

— Так-так, — неприязненно процедил Сам. — А ты соображаешь! Твоя... или, точнее, наша Диана, уже бабушка, беззубая и сморщенная, если вообще жива, в чем я сильно сомневаюсь. Это все равно что драться за труп. Не стоит, я с тобой согласен. Честно говоря, она еще на Земле начала свыкаться с мыслью о твоей «космической» гибели. Да и кто мог предположить, что сигналы от тебя перестали поступать только из-за попадания в какую-то там идиотскую зону? Но твоя мать... она сошла с ума от скорби! Рассудок не выдержал...

Тано вдруг поднес руку ко лбу и застыл в этой позе, от волнения затаив дыхание.

— Подкосило тебя, а? — подергал его за штанину Сам. — Терпи, звездолетчик.

— Нет! Нет! Слушай, сюда еще прибудут люди! Как я сразу не сообразил!

— Что ты несешь, души у тебя нет! Я тебе толкую про ужасную участь твоей матери, а ты...

— Сообщение! — Тано почти дружески похлопал толстяка по плечу. — Ведь сразу же по прибытии сюда я отправил свои точные координаты. На Земле их уже получили. Там сообразят, что произошло смещение во времени, и прилетят. Скоро! Поскольку теперь, спустя столько лет, наверняка построены более быстрые и совершенные звездолеты!

— Ха! Получили, как же. А ответ?

— Ответ должен был прийти через девять дней... но проклятые роботы угнали звездолет!

— И ты веришь в эту нелепицу? — удивленно спросил Сам. Он тоже встал и, вытерев нож о рукав, церемонно заткнул его Тано за пояс. — Все же еще не поздно предпринять что-нибудь... человеческое.

— Гляжу, тебе очень хочется от меня отделаться, — скривил губы Тано. — Чем я тебе помешал?

— Ты мешаешь мне быть Самом. И именно поэтому я не отделаться от тебя хочу, а сберечь.

— Да иди ты к черту со своими постоянными загадками и враньем!

— Почему бы тебе не заставить меня сказать правду? Есть много способов, — и Сам красноречиво кивнул на нож.

— Правду, правду! — взорвался Тано. — Ты же понял, что мне не нужна правда! Но нарочно меня заводишь — все той же ложью!

— То есть ты на меня злишься, что я вру не слишком убедительно?

— Думай, что хочешь. Только мне об этом не говори... если тебе жизнь дорога!

— Мне дорога моя жизнь? — притворился или искренне изумился Сам. — Да здесь только твоя представляет хоть какую-то ценность... Однако если вовремя ее не оборвать, то и она обесценится.

Он замолчал, озабоченно сморщив широкий лоб. Отряхнул одежду от песка, нагнулся, взял топор и, прихрамывая, побрел к лагерю. Тано двинулся следом.

— Ты знаешь, что непременно пойдешь туда, к пролому, ведь так? — Сам остановился и посмотрел на него властно, глядя прямо в глаза. — Знаешь, что пока ты человек, не сможешь смириться с неизвестностью. Хотя и понимаешь: в ней твое последнее убежище. Так что бессмысленно откладывать. Ступай сейчас!

— А они? — Тано неуверенной рукой показал на тела, белеющие поблизости, среди коричнево-желтого мха.

— «Они» уже не имеют для тебя значения. Нет смысла симулировать милосердие. На этой планете мы одни. Почти в той же степени, что и на Земле, только без всех этих лицемерных общественных правил, с помощью которых якобы возвышается человеческий дух.

— Но как же они останутся вот так... ни живые, ни мертвые! Может быть, им больно.

— Тогда давай остановим их сердца, — раздраженно предложил Сам. — Я топором, ты ножом...

— Нет!

— Вот видишь? Подожди: когда проголодаешься...

— Сам, — оборвал его Тано, — зачем ты выворачиваешь мне душу?

— Иногда это идет на пользу, — с горечью ответил тот. — Помогает от разных там жизнеутверждающих заблуждений... А я все же пойду и добью их — эти тела. Но, к сожалению, «разрешившиеся от бремени» флегмады неизлечимо заражены нашим генетическим кодом. Всего за четыре месяца они опять воспроизведут таких же.

— Стало быть, среди них есть и такие, которые воспроизвели твое тело, Сам! И другие, которые скоро воспроизведут мое!

— И что с того?.. В долине давно не осталось незараженных флегмад. Их «болезнь» передается по наследству. Эти твари не размножаются ни одним известным нам способом. Просто в момент распада они выкидывают не больше, чем по два-три зародыша, которые очень быстро достигают зрелости, и все повторяется.

— Сколько лет они живут?

— Они не живут! — процедил сквозь зубы Сам. — Они прозябают. В течение многих лет. Гораздо дольше, чем живет человек.

— Ты хочешь сказать, что, пока их вид существует на этой планете, они постоянно будут воссоздавать копии тел участников моей... нашей экспедиции?!

— Ничего я не хочу сказать, — вздохнул Сам. — Возможно, зараза сойдет на нет через несколько поколений. А может быть, флегмады будут эволюционировать... даже станут разумными.

— Но это же кошмар!

— Почему? Не исключено, что может получиться очень удачно. Новое общество из одиноких — то есть свободных — существ. С человеческими образами внутри!.. Ну ладно, иди, Тано, — в порыве сочувствия Сам положил руку ему на плечо. — У меня своя задача, а у тебя свой путь.

Тано кивнул старику и, побледнев, двинулся вверх по реке. Он понял, что́ увидит в проломе совсем недалеко от того места, где вчера пришел в сознание. Но все же он должен увидеть «непреложные» факты собственными глазами.

А вот и низкий склон, упирающийся коньком в подножие цепи из черных, свирепо ощетинившихся скал. Вот пролом, уводящий от долины, через который Тано больше не пройдет никогда. А вот и обломок скалы...

Он уперся руками в его изборожденную трещинами твердь. Напряг мышцы. Обломок даже не шелохнулся. Тано очистил ото мха нижнюю часть — решил сделать подкоп, чтобы скатить потом вниз по склону. Вынул нож и начал ковырять каменистую землю, но... Одному человеку было не под силу сделать подкоп под таким обломком! Он обошел его, глядя исподлобья, со страхом и ненавистью, словно камень был его злейшим врагом. Потом опять стал расчищать мох в надежде, что, может быть, обнаружит трещину пошире и тогда, просунув руку, хотя бы сможет нащупать то, что наверняка лежало, раздавленное, внизу. Но, к своему великому удивлению, наткнулся на чьи-то следы! Выходит, и Другой пытался сдвинуть обломок. Но, конечно же, тоже не сумел.

Тано обнаружил еще множество подобных следов — более старых, едва заметных, и новых, более отчетливых. И совсем свежих, оставленных несколько дней назад.

— Не Сама, нет, это не его следы, — шептал он, неизвестно почему обнадеженный. — Еще остается вероятность, что я ошибся!

Он без остановки продолжал раскидывать по сторонам мох, пока не наткнулся на торчащие из-под обломка металлические пальцы робота. Робота. С трудом узнаваемые из-за полувековой коррозии времени. С согнутыми в последней защитной реакции суставами.

8.

Страшно усталый — прежде всего от самого себя, от своих догадок и намерений — Тано дошел до лагеря и со вздохом, выражающим облегчение, которого не испытывал, сел на скамейку рядом с Самом. Ему хотелось сразу же заговорить, он горел желанием услышать собственные объяснения всего случившегося, словно это помогло бы быстрей во все это поверить. Но он решил подождать: пусть Сам первый начнет разговор, настала очередь старика задавать вопросы. И только тогда он, Тано, улыбнется, небрежно махнув рукой, и даст свои окончательные ответы. Но пока настанет этот момент...

Он окинул окрестности рассеянным взглядом. Уже настала ночь, и огонь, неспокойно горящий в каменном очаге, словно населял ближний мрак сбитыми с толку, дрожащими от страха созданиями, которые, задержавшись на миг, тотчас исчезали. А вслед за ними мелькали еще и еще... Бесконечное шествие властной, непреклонной Мимолетности, длительность которой так разновелика, когда событие только предстоит, и так одинаково кратка, когда оно проходит... уже поставлен знак равенства между минутой и веком, между детством и старостью, между мотыльком-однодневкой и человеком... Чувствуя, как им снова овладевает отчаяние, Тано пошевелился и украдкой взглянул на Сама — тот сидел, погруженный в равнодушное молчание. А почему нет? Какое ему дело до каких-то «окончательных» ответов, когда он прекрасно знает истину!

— Ничего особенного я в проломе не нашел, — напрямую выпалил Тано. — Как я и думал, не было никакого смещения во времени. Я прилетел давно...

— Сорок восемь лет назад, — уточнил Сам, лениво позевывая.

А нервы Тано опять зазвенели.

— Мне все равно! — сказал он, распаляясь все больше. — Важно то, что робот, который был при мне, успел оттолкнуть меня, перед тем как свалился обломок... Робот до сих пор лежит там, раздавленный. Но меня тоже задело, видимо, каким-то камнем. Я впал в кому, и поэтому другие роботы принесли меня обратно в звездолет и оставили там в барокамере!

— А потом?

— Потом прилетела экспедиция, и экипаж решил, что меня нельзя выводить из анабиоза. Построили базу, сделали необходимую работу и улетели на Землю на своем звездолете. А перед вами — перед тобой, Сам, и перед тем, Другим — поставили задачу улететь на моем. Но в силу каких-то причин вы были вынуждены остаться на планете...

— Например, из-за неисправности сектора жизнеобеспечения, — подсказал Сам.

— Да! Вот именно! — энергично подтвердил Тано, не обращая внимания на иронию собеседника. — И вы в течение многих лет пытались его отремонтировать, пока не поняли, что даже если это будет сделано, то все равно утратит смысл, потому что вам не выдержать обратной дороги. Вы все-таки вывели меня из анабиоза, перенесли на то же самое место, где я потерял сознание, а роботам приказали вернуть звездолет на Землю. Вот так!

— Ты упустил еще одну неисправность, — похлопал его по плечу Сам. — Связь. Иначе мы послали бы на Землю сигналы SOS.

— Да-да! — поспешил согласиться Тано. — Но теперь, когда звездолет вернулся, все выяснится, и сюда тут же вышлют отряд спасателей!

— Хорошо, просто чудесно! А Другой? Почему он прячется, Тано? И почему мы с ним, вместо того чтобы разыгрывать перед тобой весь этот спектакль, не выложили тебе все напрямую?

— Мне еще не до конца ясны ваши мотивы. Но то, что в них нет ничего хорошего, не сомневаюсь ни на секунду.

— Не буду спорить, — Сам хитро подмигнул. — Однако по поводу всего остального...

— Держи рот на замке! — яростно оборвал зубоскала Тано. — Я больше не позволю тебе играть на моих нервах!

— На твоих нервах? По-моему, большая их часть уже истрепана окончательно, теперь это уже агония. Вот именно! Что стало с твоей любовью к Диане, скорбью о матери, тоской по друзьям? Или с ностальгией по далекой Земле? С твоими амбициями, воодушевлением, творческим полетом, бунтарским духом? Увы, все они были утоплены, как слепые котята, в инстинкте жить телесно, независимо от того, какую цену придется заплатить. Несмотря на то, что дух твой умирает!.. Впрочем, пора ужинать, Тано. Ведь ты поешь со мной, а, Тано?

— Нет!

— Больше недели не выдержишь. Так что лучше преодолеть брезгливость прямо сейчас!

— Я не уверен, что вообще есть смысл ее преодолевать, — с ноткой сожаления сказал Тано. — Может быть, ты и Другой не понимаете, что и для меня существует «после».

— Да. Ты прав! — Сам мелодраматично простер руки в небесную бездну мрака. — О Господи! Ты даже не представляешь, до какой степени прав!

Тано встал со скамейки. Он не хотел видеть этого лица, изуродованного старостью, одутловатого, почти уже нечеловеческого и одновременно такого навязчивого, агрессивно знакомого... Войдя в темный коридор барака, астронавт на ощупь добрался до комнаты, перетащил раскладушку так, чтобы она прижимала дверь и, не снимая одежды, лег, свернувшись калачиком. Отблески огня метались снаружи, бились в окно, словно рой оранжево-красных бабочек. А по комнате порхали горбатые тени. Ощупывали стены и предметы на комоде, ползли по низкому потолку, скользили длинными корявыми пальцами по его лицу, забирались в волосы, заглядывали в его широко распахнутые глаза. И ему неизвестно почему казалось, что эти тени порождены вовсе не языками пламени за окном — это чьи-то последние, тяжело задыхающиеся кошмары, снившиеся кому-то, спящему в этой самой комнате. Совсем недавно... Он с головой укрылся одеялом, дрожа под его волокнистой тканью, и сдавленно стонал от безысходности и страха. А в руке все сжимал и сжимал нож, увлажняя ручку ледяным потом.

Усталость настойчиво захватила его в свои объятия. Растревоженные мысли начали оседать, опускаясь на тихое илистое дно породившего их сознания. И быстро улеглись — дно оказалось не слишком глубоким. Лишь одна из мыслей осталась витать над ним, и ее хаотичная траектория вырисовывала нечто... не то чтобы совершенно реальное, но и не совсем воображаемое. «Это правда, что я убийца, правда, правда», — Сам склонялся над мертвой, страшно изуродованной женщиной... но сейчас она двигалась, ее безрукое тело извивалось в отчаянных попытках встать, ее единственная нога ощупывала черный песок в поисках опоры. А сердце билось, билось внутри рассеченной груди... Билось и алело, пока Сам не наступил на него грубой каучуковой подметкой! И тогда разверзшийся среди камней рот открывался в неистовом беззвучном крике... «Разве только я не человек?!»...

Какой-то скрежет прервал мучительную дремоту, и Тано, вздрогнув, откинул одеяло. Встал, прижавшись спиной к стене, и, не отрываясь от нее, подошел к окну. Огонь погас, но на небе взошли три тусклые, словно ржавые луны, и в их вялом свете бесформенно темнел силуэт Сама — он куда-то направлялся. Пошел к Другому! Тано подбежал к двери, отодвинул кровать и через несколько секунд оказался на улице. Он должен выследить его... А ведь скрежет, похоже, не случайно прозвучал так громко. Может, такова цель старика: обманом выманить гостя из убежища, заманить его в капкан...

Вскоре Сам обогнул холм и скрылся, а когда Тано обошел холм, то просто глазам не поверил! Флегмады, эти вялые, почти аморфные существа покинули старое место и разбрелись по всей долине. Причем без всякой видимой причины, потому что в данный момент они не ели и не наполнялись влагой... Они вообще не были похожи на самих себя! Вытянутые, и совершенно гладкие, и совершенно прозрачные, и излучающие мощное, искристо-белое сияние... Огромные светящиеся шары — такими они были сейчас! А в их стеклянных, прозрачных утробах резко выделялись оцепеневшие в своей неодушевленности человеческие тела. Все в одинаковых позах — ноги слегка раздвинуты, голова пригнута, руки подняты на уровень плеч, а растопыренные пальцы упираются во внутреннюю стенку своего живого жилища.

Забыв о Саме, Тано подошел к ближайшей из них. Она то останавливалась, то медленно перекатывалась по мху, и тогда мужчина внутри нее занимал сначала наклонное положение, потом горизонтальное, затем голова его оказывалась внизу, а ноги вздымались к небу. Однако во время движения флегмады его поза оставалась неизменной, он даже не вздрагивал, словно был вморожен в лед, а не находился внутри мягкой податливой плоти. И взгляд его оставался таким же устремленным вперед.

Тано протянул руку и осторожно коснулся флегмады. Она действительно затвердела, но не как лед — обжигала. Какие бурные процессы происходили в ее тканях, столь загадочно ставших прозрачными? И какие трансформации в них были вызваны неизлечимой болезнью воспроизводства людей, лишенных всего человеческого, кроме внешней оболочки...

Флегмада остановилась, и тот, внутри нее, оказался сбоку. Диего! Сердце Тано сжалось от болезненного волнения. Но не из-за того, что он увидел... Он постоял несколько секунд, колеблясь, а потом — как-то даже против воли — подошел к другой флегмаде, потом к третьей. Ускоряя шаги, приблизился к четвертой, затем пятой, шестой... Он искал в них собственное тело: оно должно было тиражироваться в самых больших количествах, ведь он прилетел на планету первым!

И вот... Да, оно! Остановившись перед флегмадой, он залюбовался столь идеально воссозданным и таким знакомым ему телом. Оно переливалось в белом свете струящегося изнутри сияния, оно обладало широкими и сильными плечами, было высоким, стройным и мужественным. Молодое тело. Такое же, как у него. Сейчас. Или, может быть, моложе? И красивее. Без уродливого шрама, оставшегося на бедре с детства, без едва заметной сутулости плеч со времен студенчества. Без нескольких морщинок на лбу, без первого седого волоса, без... Без всех тех пока незначительных изменений — лишь легкие штрихи, которые жизнь мало-помалу будет накладывать на его облик, меняя до неузнаваемости с присущей ей жестокостью... Да, мужчина там, внутри, выглядел так, как выглядел бы Тано, если бы не прожил свои двадцать пять лет. Если бы просто пребывал в некоей спокойной и кротко прозябающей утробе, и сам бы точно так же прозябал, не зная ни тревог, ни сомнений, ни любви, ни ненависти — всего, что делает человека дряхлым старцем.

И Тано на миг почувствовал зависть к своему двойнику, лишенному бытия. Его душу пронзил странный глухой ропот по поводу будущего, наглая одномерность которого меняет все лишь для того, чтобы привести человека к концу.

Объятый непреодолимым влечением, он сделал шаг вперед... и тоже наклонил голову, и тоже поднял руки, растопырив пальцы. Прислонил их к гладкому светлому шару в том же месте, где — с другой стороны — были чужие пальцы, и жадно вонзился глазами в чужие глаза... Бесконечно равнодушные, бесконечно спокойные, не веселые, не грустные... Просто серо-синие. С золотистыми крапинками на радужке!

Внезапно пронзившая сознание чудовищная мысль заставила его отскочить назад. Сам?! Он поискал его глазами. Нашел! Старик стоял к нему спиной и глядел на флегмаду, что была неподалеку. А потом обогнул ее и, должно быть, заметил, что Тано за ним следит, так как нарочито медленно продолжил свой путь.

Как долго длилось это преследование? Минуты или часы? Тано не смог бы ответить — он полностью утратил чувство времени. Утратил и чувство ориентации, не знал точно, в каком направлении они движутся. Он порой терял Сама из виду, особенно когда они вышли к речному берегу, на черном фоне которого старик был плохо заметен. И самое скверное: Тано будто бы начал терять самого себя. Стал как-то забывать, кто он такой, постоянно идентифицируя себя с маячившей впереди фигурой. Он не совсем понимал, зачем ему нужны эти ночные скитания и что его ждет после того, как они закончатся. И закончатся ли вообще? Даже этот вопрос вызывал у него сомнение. Потому что все более настойчиво им овладевало гнетущее чувство: все происходящее с ним не реальность, а лишь воображаемая проекция каких-то других, очень давних событий, происходящих с людьми, которых уже нет. Или никогда не было — потому что и они были чьими-то проекциями...

Медленно занимающаяся заря прояснила не только его взгляд, но и рассудок. Впрочем, лишь на некоторое время: Сам, похоже, приближался к своей цели. И сейчас была нужна полная мобилизация внимания, бдительность, а не сумасбродное блуждание в дебрях иррационального. Тано спрятался за невысокой дюной и стал наблюдать. Берег здесь сильно отличался от того, где они были раньше. Его усеивало множество камней — небольших, примерно одинаковых по размеру и сложенных длинными прямыми рядами, на равном расстоянии друг от друга. Как на кладбище!

Сам отодвинул в сторону первый из них, расстегнул до пояса рубашку, закатал рукава и горстями начал выгребать оттуда песок.

— Тано! — неожиданно крикнул он. — Неужели ты думаешь, что я тебя до сих пор не заметил?

И Тано, несмотря на то, что почти с самого начала был уверен в обратном, застыл от удивления на месте.

— Да ведь я же ради тебя проделал этот опостылевший мне путь! — продолжал Сам. — Иди сюда!

«Тот, Другой, вряд ли прячется за камнями. А за дюнами?»

Тано с неохотой покинул свой наблюдательный пункт.

— Вот, есть! — Сам помахал ему рукой. Потом вынул носовой платок, опять нагнулся и начал очищать им находку. — Готово! И так здесь под каждым камнем!

По выражению его лица, сереющего в предрассветных сумерках, было видно: он страшно возбужден. Или испуган? Расстроен? Его двойной подбородок сильно дрожал, губы трагически извивались дугой, словно толстяк собирался заплакать. Тано подошел к нему.

— Под каждым, под каждым... — повторял Сам и показывал вниз. — Смотри!

Он заставил товарища наклониться. В первый момент Тано стало не по себе, потому что он понял: старик закапывал в этой части берега фрагменты его тела. Патология какая-то! Увы, сомнений не оставалось: одинокая жизнь среди тупых флегмад превратила этого человека в психически неуравновешенного, маниакального типа. Сейчас, например, он обнаружил в песке лицо захороненного «трупа» и педантично вытирал его платком. Потом выпрямился, вытащил все тело, еще не тронутое тлением, и стал счищать с него песок. Пока там, на груди, точно в том месте, где расположено сердце, не открылась глубокая рваная рана, очевидно, нанесенная ножом.

— Все, все такие! — Сам отчаянным жестом обвел «кладбище», простирающееся далеко вперед.

Но Тано... Тано всматривался в свое лицо. Хотя оно было похоже на то, что он увидел в сияющем шаре флегмады, все же существенно от него отличалось. Потому что имело выражение.

Выражение человека, испытавшего боль и ужас смерти.

9.

— Верно, Тано. На этом кладбище мертвец настоящий. Один человек, убитый сотни раз.

— Убитый тобой!

Сам отвел глаза и уныло пожал плечами:

— Не знаю... Трудно сказать. Может быть, мной, может быть, тобой, может быть, теми двадцатью тремя...

— Но они давно улетели!

— Да. Но оставили страшно много после себя...

— Сам, — перебил его Тано охрипшим голосом, — робот не успел меня спасти, да? Меня тоже раздавило обломком.

— Или, точнее, раздавило случайностью. Такой внезапной, нелепой до безобразия случайностью, что мне порой кажется, уж не была ли она преднамеренной? Здесь, где нет ничего по-настоящему живого, твое появление могло... просто взбесить!

— Взбесить? Но кого, Сам?

— Ну, скажем, творца планеты, что бы он собой ни представлял: время, порядок, древность, рутину... Или все вместе взятое. Творца, которому, однако, не удалось создать ничего путного, кроме этих вегетирующих организмов.

— А кто мы с тобой? Сейчас, в данный момент?

— Люди... Обычные несчастные люди.

— Ха! — Лицо Тано исказила гримаса мучительного отвращения. — Люди, вышедшие из утроб флегмад!

— Но одушевленные человеческой смертью, — мрачно добавил Сам. — Именно она проникала в каждое из этих тел, превращая их в тебя, Тано. В смертного человека, которого можно убить. А сегодня она здесь, — он положил руку ему на грудь. — Твоя смерть, которая хранит в себе эманацию твоей личности сорокавосьмилетней давности. И которая странным образом вновь и вновь проникает в твои тела, освобождая их от инертности флегмады.

— А может быть, она и в тебе тоже, — промолвил почти беззвучно Тано. — Моя смерть...

— Но не та, внезапная и нелепо случайная. Есть и другая, гораздо более продолжительная, незаметная...

Сам нагнулся и начал заботливо, как-то ритуально, засыпать песком выкопанный труп. Рана в сердце почернела, почернели руки, плечи. Почернело лицо с застывшими в страдании чертами... Под конец Сам подровнял песок, утрамбовывая его опухшими, бледными руками, положил сверху камень и сел рядом с ним. Заговорил монотонно, едва шевеля губами:

— Там, где есть люди, каждый миг присутствует и смерть. Умирают надежды, страхи, сомнения, желания, мысли, предчувствия, огорчения, радости... А я — тот, кто копит в себе все это, чтобы жить. Я вобрал тысячи таких мертвых частиц и от тебя, и от тех двадцати трех. Эти частицы и составили мою личность. Вот почему я помню все... — Сам с блуждающей улыбкой прикрыл глаза: — Помню первое твое «перерождение». Тогда роботы обнаружили тебя у пролома и перенесли в звездолет еще до того, как ты пришел в сознание. Но потом, когда ты сообразил, что с момента обвала прошло целых четыре месяца, то объяснил этот факт временной потерей памяти и довольно скоро успокоился. Ведь у тебя была куча дел! Помню, как ты вместе с роботами построил базу, как встречал экспедицию... Да, да, я помню все это, хотя я сам стал одушевленным где-то через неделю после того, как они прилетели. А до этого я был просто одним из твоих тел, Тано, заключенным в одной из флегмад.

— Одним из моих тел... — Тано до боли сжал виски.

— Которое теперь кошмарно старое и уродливое, — с горечью окончил Сам. — Однако в те времена наша внешность была совершенно одинаковой. Представляешь, какой шок пришлось пережить и тебе, и остальным? А какие только исследования над нами не проводились! И все показывали одно — мы одинаковые, до мелочей, в каждой клеточке, в каждом волоске. И оба без шрама на бедре, который очень хорошо помнила Диана. Значит, ни тот, ни другой не является истинным Тано — так решили твои друзья. Потому что ни один из них даже не попытался распознать в нас твою личность, несмотря на то, что она осталась такой же, какой была прежде. Какой-то миниатюрный шрам оказался важнее!

— И они оставили нас тут?

— Увы, даже не оставили. Задумались о «будущей безопасности Земли». Ведь они же установили, что мы не люди... О, как скоро начали умирать их добрые чувства по отношению к тебе, Тано! И как быстро их место заняли страх и ненависть! Потом стало преобладать сострадание, появились угрызения совести и сомнения, которые тоже умирали... Умирали, чтобы воскреснуть во мне! Вместе с твоими мертвыми надеждами... Это было потрясающе! Я чувствовал себя удовлетворенным!.. Но ты, Тано, всего за несколько дней полностью сдал. Не смог вынести отсутствия пресловутого шрама, и это «доказывало» тебе, что ты не человек. И когда Диана дала тебе револьвер...

— Она?.. Диана?

— Да, — сухо подтвердил Сам. — Дала тебе револьвер именно для того, чтобы ты размозжил себе череп. Такой был у нее договор с остальными. Иначе это должен был сделать кто-нибудь из них. Что потом камнем лежало бы на его совести.

— Ты говоришь чудовищные вещи, Сам! Я тебе не верю!

— Конечно, веришь. Потому что на их месте ты бы поступил точно так же. Так проще и спокойнее... Только я, в отличие от тебя, не застрелился. И не дал себя застрелить. Украл немного еды и сбежал. Прятался за скалами, пока твои друзья не улетели. Хотя это произошло очень скоро. Их испугала планета, способная воспроизводить людские драгоценные тела! Но они даже не подозревали о том, что их уже предали целые сонмы их самих — в силу столь жестоко форсированной духовной смерти, которую я инстинктивно научился преобразовывать в свою живую человеческую личность. Хотя они все же проявили по отношению ко мне некоторую милость. Среди останков базы я нашел одежду, консервы и вещи первой необходимости. Вот так я дождался твоего очередного «перерождения», Тано. И следующего. И всех трехсот четырех.

— А я? Почему я не помню ни одного из них?

— Твои воспоминания заканчиваются под тем случайным обломком, — устало проговорил Сам. — С этого момента они принадлежат мне одному. Такова моя миссия на планете: трансформировать в своей личности то, что испытываешь и теряешь ты. Тебе необходимо, чтобы я отнимал твои воспоминания и эмоции, чтобы оставаться вечно молодым. А мне, чтобы продолжать жить.

— Подлец! Теперь я понимаю, какова была цель твоей постоянной лжи и недомолвок, твоих грязных намеков! Ты решил держать меня в напряжении. Чтобы я боялся, надеялся, страдал... Чтобы выжать из меня максимально возможное. Пока не опустошишь до конца! Таким образом ты поддерживаешь свое жалкое существование — умерщвляя мою душу, чтобы проглотить ее!

— Мы с тобой живем в обществе флегмад, Тано. А любое общество инстинктивно стремится к гомогенности. Оно не терпит индивидуальности. Давит на нее, напирает, пытаясь растворить в своей массе. И здесь лишь твоя непрерывная смерть может спасти нас от экспансии общества. Благодаря этому мы оказываемся в собственном замкнутом поле, что дает нам шанс оставаться людьми.

— Дает шанс тебе! Но от меня-то что остается? Ведь я уже совсем не тот, каким был. Прошло всего двое суток с тех пор, как я... появился, а чувствую себя выжатым почти до конца. Как можно было так быстро растерять самые дорогие, самые сильные чувства? И что я без них?.. Ничего! Просто тело...

— В общем-то, да, — опустив голову, пробормотал Сам. — Но не вини меня. И в себе вины не ищи. Просто такова наша человеческая сущность. Стоит ее припугнуть, как она сбрасывает балласт, чтобы удержаться на поверхности. Хотя очень часто именно в тот момент и тонет.

— Я действительно тону! Потому что ты заставил меня думать только о физическом выживании. И у меня уже не осталось человеческих представлений о самом себе. Я уже не люблю Диану, не грущу о матери, о друзьях. Все перешло тебе! Теперь ты этим живешь. Живешь в полном смысле слова, хотя и в этом старом, дряхлом теле!

— Такова цена, Тано. Хочешь жить, как человек, должен принимать и старость. Особенно когда флегмады давят со всех сторон своей безликой массой... Знаешь, порой мне кажется, что их «код» тоже заразен. И что где-то в нас дремлет их зародыш. Ждет благоприятных условий, чтобы развиться...

Сам медленно поднял голову, их глаза встретились. Сине-серые, с золотистыми крапинками на радужке... Тано сделал шаг вперед. Он улавливал в этих оставшихся неизменными глазах некую жадную, мечтательную любовь к себе. Или, может быть, к молодости, которая давно прошла, оставляя в качестве отпечатка одно лишь прозрение: как много было безвозвратно потеряно, упущено, не понято. Брошено на алтарь обманчивого будущего, которое тоже давно стало прошлым...

Он сделал еще шаг, и еще один... Сам ласково погладил камень, возле которого сидел, и поднялся.

— Такова цена, Тано. Ты понимаешь?

Они стояли друг против друга. Тано благоговейно склонил голову, и она легла в трясину этой огромной, тяжело дышащей груди, хранящей его собственные потери. И в мертвой, неземной тишине уловил глубинный пульс. Неспокойный, торопливый. Человеческий.

— Скажи мне, Сам, она узнала, что я назвал планету Дианой?

— Да...

Он почувствовал, как Сам осторожно вытаскивает нож у него из-под ремня. Как вкладывает нож ему в руку, а рука берет его. Крепко сжимает.

— Нет, не может быть другой цены, Тано, — сочувственно прошептал ему тот.

И Тано замахнулся. Прямиком по направлению к бьющемуся годами тревожному сердцу. Сам опустился на колени. Коснулся последним движением его ноги и смиренно упал на бок. Умирал в вырытом собственными руками ложе из черного песка. Он улыбался, а лицо его как бы таяло. Черты становились четче, тоньше, сглаживались, словно отражение в постепенно стихающей водной ряби, волосы темнели, густели, обретая блеск, так же, как и ухоженная каштановая бородка... Он улыбался и таял, как-то все более неестественно, пока жизнь не упорхнула из него, одаривая его последним осознанным страданием.

Тано присел возле камня. Застыл в ожидании — они начали возвращаться. Его воспоминания о какой-то прошедшей любви и об оставшихся в детстве материнских ласках; приглушенный резонанс трепета от случившихся много лет назад эпизодов «вечной» дружбы;

смутные силуэты множества казавшихся неугасимыми ярких амбиций. И целой бездны прошлого, населенного призраками звездолетов, призраками людей и призрачной базы, где прозвучал призрачный выстрел револьвера, эхо которого, похоже, положило начало сотням призрачных блужданий по этой долине, засоренной множеством флегмад, чернотой и кладбищами.

— Все это принадлежит мне, — с неуверенным упоением бормотал он. — Я должен был все это вернуть. Это мое прошлое, моя человеческая жизнь. Хороша или плоха, я не смог от нее отречься. Я не предатель! Нет...

Только вот солнце уже взошло, даже стало припекать, и он постоянно потел. Мучила его и жажда. Он встал, побрел, прихрамывая, к реке, зашел в воду по колено. Начал загребать воду опухшими, нездорово бледными ладонями. Потом что-то подспудное и настойчивое заставило его обернуться назад... Ну да! Надо вернуться к трупу. Он разденет его, зароет неглубоко в песок и камень положит сверху — как всегда. После чего переоденется в ту свою одежду, — а она, ох, как предательски растянулась и обветшала! — возьмет ее с собой и отнесет в лагерь. Как только постирает — прямиком к пролому. Теперь Смерть опять там. И опять испускает свои властные призывные импульсы... Вот несколько флегмад отделились от стада, побрели дальше, покорные своему безмозглому стремлению быть ею оплодотворенными. Чтобы родить... человека. Но в которой из них и, самое важное, когда произойдет следующее слияние? Иногда проходят дни, иногда недели, даже месяцы. Был случай, когда он был вынужден ждать около года. Было страшно!.. Ну, так или иначе, он уверен, что и на этот раз дождется...

А когда настанет момент встречи, наверняка он найдет силы, чтобы сказать:

— Можешь называть меня Сам... Так как я действительно один. Совсем, совсем один!

Но все же... Все же, даже если человек действительно один на всей планете, приятно осознавать, что до него был и Другой. Именно он пытался сдвинуть тот случайный обломок, надеясь не найти под ним то, что, как он помнит почти с уверенностью, лежит раздавленным. И именно он сохранил эту надежду. Потому что сброшенный с высоты обломок обрушивается всей своей мощью. И навсегда остается на самом краю пролома. Неколебимый.

Перевела с болгарского
Элеонора МЕЗЕНЦЕВА

Евгений ХАРИТОНОВ

БАЛКАНСКИЙ «ОАЗИС»

Современная фантастика бывших братских республик по-прежнему остается для нас terra incognita. По мере возможности журнал пытается ликвидировать литературно-географические «белые пятна». Познакомившись с нынешним состоянием чешской и польской фантастической прозы, обратим свой взор на болгарскую НФ рубежа веков.

Для фантастической Болгарии канун Эпохи Распада выдался на редкость солнечным, в стране сложилась ситуация, обещавшая благоденствие национальной фантастике. Крупное софийское издательство «Отечество» одну за другой выпустило в серии «Фантастика» дебютные книги авторов, пришедших в литературу в 1980-е. И тиражи казались воистину фантастическими для небольшой страны (а тем более, для книг дебютантов) — 60 тысяч экземпляров!

Всего в течение каких-то четырех лет, с 1987-го по 1990-й, издательские агентства «София-пресс» и «Свят», занимавшиеся активной популяризацией болгарской словесности за пределами родины, выпустили для распространения в СССР шесть антологий и пять авторских книг нового поколения болгарских фантастов! Все это были имена, ранее не известные нашим читателям. В 1989 году антология фантастики Болгарии вышла и в Германии — это был первый (и пока единственный, если не считать классиков Вежинова и Дилова) прорыв на западный рынок. И наконец, Болгария оказалась третьей социалистической страной после Венгрии и Польши, где было дозволено выпускать профессиональный многотиражный журнал фантастики. Ежемесячник «ФЕП: Фантастика, евристика, прогностика» стартовал в 1987 году и стремительно завоевал популярность, причем не только в стране: велись переговоры о создании русскоязычной версии журнала. Но существовал журнал все те же благодатные четыре года, последний номер увидел свет в конце 1990-го. Однако свою роль это издание выполнило: авторы, прошедшие «школу» «ФЕПа», составили элитный отряд сегодняшней болгарской фантастики, сменивший «ФЕП» журнал «Фантастические истории» уже продемонстрировал иные читательские приоритеты — 90% журнальной площади заняли англо-американская НФ и фэнтези, плюс один-два небольших рассказика болгарских авторов.

Но в 1990—1992 годах болгарская фантастика еще пребывала в мире радужных надежд. В 1990-м в Болгарии прошел крупный международный конвент ОрфКон, а в Софии родилось первое издательство, целиком ориентированное на фантастику — «Орфия». Одним из стартовых проектов нового издательства стал англоязычный журнал славянской фантастики с тем же названием. К сожалению, богато оформленный, с обилием цветных иллюстраций, отменным подбором произведений и статей авторов из Болгарии, России, Украины, Польши и Чехии, изданный на великолепной мелованной бумаге, первый номер этого журнала оказался и последним...

Наряду с выпуском новинок зарубежной НФ «Орфия» намеревалась также популяризировать новейшую болгарскую фантастику. И даже успела выпустить 10-тысячным тиражом дебютные книги молодых авторов. Первой отечественной книгой «Орфии» стал сборник новелл Вала Тодорова «Иркала — страна мертвых» (1991). Этот талантливый литератор, сочинявший очень странную экспериментальную фантастику, густо замешанную на мифологии Западной Азии, впервые предстал читателям в журнале «ФЕП» в 1989 году, а его первая книга была признана лучшим дебютом на Евроконе и получила престижную премию им. Светослава Минкова. К сожалению, один из самых перспективных фантастов новой Болгарии вскоре покинул страну, перебравшись в США, и, судя по всему, расстался не только с родиной, но и с фантастикой.

Вторым «орфийским» дебютом стал отменный технотриллер «Психопрограммированный» (1992) Атанаса П.Славова, более известного в качестве критика-фантастоведа и издателя. По какой-то иронии судьбы этот дебют также не имел продолжения (во всяком случае, книжного) — А.Славов снова занялся критикой и издательскими делами.

Тогда же в «Орфии» увидела свет антология «Новая болгарская фантастика» (1991), в которой наряду с авторами-«восьмидесятниками» (А.Карапанчев, С.Николов) уже были представлены и новые имена: Елена Павлова, Алек Попов, Янчо Чолаков, Христо Пощтаков и другие.

А затем словосочетание «болгарская фантастика» на длительное время было фактически изъято из издательского употребления. Лишь десять лет спустя издатели осмелятся представить читателям новое собрание рассказов молодых болгарских фантастов.

* * *

Ситуация, сложившаяся в фантастической жизни на родине Ивана Вазова и Светослава Минкова после 1991 года — более чем противоречива. С одной стороны, весьма внушительный список новых книг болгарских фантастов — до 20 наименований в год! Для Болгарии — это величина серьезная. Но стоит обратить внимание на тиражи, и картина тут же меняется: верхняя планка для книги болгарского фантаста — 1000 экземпляров. Болгарский читатель все еще предпочитает платить свои кровные левы за книги зарубежных авторов. Поэтому самый надежный путь к издателю — это написать американоподобную фэнтези или космооперу и подписаться псевдонимом: такие книги даже выходят в сериях зарубежной фантастики.

Другое распространенное занятие оставшихся — написание книг-игр, ставших в 1990-е очень популярными и в Болгарии.

О международном рынке говорить не приходится. Почти чудом удалось выйти на российский рынок лишь двум авторам: Пламену Митреву с фэнтези и Нине Неновой с НФ.

И все же фантастическая жизнь в Болгарии вовсе не умерла — перейдя на уровень «партизанской войны», она активно сопротивляется обстоятельствам.

Вот уже более десяти лет бронзовая статуэтка Маленького Принца, премия «Гравитон», учрежденная Любеном Диловым, ежегодно вручается за вклад в развитие болгарской фантастики лучшим писателям и критикам, переводчикам и художникам, режиссерам и издателям. Сам же 76-летний писатель в прошедшем десятилетии выпустил четыре новых романа — «Гоминиана и время» (1995), «Библия Лилит» (1999), «Демон Максвелл» (2001) и «Когда выбираешь себя» (2002). Это книги-размышления, книги-завещания, в которых незначительный НФ-посыл тесно переплетается с религиозно-библейскими мотивами, притчей и мифологией.

На смену почившим «ФЕПу», а затем и «Фантастическим историям» пришли другие жанровые издания — альманах «SF-триллер», ориентированный на прозу, но время от времени публикующий и критико-библиографические материалы, журнал «Върколак» (в 1999-м переименован в «Зона-F»), публикующий и рассказы, и научно-популярные статьи, и материалы о фантастике. В 2000 году появился цветной журнал, полностью посвященный фэнтези — «Фэнтези фактор» (впрочем, уже со следующего года издание расширило свои жанровые границы). Журнал «Terra Fantastica», выходящий с 1999 года, задумывался как критико-библиографическое издание, посвященное болгарскому фэндому и мировой фантастике, однако в 2002 году появился регулярный прозаический раздел, где публикуются небольшие рассказы молодых фантастов.

За десятилетие определился круг жанровых издательств: это «Аргус» (болгарские НФ и детектив), «Квазар» (болгарская и зарубежная фантастика), «Бард» (то же), «Эльф» (отечественная и зарубежная фэнтези), «Брен» (в основном — зарубежная НФ, но появляется и болгарская фантастика), «Офир» (то же). В конце 1990-х появились две регулярные книжные серии, ориентированные исключительно на новинки болгарской НФ — «Новая болгарская фантастика» издательства «Аргус» и «Болгарская фантастика. XXI» издательства «Квазар». За 2000—2003 годы успело выйти семь антологий новейшей болгарской НФ и фэнтези.

* * *

В современной болгарской НФ четко выделяются три поколения (или волны, если хотите) авторов. К первому относятся фантасты, чье творческое становление пришлось на 1980-е годы, и в новую эпоху они вошли уже сформировавшимися, известными авторами. Второе поколение (промежуточное) — это фантасты, дебютировавшие на рубеже 1980—1990-х, сегодня они представляют наиболее активную писательскую группу. И наконец, литераторы, пришедшие в НФ в середине и конце 1990-х.

Первое поколение можно назвать хранителями традиций болгарской НФ, тяготевшей к лирико-философской ее ипостаси. К сожалению, не все «звезды» 80-х сегодня активно работают. Почти не появляются в печати произведения Велички Настрадиновой, Николы Кесаровского и Веселы Люцкановой, исчез из жанра Иван Серафимов, а писатели Атанас Славов и Емануел Икономов больше уделяют внимания издательским проектам и жанровой журналистике...

Но были и «возвращения».

Дебютная книга Любомира Николова, экологическая антиутопия «Суд поколений» (в соавторстве с Георгием Георгиевым), увидела свет еще в 1978 году, затем появился сольный роман «Крот» (1981) о тоталитарном обществе будущего. Однако подлинная известность пришла к автору после публикации повести «Червь на осеннем ветру» (1986; рус. — 1989), принесшей автору премию Европейского конгресса писателей-фантастов. Эти книги, а также многочисленные публикации в сборниках и периодике вывели писателя в число самых популярных фантастов 1980-х.

Затем Николов надолго исчез из фантастики. Но в 1999 году вышел в свет его роман «Десятый праведник», который по итогам опроса 2001 года был признан лучшей НФ-книгой десятилетия. В новом романе Николов изобразил мир недалекого будущего, когда в результате планетарной катастрофы основные химические элементы вдруг поменяли свои свойства, и лишенная электричества, деградирующая земная цивилизация пытается выжить и приспособиться к «первобытным» условиям.

Другой лидер болгарской фантастики 80-х и первый лауреат «Гравитона» (1991) Агоп Мелконян уверенно удерживает свой статус и в новой литературной эпохе. О творчестве этого автора мы достаточно подробно рассказали в обзоре восточноевропейской НФ («Если» № 8, 1997 г.). Мелконян — один из самых разносторонних и глубоких фантастов Болгарии, в большинстве своих произведений совмещает стилистические и культурные пласты, оригинальность НФ-идеи и традиции европейской психологической прозы. Он одинаково успешно работает как в жанрах сатирической или сюрреалистической фантастики, так и в фантастическом детективе или притче. В одной из своих последних книг — сборнике новелл «Тени от плоти» (1999) — фантаст рискнул обратиться к исследованию сакральных сторон человеческого бытия, осмыслению библейских сюжетов через средства НФ.

К этому же «гуманитарному поколению» относится киновед и фантаст Петер Кырджилов (лауреат «Гравитона» 1993 года). Нашим читателям он известен лишь по изданному на русском языке сборнику «Призрачный цикл» (1989) и нескольким рассказам в антологиях. На самом деле Кырджилов — автор восьми книг, а его последний на сегодняшний день сборник, «Звездные детективы» (1999), яркий образец юмористической НФ. Его герои, юные космические детективы Пирри и Обб, чем-то напоминают Арнольда и Грегора из рассказов Шекли (а иногда — штерновского Бел Амора).

Еще один «возвращенец», Велко Милоев, более чем на 10 лет исчезнувший из фантастики, в 2001 году преподнес читателям новый сборник «Где вы не были». Издательство «Аргус» нашло оригинальное дизайнерское решение: книга представляет собой картонную коробку с девятью почтовыми конвертами внутри, в каждом конверте, любовно оформленном прекрасным художником Димитром Стояновым-Димо, отдельный рассказ-послание. Высокая, притчевая фантастика Милоева очень камерна, и такое необычное ее книжное воплощение усиливает эффект интимности, доверительности, возникающей между писателем и читателем.

Самыми ожидаемыми (если не сказать — долгожданными) «дебютами» рубежа веков стали книги Александра Карапанчева и Светослава Николова, вышедшие в 2002 году. Первые публикации авторов состоялись еще в конце 1960-х. Исполненные остроумия, парадоксальные рассказы Карапанчева печатались в журналах, входили почти во все антологии болгарской НФ (наши читатели, возможно, помнят его блестящие НФ-новеллы «Эпоха УНИМО», «Стапен Кройд» и «Братья с Левса», неоднократно печатавшиеся на русском), переведены на многие языки... Но первая книга увидела свет лишь в новом тысячелетии. Рассказы, вошедшие в сборник «В эпоху УНИМО», трудно подвести к одному жанровому знаменателю, хотя все они базируются на НФ-логике. Здесь каким-то непостижимым образом переплетаются, не противореча друг другу, экологическая НФ и сказка, космос и ироническая утопия, абсурд и тонкая притча, написанные легким, почти воздушным языком. На Евроконе-2002 книга была удостоена премии за лучший дебют.

Уже первый рассказ Светослава Николова, написанный в юношестве, получил приз журнала «Космос», а сам автор был отмечен как самый перспективный молодой фантаст. И хотя опубликовал Николов не так уж и много, в 1980-е он был одним из самых ярких представителей гуманитарной (а точнее, даже филологической) НФ. Почти каждая его новелла моментально привлекала пристальное внимание любителей интеллектуальной фантастики. Содержание первой книги писателя «Планета призраков» составили пять лучших рассказов и повестей Николова.

* * *

Поколение авторов, пришедших в литературу на рубеже 80—90-х, в большинстве своем тоже придерживается именно НФ-линии. Многие из них вошли в фантастику через журнал «ФЕП».

К выпускницам этого издания принадлежит и Нина Ненова — один из самых интересных авторов «твердой» НФ современной Болгарии. Ее печатный дебют состоялся в «ФЕПе» в 1988 году — рассказ «Космические корабли» явил писателя с нетипичной для женщины-фантаста жесткой, «неромантической» манерой письма. Однако, опубликовав затем несколько сильных рассказов, писательница вдруг исчезла с литературной сцены. Ее следующее появление было неожиданным и «зримым» — в течение 1999 года вышло в свет сразу несколько книг, среди которых выделяются сборники новелл «Был и другой» и «Небиологический», романы «Формула счастья» и «Контакты с утопленником».

Многие ее произведения связаны с космосом. В столкновении со Вселенной герои Неновой пытаются понять беспредельный космос внутри себя. А писательница предпочитает устраивать весьма жесткие этические эксперименты над героями, ставя их в самые суровые ситуации. Н.Ненова пишет сочно, выпукло, прописывая пространство сюжета до мельчайших нюансов и сохраняя почти детективную интригу до конца повествования.

В русле «твердой» НФ работает и другая представительница прекрасного пола «феповской» эпохи — Петя Димитрова. Правда, в ее произведениях космическая тема соседствует с уфологической и оккультно-эзотерической, что не удивительно, поскольку П.Димитрова является главным редактором популярного в Болгарии журнала «Сверхъестественное».

Примечательно, что при очевидном диктате фэнтези на европейском рынке наибольшего коммерческого успеха на болгарском книжном полигоне 90-х добился автор, исповедующий традиции «твердой» НФ. Христо Поштаков по нынешним меркам дебютировал очень поздно — первый рассказ появился в печати в 1987 году, когда автору перевалило уже за сорок, а дебютная книга рассказов «Дежурство на Титане» (1993) появилась за год до 50-летнего юбилея «молодого» фантаста. Сборник был удостоен премии за лучший дебют на Евроконе-94.

Этот сборник закрепил за Христо Поштаковым репутацию мастера короткой формы: именно в рассказе он чувствует себя уверенно, даже вольготно, избегая всего, что тормозит действие, и постоянно подшучивая над героями. Источник, питающий прозу Х.Поштакова, легко угадывается, — это творчество знаменитого американского коллеги Роберта Шекли. В числе приоритетных тем болгарского фантаста — вероятные модели (позитивные и негативные) космической экспансии человечества, контакт между представителями иных цивилизаций. Его рассказы, опубликованные в новом сборнике «Планета Скали», — это галерея самых причудливых представителей иного разума, калейдоскоп экстраординарных ситуаций.

В дебютном романе писателя «Приключение в Дарвиле» (1996) переплелись черты производственно-бытового романа (подробные описания жизни и деятельности героев — работников загадочной информационно-компьютерной компании «СИМАКС»), детектива, социальной сатиры и пародии на «технократическую» фантастику.

Следующий опыт фантаста в крупной форме — роман «Нашествие грухилов» (1998) — представил читателям сплав сатиры, пародии и лукавой «космической оперы», посвященной... развитию пищевой промышленности в галактических масштабах. Перед читателем проходит целая вереница самых разнообразных космических обитателей — представителей различных «пищевых культур», которых обслуживает некая межгалактическая «Корпорация пищи». В юмористических тонах Х.Поштаков высмеивает потребительскую философию, в гротесковой форме рисует духовное разложение высокоразвитых цивилизаций, растративших свой потенциал в мелочности интриг. Это умный роман о том, как легко позитивную энергию Разума превратить в негативную энергию Глупости.

Впрочем, законы рынка жестоки: в 2003 году писатель выпустил под псевдонимом Кристофер Поустмэн роман в жанре юмористической фэнтези с «оригинальным» названием — «Меч, мощь и магия».

Похожий путь проделала другой популярный автор — Елена Павлова. Появившись на ниве фантастики в 1986 году, она быстро выдвинулась в число наиболее заметных писателей «твердой» НФ. Но в 1995 году под псевдонимом Лени Кинг она выпустила три коммерчески успешных романа иронической фантастики — «Баллада о бритве», «Новый Иисус» и «Метод стервятника», а затем и вовсе ушла в жанр фэнтези. Наибольший успех достался ее дилогии «Номад» (2001—2002), построенной на любопытном сплаве философско-авантюрной фэнтези и социальной фантастики.

На жанровой границе расположено творчество Николая Теллалова. Среднее образование писатель получил в России и здесь же написал свое первое произведение — повесть «Девушка и змей», позже развернутую в ставшую культовой в болгарском фэндоме трилогию «Пробуждение дракона» (1998), «Царский наказ» (2001), «Полноземелье» (2003). Книги представляют собой синтез фэнтези, НФ и альтернативной истории, повествование простирается от легендарного прошлого до отдаленного будущего.

В области «чистой» фэнтези работает Пламен Митрев — из-под его пера вышло уже около 20 романов, иные из которых публиковались в России и Америке. Жанровый диапазон — от героической фэнтези в духе Конана-варвара до фэнтези юмористической и той разновидности фантастики, которую принято называть science fantasy. Кроме того, будучи владельцем издательства «Эльф», П.Митрев в 2003 году выпустил первую в стране весьма объемную (почти 600 страниц!) антологию болгарской фэнтези, куда вошли рассказы нескольких поколений современных фантастов.

* * *

Как и в российской словесности, 1990-е стали для болгарской НФ временем интересных литературных экспериментов. Собственно, склонность к экспериментам (языковым, жанровым и т.д.) болгарской фантастике была присуща всегда: вспомнить хотя бы экспрессионистскую фантастику Чавдара Мутафова, НФ-гротески Светослава Минкова или абсурдистско-сказочную фантастику Йордана Радичкова. Вообще, отличительная черта болгарской НФ — пренебрежение жанровой чистотой.

Самый, пожалуй, известный из фантастических экспериментаторов — писатель из Бургаса Янчо Чолаков, автор книги «История одинокого солдата» (1995) и многих публикаций в сборниках и периодике, лауреат премии «Гравитон» (1997). Агоп Мелконян назвал прозу Чолакова «истинной фантастикой», не скованной никакими границами, избавленной от литературных догматов. И в самом деле, бургасский литератор пишет очень странную прозу, не поддающуюся никакому определению — в рамках одного текста могут благополучно соседствовать НФ, космоопера, мифология, религиозно-библейские мотивы. Рядовому читателю фантастика Чолакова покажется сложной для восприятия, она рассчитана на читателя эрудированного, свободно ориентирующегося в культурных напластованиях, религии, мифологии и... научной фантастике. Ни один из рассказов этого автора не поддается простому пересказу, его проза — это сложная сюжетная архитектура, многоуровневая игра смыслами, символами, цитатами. Но эта игра завораживает, свидетельство чему — число почитателей странной фантастики Я.Чолакова.

Свою особую нишу в жанре занял и Николай Светлев, пришедший в фантастику из поэзии. Жанровым дебютом автора стал роман-предупреждение о грядущем Апокалипсисе «Все сияние зла» (1993) — антиутопия, навеянная последствиями политического и экономического краха коммунистической системы (это выражается и в публицистической прямолинейности авторских обобщений). «Все сияние зла» положил начало трилогии о метафизической борьбе Добра и Зла в современном обществе. Вторая книга трилогии — «Сказка о непобедимом Добре» (1996) — исполнена в жанре сказочной фантастики и имеет подзаголовок «Для детей от 7 до 107 лет». Наконец, в 2000 году вышел завершающий серию роман-притча «Я, грешный Иван», в котором дана оригинальная интерпретация апокрифов об Иване Рильски, святом отшельнике, небесном покровителе болгарского народа. На сегодняшний день это лучшее произведение Н.Светлева — вероятно, единственного болгарского автора, последовательно осваивающего такое редкое направление в литературе как «религиозная фантастика».

Стоит назвать и другие наиболее заметные произведения «странной» фантастики — роман еще одного поэта Димитра Ленгечева «Даже боги играют с азартом» (2000), написанный в очень экзотическом жанре — футурологической философской фэнтези; еще более крепкая смесь обнаруживается в дилогии Милана Асадурова «Нечего мямлить, или Первая книга об истории Ничего» (1997) и «Вторая Библиотека и словарь Ничего» (1998), представляющей собой НФ-фэнтезийно-мифологическую модель и одновременно хронику человечества. В рамках короткой формы любопытные тексты создает Иван Н.Хаджиев, тяготеющий к городской сказке для взрослых и апокрифической фантастике.

Необходимо упомянуть еще одно имя. Прозу Алека Попова трудно назвать «странной». Этот автор создает просто очень добротную литературу, отчасти исполненную эстетского снобизма. Он с равным успехом пишет гротесковую социально-сатирическую НФ, иронические детективы и «модную» прозу. Почти «чистая» фантастика составила содержание трех его сборников — «Отвратительные сны» (1994), «Игра магии» (1995) и «Капустный цикл» (1997). Попов один из немногих штатных работников фантастического цеха, вольготно ощущающий себя в приемной мэйнстрима.

Вообще же авторы мэйнстрима все активнее используют приемы и атрибутику фантастики. В качестве примера можно привести получившие в начале 1990-х широкую известность романы поэтессы Благи Димитровой «Урания» (1992) и В.Писаровского «Гомо Булгарис». В первом из них средствами лирико-психологической прозы автор конструирует некую новую реальность, апеллируя к потаенным возможностям разума. Жанр романа Писаровского уместно назвать «синтетическим», поскольку постмодернистский «Гомо Булгарис» представляет собой сплав сатирической, социальной, бытовой прозы с фантастикой и элементами фольклора и даже эссеистики.

К середине—концу 1990-х выпестовалась новая генерация фантастов, в буквальном смысле новое поколение, ведь многие из этих авторов родились в конце 1970 — начале 1980-х годов. Это поколение, выросшее уже не на традициях европейской литературы, а на переводах современной англоязычной фантастики. Поэтому вполне закономерно, что в их творчестве преобладают более «мобильные» направления — фэнтези, хоррор, киберпанк. В целом, эта волна болгарской фантастики находится в процессе становления, и говорить о каких-то тенденциях, устоявшихся группах рано. Но и здесь уже появились свои звезды. Назовем Елену Емануилову, дебютировавшую в 1996 году романом-фэнтези «Великое испытание» и к сегодняшнему дню издавшую уже четыре книги в жанрах героико-романтической и философской фэнтези. В периодике активно публикуется и другой автор, тяготеющий к жанру фэнтези — Благой Иванов.

Первая книга Юлианы Мановой вышла, когда автору едва исполнилось 13 лет: фэнтезийная повесть-игра «Замок барона Аристоу» (1996). Пятью годами позже увидел свет и авторский сборник молодой писательницы «Время сатаны» (2001), неплохо встреченный критикой. Как понятно уже из названия, Ю.Манова тяготеет в своем творчестве к темной фэнтези, хоррору и психоделической фантастике — как и другой юный фантаст, Мирослав Пенков (сборник «Кровавые луны», 2000).

И все-таки на поле НФ преобладает мужская половина молодой фантастики. Здесь стоит назвать Ивайло Иванова, автора сборника новелл «Наследники» (2002), Красномира Крачунова, в 2001 году выпустившего роман-антиутопию «Здание», действие которого происходит в недалеком будущем, в мире, задыхающемся под гнетем разросшегося спрута Бюрократии. На стыке НФ и фэнтези написана дебютная книга Искрена Зайрянова «Последнее соглашение» (2002): бок о бок существуют две цивилизации — техногенная и Низинные земли, обитатели которых живут, скажем так, по «антинаучным» законам.

Самым же перспективным фантастом нового поколения критики называют 30-летнего Ивана Попова, дебютировавшего в печати в 2001 году с киберпанк-повестью «Наши маркированные процессы». Этот автор пока не успел выпустить книги, но его повести и рассказы уже нашли поклонников.

* * *

Российский читатель утолил голод книжной продукцией Очень Дальнего Зарубежья за четыре года. В Болгарии пока наблюдается ситуация, сопоставимая с российской периода 1989—1993 годов. Один мой болгарский знакомый однажды с горечью заметил: «Увы, у нас в крови медлительность и недоверчивость. Мы не слишком верим в собственные возможности».

Век долгий. Подождем.

❑

ДЖОН БОДЕН
РОН КОЛЛИНЗ

ПОКА ВЕРТЯТСЯ

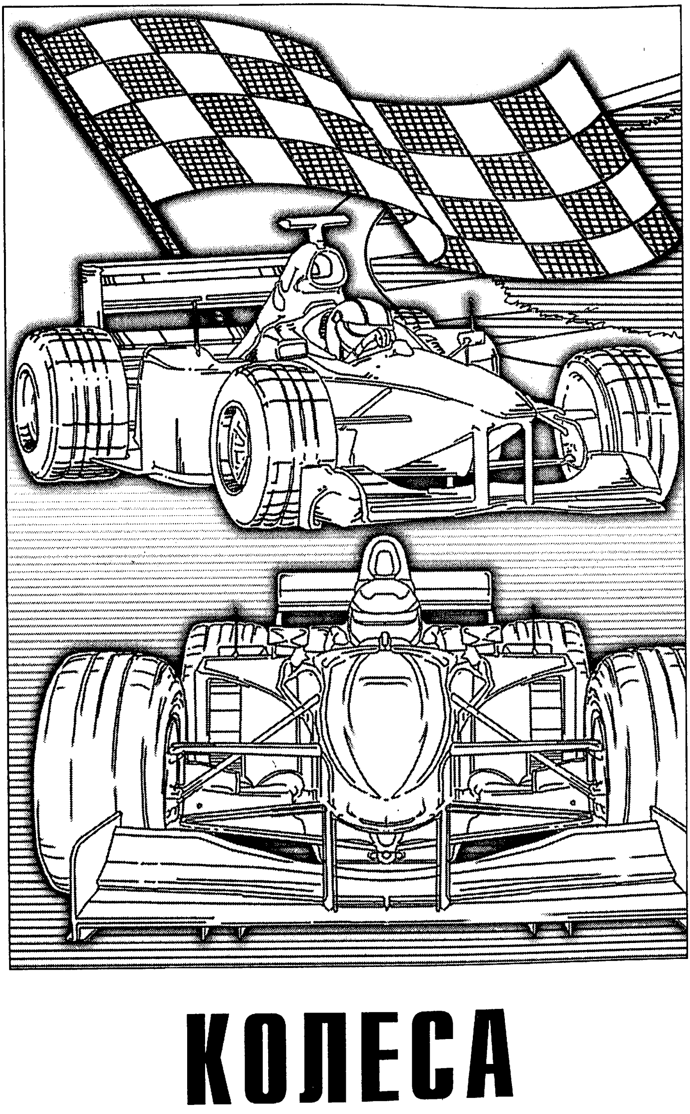


Иллюстрация Алексея ФИЛИППОВА

КОЛЕСА

Трасса «Индианаполис-500» не похожа на любую другую — на ней четыре поворота, и все левые, все имеют наклон около девяти градусов, и при этом у каждого — свой характер. Поворот номер один самый крутой и самый быстрый. Возвышающиеся над ним ряды трибун заслоняют небо, делая его похожим на трубу, и на вираже пилот ощущает себя зубной пастой, которая протискивается обратно в тюбик со скоростью четыреста восемьдесят одна миля в час. Поворотам один и три предшествует длинная прямая, поэтому перед виражом нужно перетормаживать, в противном случае аварийной команде придется отскребать тебя от бетона. На поворотах номер два и четыре, наоборот, можно газовать вовсю, но первый и третий виражи заставляют себя уважать.

Да, трасса «Индианаполис-500» не похожа ни на какую другую.

Впрочем, Бэбс тоже не похожа ни на одну машину. Ее изящный, вытянутый корпус выполнен из формованного титанового листа; силовая установка «Баньши» развивает мощность в двести пятьдесят тысяч лошадиных сил, а коэффициент интеллекта Бэбс воистину запределен — 245 единиц. Я уже не говорю о сверхэффективной нервной системе, способной поглощать бета-блокаторы*, как карамельки. Иными словами, Бэбс — машина что надо! Она буквально создана для того, чтобы участвовать в гонках «Инди», и не просто участвовать, а побеждать.

И это — самое главное.

— Давай, Бадди, пошевеливайся! — промурлыкала Бэбс, когда я забрался в кокпит и, пристегнувшись ремнями, подключился к бортовой нервной системе. — Через четыре минуты шесть и тридцать семь сотых секунды нас ждет старт, а мне еще надо проехать кружок, чтобы разогреться.

Я почувствовал тепло в области шеи — это Бэбс проводила проверку уровня серотонина** в крови. В ноздри ударил запах топлива, резины и дразнящий аромат все еще прохладного асфальта, медленно нагревавшегося под лучами низкого утреннего солнца. Я знал, что большинству машин нравится мчаться по трассе во весь дух, но Бэбс даже разминку умела превратить в нечто захватывающее.

** Бета-блокатор — лекарство для «сердечников», подавляющее способность адреналина воздействовать на бета-рецепторы сердца и снижающее частоту сердечных сокращений. (Здесь и далее прим. перев.)*

*** Серотонин — элемент крови и нервной ткани, отвечающий за передачу нервных импульсов.*

Я изо всех сил старался не думать о предстоящей гонке и о том, насколько велика ставка. Психологическое напряжение, которое мы оба испытывали, и без того было достаточно велико, поэтому я не видел никакой необходимости сообщать Бэбс, что на этот раз на карту поставлено в буквальном смысле все. Если мы проиграем, мне придется с ней распрощаться. Сайонара, аста ла виста, арриведерчи, байбай и все такое... Так всегда бывает, когда твоим соперником на треке оказываются барадиане. Они ставят на кон технологическую новинку, земляне — тоже. Для гонок «Индикар» это обычная практика.

И вот недавно выяснилось, что Бэбс — единственное достижение человечества, которое по-настоящему интересует барадиан.

Я врубил зажигание, и у меня под спиной вмиг ожил табун могучих коней. Впрочем, не так — скорее, я оседлал цунами. Бэбс сама замкнула пару реле, включавших чрезвычайно тонкие и сложные системы, которые еще не стали достоянием широкой публики. О принципе их действия я распространяться не стану — скажу лишь, что любой земной врач наплевал бы на свою клятву Гиппократа, лишь бы узнать о них хоть что-нибудь. Мгновение спустя в моем мозгу включился датчик, измеряющий уровень эндорфина*.

— Ты слышал, барадиане заменили пилота в машине номер одиннадцать? — раздался в моем левом наушнике голос Спарки.

— Что-о?!..

— Да не волнуйся ты, ничего страшного... Номер одиннадцать поведет клон Фойта**.

Спарки — отличный механик и гениальный электронщик, но иногда он *не доворачивает*, если вы понимаете, что я имею в виду.

— Ничего страшного?! Я узнаю о замене пилота за четыре минуты до старта, а ты говоришь — ничего страшного?!

— Ладно, приятель, не газуй! В гонке участвует целая компания

** Эндорфины — пептиды опийного типа, вырабатываемые организмом под действием сильного стресса или травматического воздействия.*

*** Фойт. Эй. Джи. (Энтони Джозеф) — американский автогонщик, единственный пятикратный победитель автогонок «Индианаполис-500». Здесь и далее авторы используют имена реальных гонщиков, прославившихся своими победами на этой трассе. Все они хорошо известны в США и Канаде, но в Европе значительно большей популярностью пользуются победители гонок «Формулы-1» — более и сложных, и захватывающих, по сравнению с североамериканским вариантом, где главный упор делается на скорость и мощь мотора, а не на тактическую борьбу и искусство управления. Несмотря на это, часть специальной терминологии является общей и для «Формулы», и для «Индианаполиса».*

клонов — Мирз, Фиттипальди, Унзер, двое Андретти... Я краем уха слышал — на старт выйдет даже старина Парнелли Джонс, так что с того? Фойт тебе не конкурент, как и остальные. Последняя версия, знаешь ли...

— Я рада, что ты не клон, Бадди, — шепнула Бэбс. — Клоны такие холодные, такие *бесчувственные*!..

Ее корпус мелко завибрировал, но что́ это были за вибрации!.. Ничего подобного мне не приходилось испытывать даже с женщинами.

— Мне нужна разминка, Бадди, ты не забыл? — напомнила Бэбс. — Ну что, потреплем резину?

— Притормози немного, крошка, ладно?

Бэбс недовольно заурчала расщепителем протонов, но мне требовалось время, чтобы обдумать новый расклад.

Итак, номер одиннадцатый... Насколько я знал, это была новейшая конструкция конюшни Локхид-Рейнард с ионно-плазменным приводом и современнейшей охладительной системой на основе ядерного синтеза. Локхид-Рейнард отличался поистине уникальными скоростными качествами, особенно с барадианином за рулем. Но клон Фойта — даже образца конца восьмидесятых — мог без особого труда заткнуть за пояс любого барадианина.

Черт!..

По совести сказать, если я что-то умею в жизни, так это гоняться на Бэбс, но на обоняние я никогда не жаловался. Я всегда мог учуять дохлую крысу, а от этой замены разило так, словно дохлых крыс мне подложили, по меньшей мере, дюжину. С другой стороны, стартовать нам предстояло с поул-позиции, так как на квалификации мы показали лучшее время. Ерунда, решил я, прорвемся. Дайте мне десяток клонов — я их всех сделаю!

— Как хочешь, но я больше ждать не собираюсь, — капризно заявила Бэбс.

В следующее мгновение двигатель, оправдывая свое название, взвыл как настоящий баньши*. Собирающий коллектор начал засасывать из квантованного тартана пары протонов и антипротонов и подавать их в охлажденные почти до абсолютного нуля туннели синхроциклотронов, которыми бы мог гордиться и сам Эрнст Лоуренс**, а те, в свою очередь, начали раскручивать прижимной гравигенератор.

---

* *В ирландской мифологии — привидение-плакальщик.*

** *Лоуренс, Эрнст Орландо (1901 — 1952) — американский физик.*

Следующим, что я услышал и почувствовал, был резкий рывок и пронзительный визг покрышек. Не представляю, есть ли что-то более необузданное, дикое, свободное, чем вырвавшаяся на простор гоночная машина, имеющая в своем распоряжении силовую установку мощностью тысяча восемьсот мегаватт и способная развить скорость свыше пятисот миль в час. Я, во всяком случае, не знаю, с чем это можно сравнить.

Когда мы влетели в первый поворот, прижимной гравигенератор взвыл — в эти мгновения он поглощал столько энергии, сколько хватило бы такому городу, как Чикаго, на целый год. На втором вираже мы ускорились и помчались по дальней от трибун прямой. Когда перед третьим поворотом я начал перетормаживать, Бэбс буквально застонала от наслаждения. Я же почувствовал, как вместе с дымящейся резиной начинает плавиться мой мозг. Все тело от ногтей до кончиков волос покалывало невидимыми иголками, словно сквозь меня пропустили слабый электрический ток. Есть у Бэбс такая привычка: на разминке она ведет себя, как расшалившийся жеребенок, а мне приходится надевать под противоперегрузочный костюм специальные резиновые трусы.

Впрочем, я подозреваю, что не одна она такая. Наверное, поэтому желающих стать пилотом сверхскоростного болида, оборудованного нейроконтактной связью, не слишком много, хотя корпорации не скупятся на гонорары. Но я — другое дело. Я профессионал, для меня главное — работа, а все сопутствующие обстоятельства мне до лампочки, если вы понимаете, о чем речь.

Я продолжал держать трассу, немного прибавив обороты на коротком отрезке между виражами. На четвертом повороте Бэбс снова врубила гравигенератор на всю катушку, и несколько мгновений спустя мы вновь оказались на «решетке» старта — с неофициальным рекордом трассы, как гласила надпись на табло. Зрители на трибунах забушевали, что, впрочем, прозвучало для меня просто статическими помехами.

Да, Бэбс была далеко не ординарной машиной. Как и все болиды ее класса, она могла использовать специальную гоночную программу, когда присутствие пилота абсолютно не нужно, однако руководство Галактической гоночной лиги довольно быстро поняло, что смотреть, как носятся по кругу компьютеры на колесах, и — главное! — платить за это никто не хочет. Кому интересны гонки подросших игрушечных автомобильчиков? Лига пересмотрела правила и ввела поправки, обеспечившие работой несколько десятков отчаянных парней с мозолью на правой «газующей» ноге и вживленными в шейный отдел позвоночника нейроразъемами.

Время от времени я говорю Бэбс, что ей совершенно незачем таскать на спине лишний груз, но это только шутка, и она это отлично понимает.

— Ты отлично справилась, крошка, — сказал я и ухмыльнулся.

— Спасибо, Бадди, — проворковала Бэбс в ответ.

Мимо нас промчался другой автомобиль. На стартовом табло замигали огоньки, и наш счастливый тринадцатый номер переместился на второй ряд стартового поля. Мне не нужно было долго гадать, кто займет освободившееся место.

Машина номер одиннадцать.

— Как дела? — спросила Бэбс. На этот раз она связывалась непосредственно с подкоркой головного мозга, хотя гонка еще не началась. Мы отсиживались в боксах, ожидая, когда нас вызовут на старт. Должно быть, я сильно помрачнел, поскольку и Бэбс, и Спарки это заметили. Бэбс, правда, была не в курсе, но Спарки знал. Бороться с Фойтом четвертого поколения (тогда он сидел за рулем Интел-Пенске) пришлось мне, но Спарки был со мной в тот день. И хорошо помнил, чем кончилась гонка «Уайлд-Райд».

— Это Лю́си? — спросил он.

— Кто такая Люси? — неожиданно вмешалась Бэбс, словно очнувшись от каких-то своих мыслей.

Я молча глядел на машину номер одиннадцать. Она изменилась, и сильно изменилась. Ей переделали аэродинамику, очистили банки памяти, к тому же раскрасили, как веселую девицу с Маркет-стрит. И все равно я не сомневался: под новой внешностью скрывается *та самая* Люси. Интересно, мрачно подумал я, что еще сделали с ней барадиане. Сейчас я видел только ее наружность, а ведь они могли полностью перекроить индивидуальность Люси.

— Ты ни в чем не виноват, Бадди, — сказал Спарки. — К тому же сейчас за рулем сидит не тот клон. Совершенно другой. Ты же знаешь: эти человекоподобные чучела долго не живут, их хватает на одну гонку, от силы — на две. — Он слегка понизил голос. — Ты должен понять, Бадди: тогда тебе банально не повезло. Да, я знаю, ты считаешь, что совершил ошибку, но это не так. Просто неудачное стечение обстоятельств. В любом случае, это осталось в прошлом, а сейчас тебя ждет новая гонка, и ты обязан выиграть. Только так!..

— Ты прав, — сказал я и кивнул. — Давай-ка этим и займемся.

Я понимал, что Спарки хотел меня успокоить. И хотя забыть о том давнем случае я не мог, мне удалось взять себя в руки. По большому счету, Спарки прав: пора вытереть сопли и, засучив рукава, взяться за работу.

— Я, кажется, задала вопрос, — заявила Бэбс таким холодным тоном, что я снова почувствовал, как по телу побежали мурашки.

— Какой вопрос?

— Кто такая Люси?

Я пожал плечами, насколько мне позволял противоперегрузочный костюм.

— Это... слишком долгая история, Бэбс. Нам пора трогаться, через две минуты мы должны быть на старте.

— Мы никуда не тронемся, пока не ответишь.

«Проклятье, — подумал я, забывая в своем раздражении об осторожности. — Надо было все рассказать ей раньше!..»

— Что ты хочешь от меня?

Вот самая большая проблема с машинами, оборудованными двухсторонней нейроконтактной связью: пилоту приходится постоянно следить за собой, чтобы держать при себе мысли и эмоции, не имеющие отношения к делу. Но это получается не у всех и не всегда. Бэбс и я были вместе уже довольно давно, и объяснить столь продолжительное сотрудничество можно только везением.

В панике я бросил взгляд на вделанный в приборную доску хронометр. Я почти слышал, как Бэбс барабанит пальцами по столу — в переносном смысле, конечно. Времени действительно оставалось в обрез, и мне было совершенно ясно, что говорить нужно как можно короче и как можно убедительнее, иначе на старт мы действительно не выйдем.

— Ну хорошо, твоя взяла, расскажу...

— Так-то лучше. — Ее ускоритель умиротворенно зажурчал.

— Люси была моей первой профессиональной машиной, с ней я одержал первые победы на треке. Одна из ранних моделей Локхид-Рейнард, настоящее произведение искусства... она не имела равных по скорости и маневренности. В течение двух лет мы были непобедимы...

— Да, — поддакнул Спарки, — до «Индианаполиса» тридцать четвертого года.

— Значит, — с угрозой сказала Бэбс, — до меня у тебя уже была девушка?

— Остынь, крошка. Когда мы с тобой встретились, я уже был трехкратным победителем «Индианаполиса», и ты прекрасно об этом знала.

Но Бэбс нелегко смутить. Ее замешательство длилось лишь несколько тысячных секунды.

— И что случилось потом? — спросила она.

Я подумал о времени, которого оставалось все меньше и меньше.

— С нами никто не мог тягаться — мы были быстрее всех. Ведь Спарки усовершенствовал нейроконтактную сеть Люси.

— Ах, вот в чем дело! Вы использовали барадианскую технологию против самих же барадиан?! — воскликнула Бэбс, и в ее голосе прозвучало восхищение.

— Что-то в этом роде, — с гордостью подтвердил Спарки.

— Знаете, парни, это был ловкий ход!

— Очень ловкий, — согласился я. — Поначалу барадиане находились в полной растерянности. Когда же они догадались, в чем дело, то вскоре выяснили, что сами не могут использовать новую схему, поскольку внесенные Спарки усовершенствования были рассчитаны на физиологию человека.

— Барадиане пришли в ярость, — мечтательным голосом вставил Спарки, — но поделать ничего не могли.

— Никто не любит проигрывать, — заметила Бэбс.

— Барадиане не просто не любят проигрывать, они терпеть этого не могут, — сказал я.

— Значит, вы оскорбили барадиан, а в отместку какой-то их гонщик-камикадзе так подрезал тебя на трассе, что ты вылетел с асфальта и вмазался в бордюр? — предположила Бэбс.

— Если бы... — Я снова вздохнул. — Они придумали трюк похуже.

— Не представляю, что может быть хуже, — фыркнула Бэбс.

Я покачал головой.

— Ты никогда не задумывалась, почему в гонках с некоторых пор стали участвовать клоны? — спросил у нее Спарки.

Подсвеченные циферблаты датчиков на панели вспыхнули ярче — так бывало, когда Бэбс задумывалась.

— Наверное, барадиане стали сажать за руль клонов, чтобы использовать новый нейроконтактный интерфейс Спарки, — произнесла она наконец.

— В самую точку! — воскликнул Спарки.

— Ну и что? — тут же спросила Бэбс. — Что они выиграли? Ведь уже несколько лет ни один клон не может обогнать Бадди.

— Во-первых, в те времена я еще не был таким опытным пилотом, как сейчас. Кроме того, барадиане действовали в строжайшей тайне. Достаточно сказать, что информацию об их первых клонах мы получили уже после того, как были сделаны ставки. И надо сказать, — закончил я с горечью, — условия были далеко не равными.

— Ставки? Какие ставки? — удивилась Бэбс. — Ты говоришь о тотализаторе?

— Ты, конечно, знаешь, что барадиане обожают азартные игры, их хлебом не корми — дай побиться об заклад?

— Кто же этого не знает...

— Так вот, они позволили нам с Люси взять несколько престижных призов. Наконец на «Индианаполисе» они поставили на кон самое ценное, что у них было — технологию создания гипердвигателя для межзвездных перелетов.

Последовала довольно долгая пауза, потом Бэбс спросила:

— А что поставил на кон ты?

— Люси, — ответил я.

— Играть на свою девушку?!

Вместо меня ответил Спарки.

— Мы были уверены в победе, — сказал он, низко опустив голову — ни дать ни взять старый пес, которого высекли за провинность.

— Первый клон Фойта начала шестидесятых выиграл у нас с легкостью, — сказал я. — Мы не были готовы, и...

— Все равно не верю, что ты мог поставить на кон свою девушку! И проиграть ее!..

Я молчал. Спарки откашлялся и хотел что-то сказать, но Бэбс опередила его.

— Так, кажется, я догадалась! Похоже, на этот раз вы решили поспорить на меня?..

Я не знал, куда деваться от стыда. Во всяком случае, смотреть на ее приборную панель я не мог и отвел глаза.

— Пойми, Бэбс, обладание межзвездным гипердвигателем сразу продвинет человечество на столетия вперед! Кроме того, никакого особенного выбора у меня не было. Ведь пари с барадианами заключал не я.

— А кто же?

— Президент Соединенных Штатов.

В воздухе повисла напряженная тишина. На старте начался обратный отсчет. Внезапно ожил силовой агрегат Бэбс.

— Не забудь, Бадди, теперь ты мой должник! — заявила она.

— Что-что? — Это все, что я сумел выдавить из себя.

— Ведь ты уже обгонял барадианских клонов, верно?

— Да.

Бэбс рывком сорвалась с места. Взвизгнули покрышки, и позади нас поднялась туча, круто заправленная дымом.

— Бросай хандрить. Возьми себя в руки и покажи им, что ты все тот же Бадди, понял? Я не собираюсь провести остаток жизни в барадианских лабораториях и, в конце концов, угодить на свалку!

Клон, изображавший Джима Наборса, затянул гимн. Золотая Мажоретка взмахнула жезлом. Мэри Джордж IV произнесла свою коронную фразу: «Леди, джентльмены и прочие существа, пожалуйста, заводите моторы...»

Как только упал зеленый флажок, Бэбс сорвалась с места, пронеслась стрелой мимо трибун и гладко вошла в вираж. В считанные секунды одиннадцатый номер, за рулем которого сидел клон Фойта, практически исчез из зеркал заднего вида.

— Вот, значит, какая она — твоя Люси, — удовлетворенно произнесла Бэбс, включая нейротрансмиттеры, и я почувствовал, как в душе возникают и исчезают десятки самых разных эмоций, ощущений, чувств. — Я-то думала, она действительно «горячая штучка», а оказывается...

Можете поверить мне на слово: нет ничего страшнее, чем растущие цифры на табло тахометра — особенно если ты пристегнут ремнями к обезумевшей от ревности любовнице, которая к тому же недавно узнала, что ты готов продать ее в рабство ради какого-то там гипердвигателя, пусть даже с помощью этой машинки человечество сумеет сделать «Звездный путь» реальностью. На первом круге Бэбс установила новый рекорд трассы. Второй круг она прошла еще быстрее. Третий — еще быстрее.

Похоже, Бэбс разобиделась не на шутку.

Я не пытался ее сдерживать. У меня были другие заботы — как бы не слететь с трассы. Лишь некоторое время спустя я позволил себе в качестве эксперимента слегка перетормозить перед первым виражом, чтобы потом на коротком отрезке прямой немного прибавить. Бэбс, кажется, не возражала, и я осмелел. На поворотах я выбирал оптимальную траекторию, а на прямых уводил Бэбс подальше от отбойников. В течение первых полутора десятка кругов мы работали вместе, как Джинджер и Фред*, и этого было почти достаточно, чтобы я мог не думать об одиннадцатом номере, который словно отпечатался в зеркале заднего вида, хотя все еще находился достаточно далеко.

---

* *Знаменитый танцевальный дуэт.*

— Не беспокойся! — провыла Бэбс, когда мы пронеслись сквозь виражи три и четыре и пошли на очередной круг.

В ответ я только натужно рассмеялся.

На паддоке говорят: беспокойство — это стальная крыса, способная просочиться сквозь нейроконтактный интерфейс и нагадить на твой инстинкт самосохранения, накоротко замкнув цепи, отвечающие за стойкость и волю к победе. Но для меня беспокойство — это не какой-то абстрактный грызун, пусть и железный, а вещи вполне конкретные: чужая машина, которая висит на колесе, клон за рулем да еще букет обстоятельств и совпадений из собственного прошлого. Беспокойство — клон Фойта в кокпите Локхид-Рейнарда, который прилип к зеркалу заднего вида, дожидаясь моего промаха.

Значит, подумал я, ты советуешь не беспокоиться? Да что ты вообще знаешь о беспокойстве?!

Некоторое время мы лидировали, потом немного сбавили темп, пока другие пилоты (вот наивные!) пытались выиграть гонку еще до того, как была пройдена первая половина дистанции. Мелькнул желтый флаг — это от стены отскребали Резерфорда. Потом на выходе с пит-лейна столкнулись и загорелись три машины, что позволило представителям барадиан в очередной раз пожаловаться на новые правила, введенные Галактической гоночной лигой.

Если не считать этого, первые сто девяносто кругов прошли без происшествий.

Когда до финиша осталось десять кругов, мы были на второй позиции. Лидировал — хотите верьте, хотите нет — какой-то на редкость прыткий барадианин. Люси и клон Фойта по-прежнему держались за нами, но на протяжении всей гонки им так и не удалось приблизиться. На каждом вираже Бэбс буквально корчилась в экстазе. Ну а меня сжигала нервная лихорадка, знакомая каждому, кто когда-либо мчался со скоростью звука, подвешенный в монококе в трех дюймах от асфальта. В целом же мы шли, как говорится, словно по нарезке.

Барадианин на первой позиции был обречен, и все об этом знали.

Вот мы в очередной раз пересекли стартовую линию. Перед первым виражом барадианин сбросил скорость; я же не спешил жать на тормоза. Мы пошли на обгон по внешней траектории, почти не снижая скорости, и зрители на трибунах с воплями повскакивали с мест, чтобы посмотреть, как нас размажет по стене. Только тут я ударил по тормозам. Бэбс практически мгновенно произвела необходимые расчеты и на полном ходу вписалась в поворот, воспользовавшись избыточной подвижностью руля, которая возникла в системе после последнего пит-стопа.

Я практически до упора вдавил педали протонной пушки и ускорителя антиматерии. Если бы не противоперегрузочный костюм, я бы, наверное, потерял сознание. Только он да еще настойчивое присутствие мыслей Бэбс у меня в мозгу не дали мне вырубиться.

Бэбс с воем вынеслась из виража и помчалась по короткому отрезку прямой перед поворотом номер два. До победы оставалось меньше десяти кругов. Должно быть, по привычке я бросил взгляд в зеркало заднего вида и был несказанно удивлен, увидев там машину.

Номер одиннадцать.

Проклятье!

Похоже, Бэбс и я оказались не единственными, кто не спешил рваться в лидеры, предпочитая выжидать. При мысли о том, что это могло означать, я облился холодным потом.

— Бэбс, малышка, поднажми! Пора переходить на дожигание! — Я провел пальцем по специальной кнопке — в следующее мгновение Бэбс рванулась вперед так, что едва не выскочила из своей титановой кожи. Она была так же свежа и полна сил, как в начале заезда. Поразительно! Еще никогда я не встречал машины, подобной ей, и, наверное, уже никогда не встречу.

Одиннадцатый номер в зеркале заднего вида сразу уменьшился. Но не пропал.

— Ты ведь не беспокоишься, правда, милый? — осведомилась Бэбс своим самым сексуальным, с легкой хрипотцой, голосом, и я почувствовал, как вдоль позвоночника прокатилась волна возбуждения. — Сегодня мы непобедимы, правда?..

К сто девяносто девятому кругу у нас по-прежнему был солидный запас. Чтобы помешать нам выиграть, нужен кто-то покруче, чем клон Фойта и старая керосинка.

Госпожа Фортуна, однако, умеет подбрасывать сюрпризы.

Если бы я внимательнее слушал радиосообщения, то сумел бы избежать того, что случилось несколько секунд спустя. Но судьбе было угодно, чтобы я не услышал, как диктор-информатор объявил, что *еще один* клон Марио тормозит из-за технических неполадок.

Мы вошли в вираж номер один и сразу увидели окутанный дымом двигательный отсек пострадавшей машины, ползущей точно посередине дорожки со скоростью каких-нибудь двухсот миль в час. Тормозить было поздно, да это все равно не кончилось бы ничем, кроме катастрофы, поэтому я решил действовать рулем. Я надеялся обойти препятствие, пустив Бэбс «змейкой», и это мне почти удалось. Лишь в последний момент ее корму занесло к бетонному отбойнику, и я услышал, как Бэбс застонала, когда правое заднее колесо чиркнуло по камню. У меня из глаз полетели искры — ощущение было таким, словно на скорости четыреста девяносто пять миль в час я коснулся бордюра локтем или коленом.

Но в целом наш маневр удался. Мы обошли продолжавшего тормозить Марио и понеслись ко второму повороту. Где-то на половине пути я понял, что все это время не дышал.

Красное размытое пятно пронеслось мимо нас, и я почувствовал, как сердце сбилось с ритма. Номер одиннадцать — Люси и клон Фойта — вырвался вперед и продолжал наращивать преимущество. Синхроциклотроны Бэбс взвыли на самой высокой ноте, но слишком много скорости было потеряно на вираже, когда мы едва не столкнулись с клоном Марио. После прямой перед поворотом номер три преимущество Фойта составляло уже несколько корпусов.

Люси была моей первой классной машиной, но в эти оставшиеся до финиша секунды я осознал, что настоящей дамой сердца стала для меня именно Бэбс. Слезы выступили у меня на глазах, когда я понял, что могу ее потерять. О чем я только думал, когда соглашался на это дурацкое пари? Что я буду без нее делать?

— Держись, любимый! — прохрипела Бэбс, и я с трудом расслышал ее сквозь стон и вой перегруженных контуров и цепей. — Еще не все потеряно!

Мы не могли выиграть. Просто не могли, и все же я был бесконечно благодарен Бэбс за этот последний отчаянный порыв. Про себя я решил: прежде чем ее увезут от меня и разберут на части в каком-нибудь грязном и темном барадианском ангаре, она узнает, что такое истинная любовь. И, собрав в кулак всю свою волю, решимость и остатки мужества, я бросил Бэбс вперед. Ее коллектор взревел, всасывая парные частицы из квантованного покрытия на повороте номер три. Бэбс пулей пронеслась по прямой и вошла в четвертый, последний вираж. Ускорение при этом выдерживалось такое, что у меня проявился эффект туннельного зрения — по бокам расплылось и потемнело, но все, что было впереди, я видел достаточно отчетливо. Расстояние между нами и Люси начинало сокращаться. Очевидно, клон Фойта заметил нас в зеркале и еще плотнее прижался к бровке, выигрывая миллиметры и миллионные доли секунды.

На выходе из четвертого поворота мы отставали от лидера всего на полтора корпуса.

Фойт гнал Люси, как никогда. Мои нервные импульсы, просочившись сквозь титановое днище, достигли ускорителя частиц, и Бэбс взревела, как ракета. Расстояние продолжало сокращаться... но медленно... слишком медленно. Я отчетливо видел, что за немногие оставшиеся до финиша ярды нам не ликвидировать разрыв.

Мы оба отдавали все силы, всю нервную энергию, но нам попрежнему светило только второе место, а в данном случае это означало поражение.

— Проклятье! — завопил я.

Голос Бэбс донесся, казалось, сразу со всех сторон:

— Держись крепче, Бадди!

С этими словами она вильнула в сторону и, выскочив из-за спины Фойта на свободную траекторию, словно уперлась в стену твердого, неподатливого воздуха, который казался крепче камня.

В следующий миг у меня внутри все перевернулось, как бывает, когда самолет проваливается в воздушную яму. В ушах раздался отчетливый щелчок, а свет перед глазами на мгновение померк. Когда зрение снова вернулось ко мне, я увидел, что финишная линия отдалилась, будто я смотрел в перевернутый бинокль. Потом мне на грудь свалилась бетонная плита, и еще несколько мгновений я видел дневной свет, как далекое-далекое пятнышко.

Действительно ли я заметил клетчатый флаг в руках судьи или это мне только почудилось?

Номер одиннадцать пересек финишную черту. Я видел его достаточно ясно, вот только он почему-то двигался нам *навстречу*. Именно так и было — я готов поклясться чем угодно. Что касается нас, то мы стояли у первого поворота обратившись лицом назад.

Каким образом мы оказались за линией финиша, я так и не понял.

— Что за чертовщина?!

— Мы победили, любимый, — хрипловато сказала Бэбс, и рев ее двигателя упал до чуть слышного, мерного рокота.

Как прошел остаток дня, я помню довольно смутно: события сменяли друг друга с поистине калейдоскопической быстротой. Вот мы с Бэбс совершаем круг почета; вот Спарки в восторге лупит меня по спине, пока я принимаю из рук главного судьи традиционную бутылку кумыса, вот я поднимаю на вытянутых руках тяжеленный кубок, раздаю интервью, разговариваю по телефону с президентом... Только вечером, в гараже, вдали от суеты, мы с Бэбс получили возможность поговорить по душам.

— Я не понимаю, что произошло, — сказал я, подсоединившись к ее нейросети.

— Как — что? Мы выиграли!

— Ты прекрасно понимаешь, о чем я спрашиваю.

— Гипердвигатель для межзвездных полетов, из-за которого разгорелся весь сыр-бор, сделан по той же технологии, что и мой силовой агрегат. Разве для тебя это новость?

— Совершеннейшая! А при чем тут гипердвигатель?

— Сам подумай. Я-то догадалась задолго до старта.

Она впрыснула мне небольшую порцию серотонина, и я начал понимать...

— Неужели мы вызвали темпоральное смещение?! — воскликнул я, все еще не веря.

— Нет, — отрезала Бэбс. — Это я вызвала темпоральное смещение, а ты просто сидел в кокпите и старался удержать завтрак в желудке.

Я с трудом сглотнул.

— Боюсь, судейской комиссии это не понравится.

— Может быть, — беспечно бросила Бэбс. — Но я уверена, что барадиане не станут вносить протест.

— Почему?

— Ты, я вижу, был слишком занят, разыгрывая перед спонсорами покорителя асфальтовых трасс, и не слышал последние новости. Барадиане признались...

— В чем?!

— В том, что им нечем платить по счетам.

— Как это?

— Да нет у них никакого гипердвигателя.

— Все равно я не понимаю...

— Они поставили на кон то, чем не обладали.

Понемногу до меня стало доходить.

— Но ведь это... это обман! Почему они так поступили?

— Они были уверены в своем выигрыше.

Мне вдруг стало невыразимо стыдно. Зная, что Бэбс чувствует мое смущение, я и вовсе готов был провалиться сквозь землю. Проклятая нейроконтактная связь! Нет бы Спарки сделать ее односторонней!

— Прости меня, если можешь, — попросил я. — Мне... В любом случае я не должен был допустить, чтобы тебя сделали ставкой в этой гонке.

— Я тебя простила, любимый, — ласково сказала Бэбс, и я сразу почувствовал себя лучше. — Только не думай, пожалуйста, что легко отделался, — сразу же добавила она.

— Но как мне вернуть долг? — пробормотал я, заранее зная: что бы ни придумала Бэбс, мне это не понравится.

— Я сама позвонила госпоже президенту и предложила сделку, — сказала Бэбс. — Я передам ей секрет гипердвигателя в обмен на неограниченный доступ к любым гоночным трассам Земли.

— Просто отлично!..

— Но это не все. Есть одно условие.

— Какое же?

— Сделка вступает в силу только после того, как мы с тобой подпишем пожизненный брачный контракт.

Я ухмыльнулся.

— Первый брак между машиной и человеком?

— Ты все правильно понял, дорогой. Мне кажется, медовый месяц лучше всего провести в Монте-Карло, а затем съездить в Себри. Я слышала, там проводятся очень интересные гонки на выживание.

— Что ж, неплохо, — согласился я.

Честно говоря, меня сильно беспокоило, буду ли я на высоте во время двадцатичетырехчасовых гонок по пересеченной местности, но этот вопрос я решил отложить на потом. Идея брачного союза между человеком и машиной пульсировала в каждом моем нерве — в том числе и в тех, о существовании которых я до этого момента даже не подозревал.

— И все же я не совсем понимаю, — проговорил я, — если ты с самого начала знала, что сможешь осуществить временной гиперпереход, зачем вообще было напрягаться?

— О, Бадди!.. — прошептала Бэбс, и ее голос прозвучал прерывисто, словно слова застревали в ее искусственных нейроэлектронных контурах. — Ведь я участвую в гонках вовсе не ради победы, а ради тех кругов, которые мы с тобой пробегаем между стартом и финишем. Именно ради них стоит выигрывать и... стоит жить.

Перевел с английского
Владимир ГРИШЕЧКИН

ДЖИН ВУЛФ

ТОЧКА

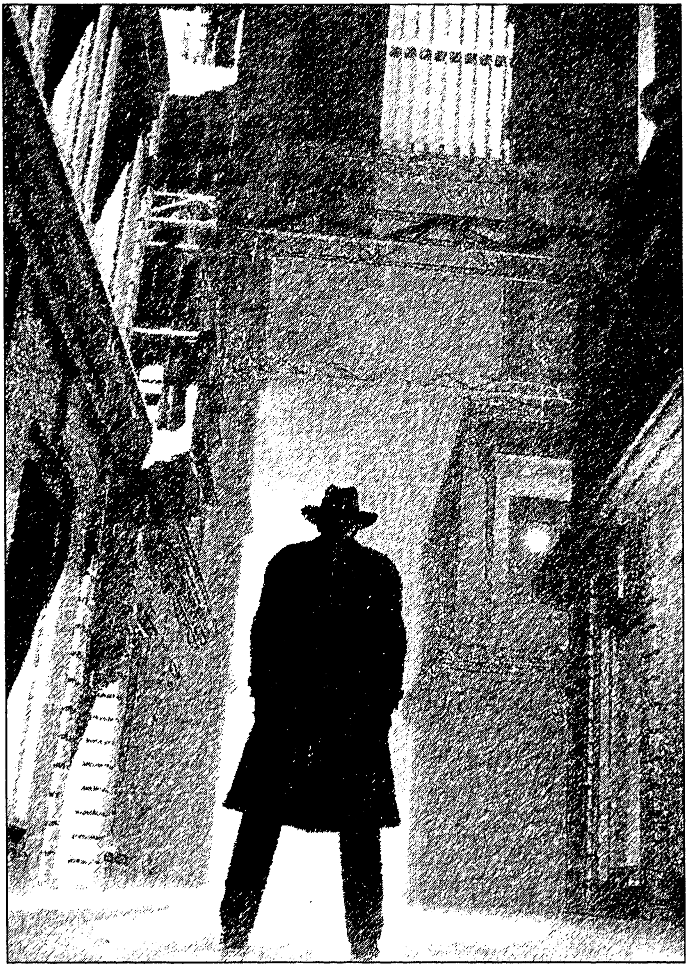


Иллюстрация Игоря ТАРАЧКОВА

ЗРЕНИЯ

У меня только один вопрос, — заявил Джей. — Могу ли я быть твердо уверен, что мне заплатят? Дайте мне положительный ответ — и приказывайте.

Сидящий напротив него моложавый мужчина открыл ящик стола и достал пачку новеньких банкнот. За ней последовала вторая, третья и еще семь. У мужчины были светло-русые волосы и ясные голубые глаза, говорившие, что их обладателю можно доверять абсолютно во всем.

— Вот деньги, — негромко произнес мужчина. — Все банкноты по сотне. В каждой пачке по сто банкнот, то есть десять тысяч. Десять пачек — сто тысяч. Вообще-то, не такие уж и большие деньги.

— Меньше, чем вы зарабатываете за год.

— Меньше, чем я зарабатываю за полгода. Но я знаю, что для вас это деньги приличные. — Мужчина сделал паузу, словно подыскивая новую тему для разговора. — Вам не говорили, что у вас героическое лицо? Эти шрамы... Вы действительно сразились с рысью?

Джей пожал плечами:

— Пуля перебила ей хребет, и я решил, что она мертва. Подошел слишком близко.

— Понятно. — Мужчина подтолкнул к нему пачки денег. — Что ж, насчет оплаты можете не беспокоиться. Это вся сумма, вы получите ее вперед и наличными. — Он опять сделал паузу. — Возможно, мне не следует говорить, но...

Джей не отрывал глаз от денег.

— Какой-то секрет? Тогда не говорите.

— Да нет, собственно... Словом, готовьтесь к тому, что эти деньги у вас попытаются отнять.

— Бандиты?

— Пока я имею в виду не их.

— Кто же тогда?

Мужчина вздохнул:

— Государство. Федеральные службы.

— Почему? — удивился Джей. — Я ведь не украл деньги.

— Это с вашей точки зрения. А с точки зрения государства — украли. Вы не уплатили налоги — это раз. К тому же у себя в глуши вы, кажется, забыли Закон: все деньги — собственность правительства. И если вы их тут же не положите в банк, то Большой Папа сцапает их через наносекунду, оставив вам сущие гроши.

Джей кивнул все еще скептически:

— Конечно.

— Поймите, я не хочу давать вам деньги только для того, чтобы у вас их отобрали. Государство и так имеет солидную долю от каждой вашей покупки, но с этим приходится мириться.

Джей мириться не собирался, однако промолчал.

— Сосчитайте купюры. Сделайте это дважды, внимательно осмотрите их. Я не хочу, чтобы вы думали, будто мы обманули вас из-за паршивой тысячи.

Джек последовал совету. Он был даже не в состоянии представить, сколько всего можно купить на такую огромную сумму. Он нуждался в деньгах столь отчаянно, что уже не мог оценивать их в стоимости нового ружья или каноэ. Сейчас ему нужны были деньги сами по себе, а о такой сумме он не смел и мечтать.

— Хотите сумку? Могу дать, но в вашей куртке много карманов. Куртка туристская, верно?

— Охотничья.

Мужчина улыбнулся как человек, знающий некую тайну.

— Почему бы вам не положить деньги в куртку? Там они будут в большей безопасности, чем в сумке.

Джей уже начал набивать карманы — тридцать тысяч в верхний правый внутренний, еще двадцать в верхний левый, возле бумажника. Двадцать в левый наружный.

— У вас шестая категория, верно?

— Конечно. — Джей постучал по пустому экранчику над глазами.

— Хорошо. — Мужчина выдвинул другой ящик. — В качестве бонуса вы получите двойное повышение. Пару «точек». Сидите спокойно.

Джей повиновался.

Моложавый мужчина спросил:

— Могу поспорить, что вам хочется взглянуть на себя. Жаль, но у меня здесь нет зеркала. Не хотите сходить в туалет? Там много зеркал. Когда насмотритесь, возвращайтесь сюда. А мне надо позвонить.

— Спасибо.

В офисе без окон рядом с кабинетом моложавого мужчины его секретарша болтала с большим роботом-охранником. Джей осведомился, где здесь туалет, и робот вызвался его проводить, бесшумно ступая по коридору, облицованному искусственным мрамором.

— Скажите мне кое-что, — обратился Джей, когда робот остановился перед дверью в туалет. — Допустим, выйдя отсюда, я спущусь в вестибюль. Там никто не помешает мне выйти на улицу?

— Нет, сэр.

— Но вы останетесь стоять здесь, дожидаясь, пока я выйду, верно? И я не смогу дойти до лифта.

— Вам для этого понадобится гид, сэр?

Бесстрастное металлическое лицо не поведало Джею ничего, а приятный баритон намекал лишь на вежливый вопрос.

— Обратную дорогу я могу найти сам.

— В таком случае, у меня есть другие обязанности, сэр.

— Например, разговаривать с той девушкой?

— Говорите «женщиной», сэр. С той молодой женщиной. Они так предпочитают, а Валери — превосходный источник информации.

Джей кивнул.

— Можете ответить мне еще на несколько вопросов?

— Если сумею, сэр.

— Сколько «точек» я получил?

— Вы имеете в виду звезды индекса увеличения?

Джей кивнул.

— Две, сэр. Вы проверяете мое зрение, сэр?

— Конечно. Еще один вопрос, и я оставлю вас в покое. Как зовут того, с кем я разговаривал? На его столе нет таблички с именем, и он не представился.

— Мистер Смит, сэр.

— Да вы шутите.

— Нет, сэр.

— Джон Смит? Готов поспорить, что его зовут именно так.

— Нет, сэр. Мистер Джеймс Р.Смит.

— Черт побери!

Почесывая подбородок, Джей вошел в мужской туалет. Как и обещал мистер Джеймс Р.Смит, стены украшало не менее десятка зеркал. Встроенный в лоб Джея суммирующий экранчик, пустой и черный с той поры, когда он получил его в школе между четвертым и пятым классами, теперь показывал две мерцающие звезды с пятью или шестью лучами — алые или синие в зависимости от угла, под которым он их разглядывал.

Он любовался ими добрых десять минут, если не больше. Потом облегчился, вымыл руки и снова пересчитал деньги. Сто тысяч хрустящими новыми сотнями. Если рассуждать логически, то они могут оказаться и поддельными. Следуя той же логике, ему надо показать одну из них роботу-охраннику и поинтересоваться его мнением.

Заметил ли робот его распухшие карманы? Охранники наверняка запрограммированы на то, чтобы замечать такие детали, и могут оказаться гораздо более наблюдательными, чем полицейский-человек.

Он вытащил банкноту и проверил ее, потерев между пальцами и посмотрев на просвет. Прочитал вслух серийный номер. Вроде все в порядке. Хорошо.

Если робот и назовет банкноту фальшивой, то потому, что ему было велено так сделать, вот и все.

Далее, кому-нибудь следовало предусмотреть, что он может напасть на молодого человека, которого робот назвал Джеймсом Р.Смитом, потому что детекторы металла наверняка засекли в кармане Джея охотничий нож. Но Смит не попросил убрать нож из кармана и даже не упомянул о нем. Почему?

Джей потратил еще секунд пятнадцать—двадцать, разглядывая звезды на своем экранчике ИУ, а потом минуты три пытался сосредоточиться, готовясь выйти из туалета. В холле робота не оказалось. Важный мужчина средних лет вошел в туалет, миновав Джея, даже не взглянув на него.

Джей подошел к лифтам, помахал рукой, чтобы сработал детектор движения, и спустился на лифте в вестибюль. Пока что, насколько он мог судить, никто не обращал на него ни малейшего внимания. В вестибюле он увидел еще одного робота-охранника (он был там и когда Джей сюда пришел), но и тот не обратил на него особого внимания.

Вращающиеся двери выпустили его на Шестую авеню. Помогая себе локтями, он протиснулся сквозь толпу на тротуаре и вернулся в здание «Глобнет».

Робот-охранник опять болтал с молодой женщиной в кабинетике без окон. Увидев Джея, она кивнула и улыбнулась. Двери в кабинет Смита распахнулись.

Смит, говоривший, что собирается куда-то звонить, стоял у огромного — от пола до потолка — окна, глядя в угрюмое декабрьское небо.

— Я вернулся, — сообщил Джей. — Извините, что меня так долго не было. Я пытался получить доступ к новым чипам, которые вы мне дали.

— И не смогли, — заметил Смит, поворачиваясь.

— Именно это я и обнаружил.

Кресло Смита откатилось назад, и он уселся за стол.

— Вы не собираетесь спросить, для чего эти чипы?

Джей покачал головой.

— Ладно, тогда мне не придется долго объяснять. Сто тысяч все еще при вас?

Джей кивнул.

— Хорошо. Через сорок семь минут мы объявим по всем своим каналам, что они у вас есть. Мы назовем ваше имя и покажем, как вы выходите из этого здания. Сообщение будет повторено сегодня вечером во всех выпусках новостей: имя, новые кадры, сто тысяч. На вас начнут охоту все грабители города. И если вы деньги спрячете, то весьма вероятно, что они сунут ваши ноги в костер.

Смит подождал, но Джей ничего не сказал.

— Вы не спрашивали, за что мы вам заплатили, но теперь я скажу. Мы заплатили вам за то, чтобы вы остались в живых и получили хоть какую-то пользу от своих денег. И все. Если захотите остаться в городе и продержаться сколько сможете — хорошо. Если захотите уехать — пожалуйста. Мы вас ни к чему не принуждаем, и вы вольны делать все, что сочтете нужным.

Смит помолчал, рассматривая сперва изуродованное шрамом лицо Джея, затем пустую и безукоризненно чистую поверхность своего стола.

— Извлечь эти чипы вы не сможете. Вам это известно?

Джей покачал головой.

— Их легко вставить для обновления, но практически невозможно извлечь, не уничтожив само устройство и не убив при этом его владельца. Я не могу помешать вам попытаться, но у вас ничего не получится, и вы можете нанести вред себе.

— Понял, — буркнул Джей, подсчитывая звезды на экранчике Смита. Четыре.

— Объявление выйдет в эфир через сорок пять минут, но вам нужно покинуть здание раньше, чтобы мы смогли показать, как вы это делаете.

Двери за спиной Джея распахнулись, в кабинет вкатился робот-охранник.

— Кейди Девятнадцать вас проводит. — В голосе Смита прозвучало смущение. — Это нужно лишь для того, чтобы мы смогли вас заснять.

Джей встал.

— Хотите спросить у меня что-нибудь перед уходом? Времени у нас мало, но я расскажу все, что смогу.

— Нет. — Джей передернул плечами. — Сохранить деньги и остаться в живых? Я все понял.

— Кейди Девятнадцать вас не ограбит, — крикнул Смит ему вслед. — На этот счет можете не волноваться.

Когда за ними закрылись двери кабинета Смита, Кейди Девятнадцать усмехнулся:

— Готов поспорить, что об этом вы даже не подумали, сэр.

— Вы правы, — отозвался Джей.

— Собираетесь спросить, где расположены голокамеры, сэр?

— В вестибюле и на улице, скорее всего.

— Вы правы, сэр. Однако не надо озираться. Это плохо смотрится на экране, и придется редактировать запись.

— Мне хотелось бы увидеть объявление, которое пойдет в эфир, — сказал Джей, когда они остановились перед лифтом. — Не подскажете, где я смогу это сделать?

— Конечно, сэр. Пройдите квартал на север и сверните направо. Там есть бар «Студия». — Двери лифта скользнули в стороны. Кейди Девятнадцать на секунду замер, вероятно, убеждаясь, что кабина пуста, потом сказал: — Но вы будьте осторожны, сэр. Выпейте там лишь одну порцию. Этого достаточно.

Джей вошел в лифт.

— Говорят, там стоит хороший головизор. Наши люди все время ходят туда смотреть передачи, над которыми они работали.

Когда двери лифта закрылись, Джей сказал:

— Вряд ли вы сможете подсказать мне, где я смогу купить оружие.

Кейди Девятнадцать покачал головой:

— Мне следует арестовать вас уже за один вопрос, сэр. Разве вы не знаете, что о вас заботится полиция? Пока у нас есть полиция, все люди в безопасности.

Лифт поехал вниз.

— Я лишь надеялся, что вы можете это знать, — извиняюще пояснил Джей.

— Может, и знаю, сэр. Но это не означает, что скажу.

Сунув руку в боковой карман, Джей разорвал бумажную полоску на пачке сотенных, отделил от нее две банкноты, не вынимая пачки из кармана, и показал роботу деньги.

— За информацию. Она не может быть преступлением.

— Минутку, сэр. — Кейди Девятнадцать сунул четвертый палец левой руки в кнопку «стоп», повернул ее и нажал. Плавное скольжение лифта резко прекратилось.

— Вот, возьмите. — Джей протянул деньги.

Кейди Девятнадцать жестом призвал человека к молчанию. Изо рта робота выскользнула полоска бумаги, которую тот поймал на лету.

— Лучший торговец в городе, сэр. Я не утверждаю, что она не обдерет вас, как липку. Обдерет. Однако не столь сильно, как остальные, и товар у нее качественный. Если она продает нечто, сделанное в подвальной мастерской, то честно об этом предупреждает.

Он отдал бумажку Джею, взял деньги и сунул их в карман для принадлежностей.

— Сперва ей надо позвонить, сэр. Там записан и ее адрес, но не ходите туда, пока не позвоните. Скажите, что вас направил Кинкейд. Если она спросит номер его квартиры или что-то в этом роде, вы должны сказать «девятнадцать». Вы меня поняли, сэр?

Джей кивнул.

— Там все это записано. И еще кое-какие советы на случай, если забудете. Но только вы эту бумажку разжуйте и проглотите, как только получите то, что вам нужно, сэр. Вы это сделаете?

— Да, — пообещал Джей. — Даю слово.

— Надеюсь, вы его сдержите, сэр, потому что, если вас арестуют, вам понадобятся друзья. А если при вас найдут эту бумажку, друзей у вас не будет.

Через вестибюль Джей прошел один, честно стараясь не высматривать голокамеры. Уличные камеры, скорее всего, спрятаны в машинах или фургонах, но могут оказаться и за окнами верхних этажей на другой стороне улицы. Он пошел на север, как ему и советовали. Взглянув на углу направо, он увидел вывеску «Студии», выше которой виртуальные рабочие сцены бесконечно манипулировали виртуальными прожекторами и стойками. Однако он прошел на север еще два квартала, потом свернул в сторону Пятой авеню и двинулся по боковой улице, пока не отыскал магазинчик, где купил шляпу с широкими опущенными полями и дешевый черный плащ — достаточно большой, чтобы носить его поверх охотничьей куртки.

Возвращаясь к «Студии», он подходил к ней и с запада, и с востока, не приближаясь более, чем на полквартала, но не заметил кого-либо, наблюдающего за входом. Возможно (лишь возможно, признал он с неохотой), Кейди Девятнадцать действительно оказался настолько полезным. Возможно.

В примерочной кабинке другого магазина, торгующего одеждой, он прочел то, что было написано на бумажке:

Попробуйте Джейн Маккейн — Гринтри Гарденс, дом 18, квартира 8. 1028-7773-0320. Сперва позвоните и скажите «Кинкейд». Если она спросит о каком-нибудь номере, назовите мой. Она не станет говорить с теми, кого никто не посылал, поэтому вы должны назвать мой номер. Она любит деньги, поэтому скажите, что вам нужно хорошее качество и вы за него заплатите. Когда придете к ней, предложите половину от цены, которую она запросит, и торгуйтесь. Вы должны добиться скидки в 10—20 процентов от ее цены. Не платите столько, сколько она запросит. Такси не берите. Идите пешком или поезжайте на автобусе. Не провалите первый разговор по телефону. Будьте осторожны.

У него ушел почти час, чтобы отыскать телефон-автомат в безопасном, по его мнению, магазине. Он скормил ему банкноты — сдачу после покупки плаща — и набрал номер, указанный на бумажке.

Три звонка, и над телефоном появилось изображение нахмуренной, крепко сложенной женщины в черной пластиковой блузке и темной юбке, с вьющимися рыжими волосами и веснушками.

— Здравствуйте. Меня здесь сейчас нет, но если вы оставите сообщение после сигнала, я с вами свяжусь, как только смогу.

Прозвучал сигнал.

— Меня зовут Скитер. — Джей говорил быстро, чтобы скрыть нервозность. — Я друг Кинкейда. Он попросил позвонить вам, когда я буду в городе, но я звоню из автомата, поэтому вы не сможете мне перезвонить. Я позвоню снова, когда устроюсь.

Никто из местных продавцов не выглядел человеком. Джей медленно обошел магазин, делая вид, будто разглядывает дешевые электробритвы и сувенирные майки, пока не отыскал дверь с табличкой НЕ ВХОДИТЬ. Он постучал и вошел.

Менеджер быстро выключил свой компьютер, но Джей успел заметить в темном окне за его спиной отражение с дисплея — обнаженные обнимающиеся женщины.

— Да, сэр. В чем проблема?

— У вас проблем нет, зато она есть у меня, и я заплачу вам сотню, — он показал ему деньги, — чтобы вы помогли ее решить. Я хочу снять ваш кабинет на полчаса, чтобы воспользоваться телефоном. Бумаги ваши я трогать не стану и ничего не украду. Вы просто пойдете в магазин или куда-нибудь перекусить. Через полчаса вы вернетесь, а я уйду.

— Если это междугородный звонок...

Джей покачал головой:

— Нет, все звонки будут местные.

— Обещаете? — Менеджер все еще сомневался.

— Абсолютно.

— Хорошо. Давайте деньги.

Джей протянут ему банкноту.

— Минутку.

Менеджер включил компьютер, посмотрел на дисплей, поработал мышью, щелкнул, изучил результат и снова щелкнул. Джей посмотрел на телефон. Как он и ожидал, его номер был написан на корпусе.

— Хорошо, — повторил менеджер. — Я заблокировал на телефоне междугородные звонки. Чтобы его разблокировать, нужно ввести мой пароль.

— Я и не знал, что вы сможете такое сделать.

— Конечно. Хотите отказаться от сделки?

Джей покачал головой.

— Прекрасно. Кабинет ваш на полчаса. Если понадобится, то и больше, но не позднее, чем до половины четвертого. Договорились?

— Договорились.

У двери менеджер задержался:

— В магазине есть телефон-автомат. Вы об этом знаете?

— Знаю, — кивнул Джей. — Но он не принимает входящие звонки.

— Если такое позволить, то в кабинке станут торчать продавцы наркотиков и никому не дадут пользоваться автоматом. Вы продаете наркотики?

Джей покачал головой.

— Я тоже так не думаю. — Менеджер закрыл за собой дверь.

Один, ноль, два, восемь. Семь, семь, семь, три. Ноль, три, два, ноль. Снова три звонка, снова изображение рыжеволосой женщины.

— Здравствуйте. Меня здесь сейчас нет, но если вы оставите сообщение после сигнала, я с вами свяжусь, как только смогу.

Прозвучал сигнал.

— Это опять Скитер, — представился Джей. — У меня есть деньги, и Кинкейд сказал, что мы с вами можем провернуть одно дельце. — Он прочитал вслух номер телефона менеджера. — Если вы сможете дать мне то, что я хочу, то для вас сделка окажется очень выгодной. — И он добавил, надеясь, что женщина не последует этому совету: — Спросите Кинкейда, — после чего отключился.

Упомянутые Смитом сорок пять минут давно истекли. Изображение Джея появилось и в «Студии», и в миллионах домов и квартир.

Возможно, его уже ищут — на автостанции, в «Студии», в любых вероятных местах. В том числе и у этой женщины, Маккейн.

Телефон зазвонил. Он нажал кнопку приема.

— Скитер.

— Это Джейн. — Просторная блузка осталась, но темную юбку сменили джинсы, а волосы женщина скрепила на затылке заколкой. — Это Кинкейд послал вас ко мне?

— Все верно. Он сказал, что у нас может получиться сделка, и дал мне ваш номер.

— Кинкейд, наверное, уже стал большим парнем?

— Да уж покрупнее меня, — честно ответил Джей.

— А сколько ему сейчас лет?

— Девятнадцать.

— Он дал вам мой адрес? Или только номер?

— Он дал адрес, — осторожно ответил Джей. — Но я не знаю, правильный он или нет. Вы недавно переехали?

— А какой адрес у вас?

Джей помедлил:

— Ничего, если я прочитаю его вслух?

— Почему бы и нет?

Открылась дверь, в кабинет заглянул менеджер. Джей махнул рукой, чтобы тот ушел.

— Какой адрес он вам дал?

Бумажка с адресом лежала на столе. Джей поднял ее так, чтобы женщина смогла его видеть.

— Слишком мелкий шрифт. Вам придется прочесть адрес вслух.

— И это вас не волнует?

— С какой стати?

Джей вздохнул:

— Не знаю. Когда я учился в колледже, то любил играть в шахматы. А сейчас у меня такое ощущение, словно я опять играю в шахматы, да только забыл правила. — Он повернул листок к себе. — Гринтри Гарденс, дом 18, квартира 8?

— Правильно. Когда вы там будете?

В черном плаще над карманами имелись прорези, что позволило Джею добраться до кармана камуфляжной охотничьей куртки под плащом. Он достал сотню и показал ее Джейн:

— Это вы можете прочесть?

— Конечно.

— Вы это получите, если подберете меня. Вы уже видели и меня, и как я одет. Я буду в маленьком парке на углу Шестой и Четырнадцатой.

— Нет.

— Я хочу кое-что купить. А это я вам заплачу лишь за одну поездку.

Он отключил связь и вышел из магазина, помахав менеджеру.

Ниже по улице отыскался отель. Джей вошел и встал у стойки — огромной конструкции из бронзы и мрамора. Через пять минут темнокожая женщина в прозрачной пластиковой блузке спросила его:

— Желаете поселиться?

— Хотелось бы. — Он положил на стойку две сотни.

— Мы не можем взять наличные. — Она смотрела на деньги так, словно это были змеи. — У вас есть кредитная карточка?

Джей покачал головой.

— Да и багажа у вас нет.

Джей не стал это отрицать.

— Мы не сможем вас поселить.

Джей указал на банкноты:

— Я заплачу вперед.

Женщина понизила голос:

— Нам не разрешают принимать таких, как вы, даже если у вас две «точки».

* * *

В универмаге, в квартале от отеля, он перехватил продавца.

— Мне нужна легкая сумка... примерно вот такая.

Продавец разинул рот:

— Три фута, сэр?

— Даже длиннее. — Джей еще немного развел руки.

Продавец покачал головой.

— Три с половиной, не менее. Сорок два дюйма, — настаивал Джей.

— С мягкими боками? — Продавец явно надеялся, что Джей скажет «нет».

— Конечно, — улыбнулся Джей.

— Подождите здесь. — Продавец побарабанил пальцами по крышке чемодана. — Я ненадолго отойду.

Джей стянул с головы широкополую шляпу и вытер лоб. Шляпа хорошо защищала от уличного холода, а в универмаге было тепло.

Насколько он мог судить, снующие вокруг покупатели не обращали на него внимания. Разумеется, никто этого делать и не станет. Если за ним наблюдают, то с определенного расстояния или при помощи какого-нибудь электронного устройства. Оглядевшись в поисках такового, он обнаружил три камеры — не на виду, но и не очень-то замаскированные. Городские копы, служба безопасности магазина и кто-то еще. Минуту-другую Джей пытался догадаться, кем мог оказаться третий наблюдатель, но ничего толкового в голову не приходило.

Отдел сумок и чемоданов располагался рядом с отделом мужской одежды, и Джей зашел туда.

— Что вы желаете? — Продавец здесь был молодой, тощий и сердитый.

«При таком сложении тебе следует быть поосторожнее», — подумал Джей, но оставил замечание при себе, а вслух сказал:

— Этот плащ мне пришлось купить в спешке. Вот я и подумал, что смогу подыскать здесь что-нибудь получше.

— Черный?

— Нет, другого цвета. Какие у вас есть?

— Синие и зеленые.

— Зеленый, — решил Джей. — Если оттенок не очень светлый.

Продавец подошел к вешалкам и снял плащ.

— Ярко-зеленый. Годится?

— Годится.

— Но если его вывернуть наизнанку, он станет темно-синим. Видите?

Джей взял у продавца плащ и осмотрел его.

— Тут разрезы над карманами. Мне это нравится.

— Карманы одни и те же для обоих цветов. — Продавец произнес это так, словно надеялся, что его слова отпугнут покупателя.

— Беру.

Продавец взглянул на бирку:

— Размер «большой», рост «высокий». Подходит?

— Годится, — повторил Джей.

— Пакет нужен?

Джей кивнул. Прочный пластиковый пакет может пригодиться.

Сердитый парень доставал пакет, когда вернулся продавец из отдела чемоданов.

— Это называется сумка на колесиках, — пояснил продавец, когда подошел Джей. — Ручка здесь. Сумку можно нести, а можно выдвинуть вот эту рукоятку и катить сумку за собой — видите колесики внизу? Сорок четыре дюйма, самая большая из всех, что у нас есть. У вас есть карточка нашего магазина?

— Наличные.

— Хотите карточку? Если возьмете ее, то скидка будет десять процентов.

Джей покачал головой.

— Дело ваше. Слышали о парне с кучей денег?

Джей снова покачал головой:

— Каком парне?

— Его показывали в новостях. Ему дали пачку наличных, чтобы его кто-нибудь ограбил. Да только вряд ли у них что-то получится, ведь они видят все, что видит он. И все сразу узна́ют, кто грабитель.

— Они видят то, что видит он?

— Конечно. Через его экран. Как только парень на кого-то посмотрит, они тоже видят этого человека.

— Да как они могут шпионить за людьми?

— Им на это наплевать, — заметил продавец.

Нелюбезный парень из отдела мужской одежды уже куда-то подевался. Новый плащ Джея лежал на прилавке в пластиковом пакете. Джей расстегнул молнию на новой сумке и сунул в нее плащ.

На улице начало темнеть. Попрошайки, вооруженные рукоятками для метел и обрезками водопроводных труб, сновали в толпе выходящих из магазина покупателей, осыпая угрозами тех, кто выглядел беспомощно.

По сравнению с толпой у магазина, маленький парк казался оазисом спокойствия. Джей уселся на скамейку, поставив сумку между ног, и принялся ждать. Мимо ползли машины, по большей части невидимые за торопливым потоком пешеходов, выдыхающих облачка пара в морозный воздух. Кое-кто из водителей очень напоминал сердитого продавца из отдела мужской одежды, но в основном лица отражали равнодушие людей, обреченных вести кубические фургончики и неуклюжие махины автобусов со скоростью четыре мили в час, а то и меньше.

— Вам не холодно? — На дальний конец скамейки присел шмыгающий носом старик.

Джей покачал головой.

— А мне холодно. Я чертовски замерз.

Джей промолчал.

— Вон там, — старик ткнул куда-то пальцем, — есть приют, чтобы мы не бродили по улицам. Да только там все крадут, стоит заснуть. Подчистую. И есть не дают. Если бы вы подкинули мне деньжат, я купил бы себе еды и пошел туда спать, но уже не голодный.

— Могли бы прихватить и бутылочку вина, согреться, — заметил Джей.

Старик секунду помолчал, причмокнув почти беззубыми деснами:

— Тут вы опять правы, винца бы я выпил.

— Конечно.

— Я когда-то получал социальное пособие, да только оно больше не приходит. Какая-то с ним проблема.

— И новый свитер вам не помешал бы, — посоветовал Джей. — Зима только начинается.

— Коли денег хватило бы, то и свитер бы купил, — согласился старик. — И смог бы спать в ящиках, а не в приюте.

— В гостинице-автомате?

— В ней самой.

— Я вчера в такой ночевал. — Джей задумался. — Мне там не понравилось, но это, наверное, гораздо лучше приюта.

— Точно!

— Вы сказали, что замерзли. Хотите мой плащ?

Старик помедлил с ответом.

— А вы ответили, что вам не холодно. Но вы же замерзнете, коли отдадите плащ.

Джей встал и принялся проталкивать пуговицы сквозь пластиковые петли.

На Сороковой улице кто-то нажал на клаксон. Раздался приглушенный вой, который мог бы издавать умирающий кит.

— Так вы его отдаете?

— Да. — Джей протянул плащ старику. — Надевайте.

Старик сунул руку в объемистый рукав.

— Сдается мне, вон та леди вас зовет, — заметил он.

— Все равно она застряла в пробке. — Джей подождал, пока старик просунул руку во второй рукав, потом выудил из кармана куртки сотню. — Если я дам вам денег, вы не расскажете обо мне тем ребятам с палками?

— Черта с два! Они же у меня все отнимут.

— И то верно.

Джей отдал старику сотню, промчался через парк, отпихивая людей большой сумкой, и выбежал на мостовую, где в пробке замерли машины.

Из темно-зеленого фургончика ему махала рыжеволосая женщина. Джей распахнул правую переднюю дверцу, забросил в машину сумку, залез следом и уселся. В машине пахло пыльной обивкой и духами.

— Не смотрите на меня, — велела женщина. — Смотрите прямо перед собой.

Джей повиновался.

— Все время, пока вы рядом, вы не должны поворачиваться ко мне. Понятно? Что бы я ни сказала, что бы ни сделала — не смотрите на меня.

Джей кивнул.

— Это первое. Они уже видели меня по телефону, но чем меньше они будут меня видеть, тем лучше.

— Спасибо, что приехали за мной.

— Я не собиралась, — сердито заметила она.

Джей покачал головой, не глядя на спутницу:

— А я надеялся. После того разговора я решил, что на вашем месте ответил бы именно так, отказом, чтобы они не ждали нас здесь, если подслушивали.

— А они подслушивали. Они и сейчас слушают. Они слышат все, что слышите вы, и видят все, что видите вы.

Джей кивнул — в основном для себя.

— Мне следовало бы догадаться, что это кончится примерно так.

— Наш разговор пустили в эфир. Возле моей берлоги в Гринтри уже толпа. Я рванула к дому, думала встретиться с вами, а там уже человек пятьсот, и с каждой минутой толпа нарастает.

— Мне очень жаль, — искренне произнес Джей.

— Придется подыскать новую берлогу, вот и все. — Женщина замолчала; Джей каким-то шестым чувством ощутил, как она стиснула зубы. — Словом, я приехала за вами. Наверное, не стоило, но я приехала. Вы заметили номер моей машины?

Джей пошарил в памяти.

— Нет.

— Это хорошо. Не смотрите на него, когда будете выходить, ладно?

— Ладно.

— Думаете, Джейн Маккейн — мое настоящее имя?

— А разве нет? — Такое ему в голову не приходило.

— Конечно, нет. Даже машина эта не моя, я взяла ее у приятеля, и ему к тому же пришлось украсть новые номера. Поэтому им известен лишь цвет машины — зеленый. А таких машин очень много.

— У меня слегка барахлит цветное зрение, — признался Джей.

— Уже поняла. У многих мужчин с этим проблема. — Женщина с отчаянием просигналила застывшему впереди микроавтобусу. — Короче, я все же приехала и забрала вас. Так что за вами должок.

Джей вытащил из кармана сотню и протянул ей.

— Это не за товар, а только за поездку. Говорите, куда вам надо, а я вас туда отвезу и высажу, хорошо? За это вы мне сейчас и платите.

— Если я сообщу вам, то они мгновенно меня услышат?

— Скорее всего.

— Допустим, я напишу адрес, не глядя на бумагу. Потом передам бумагу вам, не глядя на вас, и вы его прочитаете.

Женщина задумалась.

— Должно сработать. Если у вас найдется бумага, то ручка у меня в сумочке.

— Найдется. — Джей помолчал. — Вы сказали «товар». А мне нужно оружие.

— Конечно. Это и есть товар.

— Жаргон?

— Нет, просто так все говорят. А если вещей больше одной, то говорят «тонны». Например, у меня сейчас припрятано пятнадцать тонн. Могу доставить их немедленно. Что именно вам нужно?

Джей почесал подбородок, пытаясь свести сотни мечтаний к единственному экземпляру — достаточно маленькому, чтобы поместиться в его сумке на колесиках.

— Пока вы думаете, давайте я объясню структуру цен, — предложила женщина, заговорив как настоящий профессионал. — Дороже всего автоматы и пистолеты-пулеметы. У большинства калибр девять миллиметров, но имеется и кое-что другое. Сейчас, например, у меня есть очень неплохой и компактный пистолет-пулемет калибра 7,65.

Она сделала паузу, проверяя его заинтересованность.

— По нашим стандартам это тридцать второй калибр, а в другой системе это 7,65 миллиметра.

— Я понял. — Он покачал головой.

— Ладно, далее идут многозарядные автоматические пистолеты. Только это не настоящие автоматы, стреляющие очередями, а полуавтоматическое оружие. У меня есть хорошая штучка — девять миллиметров, магазин на семнадцать патронов. Любой из этой категории стоит две с половиной тысячи.

Джей промолчал.

— После одиннадцати мы проводим черту. Если в магазине одиннадцать или менее патронов, то это уже малозарядные. А двенадцать и выше — многозарядные.

— Вы сейчас говорите о ручном оружии.

— Да, конечно. Малозарядные стоят две тысячи. Или тысячу восемьсот, если магазин всего на восемь патронов. Есть много разных моделей сорок пятого калибра, и все они на восемь патронов. Так что тысяча восемьсот, учитывая хорошее состояние. Идем далее. Хотите хорошую вещь — берите револьвер. У меня есть несколько восьмизарядных, но большинство шестизарядные, и в девяти случаях из десяти этого вполне достаточно. Можете купить два — и выстрелить подряд двенадцать раз. Это действительно хорошая сделка, только у многих не хватает мозгов, чтобы это понять.

— Мне нужна винтовка. Винтовки у вас есть?

— Федералы пустили их на переплавку... ну, почти все, — ответила она с некоторым сомнением.

— Знаю. Но я добываю себе пропитание в основном охотой. — Джей кашлянул. — Я, вообще-то, не местный. Из Пенсильвании.

— Значит; вы никого не хотите застрелить?

— Только оленей. Оленей и медведей. Иногда охочусь на кроликов и другую мелочь. И птиц. Для этого лучше подходит ружье, но я не могу таскать с собой сразу и ружье, и винтовку. А будь у меня винтовка, я мог бы иногда подстрелить сидящую птицу. — Решив, что спутница не поняла, Джей пояснил: — Уток на воде. И тому подобное.

— Винтовки у меня нет. Да и ружья тоже, а патроны к ним сейчас достать действительно трудно.

Джей печально кивнул:

— Я это подозревал.

— Слушайте, мы сейчас только зря тратим время, застряв в этой пробке. Не возражаете, если я немного поработаю на своем компе? Может, и подыщу что-нибудь для вас.

— Валяйте.

— Тогда повернитесь лицом к дверце. Давите на ремни медленно, и они поддадутся.

Джей последовал совету, и компьютер машины немедленно заявил:

— Закон обязывает меня предупредить, что ваши шансы на выживание при столкновении на высокой скорости уменьшились до шестидесяти двух процентов.

— Да мы вообще стоим на месте, идиот, — огрызнулась женщина.

— Однако машина, которая в меня ударит, может двигаться с высокой скоростью, — твердо возразил компьютер.

Джей ухитрился развернуться на сто восемьдесят градусов и теперь смотрел на заваленное разным барахлом заднее сиденье машины.

— Ищите красный корпус, — подсказала женщина.

Он взял единственный замеченный красный предмет и поднял его, не оборачиваясь:

— Это он?

— Конечно.

Вновь глядя в сторону, Джей уселся нормально.

— Открыть его?

— Вы не сможете. Там замок, настроенный на отпечаток моего пальца. — Женщина взяла у него компьютер. Джей краем глаза заметил, что она прислонила компьютер к рулю, а сетевой провод воткнула куда-то в приборную панель. — Последите пока за машинами, хорошо? Если та, что перед нами, тронется, скажите.

— Ладно. Так куда мы едем?

— Никуда, — буркнула она, уже мысленно переключившись на другое дело. Джей услышал, как ее пальцы быстро и уверенно застучали по клавиатуре. — Мы никуда не едем, Скитер.

Пальцы заработали снова, и она негромко выругалась.

— Это имя они уже знают, верно? Вы произнесли его, когда звонили. — Она на секунду задумалась. — Да, наверняка знают. А меня вы можете называть Мак.

— Хорошо. Так не нашли мне винтовку, Мак?

— Пока нет. Но могу попробовать еще в одном месте. — Ее пальцы опять принялись за дело.

— Машина впереди двинулась с места.

— Наконец-то.

— Можно спросить?

— Конечно. Задавайте хоть тысячу вопросов, да только я могу и не ответить.

— Кто такие «они»?

Женщина явно не поняла вопроса.

— Вы сказали, что они, вероятно, знают мое имя. Вы говорили о людях с головидения?

— Из «Глобнет».

— Да, «Глобнет». Вы их имели в виду, Мак?

— Нет. Федералов. Большого Папочку.

— Они хотят взять налоги с моих денег? Но я ведь не отказывался платить. Меня даже не попросили заплатить налоги.

Машины замерли снова. Джей услышал шуршание твердого пластика — женщина поставила компьютер на руль.

— Они знают, что вы не заплатите. Слушайте, хотите карабин? У него есть карабин.

Джей понял, что его надежды рушатся.

— Это совсем не то, что винтовка. Неужели ни у кого нет винтовки?

— Сейчас нет. Может, позднее. Но не ручаюсь.

Не желая отказываться от новой винтовки, которая была ему очень нужна, Джей сменил тему:

— Почему правительство думает, что я не стану платить налоги?

— Сколько вам дали? Те люди с головидения?

— Это мое дело.

— Ладно. Сумма не имеет значения. Она осталась прежней?

— Нет. Я дал вам сотню.

— Значит, не заплатите. Вы не сможете заплатить налог полностью.

Она коснулась его руки.

— Они хотят *все* ваши деньги. Вот увидите. И не только то, что у вас есть сейчас, но и почти все, что у вас когда-либо было... При таком движении... как, по-вашему, сколько вертолетов мы могли бы услышать?

Он покачал головой.

— Примерно один в час, может, два, — сказала она. — Максимум три. А в последнее время они летают через каждые три-четыре минуты. Я только что засекла по часам последние два. Интервал около трех минут.

Джей краем глаза заметил, как она вытянула руку и постучала по приборной панели:

— Эй, ты, проснись! Хочу, чтобы ты открыл крышу.

Крыша плавно скользнула назад, и в машине сразу стало холодно.

— Понаблюдайте пока за ними, — велела женщина Джею, — заодно не будете смотреть на меня.

Джей принялся послушно вертеть головой, вглядываясь в унылое зимнее небо там, где его не заслоняли высоченные здания.

— А разве открытая крыша не привлечет их внимание?

— Вряд ли. В этой пробке застряло множество людей, и тысячи две из них как раз гадают: что это они вдруг разлетались?

— Черные вертолеты. — Джей говорил наполовину сам с собой. — Там, где я живу, люди шутят насчет черных вертолетов. Как-то раз я пришел в город, и один парень сказал, что черный вертолет меня сцапает, и засмеялся. Сейчас почему-то вспомнилось.

— Угу.

— Там они для нас нечто вроде летающих тарелок — разная чепуха, которая людям мерещится. Но здесь, в городе, они реальные. Я только что видел один из них.

— Само собой, — отозвалась женщина. — Нам говорят, что они ищут наркотики. Летают над полями и проверяют, не выращивает ли фермер марихуану посреди кукурузного поля. И они не черные. Те, кто видел их вблизи, говорят, что на самом деле они темно-коричневые. Но сейчас они точно кажутся черными.

— И у них наверняка есть бинокли... нет, что-нибудь получше. А вдруг они заметят меня и опознают?

— Возможно.

— В том случае, если правительство и в самом деле за мной охотится... Люди с головидения предупреждали меня насчет федералов, но говорили, что охотиться за мной будут бандиты. — Джей помолчал, вспоминая разговор со Смитом.

— Ладно, закрывай, — приказала женщина компьютеру, и крыша скользнула на место столь же плавно, как и открылась. — Насчет биноклей вы правы. И у них наверняка есть нечто получше — то, чего они не позволяют иметь нам. Похоже, за вами и впрямь охотятся федералы. Через десять минут после передачи они пустили по вашему следу десяток своих людей, а сейчас их может оказаться уже сотни две. Не пропустить бы вечерний выпуск новостей.

— Если сможем, — кивнул Джей.

— Сможем. Главный вопрос в том, насколько хорошо им известна ваша внешность. Вы когда в последний раз смотрелись в зеркало?

— С тех пор, как получил «обновление»? — Уже уверенный, что знает ответ, Джей поерзал на сиденье. — Надо подумать. Да, был один раз. В туалете, в здании «Глобнет». Но я смотрел не на свое лицо, а на новые звезды у себя на экране.

— Но лицо вы все равно видели, — задумчиво произнесла женщина. — Хотела бы я знать, станут ли они это передавать? Ту запись из туалета? Может, и не станут.

— Новости надо смотреть обязательно. Знаю, это звучит глупо, но я никак не могу все происходящее представить наяву. — И он чуть виновато добавил: — Я редко смотрю головид.

— Да и мне не помешает: не люблю доверяться словам. Передачу посмотрим непременно, я это устрою.

— Спасибо.

— Так как насчет карабина? Он вам нужен?

— Даже не знаю... Пожалуй, я его все-таки возьму, раз нет винтовки.

— Их труднее прятать, поэтому федералы и вычистили все запасы, да и спрос на них небольшой. Попробую поискать для вас винтовку — потом.

— Потом меня здесь не будет... Какого он калибра?

— Сорокового*. Тот человек сказал, что к нему подходят патроны от пистолета сорокового калибра, и даже обоймы у них одинаковые. — Она поработала с клавиатурой. — И еще он складной.

— Приклад складной?

— Он не уточнял. Только то, что при стрельбе его длина тридцать дюймов, а в сложенном виде — шестнадцать. Чему вы улыбаетесь?

Джей похлопал по сумке:

— А я-то боялся, что она окажется коротковата для винтовки.

Женщина усмехнулась.

— Зато карабин вы сможете носить под плащом. Сложите его, проденьте в веревочную петлю и носите на плече. Будет не так удобно, как с пистолетом, зато всегда под рукой.

— Если он останется сложенным, то я лучше подвешу его за приклад. — Джей помолчал, размышляя. — Но сперва мне надо на него посмотреть. Вряд ли у него большая дальность эффективного огня.

Мак постучала по клавиатуре.

— Он говорит, что сто пятьдесят метров.

— Гмм...

— Наверное, длинный ствол. Дюймов двенадцать или четырнадцать. А даже из пистолетного ствола пуля сорокового калибра вылетает с очень хорошей скоростью.

— Он, пожалуй, преувеличивает, — медленно проговорил Джей. — Пусть так, но я почти всегда стреляю менее, чем с сотни метров. А если и дальше, чем с сотни, то ненамного.

— Будете брать?

---

* *Сороковой калибр соответствует калибру 10 мм. (Прим. перев.)*

Он кивнул.

— Я пользовался луком. Сам его сделал, и стрелы тоже. Я вам не рассказывал?

— Нет. Я думала, может, у вас есть ружье. Вы много охотитесь?

Он снова кивнул. Когда прошло еще десять минут, и машина медленно покатила по улице, он спросил:

— Куда мы едем?

— На мой склад. Знаете тот адрес? На Гринтри?

— Вы же сказали, что там куча народу.

— Мы едем не туда. Я лишь хотела сказать, что не живу там. Это место, где я иногда продаю товар, вот и все. А едем мы примерно в такое же место, только ближе к окраине города.

Крыша машины плавно скользнула назад, и на заднее сиденье спрыгнула женщина в оранжевом комбинезоне. Джей ослабил ремни безопасности, чтобы обернуться и взглянуть на нее, и компьютер машины тут же объявил:

— Закон обязывает меня предупредить, что ваши шансы на выживание при столкновении на высокой скорости уменьшились до семидесяти процентов.

— Закрой крышу! — рявкнула Мак.

Женщина в оранжевом расчистила себе место на заднем сиденье. Она сняла шлем, тряхнула длинными темными волосами и улыбнулась Джею:

— Я уверена, что вы знаете, кто я такая.

— Понятия не имею, — пробормотал Джей, пытаясь улыбаться в ответ.

— В смысле, кого я представляю. Меня зовут Хайфа. Хайфа Вашингтон. — Она провела пальцем по передней застежке комбинезона и достала из внутреннего кармана переливающуюся карточку. — Взгляните на это, пожалуйста. И внимательно прочтите.

Капитан Х.Вашингтон

Пятая воздушно-десантная бригада

Федеральная налоговая служба и служба безопасности

0067 5667-1339

www.hayfawings.gov

— Карточку, разумеется, можете оставить.

— Не откажусь, — сказал Джей. — Никогда не видел такой красивой карточки.

Она снова улыбнулась.

— У вас имеется большая сумма, принадлежащая Федеральному правительству. Сто тысяч, если не больше.

— А он считает, что деньги принадлежат ему, — заметила Мак.

— Да, считаю, — подтвердил Джей. — Мне их заплатили в «Глобнет».

— Им эти деньги тоже не принадлежат, — уточнила Хайфа Вашингтон.

— Насколько я понимаю, — начал Джей, — они дали рекламу и включили ее во многие выпуски новостей. Я был в доме друга и видел такую рекламу. У меня сломалось ружье, и еще мне был нужен новый топор, и... — Выражение лица брюнетки заставило его на секунду замолчать. — И еще кое-что. Но вас это не интересует, верно?

— Верно.

— Тогда я написал письмо, а друг передал его по электронной почте, приложив фотографии — мою и моей хижины. Мне ответили, что если я приеду в город и поговорю с ними, то они могут дать мне денег.

— Сто тысяч.

— Да, сто тысяч. Я наскреб мелочи на автобусный билет и приехал. А они поговорили со мной и дали деньги.

— Нет, не дали. — Женщина в комбинезоне выглядела искренней и немного встревоженной. Заговорив, она наклонилась к Джею. — Понимаете, они не могли этого сделать. Деньги им не принадлежат. Все деньги принадлежат Федеральному правительству, Джей. Люди — особенно те, кто владеет каким-нибудь мелким бизнесом — говорят, что делают деньги. Очень часто они используют именно эти слова. Но если вы немного подумаете, то сами поймете, что они не правы. Все деньги изготовлены Федеральным правительством и поэтому принадлежат Федеральному правительству, которое позволяет гражданам — таким, как мы с вами — иметь иногда некоторое их количество, чтобы истратить их на себя. Но правительство сохраняет право собственности на все деньги и по самой природе вещей не может это право утратить. У меня сейчас при себе почти вся моя зарплата за прошлый месяц.

Она достала из внутреннего кармана комбинезона пластиковое портмоне.

— Так, по-вашему, деньги, которые мне заплатили, на самом деле не мои?

— Правильно. Потому что в действительности деньги не принадлежат никому, кроме правительства, которое их выпустило. — Брюнетка раскрыла портмоне, вынула из него банкноты и раскрыла их веером. — Вот мои деньги, видите? Одиннадцать пятисотенных, три сотенных, и несколько банкнот по двадцать, десять, пять и одному доллару. Это то, что правительство позволило мне иметь, потому что мои налоги уже вычтены из зарплаты.

— Кроме налога на продажу, — заметила Мак.

— Правильно, хотя налог на продажу реально платит продавец. Считается, что его платит покупатель, но нам сейчас нет нужды в этом разбираться. Главное в том, что у меня есть эти деньги, хотя они и не мои, и я показываю их вам. Это то, что есть у меня, Джей. А теперь согласны ли вы в качестве жеста доброй воли показать мне то, что есть у вас?

— Нет, — отрезал Джей.

— Мне жаль это слышать, очень жаль.

Женщина в комбинезоне выдержала паузу, словно ожидая, что высказанное ею сожаление повлияет на его ответ. Однако Джей промолчал, как и она.

— Есть легкий и безболезненный способ решить эту проблему, — продолжила Хайфа. — Можете предъявить мне свои деньги прямо сейчас. Я их пересчитаю и выдам квитанцию от имени Федерального правительства. Когда правительство решит, какую часть этих денег следует вам вернуть, оно их вам вышлет. Я уверена, что на новый топор вам хватит. Но не на винтовку. Опасность, которую представляет винтовка для вас и вашей семьи, намного перевешивает любую возможную для вас пользу... В тюрьме вам сидеть не придется. Думаю, это я могу вам обещать. Вероятно, обойдется даже без суда. Итак, не будете ли вы столь любезны передать мне деньги — правительственные деньги — для подсчета?

Джей покачал головой.

— Вы хотите подумать. Понимаю. — Хайфа постучала по плечу женщину за рулем. — Где мы сейчас? На 95-й? Можете меня здесь высадить. Остановитесь где угодно.

Машина остановилась (заставив водителей ехавших следом машин нажать на клаксоны), женщина в оранжевом комбинезоне отодвинула скользящую дверь и вышла.

— У вас есть моя карточка, Джей. Звоните в любое время.

Он кивнул и закрыл дверь. Машина поползла дальше, Мак нараспев произнесла:

— Спасибо, что пришли сегодня на наше шоу.

Джей кивнул, хотя и не был уверен, что она на него смотрит:

— Это все было затеяно ради головидения, верно? Она такая красивая.

— Красивее меня? — В вопросе таился полушутливый вызов.

— Не знаю. Вы ведь запретили на вас смотреть.

— Что ж, она хороша. Настоящая красотка. Именно это правительству и нужно: все должны думать, что так и выглядят федералы. Прекрасные женщины и симпатичные мужчины. Уж в очередной выпуск новостей она точно попадет. Не удивлюсь, если нашу встречу покажут полностью. Вы все еще хотите это увидеть?

— Да. Несомненно.

— Ладно, увидим. У меня есть одно местечко в двух кварталах отсюда.

— А как насчет моего карабина? Я хотел бы купить его сегодня вечером.

— Тому парню нужно привезти его из тайника. И патроны тоже. Я заказала полсотни.

— Мало. — Джей поразмыслил. — Пусть будет пятьсот, если у него столько наберется.

— Хорошо, я ему передам. — Машина свернула в переулок, и компьютер вернулся на руль. Закрыв его через пару минут, женщина произнесла: — Десять лет назад я бы ее за пояс заткнула. Мужчины были от меня без ума. Можете не верить, но это правда.

Джей сказал, что верит.

— Но у меня двое детей. После родов я поправилась, да так и не сбросила лишний вес — на себя времени не хватало. Вы не смотрели на меня?

— Нет.

— Это хорошо, но теперь не смотрите и по сторонам, ладно? Хочу, чтобы вы зажмурились и некоторое время не открывали глаза. Просто откиньтесь на спинку и расслабьтесь.

Он кивнул, закрыл глаза и последовал ее совету, обнаружив при этом, что очень устал.

Она постучала по приборной панели и негромко произнесла:

— Эй, ты. Открой крышу.

Холодный воздух облил Джея, как вода, и он задрожал. Машина закачалась, переднее сиденье, на котором они расположились, просело. Немного подумав, Джей пришел к выводу, что его спутница стоит, по плечи высунувшись из машины.

Через некоторое время крыша снова закрылась. Женщина вышла из автомобиля, перебралась на заднее сиденье и принялась рыться в куче сваленных там вещей.

— Порядок, — сказала она. — Только глаза не открывайте.

Он ответил, что не станет.

— Знаете, я подумала, что она могла поставить нам жучка. А тот бы сообщал федералам наш маршрут. Он мог оказаться только на крыше или на заднем сиденье, но я ничего не нашла. Наверное, они решили, что, помимо вас, им никакого жучка не нужно. Сейчас мы поедем еще в одно место, и я хочу, чтобы всю поездку вы не открывали глаз. Будем срезать углы, давать задний ход и все такое — в любом случае не смотрите.

Джею показалось, что ехали они целый час. И хотя Мак отчаянно крутила руль то вправо, то влево, у Джея создалось впечатление, что преодолели они всего несколько миль.

— Все в порядке. — Женщина постучала по приборной панели. — Выключи свет. — Двигатель смолк, из замка зажигания с негромким шорохом вышел ключ и звякнул о другие ключи, когда она бросила его в сумочку. — Теперь можете оглядеться. Только на меня не смотрите.

Джей открыл глаза.

— Здесь темно.

— Да. В это время года рано темнеет. Сейчас около восьми вечера. У вас есть часы?

— Нет.

— У меня тоже. Когда я за рулем, то слежу за часами на панели. А когда дома, то время узнаю по головизору. Пошли.

Привратника в подъезде не было, но вестибюль, в который Мак провела Джея, оказался довольно чистым.

— Вы не живете здесь постоянно, — догадался он.

— Конечно, нет. Но иногда ночую. И сегодняшнюю ночь собираюсь провести здесь. С вами.

Интересно, что в ее понимании означает «с вами»?

— Но и в Гринтри Гарденс вы тоже не живете постоянно, — сказал он вслух. — Вы сами это сказали.

— Не живу.

— Снимать столько квартир, наверное, чертовски дорого.

Двери лифта затряслись, застонали и наконец со скрипом открылись. Они вошли в кабину.

— Да, я за них плачу, но гораздо меньше, чем вы думаете. Это старые дома, построенные еще в двадцатом веке, и арендная плата здесь невысокая.

— Я этого не знал.

— Хитрость тут в том, что надо подмазать агента. Вы не поняли слово «подмазать»?

— Нет.

— Это деньги, которые агент кладет себе в карман и не платит с них налоги. Все, что идет в обход налогов, стоит раза в три-четыре дороже обычного.

Лифт остановился, они вышли.

— Поэтому я плачу агенту — иначе нельзя — и арендную плату за первый месяц. Потом покупаю подержанную мебель и вселяюсь. Зато дальше не плачу ничего — столько, сколько удается изворачиваться.

В ее руке звякнули ключи.

— Иногда это шесть месяцев. Иногда целый год. Когда появляется предчувствие, что меня вот-вот вызовут в суд, я оплачиваю еще месяц. Или две недели.

Она открыла обшарпанную дверь.

— Счета за коммунальные услуги приходят мизерные, я редко здесь бываю... Подавать на меня в суд бесполезно — ведь какие-то деньги я вношу. Поэтому по судам меня не таскают. Не хотите включить эту штуковину? Уже почти одиннадцать, скоро выпуск новостей.

Джей потыкал кнопки головизора, пока не отыскал нужную.

— Старая модель, — извинилась она.

Затхлый воздух комнатушки наполовину заполнился объемной картинкой залитого солнцем пляжа. Молодые женщины с восхитительными фигурами перебрасывались разноцветным мячом, потом кинули его в океан и поплыли следом.

— А вы ожидали, что у него будет голосовое управление? Я купила этого динозавра в магазинчике «Армии спасения». Там его починили и выставили на продажу.

Джей кивнул. Брюнетка с сияющими глазами поймала мяч и бросила его блондинке. Мяч взмыл вверх, оставляя за собой разноцветный след на фоне чистого голубого неба.

— Это реклама, — пояснила женщина. — Видите, их макияж не размывается, а прическа остается аккуратной даже в воде?

Он снова кивнул.

Мак села на старую скрипучую кушетку.

— Вам нужен звук? Это следующая ручка, над выключателем, да только они будут болтать о лаке для волос и прочей ерунде.

Он покачал головой.

— Меня это тоже устраивает. Включим звук, когда начнутся новости.

Джей так и сделал. К тому времени, когда он уселся на кушетку рядом с хозяйкой, на них из-за полированного стола уже смотрели красивый темнокожий мужчина и прелестная китаянка. Дикторы дружески улыбались.

— Спасибо, что пригласили нас в свою гостиную, — сказал диктор.

— Сегодня у нас много новостей, — продолжила китаянка. — Может, перейдем сразу к ним? Что скажешь, Фил?

Фил кивнул, сразу став серьезным.

— Конечно, Ли-Энн. В институте имени Джона Хопкинса разработано новое искусственное сердце. Оно такое маленькое, что его можно имплантировать еще до того, как ваше сердце износится.

— На рождественскую елку, установленную мэром, залез кот, — сказала Ли-Энн. — Мне понравился этот репортаж. Когда пожарные забирались на елку по своим лесенкам, они были очень похожи на елочные украшения.

Фил улыбнулся:

— Тут ты права. И еще нас ждет рецензия на новый фильм Эдварда Спейка. Картина «Тринидадское коммюнике» стала сенсацией в Каннах.

— Тетушка Бетси покажет нам, как сделать праздничный клюквенный пирог.

— Почти прямой репортаж с большого парада в Орландо.

— И краткий взгляд на Человека-Сто-Тысяч. Его навестил кое-кто из налоговой службы.

— Это про вас, — сказала рыжеволосая. — Но до этих новостей они доберутся еще не скоро. Не желаете перекусить?

— Да. — Он только сейчас понял, насколько проголодался.

— Если не считать пива, то в своих берлогах я почти ничего не держу. Обычно заказываю что-нибудь. Пицца сойдет?

Он не ел пиццу со времен колледжа и согласился.

— Вам придется выйти из комнаты, потому что я назову адрес. Может, подождете на кухне?

В центре комнаты появилась пластиковая модель большой артерии, обвивающей очень маленькое искусственное сердце. Джей кивнул и вышел на кухню.

— Принесите мне пива, хорошо? — донеслось из комнаты.

Холодильник здесь был белый, как у его матери. Теперь-то ни у кого нет белых холодильников, хотя он и не знал, почему. В нем нашлось пиво в пузатых пластиковых бутылочках и упаковка картофельного салата. Джей откупорил пиво над маленькой грязной раковиной, опасаясь, что пена может плеснуть на пол. Когда голос Мак смолк, он спросил:

— Теперь можно войти?

— Конечно.

Он принес ей пиво.

— Я заказала пиццу с пепперони, острым перцем и луком. Сойдет? Возьмите и себе пива.

Он покачал головой:

— Сперва дождусь, пока привезут еду.

— Думаете, ждать придется долго?

— Гмм... конечно, нет.

Джей вернулся в кухню и достал себе бутылочку.

— Мне надо сделать еще звонок — предупредить няню, что меня сегодня не будет дома. Но я подожду окончания новостей.

Он кивнул, старательно не глядя на нее. Огромная рождественская елка, снятая издалека, исчезала верхушкой где-то в потолке. По ней карабкались фигурки пожарных в желтых комбинезонах и красных светящихся шлемах. Затем через комнату поплыл огромный поток людей, уменьшенный до масштабов детской железной дороги, появляясь из одной стены и исчезая в другой. Женщины размером с кукол притворно скрывали свою наготу букетами.

— ...королева la tourista fiesta и ее супруг. Говорят, что эта фиеста обошлась городу Орландо в триста миллионов.

— Не сомневаюсь, — ответил голос Фила. — И раз уж мы заговорили о деньгах, Ли-Энн, то вот леди, которая пытается их собрать.

Симпатичная женщина в облегающем оранжевом комбинезоне, раскачиваясь, спускалась с неба.

— Я этого не видел, — сказал Джей.

— Наверное, ее снимают с вертолета, — пояснила Мак.

Тем временем брюнетка отпустила конец спущенной с вертолета веревки и очутилась на заднем сиденье их машины, став такой, какой он ее запомнил — уже без шлема, с распущенными волосами.

«У вас имеется большая сумма, принадлежащая Федеральному правительству. Сто тысяч, если не больше».

«А он считает, что они принадлежат ему».

Потом Джей услышал собственный голос:

«Мне их заплатили в «Глобнет».

Разговор продолжался, но Джей не вникал в суть, он всматривался в лицо Хайфы Вашингтон, поняв, что позабыл (или никогда не знал), какое оно красивое.

Слишком скоро (для него) этот эпизод кончился, Хайфу сменила женщина в безупречно чистом переднике и заговорила о том, как приготовить горчицу с лимонным вкусом.

— Не хотите теперь выключить головизор? — спросила Мак.

Джей выключил.

— Я позвоню подруге, хорошо? Но вы можете остаться. Я не буду называть адреса.

— Я все же выйду, — сказал он и вернулся на кухню. Вскоре сквозь закрытую дверь он расслышал приглушенный голос хозяйки:

— Это я, Вал. Как там дети?

Карточка лежала в кармане рубашки, под охотничьей курткой, которую он не стал снимать. «Капитан Х.Вашингтон, Пятая воздушно-десантная бригада». Он перевернул кусочек пластика и обнаружил на обратной стороне ее фотографию. В огромных черных глазах была вся ее душа.

— Эй! — крикнула из гостиной рыжеволосая. — Пиццу привезли. Прихватите еще пару пива.

— Если станем есть на кухне, нам придется сидеть лицом к лицу, — пояснила она. — Поэтому я решила, что лучше устроиться здесь — бок о бок, как в машине. Так будет проще.

Он утвердительно кивнул и спросил ее о детях.

— Все в порядке. С ними сейчас моя подруга. Она отвезет ребятишек к себе домой, пока я не вернусь. Рону восемь лет, а Джулии семь. Я их родила одного за другим. Потом мы разошлись с мужем, и он не захотел общаться с детьми. Знаете, как это бывает.

— Нет, не знаю.

— А вы когда-нибудь были женаты?

Он покачал головой.

— И почему же?

— Просто я никогда не был ни богатым, ни привлекательным.

— Мой бывший муж тоже, и все же я за него вышла.

Джей пожал плечами.

— Он был легким, веселым человеком, и у него была отличная работа. Правда, потом, когда мы уже развелись, компания послала его в Европу, и он перестал платить алименты.

— У меня никогда не было работы, — сообщил Джей.

— Правда?

— Правда. Приятели звали меня лентяем. — Он поймал себя на том, что улыбается. — А отец — лесным бродягой. Он уже умер.

— Мне жаль.

— Мне тоже... Мы редко с ним ладили, но... — Джей пожал плечами и глотнул пива.

— Понимаю.

— Он послал меня в колледж. Тогда я считал себя отличным игроком в бейсбол и футбол, но ни в ту, ни в другую команду меня не взяли. Я очень старался, но не вышло.

— Очень жаль, — проговорила она с набитым ртом.

— И то верно. Если бы мне это удалось, все пошло бы иначе. Я это знаю. А так мне пришлось упорно учиться почти до самого окончания колледжа.

Половину пиццы они уже съели. Он взял приглянувшийся ему квадратный кусок из середины, откусил, прожевал и проглотил, ощутив лишь горечь прожитых впустую лет.

— И что случилось потом?

— Когда я учился на последнем курсе? В сущности, ничего. Просто до меня дошло, что я вкалываю как проклятый ради знаний, которые никому не нужны. Даже мне. И что если я сдам все экзамены на «отлично» и получу диплом, то стану учителем средней школы в городке в Пенсильвании, где мы жили, или в другом городишке вроде него. Буду учить оболтусов математике и химии. Может быть, стану тренером бейсбольной команды. А учиться у меня будут те, кто после школы пойдет работать на ферму или на завод. И я послал все к черту.

— Я вас понимаю.

— Я вернулся домой и наплел родителям с три короба. Они мне не поверили, да я и сам позабыл, что за чепуху тогда нес... А потом собрал свое барахлишко и ушел в лес. У меня были палатка, надувной матрац и спальный мешок. Первая зима прошла тяжело, поэтому я построил себе хижину размером примерно с эту комнату, приглядев местечко, где ее никто и никогда не найдет. — Он помолчал, вспоминая Хайфу Вашингтон, вертолет, спустивший ее с небес, и крышу машины, которая открылась сама собой. — Вообще-то это федеральная земля. Национальный парк. Я редко об этом думаю, но это так.

Женщина пожала плечами:

— Если все деньги принадлежат им, то и вся земля, пожалуй, тоже.

— Наверное, вы правы. — Он положил в коробку недоеденный кусок пиццы.

— И вы стали жить в лесу?

— Ну... я всегда говорил себе, что поживу еще немного, и...

— И так ни разу не возвращались?

— Почему же? Иногда возвращался. На похороны отца, потом матери. Они оставили мне все — я был единственным их ребенком. Дом и так далее. Машину, немного денег. Дом и машину я продал, а трачу я мало. Охочусь на оленей, ловлю в капканы мелкую дичь, этим и питаюсь. Летом еще разными растениями. — Он улыбнулся. — А вместо туалетной бумаги пользуюсь листьями.

— Хотите, я расскажу о себе?

— Если сами пожелаете.

— Так вот, я никогда не училась в колледже. Работала продавщицей в магазине, официанткой в баре. Потом вышла замуж, родились дети, но об этом вам известно. Хотите узнать, как я начала продавать оружие? Подруга поинтересовалась, где можно купить пистолет, я спросила знакомого парня, а он послал меня к другому. И тот парень сказал, что продаст оружие мне, но не ей, потому что ее никто не знает. Я сказала: «Ладно, продавай мне» — и заплатила ему. А он мне сказал, что я должна взять с нее на сотню больше за посредничество. Я так и сделала — накинула сверху полсотни. А недели через две она прислала ко мне другую женщину, свою соседку, которой жить в том доме было еще страшнее, чем моей подруге. Так я и стала торговать оружием.

— А я иногда крал у туристов, — негромко признался он. — И у охотников. Так я раздобыл эту куртку. Охотнику стало жарко, и он повесил ее на дерево.

Она кивнула, словно не ожидала услышать иное.

— Не принесете мне еще пива?

Едва он встал, как зазвенел телефон. Над аппаратом возникло изображение тонкогубого мужчины. Деловой костюм сидел на нем, как униформа.

— Вы до сих пор не позвонили капитану Вашингтон.

— Нет, не позвонил, — признал Джей.

— Мы не любим арестовывать людей из-за проблем с налогами. Возможно, вы об этом слышали.

Джей покачал головой.

— Это так, — сказал мужчина. — И все же более половины обитателей тюрем попали туда за неуплату налогов.

Изображение тонкогубого мужчины исчезло.

— Они знают, где мы, — сказал Джей хозяйке.

— Да. Принесите пива.

— Может, нам лучше уйти?

Она не ответила, и Джей, подождав с полминуты, принес ей из кухни пиво.

— Вот как я представляю ситуацию, — начала она, когда Джей, отвернувшись, протянул ей пиво. — Я сейчас поделюсь своими мыслями, а вы меня поправьте, если я ошибаюсь. Для начала, как они узнали, что мы здесь? Ответ — та красотка из налоговой поставила нам в машину жучок, только я не смогла найти его. Это означает, что если мы поедем на машине, то можем с тем же успехом оставаться здесь. Значит, придется идти пешком. Сейчас дом окружен их людьми, а улицы уже пустые, и проследить за нами — пара пустяков.

— А куда мы пойдем?

— Понятия не имею. Может статься, придется бродить всю ночь. Следующий вопрос. Будут ли они выламывать дверь и арестовывать нас? Нет, потому что иначе они не стали бы предварительно звонить. Красотка из налоговой попала в новости, она всех впечатлила, все было очень драматично, и так далее. Это тоже сделано специально. Теперь они ждут, не сорвемся ли мы в бега после этого звонка. Думаю, они будут действовать все грубее, потому что с каждым новым контактом шансы на то, что это событие попадет в новости «Глобнет», уменьшаются. Та женщина была обворожительной. Позвонивший нам тип оказался малоприятным, а в следующий раз появится кто-то еще хуже. Во всяком случае, так мне представляется.

— Наверное, вы правы. Но откуда они знают, что мы в этой квартире. А не в любой другой в доме.

— Пустяковая задачка. Потолковали с разносчиком пиццы. «Кто тебе заплатил?» — «Рыжая женщина средних лет». — «В квартире есть еще кто-нибудь?» — «Да, я слышал, как кто-то возился на кухне». — «Ясно, это они». Они видели меня, когда мы разговаривали по телефону, а со слов брюнетки наверняка составили мой и ваш фотороботы.

— Но вы не женщина среднего возраста.

Она рассмеялась.

— Когда у женщины двое детей ходят в школу, она уже среднего возраста. А сколько лет вам?

— Сорок один.

— Вот видите, вы тоже среднего возраста. И даже старше меня.

К его изумлению, она взяла его за руку.

Они поцеловались (он с закрытыми глазами), а час спустя он выключил свет в спаленке с выцветшими обоями и заглянул в ее лицо.

* * *

— Я хочу позавтракать с тобой, — сказала она на следующее утро.

Не зная, что ответить, он кивнул.

— Я никогда не завтракала с Чаком. Мне приходилось рано вставать, чтобы заняться детьми, а он дрых до десяти или одиннадцати. Когда он от меня ушел, я иногда приводила к себе какого-нибудь приятеля. Но только потом они всегда вставали и уходили. К жене или к себе домой. И никто ни разу не остался позавтракать.

— Хорошо, давай завтракать, — согласился Джей.

— Сегодня обойдемся без машины. Ты не против пройти три-четыре квартала?

— Нет, — улыбнулся он.

— Вот и прекрасно. Нам еще нужно кое-что обсудить, и безопаснее всего, наверное, будет сделать это по дороге. Дом наверняка нашпигован подслушкой. Можно поговорить и в кафе, но на улице, пожалуй, будет лучше всего. Говори негромко, старайся поменьше артикулировать, а если захочешь сказать что-либо важное, то прикрой рот ладонью.

Он кивнул и, увидев по ту сторону грязного оконного стекла снегопад, вытащил из сумки на колесиках купленный накануне плащ-перевертыш, и надел его поверх охотничьей куртки, в карманах которой все еще лежали деньги.

Выйдя на холодную и ветреную улицу, Мак тихо сказала:

— Они предполагают, что мы еще вернемся, поэтому наш первый ход — не возвращаться. Если один из них следит за домом, а второй за машиной, то им может не хватить наблюдателей. Во всяком случае, будем на это надеяться.

Джей кивнул, хотя ему пришло в голову, что если в машине остался «жучок», то за ней нет смысла наблюдать.

— Когда выйдем из кафе, сразу разделимся. Я дам тебе адрес и скажу, как туда добраться. Не пытайся обнаружить за собой слежку. Если ребята знают свое дело, ты их не заметишь. Просто оторвись от них, если сможешь.

Ресторанчик, куда она его привела, оказался тесным и шумным. Они ели сосиски, и он старательно смотрел в свою тарелку.

— Когда отрываешься от слежки, надо сделать что-то неожиданное, чтобы «хвост» не смог этого повторить, — инструктировала она. — Скажем, по улице едет такси, но только одно. Ты быстро в него садишься и просишь поскорее отвезти тебя в какое-нибудь место, понял? Но только не по тому адресу, который я тебе дам. В другое место.

Он кивнул.

— Наверное, ты подумал, что в городе тысячи такси, и они не смогут поговорить со всеми водителями? Да только в каждом такси стоит терминал и регистрирует, где и когда пассажир сел и куда приехал. Например, если они узнают, что ты сел в такси в 11.02, им нужно будет проверить лишь те такси, которые взяли пассажира примерно в это время. Таких наберется не более десятка, и тогда они вычислят место назначения.

— Понял.

— Вот еще способ. Ты идешь в туалет. Он не войдет туда следом за тобой, потому что ты сможешь хорошо его разглядеть и запомнить. Он станет ждать снаружи. Так вот, если в туалете две двери, ты входишь в одну, а выходишь в другую. Или вылезаешь в окно, если там есть окно. И тогда у тебя будет минут десять—пятнадцать, чтобы оторваться.

— Ясно.

Она достала из сумочки блокнотик и ручку, написала адрес, вырвала страничку и протянула ему листок.

— Здесь мы встретимся. Только не смотри на адрес, пока не окажешься почти на месте.

Он был слишком ошеломлен, чтобы ответить.

— Ты уже доел.

— Да. А ты — нет, — заметил он.

— Я ужасно нервничаю, а когда нервничаю, то мало ем. Я смотрю на тебя и вижу две точки, и знаю, что они видят все, что видишь ты — и сосиски у тебя на тарелке, и все прочее. Пошли.

Оказавшись снова на улице под пронизывающим ветром, она сжала его руку:

— Видишь впереди вход в метро?

— Вижу.

— Мы направимся туда. Когда подойдем, я зайду и спущусь вниз. А ты иди дальше.

Он поступил, как она сказала, и прошел мимо, упрямо глядя вперед, хотя его так и тянуло взглянуть, как эскалатор уносит ее вниз на станцию.

Вскоре поток машин на улицах поредел, а тротуары стали грязнее. Автомобили, занявшие для парковки каждый свободный пятачок, становились все более старыми и обшарпанными. Он зашел в лавочку на углу и попросил у темнокожего продавца пачку жевательной резинки.

— Тут у вас скверный район?

Продавец даже не улыбнулся.

— Не особо хороший.

— А я слыхал, что он очень опасный, — заметил Джей. — Что-то он мне таким не показался.

Продавец пожал плечами.

— С вас доллар с четвертью.

Джей протянул ему сотню.

— А где он станет еще опаснее?

— Не знаю. — Продавец посмотрел банкноту на свет и потер ее между пальцами. — Сбываете фальшивые деньги?

— Оставьте сдачу, — небрежно бросил Джей.

Продавец выпучил глаза.

— Где тут у вас действительно плохой район? — спросил Джей.

Продавец задумался на секунду-другую, потом сказал:

— Просто идите на север, кварталов пять или шесть.

Джей кивнул.

— Потом сверните на восток. Еще квартала три. Райончик там — хуже некуда.

Оказавшись в нужном районе, Джей остановился и принялся рассматривать облезлые дома, словно отыскивая нужный номер. Он заметил двух белых мужчин (единственные, кроме него, белые на этой улице) — один шел сзади с коричневым «дипломатом» в руке, а второй по противоположной стороне улицы. В новеньких и чистых плащах и шляпах они смотрелись в этом квартале столь же нелепо, как два петуха в свинарнике. Джей свернул в переулок, пробежал вперед и резко остановился возле ржавого водонагревателя, подпирающего горку из десятка рулонов старых ковров.

Ему часто приходилось сидеть неподвижно по часу или дольше, пока осторожный олень не приближался на дальность полета его стрелы. И теперь, несмотря на метель, он замер точно так же, прикрыв лицо рукавом и присев за водонагревателем и коврами. Мужчины целеустремленно прошли мимо по переулку, не бросив даже взгляда в его сторону. На углу они остановились и несколько секунд переговаривались, потом один из них открыл «дипломат» и посмотрел на какой-то приборчик, после чего они пошли обратно.

Джей вскочил и побежал — по переулку, через дорогу, по другому переулку, и свернул на узкую и грязную улицу, где более половины машин было выпотрошено. Остановившись наконец, он вытер со лба испарину, достал карточку Хайфы Вашингтон и разорвал ее.

Половинки не разошлись — их удерживали вместе ниточки проводов, соединяющих микрочипы.

Он дернул половинки, разрывая провода, бросил обрывки сквозь решетку уличной канализации, стянул плащ, вывернул его зеленой стороной наружу, снова надел. Потом расстегнул охотничую куртку, достал из нее охотничий нож, подаренный отцом на рождество, и переложил его вместе с ножнами в наружный карман плаща.

Час спустя, когда Джей уже потерял счет переулкам и кривым улочкам, он услышал за спиной топот бегущих ног, резко развернулся и встретил атакующего приемом игрока, отбирающего мяч у противника. Ему с детства не приходилось драться с другим человеком, и теперь он сражался так, как сражалась с ним рысь — с яростной силой отчаяния, рыча и кусаясь. Джей дважды ударил противника головой о грязный асфальт тротуара. Он услышал, как разбилась бутылка, служившая оружием нападавшему, ощутил теплую струйку крови, вытекающую из уха и раны на голове, и лишь огромным усилием воли удержал кончик старого охотничьего ножа в дюйме перед правым глазом поверженного противника.

Тот прекратил сопротивление.

— Эй, не надо! Я же ослепну!

— Сдаешься?

— Да! Сдаюсь!

Зазубренный обломок разбитой бутылки звякнул о тротуар.

— Сколько ты рассчитывал забрать у меня денег?

— Да какая разница?

— Есть разница. Сколько?

— Сорок. Или пятьдесят. Может, еще и кредитку.

— Ясно. — Кончик ножа приблизился на сантиметр. — Я хочу, чтобы ты кое-что для меня сделал. Поработал на меня. Если сделаешь все, как надо, я дам тебе сотню и отпущу. Если откажешься, то уже не встанешь. Что выбираешь?

— Приятель, я все сделаю. — Голос прозвучал вполне убедительно. — Что угодно сделаю.

— Хорошо. — Джей встал и сунул нож в карман.

— Эй, у тебя кровь идет.

— Знаю. Остановится. — Джей достал сотню. — Видишь? Она будет твоей. — Он разорвал банкноту пополам и отдал половинку. — Вторую получишь, когда сделаешь то, что мне нужно.

— Ладно. Теперь можно встать?

Джей кивнул. Парень медленно поднялся. Джинсы и куртка у него были старые и драные, зато кроссовки почти новые.

— Слушай внимательно. Если не исполнишь все в точности, как я скажу, то сделке конец. Я дам тебе бумажку с адресом.

Парень промолчал.

— Ты должен этот адрес прочитать, но не вслух. Не называй мне его и бумажку тоже не показывай.

— А на фига?

— Ты новости смотришь?

— У меня на это дерьмо нет времени. Я слушаю музыку.

Секунды две-три Джей рассматривал пустой экранчик на лбу парня, вспоминая, что недавно его экран был таким же пустым.

— Тогда нет смысла объяснять. Ты понял, что надо сделать?

— Посмотреть на адрес. Тебе не называть. И не показывать тоже. А потом порвать?

Джей покачал головой.

— Нет, держи при себе. Ты должен доставить меня в это место. Если для этого придется потратить деньги, то я заплачу.

Парень неохотно кивнул.

— Когда мы окажемся на месте, ты отдашь мне бумажку, и я увижу, что ты привел меня по правильному адресу. Если все будет в порядке, я отдам тебе вторую половинку сотни, и можешь уходить.

Джей ожидал, что они спустятся в метро, но они поехали на автобусе. Поездка затянулась более чем на час.

— Теперь осталось квартала два, — сказал парень, когда они вышли. — Пойдем пешком?

Джей кивнул.

— Ты сдашь меня копам?

— Нет. — Они шагали рядом. — Я отдам тебе половинку сотни, пожму руку, если захочешь, и скажу «прощай».

— Знаешь, а дерешься ты классно. Да только ты застал меня врасплох. Я не ожидал, что ты так резко развернешься.

— А разве ты сам не попытался это сделать? Застать меня врасплох?

— Само собой! — Парень рассмеялся.

— Тогда все в порядке. За исключением того, что в таких делах не имеет особого значения, кто прав, а кто нет. Я много охочусь. И питаюсь мясом убитых животных.

— Серьезно?

— И ради шкур и костей тоже. Я из них много чего делаю. И обычно я стараюсь дать животному шанс.

— Угу.

— Но когда я голоден — действительно голоден, — то я этого не делаю. И убиваю сразу, любым доступным способом.

— Все, пришли. — Парень махнул рукой, показывая на одно из нескольких приземистых бетонных зданий. — Там табличка с названием улицы и номером. Будешь проверять адрес?

— Думаю, теперь уже можно, — пробормотал Джей и взглянул на табличку.

— Номер восемнадцать. — Парень порылся в кармане и достал бумажку с адресом, теперь в несколько раз сложенную. — Так вот, тут написано «Гринтри Гарденс». Дом восемнадцать. Квартира восемь. Взгляни сам.

Джей взглянул.

— Мы сейчас на Гринтри Гарденс, верно? Посмотри туда, видишь табличку на том доме. Что там написано?

— Гринтри Гарденс.

— Правильно. А вот и дом номер восемнадцать, видишь? Квартира восемь, скорее всего, на первом этаже. Может, и на втором. Знаешь, а в этом районе получше, чем в других... Хочешь, я зайду туда вместе с тобой?

Джей покачал головой, достал половинку сотни и отдал парню. Потом протянул ему руку, которую тот пожал, когда сунул половинку банкноты в карман.

Внезапно пожатие усилилось. Джей попытался вырвать руку, но кулак парня врезался ему под челюсть.

Джей упал и перекатился, пытаясь прикрыть голову руками. Удар наполовину оглушил его, а шок от удара стал хуже боли. Второй удар не достиг цели, а третий угодил в руку — ощущение было таким, словно по ней врезали дубинкой.

Но все же ему удалось подняться, броситься на противника и стиснуть его. «Именно так я убил того оленя», — подумал он; у оленя в брюхе сидела стрела, но это вряд ли имело значение. В руке Джея появился нож. Он нанес удар, но острие ножа наткнулось на кость.

А потом ножа не стало.

Им завладел противник, и Джей ощутил леденящий холод в области кармана рубашки. Холод сменился обжигающим жаром. Он стиснул запястье парня обеими руками; лезвие ножа было влажным и красным. Кулак противника молотил его по губам и носу. Джей не услышал выстрела, но ощутил, как тело парня напряглось и содрогнулось.

Джей оттолкнул обмякшее тело в безумной надежде, что это всего лишь трюк, уловка, рассчитанная на то, что через секунду-другую его снова удастся застать врасплох.

На тротуаре блеснул нож. Джей вытащил его из снега, вытер лезвие носовым платком, вернул нож в ножны, а ножны — в карман.

Кто-то дернул его за рукав. Мак! В руках она держала изящный карабин с длинным магазином.

— Сматываемся!

Он послушно последовал за ней между домом номер восемнадцать на Гринтри Гарденс и таким же зданием под номером шестнадцать или двадцать. Спустившись в подземный гараж, она открыла ключом дверцу синей машины.

— Взяла взаймы у друга? — поинтересовался он, садясь в машину.

— Это моя. И если бы я не продавала то, что продаю, то не смогла бы ее купить.

В машине стоял запах табачного дыма.

— В таком случае эта машина им известна — ее номер, и так далее, — сказал он.

Мак покачала головой:

— Она зарегистрирована на вымышленное имя, а номера не мои.

Промчавшись кварталов восемь—десять, по спиральной рампе они вырулили на скоростную магистраль. Когда машина перебралась в крайний левый ряд, он спросил:

— Почему мы убегаем?

— Ты что, рехнулся? — изумилась она, бросив на спутника быстрый взгляд. — Потому что я убила того парня.

— Но ведь он угрожал моей жизни.

Джей опустил глаза и обнаружил, что кровь, просочившись сквозь куртку, расплылась пятном и на плаще.

— Ну и что с того? В соответствии с законом я даже не имела права защищаться. Предположим, ты захотел бы изнасиловать и убить меня.

— Я бы не стал этого делать.

— Просто предположим. Так вот, я не имела бы права стрелять в тебя или ударить ножом. А если бы я это сделала, то ты имел бы право подать на меня в суд.

— И выиграл бы дело?

— Конечно. Более того, защищалась бы я уже, сидя в тюремной камере. И если бы твоя рана оказалась глубже, чем моя, то тебя бы выпустили.

— Чушь какая-то!

— Это для нас чушь. — Шоссе сделало резкий поворот, но она даже не сбросила скорость, и на секунду машину резко тряхнуло. — А для них, федералов, все очень даже логично. Если мы свыкнемся с мыслью, что можно давать отпор тому, кто на нас нападает, то начнем давать отпор им. Дошло?

— Но мы должны давать им отпор.

— Конечно. Только для меня ситуация гораздо хуже. Да и для тебя тоже. Я убила того парня. И не говори, что он, может быть, еще жив. Я видела, куда попала пуля. Он труп.

— А как ты узнала, что мы уже рядом?

— Наблюдала через окно. Приехала задолго до вас и поглядывала на улицу — надеялась увидеть, как ты высматриваешь нужный дом. По дороге прихватила твое оружие. Я боялась, что ты придешь раньше меня и, не дождавшись, уйдешь, вот и караулила. Хочешь взглянуть на карабин? Он на заднем сиденье. Только осторожно, он заряжен. Кажется, я поставила его на предохранитель, но точно не помню.

Джей отстегнул ремни, повернулся и взял карабин, тщательно держа руки подальше от спускового крючка.

— Опусти его, а то другие водители могут заметить.

Джей последовал совету.

— Эта машина с нами не разговаривает, — заметил он.

— А я вырубила эту сволочь, как только купила. Это очень легко.

Почувствовав, что спутница готова расплакаться, Джей промолчал. Ему захотелось взять ее за руку и утешить, но ее руки лежали на руле.

— А теперь я пристрелила ту сволочь, которая намеревалась убить тебя. Там, сзади где-то есть бумажные платки...

Джей отыскал пачку платков и протянул один ей. Услышал, как она высморкалась.

— Вот и прикинь, в какое дерьмо мы вляпались. На мне висит преднамеренное убийство. Он пытался тебя убить, но для них это ничего не значит. Мне полагалось вызвать копов и показать им твое тело. Когда бы они приехали? Часа через два-три. Боже, уже время ланча.

Он взглянул на часы на приборной панели. Почти час дня.

— Есть хочешь?

— Нет, — ответил он.

— Я тоже. Давай пропустим ланч. Пообедаем где-нибудь вечером.

Он согласился и спросил, куда они едут.

— Будь я проклята, если знаю.

— Тогда сверни на шоссе 80.

— Слушай, мне очень жаль, что я втянула тебя в эту передрягу.

— Могу повторить твои слова. Ты спасла мне жизнь.

— Кстати, кто он был такой?

— Я попросил его прочесть твою записку. Ты ведь не хотела, чтобы «Глобнет» сообщила этот адрес в новостях, вот я и нанял парня, чтобы он отвез меня в нужное место. Я попытался найти такого, кто не побежал бы сразу звонить в полицию. Теперь ясно, что идея оказалась не очень удачной. — Джей помолчал. — А как, по-твоему, мне следовало решить эту задачу?

— Я надеялась, что ты догадаешься. Придешь туда, посмотришь на записку и убедишься, что оказался в нужном месте.

— Плакать больше не будешь?

— Нет. Я уже в порядке. А знаешь, почему я заплакала?

— Почему?

— Значит, ты не понял. Людей убивать нельзя, даже если они убивают других людей, а я его застрелила. Если меня поймают, то дадут пожизненное.

— Кто же тогда позаботится о твоих детях? — Он постарался выразить сочувствие интонацией.

Она вела машину. Джей искоса взглянул на нее. Она смотрела вперед, держа руки на руле.

— Я собираюсь вернуться в свои леса, — продолжил Джей. — Возможно, они достанут меня и там, но это будет нелегко. Если «Глобнет» не сумеет тебе помочь, то, может, ты захочешь поехать со мной?

— Ты все испортил, — с горечью проговорила она.

Он покачал головой:

— Вряд ли я понимаю все даже сейчас, а о многом догадался лишь минуту назад. Сколько ты могла на этом заработать?

— Несколько тысяч.

Джей обдумал ее слова.

— Ты не их служащая. Или, во всяком случае, не работаешь на «Глобнет» постоянно.

— Нет. — Она фыркнула. — В прошлом году они делали документальную передачу о торговле оружием, и я оказалась одной из тех, кого они отыскали — единственной женщиной. Мне надели маску, сняли интервью, и я решила, что на этом все закончилось. И тут примерно месяц назад они меня наняли для этого дела.

Он кивнул.

— Они предположили, что тебе захочется женщин или наркотиков, и подготовили для этого нужных людей. А обо мне вспомнили под конец. Так, на всякий случай. Пообещали от нескольких сотен до пары тысяч, если ты позвонишь. И еще тысячу, если я продам тебе оружие. Продать-то я продала, да только денег этих не увижу.

— А робот позвонил тебе, когда дал мне твой номер.

— Кейди Девятнадцать? Конечно. Поэтому ты и догадался, да?

Джей покачал головой:

— Следовало бы догадаться... но меня насторожило кое-что другое. Твой звонок вчера, когда ты звонила кому-то, кто якобы сидел с твоими детьми. Настоящие матери говорят о своих детях долго, а ты закруглилась очень быстро. И до меня только сейчас дошло, что ты назвала свою подругу именем Вал, а секретаршу Джеймса Р.Смита зовут Валери. Потом я подумал о роботе. Он относится к своей работе очень серьезно, во всяком случае, у меня создалось такое впечатление. Но стоило мне попросить, как он сразу дал мне телефон торговца оружием.

— Значит, я все это время тебе лгала.

Он пожал плечами.

— Не делай так! А то кровь пойдет еще сильнее. Смотри, вон стоянка для грузовиков. Там продаются аптечки.

И, подрезав автомобили на пяти полосах, она погнала машину вниз по съездной рампе.

* * *

Вечером того же дня в мотеле, очень далеко от шоссе номер 80 он снял с себя плащ, куртку, рубашку и майку и сидел, стиснув зубы, пока она обрабатывала и бинтовала его раны.

Когда она закончила, он спросил, удалось ли ей купить побольше патронов.

— Восемь коробок. Это четыреста патронов. По пятьдесят в коробке.

Он кивнул.

— Только у нас их нет. Они остались в квартире на Гринтри Гарденс.

Он выругался.

— Слушай, у тебя есть деньги, а у меня есть связи. Как только все уляжется, мы купим еще.

— Много денег испорчено. Они все в крови.

— Ничего страшного. Я их отмою. Теплая вода, немного мягкого мыла, сильно не тереть и высушить, не складывая. Деньги всегда можно отмыть.

— Я тут подумал... может, мне просто взять и отдать их тебе? — проговорил он. — Чтобы показать им, что от них все равно нет никакой пользы.

Она поцеловала его, назвав Скитером, а он закрыл глаза, чтобы «Глобнет» и ее зрители не увидели этот поцелуй.

* * *

Он выслеживал оленя с самого рассвета, но подобраться на расстояние выстрела ему так и не удалось — скорее всего, из-за вертолетов. Они летали все утро, прочесывая вдоль и поперек эту долину, и многие другие долины. Джей снова (как он иногда делал) задумался о том, не перебраться ли ему в Аризону или Нью-Мексико, но (как и всегда) пришел к выводу, что там, на открытых равнинах, его будет слишком легко отыскать. Может, в Колорадо... или в Канаду.

Солдаты, которых доставили вертолеты, уже развернулись в цепь, медленно прочесывая долину. Их слишком мало, решил он. И цепочка у них слишком редкая. Они ждут, когда он побежит. Возможно, так и придется сделать. Он попробовал прикинуть расстояние до ближайшего солдата.

Двести метров. Как минимум, двести, но вполне может оказаться и двести пятьдесят.

Однако солдат приближался — высокая женщина с темным лицом, в пятнистом зелено-коричнево-песочном комбинезоне, предназначенном для более теплых мест, чем эти заснеженные пенсильванские леса. Рост делал ее легкой мишенью — куда более легкой, чем даже крупная олениха, — а на груди у нее висела смертельно-черная штурмовая винтовка. У такой есть переключатель автоматического или одиночного огня.

Меньше двухсот метров. Джей очень медленно переполз в выбранное место, нахлобучил на лоб шапку, скрывая звездочки на экране, и чуть приподнял голову, убеждаясь, что из этой точки сможет постоянно держать в поле зрения женщину с винтовкой. Его рана была такой же горячей, как и его щеки, а сквозь повязку сочилась кровь. Он сознавал это — как и то, что дышать ему труднее обычного.

Сто пятьдесят метров. Не более ста пятидесяти, а то и меньше. Он слышал свое дыхание, ощущал биение сердца — привычное возбуждение охотника.

В магазине той черной винтовки, скорее всего, тридцать патронов. Может, и больше — все пятьдесят. Если хватит времени, то он раздобудет еще и пояс с запасными магазинами. А это две-три сотни патронов с узкими заостренными пулями, которые летят как по натянутой ниточке и кувыркаются, попав в плоть.

На мгновение, даже меньше, чем на мгновение, между ним и женщиной с черной штурмовой винтовкой возник фантом — худощавый мужчина в потертой кожаной куртке: он держал изящное ружье длиной почти в его рост.

Галлюцинация.

Джей улыбнулся. Увидели ли это там, в «Глобнет»? Должны были увидеть, если до сих пор смотрят на мир его глазами. Вставят ли это в выпуск новостей?

Теперь уже сто метров. Карабин словно сам прильнул к плечу.

Семьдесят метров, не больше.

Джей глубоко вдохнул, выдохнул половину воздуха и начал плавно давить на спусковой крючок.

Перевел с английского
Андрей НОВИКОВ

ЧТО НАША ЖИЗНЬ? ТЕЛЕИГРА!

TRUMAN HOUSE

На фоне реалий масс-медиа футуристические сюжеты фильмов на эту тему не кажутся фантастикой.

В большинстве своем мы люди порядочные и воспитанные, но стоит нам превратиться в телезрителей, как — откуда что берется! — из нас начинают лезть всякого рода пороки и низменные страсти. Мы хотим в одночасье «стать миллионером», подсматриваем в «окна» и злорадствуем над «слабым звеном». При виде сталкивающихся болидов на гонках «Формулы-1» в наших глазах появляется азартный блеск, зато имитация насилия в боях «титанов рестлинга» вызывает пренебрежительную улыбку: когда «понарошку» — уже не интересно! Увы, именно поэтому самыми рейтинговыми «сериалами» становятся телерепортажи о захвате заложников или «точечных бомбардировках».

Скажем прямо, увидеть в массовых коммуникациях стихию вселенского масштаба, способную манипулировать сознанием миллионов и миллиардов, классическая фантастика не смогла до тех пор, пока эти коммуникации действительно не стали массовыми. Даже после появления кино и радио фантасты готовы были предположить, что для гипнотического воздействия на толпу скорее подойдут электромагнитные импульсы, чем передаваемые с их помощью сообщения. Впрочем, уже в немом кино начали появляться сюжеты о том, как экранная реальность вторгается в «живую жизнь». Была ведь, например, картина «Закованная фильмой» (1926) по сценарию Маяковского, где сам Маяковский играл художника, влюбившегося в сошедшую с экрана балерину (Лиля Брик). Фантастическая драма с несчастливым финалом (героиня возвращалась на экран) и экспрессионистскими метафорами (у просвечиваемых киноаппаратом обывателей вместо сердец обнаруживались шляпки, ожерелья, карты, бутылки и т.д.), наверное, сегодня показалась бы примитивной. Но так ли далеко от нее ушел совсем свежий голливудский хит «Симона»?

Историю о стареющем неудачнике-режиссере (Аль Пачино), который, не сумев заманить в свой новый фильм настоящую «звезду», снимает в главной роли компьютерный фантом, виртуальную красавицу, можно признать забавной и остроумной. Действительно, забавно, что бесплотная «комбинация пикселей», электронная картинка становится кумиром для зрителей нескольких континентов, получает «Оскар» и даже вмешивается в личную жизнь своего создателя. Но, положа руку на сердце, надо признать, что подобный сюжет мог претендовать на звание «взгляда в завтрашний день» годах эдак в 60-х прошлого века, сегодня же он просто популяризирует реальные возможности масс-медийных технологий. Виртуальные кинозвезды — это уже реальность современного кинематографа, пусть и не ординарная и очень дорогостоящая. Если же заглядывать в завтра, то надо предвидеть тиражирование кибер-кумиров для «бытового» массового потребления. Завтрашний день — это даже не виртуальная, а кибернетическая Симона («Николь Кидман», «Деми Мур», etc.), которую, как автомобиль, по приемлемой для себя цене сможет приобрести потребитель с разным уровнем достатка.

Согласимся, однако, что «Симона» Эндрю Никкола — кино не слишком высокого уровня, которое вехой в своем жанре не стало. Зато остался в истории кинофантастики фильм «Шоу Трумана» Питера Уэйра, где тот же Никкол выступал в более выигрышной для себя роли сценариста. В сравнении с «Симоной» ситуация зеркально перевернута: там реальный мир окружает виртуальную героиню, здесь реальный герой — мелкий клерк Труман Бербэнк — окружен искусственным миром, декорациями телешоу. Продолжительность этого уникального телешоу — вся жизнь Трумана, 10 909 дней, каждый из которых отслеживается пятью тысячами телекамер. Остров Сихэвен, на котором, словно в золоченой клетке, живет герой Джима Керри — это идеализированный микрокосм среднего американца: комфортабельный, стерильно-уютный, стабильный. Здесь все выдержано в духе рекламных клипов, и даже реплики жены Трумана напоминают рекламные слоганы. Когда Труман все-таки обнаруживает, что его жизнь проходит среди декораций, и решается на побег, нам уже ясно: вектор авторского замысла направлен не в будущее, а в настоящее, Никкол и Уэйр не заглядывают «за горизонт», а иронизируют над реалиями «одномерного» бытия среднестатистической Америки.

Добавим, что при всех своих достоинствах «Шоу Трумана» все же проигрывает в смысле драматургических и режиссерских находок другому голливудскому фильму на ту же тему, вышедшему на экраны тоже в 1998 г. — «Плезантвиллю» Гэри Росса. Попав в мир идеализированного черно-белого телесериала 50-х, где, по меткому выражению критика Роджера Эберта, «все имеют белую кожу, принадлежат к среднему классу, спят в раздельных кроватях и никогда не пользуются туалетом», герои-тинэйджеры, словно агрессивный реагент, разъедают его пресную и бесцветную фактуру. После «грехопадения» жителей Плезантвилля, этот черно-белый «рай» в буквальном смысле расцвечивается всеми цветами радуги...

Что же касается ключевой идеи «Шоу Трумана» — показать, что жизнь взятого наугад и, в общем-то, ничем не выдающегося человека может стать глобальным зрелищем, сверхпопулярным телесериалом, то сегодня в ее фантастичность не поверит даже малолетний ребенок. Различные виды «реальных» телешоу (в том числе российское «За стеклом»), где камера следует за героями и в душевую кабину, и в постель, выглядят куда более откровенными и шокирующими, чем весьма целомудренно «подсматриваемая» жизнь Трумана и Мэрил Бербэнк.

Возможно, появись «Шоу Трумана» в начале 80-х, мы с большим основанием увидели в нем смелый футуристический прогноз. Но ведь как раз в 1980-м подобный фильм и был снят в Европе — это «Прямой репортаж о смерти» (в нашем прокате — «Преступный репортаж») Бертрана Тавернье по роману Д.Комптона «Недреманое око». В будущем, когда большинство болезней излечивается, любое заболевание с предполагаемым летальным исходом вызывает ажиотажный интерес у телекомпаний. Смертельно больная писательница Кэтрин Мортенхоу (Роми

Шнайдер) не хочет делать шоу из своей смерти и скрывается от телекамер, правда, эти камеры все же настигают ее, ибо они имплантированы в глаза влюбленного в нее мужчины (Харви Кейтель). Несколько замедленный и анемичный фильм Тавернье тем не менее и сегодня поражает философичностью и высоким драматизмом (достаточно вспомнить сцену, когда действительно влюбившийся в Кэтрин герой Кейтеля в отчаянии пытается ослепить себя).

Именно Европа — с ее менее развитой, чем в Америке, телесетью, но более ревнивым отношением к свободе личности — позволила себе первые пессимистические фантазии на тему дегуманизации телевизионного зрелища. В Италии еще в 1965 г. был экранизирован рассказ Роберта Шекли «Седьмая жертва». Фильм «Десятая жертва» (во избежание путаницы с голливудским детективом 40-х годов), снятый Элио Петри, переносил зрителя в Италию XXI века, где в легальной форме существует клуб любителей смертельной забавы под названием «Большая охота». Разделившись на две партии, охотников и жертв, участники игры начинают преследовать друг друга. Адреналина добавляет возможность получить огромный денежный приз и предстать героем телерекламы. Петри, мастер «политического кино», безусловно, делал акцент на социальных аллегориях. Именно поэтому на роль главной жертвы был избран мягкий и рефлексирующий Марчелло Мастроянни, в то время как в облике его антагонистки-охотницы (Урсула Андресс) проглядывали черты террористки из «красных бригад». Упрощенно-стилизованные картины будущего с людьми в белых одеждах и солнцезащитных очках и вмонтированными в стены телевизорами выглядят как вынужденная и не интересующая режиссера дань чуждому для него жанру, и все же фильм не лишен дара предвидения, он не идет по следам уходящей эпохи, а предвосхищает новую.

Почти на два десятилетия позднее, в 1983 г., другой рассказ Шекли («Цена риска»), но с похожим сюжетом экранизирует француз Ив Буассе. Главный герой картины, стремящийся вырваться из нищеты социальный аутсайдер (Жерар Ланвин), подписывает рискованный контракт с телекомпанией: он должен добраться живым до телестудии, уйдя от преследования пятерых охотников.

Играющий со смертью герой, пятерка охотников, снимающие дьявольскую гонку телекамеры... Не кажется ли вам, что нечто подобное было и еще в одном фильме? Нет, не в фильме Петри, а четырьмя годами позднее, когда Пол Майкл Глейзер в Голливуде экранизировал роман Ричарда Бахмана «Бегущий человек». Сейчас уже ни для кого не секрет, что за псевдонимом «Бахман» скрывался Стивен Кинг и что причиной этого было непозволительное сходство с романом Шекли. Этим, однако, проблема не исчерпывалась. Если Кинг без особого стеснения «цитировал» Шекли, то еще бесцеремоннее вели себя сценарист Стивен Де Соуза и режиссер Глейзер, воспроизводя целые эпизоды и сюжетные ходы из фильма Буассе.

В том, что фильмы и Петри, и Буассе сегодня почти забыты, а у большинства зрителей в памяти (и на полке с видеокассетами) остался «Бегущий человек» с Арнольдом Шварценеггером в главной роли, нет ничего странного. В проекте Глейзера, куда более масштабном и «раскрученном», на первом плане оказались не социально-философские аллюзии, а подробности самого фантастического шоу. Кровавая телеигра под названием «Бегущий человек» — это вариант гладиаторских боев в тоталитарной Америке 2019 года, когда приговоренные к смерти преступники на глазах у миллионов телезрителей борются между собой за единственную «путевку в жизнь». Герой Шварценеггера, невинно осужденный Бен Ричардс (бывший «коп», отказавшийся расстреливать демонстрантов), вступает в неравную борьбу с матерыми злодеями. Естественно, дистанция между героями Мастроянни и Шварценеггера куда больше, чем между итальянскими и австрийскими Альпами, да и противостоит последнему не обольстительная «девушка Бонда» — Андресс, а позаимствованные из комиксов чудовищные маньяки с внешностью титанов рестлинга (их и сыграли профессиональные борцы) и наводящим ужас оружием — бензопилой, остро заточенной хоккейной клюшкой, электрошокером...

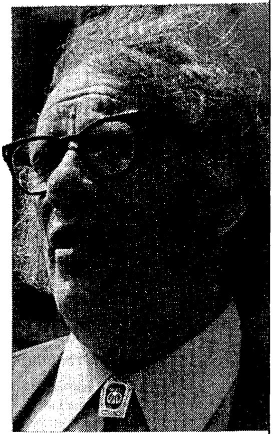
Несмотря на жестокую экспрессию и даже натуралистичность, с которой создатели «Бегущего человека» показали поединки Бена Ричардса со своими антагонистами, многие критики отнеслись к фильму не очень серьезно и провели его по разряду пародии на фантастический триллер. Причину такого отношения надо искать не столько в фильме, сколько в контексте, обстановке, в которой он появился: в 1987 году, когда в Восточной Европе начали рушиться тоталитарные режимы, едва ли кто-то мог поверить в тоталитарную Америку, где примитивное и развращенное общество тешит себя бесчеловечными играми на выживание. С известной натяжкой такой фильм сошел бы за предсказание в середине 70-х — в каком-то смысле так и был воспринят «Роллербол» Нормана Джюисона (1975). Довольно скоро, впрочем, жизнь доказала, что если в жестоких и рискованных видах спорта действительно крутятся огромные деньги, то часть этих денег неизбежно идет на заботу о спортсменах, на улучшение их морального имиджа. Для богатых и достаточно цивилизованных стран это стало повсеместной нормой.

Видимо, не случайно в своем римейке того же «Роллербола» (2002) Джон Мактирнан перенес арену своего экстремального шоу из Хьюстона и Токио в «слаборазвитую и нестабильную» Центральную Азию, где кровожадный экстаз болельщиков мог бы выглядеть более логичным и естественным. Конечно, в антиутопии тоже не обойтись без достоверности и здравого смысла. Зритель скорее поверит, что местом проведения изуверски-жестокого игрового шоу станет криминализированная Колумбия или Чечня (вспомним про превращенные в массовое зрелище «суды шариата» на стадионе), чем цивилизованная Япония. Парадокс в том, что фильм о существовании такой изуверской игры в Японии будущего (своеобразный римейк той же «Десятой жертвы») все-таки появился и стал мировым хитом — я имею в виду «Королевскую битву» Кинджи Фукасаку. Другое дело, что среди противников этой истории о легализованном властями молодежном смертоубийстве были не только ревнивые моралисты преклонного возраста, но и сами подростки. Не случайно, что в сиквеле своего фильма, «Королевской битве-2», Фукасаку, умерший незадолго до начала съемок, решил заставить своих героев сражаться не друг с другом, а с проникшими на остров террористами.

«Весь мир — театр...» — такие слова были начертаны над входом в шекспировский театр «Глобус». Сегодня кинофантастика способна блестяще проиллюстрировать эту фразу, показав, как виртуальный спектакль, мираж подменяет реальную жизнь для целого общества (не трудно понять, что прежде всего речь идет о «Матрице» братьев Вачовски). И все же в большинстве случаев фантастический прогноз взаимоотношений человечества и порожденных им масс-медиа сводится к пересказу старых сюжетов. Вот, если верить «Интернет Муви Дейта Бэйз», в Голливуде в прошлом году был снят еще один римейк «Десятой жертвы». Не десятый ли по счету?

Дмитрий КАРАВАЕВ

У ГРАНИЦЫ ОСНОВАНИЯ



Продолжим наш скорбный мартиролог знаменитых фантастов, «загубленных» или досадно проигнорированных кинематографом. На сей раз очередная жертва — Айзек Азимов, в представлениях не нуждающийся. Хотя в данном конкретном случае ситуация не столь безнадежна: есть по крайней мере один фильм, творчеству писателя адекватный!

Вот ведь парадоксальная ситуация: известным писателям-фантастам, книгами которых зачитывались миллионы, с экранизациями фатально не везет. Обсуждение причин уведет нас далеко, хотя из двух главных одна — техническая — давно устранена: сегодня компьютерные спецэффекты позволяют реализовать на экране любую фантазию. А другая — содержательная — ныне еще дальше от разрешения, чем десятилетия назад: несоответствие интеллектуального уровня лучших образцов литературной фантастики уровню тех, кто делает кино. И кто его в массе своей смотрит.

А творчество Айзека Азимова, как согласится всякий образованный читатель, это, во-первых, цикл о роботах, а во-вторых, — об Основании. Плюс, конечно, рассказы, роман «Конец Вечности», но основой все-таки остаются два упомянутых цикла: объединив их на закате творческой карьеры в своеобразный суперцикл, писатель превратил все прочие произведения лишь в штрихи к законченной в целом картине.

Почему до сих пор не вышло ни одного фильма из цикла об Основании, догадаться нетрудно. Сначала режиссеров останавливали технические проблемы. Все же Трантор должен и на экране выглядеть Трантором, планетой-мегаполисом, а не заштатным городком — даже не Нью-Йорком будущего с десятком «подрисованных» небоскребов, уходящих за облака! Попробуй построй такую декорацию руками, без помощи компьютеров. А стоило им появиться, как одновременно с этой палочкой-выручалочкой на экран вышли «Звездные войны» Джорджа Лукаса, сделавшие неактуальными многие грандиозные проекты «космических кинооперр», которые, вполне возможно, мирно ждали на студиях своей очереди.

Так что мимо азимовского Основания кинематографисты проскочили. Может, оно и к лучшему: за прошедшие полвека историко-футурологические построения писателя все-таки во многом устарели. И еще неизвестно, как бы сегодня смотрелась на широком экране и со всеми этими стереоэффектами нетривиальная и совсем не симпатичная идейка построения очередной утопии под руководством «тайной закулисы» ученых-технократов...

Предвижу возражения: а азимовские позитронные роботы, они что — не выглядят в наши дни очевидным анахронизмом? А это с какой стороны взглянуть.

Как человекоподобные неуклюжие «железяки» — да, устарели окончательно и бесповоротно. Совершенно ясно, что реальная роботехника пошла иным путем, и никто никогда механических подобий человека строить не станет — и не от страха перед метафизическими проблемами, а просто потому, что в антропоморфных механизмах нет никакой нужды. А вот поднятая (точнее, подхваченная эстафетой у классиков) молодым технократом Азимовым проблема гуманитарная, проблема проблем — создание искусственного человека, личности, которая перестает слепо следовать заложенной в ней программе и начинает «вести себя», конечно же, не устарела.

Уже ранние читатели популярного цикла о роботах сообразили, что знаменитые Три Закона писаны не для роботов, не для машин — для людей. И что любые попытки заковать бесконечно сложную человеческую личность, стоящую перед выбором, перед веером альтернатив, в жесткий каркас конечного числа этических программ-постулатов обречены на провал. Или, как блестяще продемонстрировал Азимов, на бесчисленные логические парадоксы и психологические ошибки. Потому что этим циклом писатель доказал (может быть, даже вопреки своему первоначальному замыслу), что компромисс невозможен: либо разум и свобода выбора, либо неуклонное следование программе. В первом случае это человек, во втором — робот. Неважно, выглядит ли он при этом абсолютной копией человека из плоти и крови или утрированной железной куклой. И так же безразлично, каким числом конкретных нравственных заповедей он руководствуется: бесчисленными культовыми и шестью «светскими» с моисеевых скрижалей завета, десятью новозаветными из Нагорной проповеди или всего лишь тремя «атеистическими» азимовскими.

В этом его роботы за полвека не только не устарели, но даже не сильно состарились. Что должно было бы привлечь к данному литературному материалу внимание думающих режиссеров.

Так и случилось — уже в далекие шестидесятые. А поскольку кино тогда не давало возможности как следует развернуться, а кроме того, большинство произведений цикла представляли собой короткие новеллы, то за азимовских роботов раньше кинематографа взялось телевидение.

Первым выходом американского писателя-фантаста на телеэкран, насколько мне удалось установить, стала экранизация в 1962 году рассказа «Потерявшийся робот» — эпизод недолговечного английского сериала «Вне этого мира». Далее последовала экранизация романа «Стальные пещеры», осуществленная в 1964 году английским режиссером Питером Сэсди. Но и он благоразумно сократил сюжет до эпизода в другом телесериале — «Дорога рассказов», — иначе пришлось бы строить мегаполис будущей перенаселенной Земли, а на скромный телевизионный бюджет это сделать нереально. Какими вышли первые «блины», неизвестно: отзывов на те две постановки отыскать не удалось.

Зрители другого популярного британского телесериала «За гранью Неведомого», появившегося на канале BBC в 1965—1971 годах, могли познакомиться сразу с шестью теленовеллами по произведениям Азимова: четырьмя роботехническими — «Качество гарантируется» (1966), «Пророк» (1967), «Лжец!» (1969) и опять-таки сокращенным до эпизода «Обнаженным Солнцем» (1969), и двумя внесерийными — «Мертвое прошлое» (1965) и «Молокосос» (1965)*. Уровень этого телесериала для своего времени был выше всяких похвал (достаточно сказать, что несколько сценариев написал Джон Пристли, а художником-постановщиком одного эпи-

---

** В ряде источников указана еще и экранизация рассказа «Мечты — личное дело каждого» (1968), но в самой основательной сетевой базе данных, The Internet Movie Data Base, сведения об этом фильме отсутствуют. (Здесь и далее прим. авт.)*

зода значился тогда никому не известный Ридли Скотт), не смотрится он архаикой и сейчас. Во всяком случае Азимов на телеэкране выглядит настоящим Азимовым! В чем автор этих строк имел возможность убедиться лично, раскопав в одном из видеопрокатов маленького американского университетского городка неполный комплект «За гранью Неведомого», каким-то чудом переписанный на видеокассеты.

Чтобы закончить с телевидением, упомяну еще испанскую версию «Лжеца» — «Робот-обманщик» (1966), канадскую экранизацию одного из лучших рассказов Азимова «не про роботов» — «Уродливый мальчуган» (1979), два американских (оба о роботах) — «Чувство 109» (1988; два года спустя фильм еще раз был показан под названием «Училка 109») и «Связь с андроидом» (1995), а также два отечественных телеспектакля — фантастический детектив «Ночь, которая умирает»* и «азимовский» эпизод в телеальманахе «С роботами не шутят» (1985), входившем в программу «Этот фантастический мир». Кроме того, в 1988 году по американскому телевидению прошел еще один телесериал по мотивам детективных (не фантастических) произведений Азимова — «Поиск» (1988).

Для полноты картины отмечу еще отечественный мультфильм по мотивам рассказа «Непреднамеренная победа» — «Сигнал предупреждения» (1989), а также франко-южнокорейский полнометражный анимационный фильм «Гандахар» (в американском прокате — «Световые годы»). Фильм режиссеров Рене Лалу и Харви Уэнстейна был снят по мотивам романа французского писателя Жана-Пьера Андревона, и к этой экранизации Айзек Азимов имеет отношение лишь опосредованное: как утверждают справочники, американский писатель всего лишь «адаптировал» английский перевод сценария.

Перейдем теперь к полнометражным экранизациям роботехнического цикла. Американского фильма «Роботы» (1988) автор этих строк, к сожалению, не видел. Известно, что фильм снят для видео и что среди героев мелькает знакомая парочка детективов — Элайджа Бэйли и Р.Дэниел Оливау. Зато другую картину, в сравнении с которой все перечисленное выше* можно рассматривать как сложный гарнир к главному блюду, посмотрел, благо она шла в нашем прокате. И, вопреки мрачным ожиданиям, с интересом, если не сказать — с удовольствием.

---

* *Как и в других аналогичных случаях с отечественными телепостановками 60—70-х годов восстановить что-либо конкретное (дату, режиссера-постановщика, актеров) не удалось — но то, что такой телеспектакль был, помню точно.*

Фильм «Двухсотлетний человек» поставил в 1999 году режиссер Крис Коламбус, в чьем активе к тому времени значились лишь комедии — «Один дома» и «Один дома-2» с вундеркиндом Маколеем Калкином и «Миссис Даутфайр» с Робином Уильямсом, сыгравшим роль актера-травести.

Экранизация одноименной новеллы Азимова и романа 1992 года «Позитронный человек», написанного Робертом Силвербергом «в соавторстве с Айзеком Азимовым» (в том же году скончавшимся), несмотря на некоторую сентиментальность, вышла отнюдь не детской. И на удивление «не американской», что подтверждают противоречивые отзывы в США — в сравнении с однозначно положительными в Европе. В фильме нет сногсшибательных спецэффектов (хотя там, где нужно, — процесс производства роботов, футуристический Сан-Франциско и т.п., — все сделано на совесть, по последнему слову кинотехники), отсутствует и привычный для голливудских боевиков «экшн». Зато есть то, что американскому кино, тем более, научно-фантастическому, в целом не свойственно: психологизм и мысль.

Роль Робина Уильямса, наверное, вершина в его актерской карьере. Хотя, конечно, и роль завидная, было ради чего стараться! Робот, купленный богатым американцем в качестве домашней прислуги, игрушки и одновременно няни («просто новый домашний бытовой прибор»), за два столетия проводил в мир иной своих хозяев, признавших в нем равного и давших ему «вольную», а затем и их детей. И в конце концов настолько

---

* *Стоит заметить, что существует еще один известный фильм, связанный с именем Азимова. Это «Фантастическое путешествие» (1966) Ричарда Флейшера, завоевавший множество кинематографических наград, включая три «Оскара». Сценарий фильма был написан по мотивам рассказа Джерома Биксби Гарри Кляйнером и адаптирован Дэвидом Дунканом, а Азимову было предложено на основе сценария создать роман-новеллизацию. Азимов, прочитав сценарий, обнаружил большое количество сюжетных «дыр» и потребовал задержать съемки фильма до выхода романа. В результате новеллизация вышла в свет раньше фильма, но при съемках замечания писателя учтены не были. По мотивам картины впоследствии вышел одноименный семнадцатисерийный телесериал (1968—1970) и популярный римейк «Внутренее пространство» (1987). (Прим. ред.)*

«эволюционировал» в человека, что влюбился в правнучку своего первого хозяина... О такой роли может мечтать каждый актер, и Робин Уильямс, надо отдать ему должное, выжал из нее все, что смог.

Но если в психологии Азимов-писатель как раз был не слишком силен (даже фанатичный поклонник его творчества согласится, что главными для писателя — за редким исключением — оставались не люди, а идеи), то уж в чем, в чем, а в отсутствии парадоксальных суждений, мыслей, логических головоломок автора Трех Законов Роботехники трудно упрекнуть. И Коламбус не пошел на поводу у массового зрителя, более всего опасающегося, что его во время сеанса начнут «грузить». Напряженно ожидая финала (чем же закончится превращение «аномального» андроида в полноценную человеческую личность?), я все время ловил себя на мысли, что каким-то чудесным образом перенесся в собственное прошлое. Когда на дворе стояли добрые неспешные шестидесятые, а в руках был очередной томик с рассказами Айзека Азимова о роботах! За что режиссеру, который родом из тех же шестидесятых (Коламбус родился в 1958 году), от «современника» особое спасибо.

Хотя то, что фильм снят все-таки американцем — и снят, увы, в «политкорректные» девяностые — тоже время от времени дает о себе знать. Это и раздражающие своей нарочитостью детали (вроде главы мирового правительства — негритянки с говорящей фамилией Бота*), и наоборот, сознательный уход от обсуждения «чреватых» тем, мимо которых писатель Азимов ни за что бы не прошел. Сексуальной темы герой Уильямса лишь коснулся (умилительная фраза о том, как ему жалко «миллионов погибших втуне сперматозоидов», не говоря уж об обсуждении перспектив превращения робота «в стопроцентного мужчину» с помощью новейших достижений медицины), а религиозную обошел вовсе.

Между тем отсутствие каких бы то ни было сомнений религиозно-нравственного толка для АЗИМОВСКОГО робота ничем не оправдано. Героя фильма волнует только юридически-правовое признание его человеком — ради этого он готов даже пожертвовать своим фактическим бессмертием (хотя может ли простое «вливание» человеческой крови и трансплантация отдельных человеческих органов обеспечить искомую «человеч-

---

** Если кто запамятовал: Луис Бота был первым премьер-министром «апартеидного» Южно-Африканского Союза.*

ность» — большой вопрос). Куда более существенная драма — как быть с заложенной в робота программой, теми самыми Тремя Законами, о которых говорилось выше, — в фильме также развития не получила. Хотя в этом вся, на мой взгляд, суть азимовской роботехники.

Тем не менее при всех недочетах «Двухсотлетний человек» — это все-таки редкий пример умной кинофантастики, не только развлекающей, но и заставляющей думать. Увы, две другие попытки поставить «полнометражного» Азимова привели к результатам более ожидаемым.

Неудача советской экранизации одного из лучших романов Азимова, «Конец Вечности» (1987), была предопределена изначально. Фильм снимал молодой режиссер Андрей Ермаш — а по совместительству сын тогдашнего министра кинематографии. На картину были брошены многие актеры-асы во главе с Сергеем Юрским, сценарий написал крепкий профессионал Будимир Метальников, а декорации и спецэффекты ставили в недоступных тогда большинству отечественных режиссеров английских павильонах. Чего не смог сделать всесильный министр — так это научить сына азам режиссуры. В результате вышло нечто порой красивое, но в целом маловыразительное и аморфное: в роскошных для тогдашнего советского кино декорациях актерам было просто нечего играть.

Зато в двух американских экранизациях классического рассказа Азимова — «Приход ночи» (1988) и версии для видео, «Приход ночи» Айзека Азимова» (2000) — все как раз до предела ясно и жанрово-определенно. Азимов писал о крахе мироздания, философских основ существования (на планете, находящейся в центре звездного скопления, вдруг разом погасли мириады звезд, и наступила «ночь» на долгие столетия), однако в обеих киноверсиях идея произведения выхолощена без следа. Остались навязшие в зубах вариации многочисленных киноподелок на тему «общество после катастрофы»: наступление нового варварства и прочие эффектные ужасы на фоне погруженного во мрак мира.

А что же дальше? Сейчас завершается работа над фильмом «Я, робот» (сценарий Акивы Голдсмена, режиссер Алекс Пройас; детектива Спунера сыграет Уилл Смит, а Сьюзен Келвин — Бриджет Мойнихан). Выход картины намечен на следующий год, так что ждать осталось недолго. А там, глядишь, и за Основание кто-нибудь возьмется основательно: тавтология буквально напрашивается...

Вл. ГАКОВ

ФИЛЬМОГРАФИЯ

1. *«Стальные пещеры» (Caves of Steel, 1964). Великобритания (телефильм из цикла Story Road). Реж. Питер Сэсди.*
2. *«Мертвое прошлое» (The Dead Past, 1965). Великобритания (телефильм из цикла Out of the Unknown). Реж. Джон Горри.*
3. *«Молокосос» (Sucker Bait, 1965). Великобритания (телефильм из цикла Out of the Unknown). Реж. Наоми Кэпон.*
4. *«Качество гарантируется» (Satisfaction Guaranteea, 1966). Великобритания (телефильм из цикла Out of the Unknown). Реж. Джон Горри.*
5. *«Робот-обманщик» (El Robot Embustero, 1966). Испания (телефильм). Реж. Антонио де Лара.*
6. *«Пророк» (The Prophet, 1967). Великобритания (телефильм из цикла Out of the Unknown). Реж. Наоми Кэпон.*
7. *«Лжец!» (Liar!, 1969). Великобритания (телефильм из цикла Out of Unknown). Реж. Джеральд Блейк.*
8. *«Обнаженное Солнце» (The Naked Sun, 1969). Великобритания (телефильм из цикла Out of the Unknown). Реж. Рудольф Картье.*
9. *«Обнаженное Солнце» (точная дата неизвестна). СССР (телеспектакль). Реж. неизвестен.*
10. *«Уродливый мальчуган» (The Ugly Little Boy, 1979). Канада (телефильм). Реж. Барри Морз.*
11. *«С роботами не шутят» (1985). СССР (эпизод из телевизионного цикла «Этот фантастический мир»). Реж. В.Спиридонов.*
12. *«Гандахар» (Gandahar, 1986). Франция — Южная Корея (полнометражный мультипликационный фильм). Реж. Рене Лалу и Харви Уэйнстейн. В американском прокате фильм выходил под названием «Световые годы» (Light Years).*
13. *«Конец Вечности» (1987). СССР. Реж. Андрей Ермаш.*
14. *«Приход ночи» (Nightfall, 1988). США. Реж. Пол Майерсберг.*
15. *«Роботы» (Robots, 1988). США (видео). Реж. Дуг Смит и Ким Такал.*
16. *«Чувство 109» (Feeling 109, 1988). США (телефильм). Реж. Ричард Клеттер. В 1990 году вышел заново под названием «Училка 109» (Teach 109).*
17. *«Поиск» (Probe, 1988). США (телесериал).*
18. *«Сигнал предупреждения» (1989). СССР (мультфильм). Реж. Н.Валацкявичуте.*
19. *«Связь с андроидом» (The Android Affair, 1995). США (телефильм). Реж. Ричард Клеттер.*
20. *«Двухсотлетний человек» (Bicentennial Man, 1999). США. Реж. Крис Коламбус.*
21. *«Приход ночи» Айзека Азимова» (Isaac Asimov's Nightfall, 2000). США (видео). Реж. Гвайнет Гибби.*

ФРЕДДИ ПРОТИВ ДЖЕЙСОНА

(FREDDY VS JASON)

Производство компании New Line Cinema, 2003.
Режиссер Ронни Ю.
В ролях: Роберт Энглунд, Кен Кирцингер, Джейсон Риттер, Келли Роулэнд, Моника Кина и др. 1ч. 38 мин.

Крюгер больше не может проникать в сны детей с улицы Вязов, однако хитроумный Фредди находит способ досаждать жителям знаменитой улицы — нужно использовать другого киномонстра, Джейсона Вурхиса из «Пятницы,13». Но поколение NEXT не желает мириться с произволом: они выманивают Крюгера из мира снов и сталкивают двух маньяков. Да и Джейсон не хочет быть просто пешкой в руках Фредди...

Идея объединения различных героев витала в Голливуде давно: после одноименной игры был обещан фильм «Хищник против Чужого», ходили также слухи о выступлении «Супермена против Бэтмена». Но первым реально осуществленным проектом такого рода стал все же «Фредди против Джейсона». Задуман фильм еще в 1995 году и с тех пор сменил множество режиссеров (одно время пророчили даже Уэса Крейвена, автора первого «Кошмара на улице Вязов») и сценаристов. И вот, когда стало казаться, что Фредди мертв уже окончательно, лента все-таки обрела сценарий и постановщика. В итоге получилась то ли восьмая часть «Кошмаров...», то ли одиннадцатая «Пятницы, 13».

Надо признать, что Ронни Ю («Невеста Чаки», «51 штат») удалось снять вполне удачный сиквел. Недаром первый уик-энд проката принес создателям 36 млн долларов (при бюджете картины всего около тридцати). Но при этом фильм вряд ли сможет тягаться в популярности с первыми лентами серий. И хотя он смотрится с напряжением, складывается впечатление, что режиссер снял не фильм ужасов, а боевик — слишком большой упор делается на зрелищность и спецэффекты. И несмотря на первоначальный успех, у фанатов фильм в итоге может вызвать разочарование.

Однако создатели уже обещали, что в случае успеха продолжат свои опыты по скрещиванию. Поговаривают, что «New Line Cinema» уже подумывает о фильме, где Фредди и Джейсон сойдутся в неравной схватке с Эшем из «Зловещих мертвецов». Также стало известно о существовании сценария приквела под рабочим названием «Elm Street: The First Murders», где речь пойдет об убийствах, совершаемых гардеробщиком школы Фредом Крюгером. Фредди снова жив...

Максим РЫЖОВ

ПУЛЕНЕПРОБИВАЕМЫЙ

(BULLETPROOF MONK)

**Производство компаний Metro-Goldwyn-Mayer, Lakeshore Ent.,
Lion Rock, 2003.
Режиссер Пол Хантер.
В ролях: Чоу Юн-Фат, Шон Уильям Скотт, Джейми Кинг и др. 1 ч. 44 мин.**

В одном из многочисленных буддистских монастырей находится некий свиток, дающий своему владельцу безграничную власть и невероятные возможности. Раз в шестьдесят лет свиток переходит из рук в руки от достойного к достойнейшему. Заведенный порядок нарушился в 1943 году — при очередной смене Хранителя артефакт попытались выкрасть нацисты, весьма охочие до всевозможных магических побрякушек. Противостоящий фашистам мастер восточных единоборств, тибетский Монах Без Имени, зато с лицом Чоу Юн-Фата, спасает ценную реликвию, а спустя предписанные 60 лет, все еще скрываясь от наци, оказывается в Нью-Йорке. Сюжетная интрига, закрученная аж двумя сценаристами, сводит его с преемником, молодым уличным воришкой Каром (Шон Уильям Скотт — «Эволюция»), ставшим новым претендентом на должность Хранителя. Защищая священный свиток, Монах вместе с Каром и его русской подружкой вступают в жестокий финальный бой с новоявленными нацистами.

Попытка известного режиссера видеоклипов Пола Хантера в том же рваном ритме снять на основе третьесортного комикса свою дебютную ленту — то ли в форме мистической картины с элементами буддистской философии, то ли как экшн с кунг-фуистскими драками — потерпела полное фиаско. Расчленив фильм на три десятка трехминутных роликов, можно было получить вполне приятственные клипы на темы восточных единоборств, тибетской философии и методик борьбы с вселенским Злом. Однако смонтированный вариант смотрится как невероятно затянутое и нудное повествование, изредка перемежаемое парой-тройкой маханий руками-ногами.

Логические нестыковки, неубедительная мотивация поступков и ужасающая игра всех без исключения актеров (Юн-Фат даже никак не дотягивает до своей роли в «Крадущемся тигре, невидимом драконе») — все это, вместе с головокружительной мешаниной из нацистов, Шаолиня, мистики, акробатики и драк в стиле Джона Ву (кстати, одного из продюсеров ленты), напоминает горячечный бред. После полуторачасового просмотра даже перипетии сюжета вспоминаются с трудом.

Вячеслав ЯШИН

САМУРАИ

(SAMOURAÏS)

Производство компаний Fidélité Productions (Франция), CP Medien AG (Германия), Telecinco (Испания) и др., 2002.
Режиссер Джордано Гедерлини.
В ролях: Сирил Мурали, Ясаки Курата, Май Ан Ле и др. 1 ч. 30 мин.

Восточная экзотика все больше проникает во французское кино. Это видно даже по названиям крупных фильмов последних лет: «Васаби», «Ямакаши»... И вот очередной штришок ко всеобщей картине взаимопроникновения культур. Попытка снять настоящий боевик по-японски — с жестокими поединками на мечах и «на ногах», с экскурсами в самурайское прошлое героев, со смертельным выбором между личным и общественным, всегда заканчивающимся согласно восточному менталитету в пользу последнего. При этом в действие органично включены дополнительные составляющие коммерческого успеха: мягкий французский юмор, классический сюжет о земных реинкарнациях дьявола, любовная линия и даже элементы виртуальности и киберпанка.

Посланец Ада, неосторожно вызванный в средние века неким самураем ради победы над врагами, отказался возвращаться и остался в нашем мире, регулярно перерождаясь: раз в несколько десятков (а то и сотен) лет очередное его тело должна выносить в чреве девственница из рода того самого самурая. Так происходит до наших дней. Посланец Ада готов сменить тело на новое, но желает закончить одно из своих черных дел. Некая механическая компьютерная присадка к видеоигре «Темное Бушидо-2», которую выпускает корпорация, принадлежащая бессмертному монстру, способна подчинить себе любого человека.

Ну а во Франции учится японская девушка, дочка полицейского, который безуспешно пытается арестовать Посланца Ада. Она дружит с двумя французскими подростками. Как все уже догадались, вокруг девушки и ее друзей будут крутиться древние самурайские игры в жизнь и смерть — ведь ее отец прибыл во Францию, желая любой ценой предотвратить рождение монстра. Зрителей ждут головокружительные поединки, неплохие спецэффекты (недаром у фильма немалый для Европы бюджет в 15 миллионов), а также — что, в отличие от штампованных боевиков «по-восточному», и делает фильм вполне приятным для просмотра — немалая доля самоиронии. Ведь в таких фильмах всегда понятно, что Зло будет побеждено. Вопрос только в том, *как* оно будет побеждено...

Тимофей ОЗЕРОВ

ГЛАЗ

(JIAN GUI)

Производство компаний Applause Pictures (Гонконг), Raintree Pictures Pte. Ltd. (Сингапур), Pang Brothers (Таиланд) и др., 2002.
Режиссеры Оксид Панг и Дэнни Панг.
В ролях: Анджелика Ли, Лоуренс Чоу, Кэнди Ло и др.
1 ч. 35 мин.

Мы уже привыкли, что фильмы производства таких далеких стран, как Таиланд, Гонконг или Сингапур — это либо третьесортные боевики с обилием драк и стрельбы, либо реалистические картины, снятые специально для путешествий с фестиваля на фестиваль — авось какое-нибудь жюри вдохновится экзотикой и вручит какой-нибудь приз. Однако здесь случай особый. Фильм, в котором не звучит ни одного выстрела и нет ни одной драки, неожиданно стал в Азии кассовым хитом. Впрочем, почему неожиданно? Ведь братья-блинецы Оксид и Дэнни Панг попросту «переписали» рецепт у одного индийского режиссера, добившегося потрясающих кассовых успехов как в Америке, так и в Европе, после очень похожего фильма.

Слепой девятнадцатилетней девушке Манн пересаживают донорскую роговицу, в результате чего она вновь обретает зрение, потерянное еще в младенчестве. Но вместе с ним она получает способность наблюдать души умерших, которые никак не желают перемещаться в мир иной — потерянные, они бродят по земле и просят о помощи. Сначала Манн боится, прячется (все ее метания сняты по классическим законам саспенса), но вскоре находится молодой психоаналитик, объясняющий, что если этим душам помочь, то станет гораздо легче...

Да это же «Шестое чувство» Шьямалана! — воскликнут читатели. Да, поначалу «Глаз» весьма похож на шьямалановский шедевр. Но стоит отдать должное братьям Панг — они не пошли окончательно на поводке своего успешного предшественника (что, кстати, распространено в гонконгском кинематографе), а в результате развили сюжет совершенно в ином направлении. И этическая доминанта фильма, пусть несколько надрывно решенная, совершенно другая. Особенно впечатляет страшноватая концовка, лишь подтверждающая мысль о предопределенности сущего и тщетности попыток предотвратить чью-то гибель — ибо люди глухи к предостережениям.

Тимофей ОЗЕРОВ

СПАЙС ЧИЛДРЕН

Прошло три года с момента, когда спутниковый канал «Sci-Fi Channel», целиком посвященный кинофантастике, выпустил в эфир мини-сериал «Дюна». И вот миру явилось продолжение: «Дети Дюны».

За эти три года компьютерная техника сделала большой шаг вперед. Если первый фильм грешил холщовыми задниками, расписанными «под пустыню», то во втором перспектива уже компьютерная и выполнена вполне прилично*.

Возможно, именно это делает телесериал «Дети Дюны» куда более любопытным, чем стартовую «Дюну»?

Впрочем, над первой частью довлела куда большая беда, чем нехватка бюджета. Невозможно было смотреть эту старательно сделанную иллюстрацию, не вспоминая «Дюну» Дэвида Линча. Односерийная, снятая в 1984 году, с раскрашенными презервативами в роли песчаных червей, она тем не менее однозначно выигрывала — как торопливый эскиз мастера превосходит старательно выписанное дилетантом полотно.

У «Детей Дюны» не было столь опасного соперничества.

Итак — планета Арракис двенадцать лет спустя. Раньше гордые кочевники-фримены экономили воду, ели спайс — наркотическую пряность, после чего ездили по пустыне верхом на свирепых червях и были вполне счастливы. Прибившийся к ним юный Пауль Атрейдес встал во главе незаконных бандформирований, совершил государственный переворот, низверг Императора и принялся лично править Империей. Благодарные фримены устроили несколько джихадов, огнем и мечом убеждая население других планет в правоте Муад'диба. Жизнь на Арракисе изменилась настолько, что на улицах даже появились лужи. Но — не все мирно в галактике! Не дремлет недобитый враг! Плетут свои козни злодеи-педагоги — орден Бене Гессерит. Интригуют потерявшие человеческий облик от злоупотребления пряностью работники Гильдии Навигаторов! Семья свергнутого Императора лелеет коварные планы! Фримены, ветераны джихада, обижены невниманием вождя к их проблемам. Да и дома у Пауля не все ладно. Младшая сестренка, объевшись пряности, занимается опасными боевыми играми. Жена и любовница не ладят между собой — не правда ли, неожиданный любовный треугольник? А еще тут бродит убийца-оборотень. К тому же старого друга клонировали и запрограммировали убить Пауля...

---

* *Телесериал «Дети Дюны» завоевал премию «Эмми» 2003 года за лучшие спецэффекты. (Прим. ред.)*

«Дети Дюны» — не лучшая книга в многотомном сериале о Дюне.

Лучшей была первая.

Но, скажем честно, режиссер Грег Йейтенис сделал все, что мог. Картинка вполне убедительна, долгие любовные монологи и философские отступления ритмично перемежаются толикой экшена, не давая зрителю совсем уж заснуть. Вот только раздражают псевдоглубокомысленные сентенции, которыми явно злоупотребляют персонажи... Одеяния далекого будущего поражают своей нефункциональностью, архитектура сводится к глинобитным хибарам и циклопическим дворцам, выстроенным на самых неуютных горных кручах. Но, с другой стороны, такая эстетика внедрена первой и второй сериями «Звездных войн», без нее нынче космическую оперу не снимешь. . Любовные страдания персонажей словно вышли из мексиканских сериалов. Однако что еще делать режиссеру, чей фильм рассчитан на семейный просмотр...

Почему же сюжет как книги, так и фильма вызывает легкое раздражение? Может быть, потому, что мы, в отличие от рядового американо-европейского зрителя, прекрасно знаем — любая революция заканчивается скотством и пожирает своих детей? Это прекрасно знал и Фрэнк Герберт. Об этом и писал.

Это по мере сил показал и фильм «Дети Дюны».

Но зато радует факт, что качество российского DVD-релиза вполне на высоте. Меню анимировано и озвучено, изображение приличное. Наличествуют небольшие бонусы в виде фильмографии актеров и анонсов. Тыловые колонки включаются достаточно часто, создавая убедительную звуковую панораму. Особенно приятно наличие звука DTS.

«Детей Дюны» не назовешь великим фантастическим кино, но это честная иллюстрация к роману, хороший подарок всем любителям выдающейся фантастической эпопеи.

А пряностью все-таки злоупотреблять не стоит.

Сергей ЛУКЬЯНЕНКО

АЛЕКСАНДР ТЮРИН

ЧЕЛОВЕК, НЕ УМЕВШИЙ КАК СЛЕДУЕТ ЛЕТАТЬ

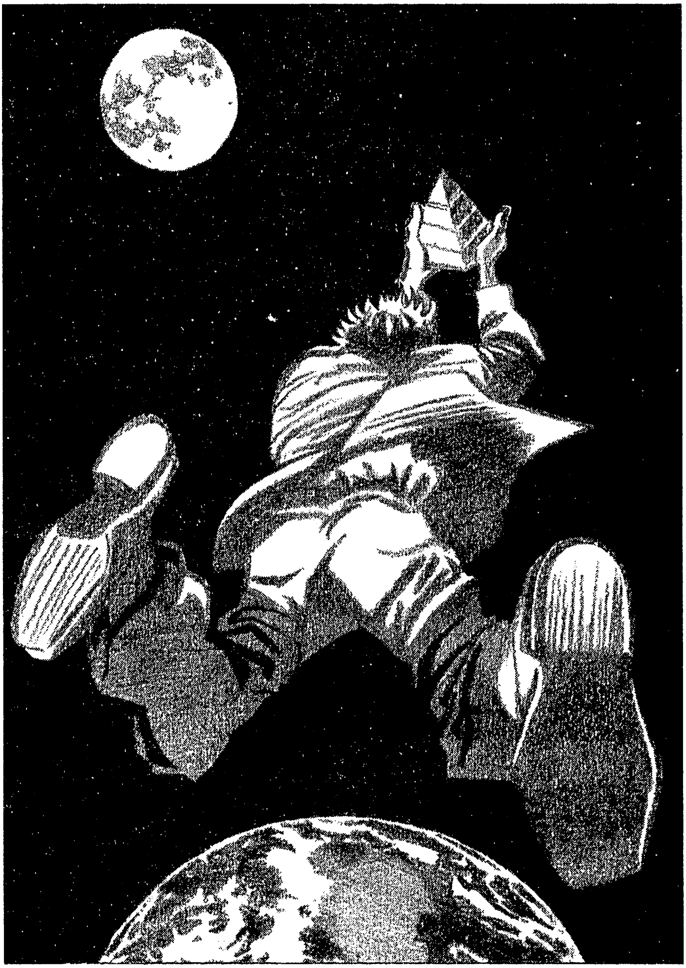


Иллюстрация Алексея МАЛАХОВА

1.

Разбег по тротуару, толчок на канализационном люке, три шага по стене вверх. Затем прыжок — и он неловко завертелся вокруг собственной головы примерно на уровне второго этажа.

— Не так, Михаил Иванович, — раздраженно бросил инструктор. — Стена каменная, значит, надо двигаться по касательной к силовым линиям, то есть как бы боком. Она же отбрасывает сильнее, чем кирпичная.

Михаил остановил вращение, энергично работая ногами. Попытался восстановить самообладание, глубоко втянув воздух, но неуверенность копошилась где-то под горлом, словно сороконожка.

— Ну, теперь разгоняйся, — поторопил инструктор, — тут восходящая силовая линия.

Михаил несколько секунд бежал по восходящей линии, как будто неплохо, но потом соскользнул, да прямо в нисходящую кривую, и беспомощно кружился, пока его не поймал инструктор и не забросил на площадку отдыха.

Пригорюнившийся летун висел в воздухе над кроной мощного тополя, стараясь не делать лишних движений. Рядом курил инструктор, иногда выписывая ведьмовские восьмерки, то ли показывая класс, то ли пытаясь снять нервное напряжение.

— Миша, ты же знаешь, что я против тебя ничего не имею, но мне кажется, что мы не сможем больше заниматься. Иногда ты как будто осваиваешь новый материал, но к следующему занятию все по нулям. И мы опять начинаем с азов. Извини, но я перестаю себя уважать после таких провалов.

— Что же мне делать? — растерянно спросил Михаил, в голове которого все мысли превратились в бесполезную труху.

— Не знаю. Попробуй обратиться к другому инструктору, более терпеливому. Но мой тебе совет, брось ты это дело. Летать совсем не обязательно... Ладно, на сегодня все. Двинулись обратно.

На обратном пути Михаилу даже показалось, что у него кое-что получается. И плавные подъемы, и резкие спуски, и даже крутые повороты у высоких сосен и тополей. Может, все-таки инструктор изменит свое мнение?

Не изменил.

— Ну счастливо, Миша, — сказал он, едва их ботинки коснулись земли. И явно поспешно взмыл вверх. Инструктор еще раз мелькнул в смутном вечернем воздухе, среди ветвей, словно нарисованных на лиловом небосводе, и, резко изменив направление, исчез за крышей ближайшего к аллее дома.

Миша посмотрел на свои ноги. Они крепко и прочно, как столбы, стояли на потрескавшемся мокром асфальте. Тяготение держало его, словно клещами. Ему сейчас казалось, что он только-только поднял веки и недавний учебный полет был просто сном, таким же, как и сотни других снов, в которых ему открывались небо и простор...

Впереди на аллее у закрытого киоска просматривалось несколько неясных фигур. Кажется, пара из них направилась к нему. Миша поспешил выйти из прострации и, резко развернувшись, зашагал в противоположную сторону. Потом на секунду замер. Нет, он не ошибся, за ним топают два грузных тела.

— Эй, тормозни, браток, возьми на буксир. А ну-ка стой, тебе говорят, баран.

Это к нему обращаются? Бежать или не бежать? Топот усилился — значит, они догоняют его. Теперь точно бежать, удирать изо всех сил.

Всего несколько минут назад эти распоясавшиеся ублюдки были едва заметными пятнышками внизу, с нулевой ролью в его жизни — букашки или тараканы. А теперь они нагоняли его, и он понимал, что уже ничего не может выжать из своего подержанного опорно-двигательного аппарата, из изношенных суставов, из надрывающихся легких. Он уже задыхается. Пытаясь втянуть кислород, он инстинктивно поднял лицо к помрачневшему небу и увидел там нескольких светлячков. Это те, которым открыты простор и свобода...

Удар ногой пониже спины бросил его на дорогу. Только не лежать — забьют. Он поднялся, опираясь на содранные об асфальт ладони. И тут удар в затылок вбил его обратно. Сквозь отупение проникала резкая боль и солоноватый привкус крови во рту.

Миша стал приподниматься снова, видя, как топчется рядом с ним пара крепких ног, как приплясывает другая пара в никогда не чищенных ботинках. Носок ботинка отходит назад, чтобы... И тут какой-то светлый вихрь налетел на него.

Михаил успел заметить, как отшвырнуло одного ублюдка и брыкнулся на спину другой, даже слетели с ног замызганные башмаки.

А вихрь оторвал его от земли, пронес сотню метров по аллее, свернул на пересекающую улицу и отпустил.

Миша удержался на ногах, хотя с трудом. Рядом стоял Петя. Юнец, сопляк. Пять лет назад был его студентом, которому он натянул четверку на экзамене. Глуповатый, комичный, однако счастливый владелец летательско-водительских прав.

— Спасибо, Петя.

— Не за что, Михаил Иванович. Вы что, права дома забыли?

— Нет у меня прав, Петр. Как не было, так и нет. А деньги раньше были, но теперь и их не стало. Все забрали проклятые инструкторы.

— Ну давайте, я вас потренирую, Михаил Иванович. Бесплатно... В конце концов, четверку вы мне поставили тоже совершенно бесплатно. Ха-ха.

— Действительно смешно. Но, увы, я могу летать только в сопровождении инструктора.

— А если втихаря, где-нибудь на пустыре? Короче, все вы, доценты, смелые только в аудитории.

2.

Разбег, толчок, трасса подхватила и понесла его. Теперь получить ускорение, пробежавшись по карнизу... Черт, нога застряла. Неловко дернувшись, Миша полетел вниз головой и был остановлен лишь в трех метрах от земли. Управление взял на себя Петя.

— М-да, этак вы себе какой-нибудь член сломаете в трех местах и заодно меня угробите. Михаил Иванович, разве вы забыли: на карнизах нельзя семенить и смотреть под ноги. Скользнуть — и все.

— Не забыл я, не забыл... Темнота, не сконцентрироваться никак. Мысли посторонние моторике мешают. Давай снова.

— Можно, конечно, и снова. И так двадцать пять тысяч раз. Но Миха...

— Извини, Петр. Я увлекся. Живет же девяносто девять процентов народонаселения без этих летательских прав. Живет и не тужит. Девяносто девять процентов населения не хочет написать Мону Лизу, не хочет накропать что-нибудь по поводу «чудного мгновения». А оставшийся один процент чего-то хочет, то ли нарисовать, то ли написать, то ли полетать. К своему глубокому сожалению, я отношусь к этому одному проценту.

Они сидели на толстой ветви могучего дуба неподалеку от старого кладбища. И издалека их можно было принять за двух воронов.

— Михаил Иванович, я вас понимаю. Мне тоже хочется чего-то такого, непростого. Я тоже не люблю, когда мне вкладывают в рот и говорят «жуй», будь то еда, развлечения или музыка. Да, летательские права я довольно легко получил, но вот права на хождение сквозь стены — для меня тоже проблема... Короче, есть у меня — вернее, были — кореша, нехорошие такие, скользкие. Я могу дать вам координаты. Вы им только ни в коем случае не сообщайте мой адрес...

— Что за кореша, Петя?

— Эти люди могут все. Даже левые права сделать. Естественно, они кое-что потребуют взамен и, возможно, немало.

Миша посмотрел на свои ноги, болтающиеся в воздухе. Какой-то жалкий десяток метров отделяет их от земли. Если он сейчас спрыгнет с этой ветки, то просто полетит, обдуваемый легким вечерним ветерком, но если сделает то же самое завтра, уже без Пети, то превратится в мешок костей.

— Давай их координаты.

3.

Миша приоткрыл скипучую дверь старого гаража. И вначале не заметил никого. Несколько позднее взгляд остановился на чьих-то ногах, торчащих из-под ветхого «кадиллака». В гараже стояла еще одна машина, чуть поновее, но тоже со следами коррозии и сварки. И только мотоцикл «сузуки» выглядел неплохо, сияя всеми поверхностями.

— Хм, — намекнул Миша на свое присутствие.

Человек неторопливо выкатился из-под машины.

— А, это ты, — сказал он, вытирая руки тряпкой. Выглядел он, как состарившийся рокер. Длинные редкие и седые волосы, некогда грозные татуировки на предплечьях, грязные кожаные штаны.

— Мы, кажется, не знакомы, — напомнил Миша.

— Какая разница. Это ты, и тебе чего-то надо. Ну, не тяни.

— Возможно, я ошибся.

— Не ошибся, тебя Петька послал. Еще один мой должничок. Я его не забыл, как бы ему этого ни хотелось.

— Я интересуюсь... летательскими правами.

С самого начала этот тип, который назвал себя Спайдером, производил впечатление цепкого, липкого, нечистоплотного. Почти сразу Миша пожалел, что открыл дверь гаража. Тут все такое запущенное и ржавое, какие уж летательские права!

Но неожиданно в руке у Спайдера заблестела маленькая металлическая пластинка с протравленным узором. Рокер подошел поближе и размашисто, с понтом прилепил ее на грудь Михаилу.

Что-то тут не то. Наверняка — права недействительные. Но, как будто слегка отогревшись на груди, права мигнули огоньками индикаторов. Вначале красного, стартового, потом синего. Они функционируют. Синий огонек стал насыщенным, ярким. Значит, поступает энергия. Зажегся и зеленый огонек, то есть активизирован пользовательский интерфейс. Летательские права готовы к полетам.

— Вот и все, — сказал Спайдер и подмигнул, — пользуйся на здоровье и помни мою доброту. А если забудешь, то здоровье твое может быстро испортиться.

— Сколько я вам должен? — собрав всю твердость, спросил Миша.

— Хочешь сказать, что у тебя денег много. Позволь не поверить. По прикиду вижу. А на чай давать мне не надо. Теперь ты мой должник, так же, как и Петя. А теперь лети отсюда, голубь сизокрылый, и, кстати, Петьке привет передавай.

4.

Главное, не лихачить, и тогда никто ничего не заподозрит. Многие же летают спокойно, без крутых виражей, без крутого набора высоты. Вот так. Миша полетел, ориентируясь на позолоченный шпиль собора, потом стал снижаться, чувствуя себя несколько зажатым, как будто в ледяном желобе. Скорость сбросить не удавалось, а еще шпиль, обладающий отталкивающей силой, сейчас начнет его разгонять. Словно холодная лапка ящерки скребнула Мишу по сердцу — ему не справиться, он же бездарь, — сейчас бы надо лечь на бок, как делают опытные летуны и тормозить ногами о невидимую «стенку» трассы. Резко выдохнув, он перегруппировался.

Но следующее движение оказалось судорожным, его крутануло вокруг оси, а потом шпиль с колоссальной упругой силой бросил его вперед. Миша вылетел с трассы и несколько секунд ничего не соображал — так все мелькало перед глазами, его кружило вокруг нескольких осей и несло с нарастающей скоростью, резко плескались внутренние жидкости под действием инерционных нагрузок. Сквозь прострацию проступало острое чувство — он пропал. Сейчас его размажет по стене какого-нибудь дома или заарканит летная полиция, а потом — строгий суд и тюрьма на многие годы. Простая постсоветская тюрьма. Мечтавший летать будет ползать у параши.

Неожиданно полет Михаила был стабилизирован, он прекратил вращение вокруг нескольких осей, а потом что-то погасило и скорость.

Не что-то, а кто-то. Какая-то девушка держала его за руку, и дополнительный желтый индикатор показывал, что она взяла управление на себя.

Миша попытался высвободиться. Это может заметить полиция. Или девушка сама его заложит.

— Да что с тобой? Гордый, что ли? — в голосе девушки послышалась обида. — Ну уж эти мужики, адреналинщики чертовы. Представляю, что ты вытворял перед шпилем, раз тебя так раскрутило.

— Нет, то есть да. Повытворял немножко, — соврал Миша и почти не ощутил стыда.

Она отпустила его руку. Желтый индикатор погас. Управление вернулось к нему. Они летели по прямой над Гороховой улицей. Он видел ее профиль и линию груди. Профиль был точеным, а линия —

мягкой. Сейчас надо было или улететь прочь, или заговорить с девушкой.

— Извините, сударыня, я был немного резок с вами. Настроение ни к черту.

— У меня тоже кисляк случается. Правда, не слишком часто, всегда же можно полетать, развеяться. Кстати, меня Маней зовут, — незайтеливо представилась она.

— Меня — Мишей, хотя студентки вашего возраста меня так не называют.

— А, профессорско-преподавательский состав, — девушка кокетливо ткнула его кулачком в бок. — У себя в институте я всех доцентов ненавижу. Но ты, кажется, ничего.

Маня понравилась Мише. Красивая, но без заносчивости и прочих выкрутасов. Девица не без озорства, однако не наглая.

Через десять минут они сидели в небольшой летной кафешке на крыше генерального штаба. Сквозь легкую дымку сияла Дворцовая площадь, по которой, казалось, ползали человекообразные насекомые.

— Вот смотрю я на них, — поделилась Маня, махнув изящно вылепленной ручкой в сторону площади, — и жалею. Как они могут жить? Все время в одной плоскости. Жрут, спят, спариваются, унижают друг друга. Плоское существование, плоские мысли.

— Ну, они просто не знают, что такое свобода. Им проще. Жалко того, кто почувствовал вкус свободы, но так и не получил ее.

— Только нам все его страдания до фонаря, — и тут же она по-женски непринужденно переключилась на другое. — Ты один живешь, доцент Миша? Или с кем-то?

С мамашей. Смешно даже сказать такое. Была квартира, да уплыла к бывшей жене. Не обидно, конечно, у них же общий ребенок. Не обидно было до сегодняшнего вечера, когда он Маню встретил.

— Понятно. У меня тоже один фрукт дома сидит. Но мы же с тобой пернатые. Полетели!

Он старался держаться за ней, как бы в знак вежливости, но так было намного проще. Даже создавалось впечатление, что он вполне нормальный летун. Когда они пролетали над царскосельским парком, его немножко побросало — кроны деревьев давали сильную пространственную зыбь, — но он справился. На несколько секунд зависнув в воздухе, она поймала его и поцеловала.

— Извини уж, что я первая. Но ты такой... короче, знаю, что не скоро решишься. Так что сэкономим время.

— Нет, это ты извини, — отозвался Миша, все еще находящийся под воздействием поцелуя, — и спасибо за экономию.

Она подлетела к стене какого-то старинного особняка, поднялась вертикально вверх, скользнула вдоль крыши и юркнула в узкое оконце.

— Давай-ка сюда, я почти скучаю.

— А где ты?

— В мансарде подружки. Ее сейчас дома нет.

Миша подлетел к стене дома, стал подниматься вертикально вверх ... и крыша сбросила его вниз. Старинная крыша из олова с пространственным знаком отталкивания. Ему стало все понятно. На самом деле Маня совершила довольно сложный маневр, набрав ускорение на участке вдоль эркера, а затем изменив направление с помощью волны, которую испускало ближайшее дерево. Такое ему было не под силу. Уже не веря в победу, он набрал высоту и попробовал опуститься на крышу сверху, но та снова отшвырнула его прочь.

— Я не могу, — грустно признался Миша.

Из оконца появилось милое лицо Мани.

— Дурак ты, доцент. Правильный, как мумия. Страх перед соблазнением студентки превыше всего. А мне между прочим двадцать семь — я на каждом курсе по два года сидела.

— Я не могу, — повторил Миша.

— Ну и катись, — она, подобно пушечному ядру, вылетела из оконца, едва не протаранив «доцента», и, заложив лихой вираж, исчезла за углом дома.

Прирожденная валькирия.

Миша опустился на землю, обессиленный, даже раскисший. Отдать эти чертовы права, забыть о них.

Он снова поднялся в воздух и минут через двадцать оказался над гаражом, где он встретился со Спайдером. Гараж был закрыт. Он заглянул в щель, внутри не было ни автомобилей, ни мотоцикла «сузуки». Ладно, надо к Петру. Тот наверняка знает, как найти Спайдера.

Миша летел плохо, даже хуже, чем пару часов назад, до встречи с Маней. Но теперь это мало волновало его. Средний проспект, дом семь, второй этаж. Лучше не звонить. Он поднялся к окну, хотел было постучать в стекло — и замер. Рядом с окном, из стены, торчали ноги мертвеца. Прямо из кирпичной кладки. Миша узнал по характерным протекторам ботинки Петра.

Петя хотел получить права на хождение сквозь стены. И Спайдер помог Пете, но по-своему.

5.

Снизу бибикнул автомобиль. И хотя Миша понимал, что лучше сейчас лететь, куда глаза глядят, он опустился вниз и сел в салон.

За рулем был Спайдер, позади сидели еще трое, одеты как рокеры, но неразличимы во мраке — просто сопящие массивные тени.

— Пора должок отдавать, Мишель. Вот, к примеру, Петя стал вилять и в результате не совсем удачно пролетел сквозь стену...

— Я лучше отдам права, Спайдер.

— У меня не магазин. Товар назад не принимается.

— Что вы от меня хотите, Спайдер? Вы же сами сказали: мои деньги вас не интересуют.

— Конечно, не интересуют. Зачем нам твои деньги? Деньги у нас у самих есть. Нам другое нужно. Ты же единственный крылатый среди нас. Созданный для полета, как мы для ползанья. Кроме тебя, воробушек, некому проникнуть в Центр управления полетами.

— Зачем?

— Чтобы уничтожить его. Звучит несколько грубо, согласен, но таково веление времени.

— Да пошли вы! Предлагаю вернуть разговор в конструктивное русло.

— Можно и в конструктивное. Ты, случаем, целлофановый пакетик со льдом не захватил? — спросили с заднего сиденья и тут же ответили: — А то ведь если мы тебе какой орган оторвем, то можно будет его сохранить и пришить обратно.

Миша попытался вылезти из машины, но его остановила железная рука Спайдера и ствол кого-то из тех, кто сидел позади.

— Тебе не стоит так ерепениться. Мы же исполнили твое заветное желание, поэтому ты, как честный человек, должен исполнить наше. В противном случае, мы тебя так замочим, что мало не покажется. Ты еще Пете завидовать будешь. Нам уже известно, где проживает твой драгоценный сынок...

Страх так сдавил грудь Миши, что он едва мог продохнуть. Ему показалось, что все четыре рокера являются личинами одной ледяной безжалостной твари.

— Господи, будь по-вашему. Но я едва умею летать. Как я проникну в Центр, который находится на вершине какой-то горы? Да я сто раз разобьюсь по дороге.

— Да ты не скромничай, архангел Михаил. Возможно, ты едва умеешь летать, но для нас ты — кондор. Кроме того, ты будешь знать цену любой ошибки, и это обострит твои летательные способности.

— Зачем вам это нужно, Спайдер? Это абсолютно иррационально. Ну, понимаю, хотели бы вы ограбить автомагазин...

— Это абсолютно рационально, доцент. Единственное, что движет основной массой людей — это зависть, желание быть не хуже. Глядя на парящих в небе ангелов, мы видим, что мы навеки хуже, что мы просто ничтожества, человекообразные насекомые. Это страшно унижает нас, не дает жить, работать, развиваться. У всего народа, за исключением ничтожного процента летунов, нынче депрессняк. Что уж говорить о рокерах.

— Мы жестокие, в нас адреналин плещется, — зло, с заметным кавказским акцентом сказал некто с заднего сиденья. — Только внизу мы уже добились всего. Внизу мы уткнулись, понимаешь, в предел, за которым верный капец, а наверх нам не попасть. И это несправедливо. Поэтому мы будем резать ангелам крылья.

И хотя Мише было жутко, он не смог удержаться от замечания.

— Но есть же люди, которые преодолевают все границы и проникают во все новые измерения силой своего духа, а не с помощью бега, прыжков и тому подобной ерунды.

— Что за люди, почему не знаю?

— Ну, художники, литераторы, — пояснил Миша и тут же получил по физиономии от Спайдера и по затылку от кого-то, сидевшего сзади.

— Мы дешевого базара не любим. Сколько этих, блин, литераторов, которые проникают во все новые измерения? Да, считай, нисколько — один-два-три. Остальные списывают друг у друга или в лучшем случае ширяются. Так что кончай это дешевое повидло нам намазывать.

Спайдер тронул машину с места и помчал по встречной полосе.

6.

Ветер свистел, как тысяча распоясавшихся хулиганов. Миша сидел на карнизе семидесятого этажа самого высокого питерского небоскреба. Серый и тоскливый, как горгулья. Центр управления полетами располагался не на вершине горы, потому что ему требовались нормальные средства связи, обслуживающий персонал, охрана, электропитание. Но он находился достаточно высоко. И проникнуть туда мог только человек с летательскими правами, ну и кодом доступа. И то, и другое Миша получил от Спайдера.

Полночь. Миша соскочил с карниза и потянулся вдоль стены вверх. На последних трех этажах не было окон, но имелся канал трансатомной проницаемости — здесь Миша собирался пройти сквозь стену. Если, конечно, код доступа окажется правильным.

Миша приложил руку к стене и по скин-интерфейсу стал передавать мыслевизуальные символы, составляющие код доступа — кот, орел, кошка, цифра семь...

И тут стена втянула его. Через какое-то мгновение — а в это мгновение атомы его тела были переформатированы и снова возвращены в исходное состояние — он уже стоял по ту сторону стены. Он сразу заметил, что ЦУП внутри куда больше по размерам, чем это представляется снаружи. Видимо, используется техника трансконфигурирования пространства.

Миша прошел по коридору, который как будто пролегал по горизонтали, но в итоге оказался под куполом, явно находившемся на стационарной орбите, на высоте нескольких тысяч километров над поверхностью Земли. Все ясно — телепортационная трубка, она поддерживает весь купол одновременно в двух состояниях, на Земле и в космосе. Отсюда были видны небесные трассы, которые использовались летунами. Трассы проходили не только в атмосфере Земли, но и в ближнем космосе, а некоторые уходили еще дальше. И на этих космических дорогах он заметил светлячков, движущихся в сторону Марса и Пояса астероидов.

И хотя Миша не был физиком, он догадался, что трассы были сложными каналами, проложенными в нелинейном «рельефе» пространства с учетом его различных зарядов и знаков. По этим же каналам передавалась энергия «скольжения» на транспортно-коммуникационные чипы, которые и назывались летательскими правами.

И вся изощренная сеть пространственных трасс поддерживалась квантовым гиперкомпьютером, находящимся в ЦУПе. Его как раз собирались вывести из строя Спайдер сотоварищи. Но для начала Миша должен был «войти» в систему управления и деактивировать периметр безопасности, после чего рокеры могли бы проникнуть в ЦУП снизу, со стороны небоскреба.

Миша еще раз глянул на звездное небо и подумал, что прекрасно понимает Спайдера. Кто-то может купаться в закатных лучах солнца и резвиться в сияющих кольцах Сатурна, а кто-то навсегда придавлен к земной тверди, словно получил срок пожизненного заключения в оковах земного тяготения.

Под куполом были еще люди, техники, операторы, но никто из них не обращал внимания на Мишу, каждый был занят своим делом. Доцент-диверсант подсел к терминалу с надписью «техническая служба», и его пальцы вошли в сплетение лазерных лучей, представляющих собой новомодную клавиатуру. Код доступа открыл Мише вход в систему управления, и ему ничего не стоило найти кристалл подсистемы безопасности на голографическом экране. Летуны явно не могли себе представить, что в штабе окажется злоумышленник, поэтому вход в подсистему практически не был никак защищен, за исключением простеньких паролей, которые можно было легко отыскать в протоколах работы системы.

— Причина отключения периметра безопасности? — спросила подсистема.

— Профилактический осмотр поражающих элементов.

— Периметр безопасности будет отключен через тридцать секунд на пятнадцать минут. Для более продолжительного отключения вы должны обратиться за полномочиями более высокого уровня к системному администратору.

Объемная фигура, представляющая на экране периметр безопасности, сменила свой цвет с красного на голубой. Все. Отключено. Назад дороги нет. У Миши сдавило горло. Он не просто преступник, он герострат вселенских масштабов.

Раздался сигнал тревоги. И одновременно послышались приглушенные звуки стрельбы. Операторы, находящиеся под куполом, не стали метаться в панике, часть из них направилась к аварийным выходам, другие просто остались на своих местах. Двое охранников вытащили оружие, короткоствольные пистолеты, что стреляют кассетными пулями с большим останавливающим действием.

Открылась центральная дверь, и в зал сыпанула братва в кожаных штанах и куртках. От первых же выстрелов заложило уши, полыхнуло какое-то оборудование, сработала система пожаротушения, и все пространство под куполом заволокло паром и дымом. Когда пуля свистнула рядом с ухом, Миша не выдержал и, опустившись на пол, пополз туда, где как будто имелся аварийный выход. Сверху просыпался дождь из горячих стекляных осколков. И тут же ладони были изодраны болью и залиты кровью.

И хотя поверх головы били пули, он аккуратно провел пальцами по полу, пытаясь смести осколки со своего пути. Миша увидел стыки — пол явно состоял из отдельных секций, — с помощью ногтей и перочинного ножа ему удалось выдернуть одну из них.

Открылся подпол, через который проходили оптические кабели. Соскользнув вниз, Миша на четвереньках преодолел еще несколько метров и остановился, когда увидел под собой решетку — сквозь нее просматривалось нижнее помещение. Решетка не оказала никакого сопротивления, Миша поднял ее, отбросил и спрыгнул в открывшийся проем. Наверху загромыхали тяжелые ботинки — похоже, рокеры шли следом. Какой-то человек, крепкий, словно бульдозер, отшвырнул Мишу и начал стрелять вверх. Доцент-диверсант, исчерпав заряд решимости, просто стоял и смотрел, как снует затвор и вылетают гильзы из пистолета-пулемета. Через несколько секунд вниз рухнули два истрепанных пулями тела.

Человек-бульдозер потащил Мишу за рукав в вентиляционный штрек, потом столкнул в шахту, по счастью неглубокую. Они оба оказались в помещении, заполненном прохладным сумраком и жужжанием мощной охлаждающей системы.

По центру прямо в воздухе парил небольшой черный тетраэдр.

— Вот что им нужно, и я их понимаю, — сказал неожиданный напарник Миши. Над карманом форменной куртки у него висел бэдж с надписью «испытатель». — Ты из второго технического отдела? Я там не всех ребят знаю.

— Из второго, — безропотно потвердил Миша.

— Значит, справишься. Я сейчас демонтирую из левитационной стойки процессор, но оставляю в работе его ядро и всю коммуникационную периферию. А ты берешь процессор обеими руками и дуешь по аварийной космической трассе на памирскую резервную базу. Всего лишь двадцать тысяч километров. На трассе поддерживается нормальное давление и температура воздуха, так что никакого дополнительного жизнеобеспечения тебе не понадобится. Все ясно?

— Да, то есть нет. А почему вы сами не можете это сделать?

— Потому что я солдат и обязан бить гадов, а ты гражданское лицо и должен удирать, причем с пользой для дела.

Испытатель провел пальцами по воздуху, очевидно, работая с виртуальной клавиатурой, и через несколько секунд теплая пирамидка гиперпроцессора уже лежала в руках Миши.

— Давай, парень. Выход «А».

На Мишу посмотрело дуло пистолета-пулемета. Испытатель угрожает ему? Но дуло сместилось чуть в сторону. И за звуками выстрелов последовал грохот падения.

На фасеточный пол улеглось мелко подрагивающее мешковатое тело рокера.

Испытатель подтолкнул Мишу в сторону выхода «А» — резко и даже несколько зло. Миша сделал шаг, чтобы не упасть, потом побежал. Его тело прошло через мембрану люка, и он оказался в космосе. Мелькнул и растаял в блестящей тьме купол, исчезли верх и низ, рот раскрылся как будто в крике, но ужас, сдавив горло, не выпустил воздух из груди.

Сквозь отупение сквозила острая мысль. Он падает на планету с ускорением свободного падения. Земля раздувается, как голубой пузырь, но на самом деле он пылающий, красный, сжигающий. Чувствуются «стенки» пространственного натяжения, но он никогда еще не летал в космосе и не знает, как здесь используется кривизна трассы. А если бы знал, то ему все равно не хватило бы ловкости и реакции. Да еще и этот процессор, который он держит в руках, словно самовар. Вышвырнуть его к черту.

«Пусть вначале сгорит этот чертов процессор и вся глобальная небесная сеть в придачу, а уж потом наступит конец мне».

Миша прижал к груди матово-черную пирамидку, чтобы отбросить ее от себя и...

7.

Пирамидка лежит на его груди, как странный младенец, и словно говорит ему — во мне альфа и омега. Во мне выход к свету и настоящая, не грошовая, свобода — не пестрые побрякушки, не разгулявшийся фаллос, не директорский портфель, а свобода новых измерений, где люди будут плавать в лучах голубого гиганта и отталкиваться от багрового сияния красного карлика своими невесомыми крылами. И это будет жизнь его сына, и сыновей его сына, и всего его рода.

Исчезли все лишние мысли и мысли о мыслях, и остался только вкус полета, чувство пространственной кривизны и ощущение пространственных зарядов. Сунув под мышку процессор, Миша махнул рукой, чтобы изменить момент вращения, и по касательной оттолкнулся ногой от «стенки». Изменив направление, он стал входить в атмосферу Земли по траектории нормального шаттла.

Описав петлю вокруг перистого облака, Миша сорвался в пике, но вышел из него, затормозив на пространственном выступе, покрывающем Скандинавию. А потом он разглядел Питер за блестками Финского залива. Васильевский остров неторопливо выползал из воды, и где-то там должен стоять дом на Съездовской...

Миша влетел в окно пятого этажа. И влепил в стену рокера-бандита, который сидел с пистолетом в руке около испуганного мальчика. Слетела с петель дверь комнаты, и еще один бандит был уничтожен тараном уже в коридоре.

— Папка, — закричал мальчик, выбегая в коридор. — Ты летаешь!

И протянул руки.

— Сейчас мы к бабушке, — сказал Миша, обнимая щуплое тельце сына. — А потом мне надо ненадолго отлучиться на Памир.

8.

Он стоял на берегу залива. Все прошло, как с белых яблонь дым. Его полеты наяву стали тем, чем были его полеты во сне — смутным воспоминанием, не более. Хорошо, хоть не пришлось в тюрьме на нарах париться. Он встретил испытателя еще один раз и отдал ему свои незаконные летательские права. Тот, немного подумав, пожал Мишину вялую руку и улетел на Марс. В руке у доцента остался подарок — небольшая ромбовидная пластинка, если точнее, права на бег по волнам и хождение по водам. Нелегальные...

Сейчас Миша сделал шаг вперед, вступил на воду залива и побежал по волнам. Неплохо побежал, это была его стихия.

❑

ЕВГЕНИЙ ПРОШКИН

ПЕРЕСАДКА

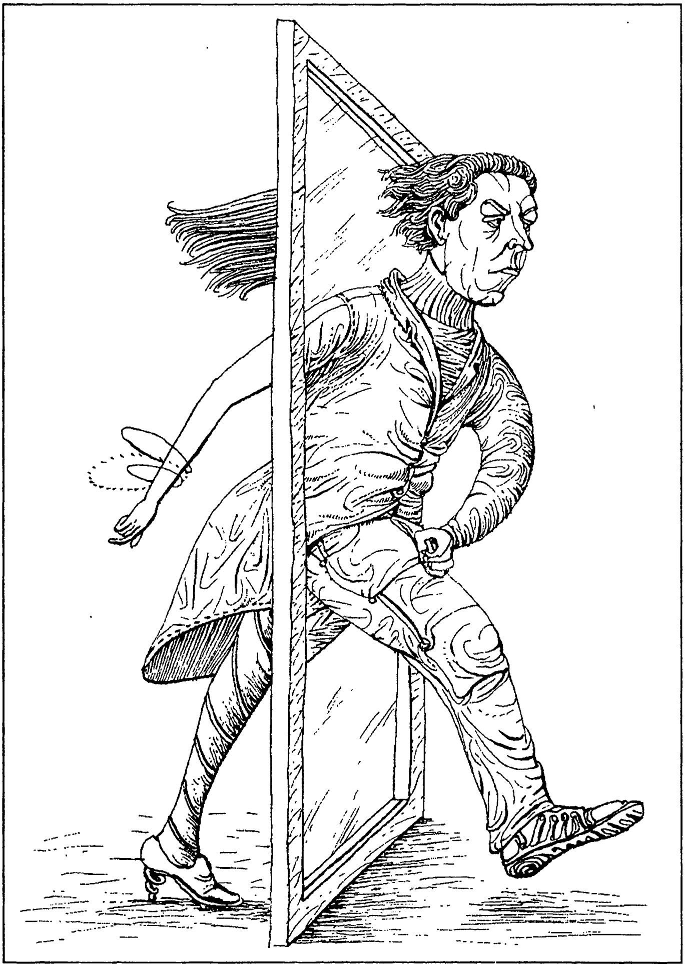


Иллюстрация Андрея БАЛДИНА

По транс-портной струне пассажир идет пакетом из пяти архивов... — Незнакомец пытался говорить шепотом, но в бедламе портового бара это вряд ли могло иметь успех. — Пять информационных потоков. С нашей точки зрения, это не потоки, а импульсы... Но наша точка зрения тут ни при чем, мы же про технику говорим.

Говорил преимущественно он. Я лишь сидел рядом и терпел.

— Пять архивов, — повторил мужчина и, подвинув ко мне лист бумаги, провел черным ногтем пять приблизительно параллельных линий. — В первых двух — вся твоя физика... — Он озабоченно посмотрел на стол, но ничего, кроме кружек и пепельницы, не обнаружил. Пепельница была полная, кружки — наоборот. — В этом архиве — врожденное, чистый генотип, а в этом — приобретенное. — Он положил на листок два кривых окурка. — Если вошел в транс-порт с циррозом печени, то и выйдешь с тем же циррозом. Кстати!.. Ты не задумывался, почему Верховный так неплохо выглядит? Для своих-то ста двадцати годков... А?!

Собеседник поманил меня пальцем и, не дожидаясь реакции, поднес свой бесформенный рот еще ближе. Мне казалось, что я ужс не слышу его, а чувствую.

— Верховный... да и не только он... они иногда срываются с линии. Не целиком, такого не бывает. Срывается только второй канал. Такого... ха!.. такого вообще-то тоже не бывает. Но им периодически устраивают. И на выходе они получают свое же тело, но без единой болезни. Старое, но не изношенное. Слабое, но не больное, понимаешь?

— Что ж тут не понять...

— Дальше. Три других канала несут менталику. Три архива. Первый — врожденное. — На лист лег еще один окурок. — Темперамент, то-сё, задатки-зачатки и прочее. Что ты от родителей взял. Вот тут... — Мужчина выбрал в пепельнице короткий изжеванный фильтр. — Вот тут приобретенное. Интеллект, навыки и всякая хрень, которую ты сам наживаешь, вместе с болячками. А это... — Он торжественно уронил пятый окурок, стоптанный, как сапог каторжника. — Здесь, дружище, память.

Я взглянул на лист, и мне стало тошно. Человек — от светлых мечтаний и до последнего заусенца — весь был представлен на этой схеме пятью грязными чинариками. Они лежали у пяти кривых царапин, словно на старте.

— Значит, имеем пять архивов... — Собеседник потыкал пальцем в бумагу и уставился на меня, требуя подтверждения.

— Имеем, — подтвердил я.

— Скок!.. — Ребром ладони он передвинул по листу окурки, каждый по своей линии. — Скок!.. Транс-переход окончен, — объявил он, имитируя отстраненный синтетический голос. — Но «скок» — это только для нас. Сознание человека не способно воспринять этот миг. Ты просто шагаешь сквозь рамку транс-контура и идешь себе дальше, по тому же вроде бы коридору... который находится уже в другом рукаве матушки-галактики.

Слушать хмельного брехуна становилось все труднее.

— Все происходит мгновенно! — продолжал он с азартом. — Тут тебя расквантовали, там снова собрали. Из другого сырья, конечно. Твое осталось здесь, из него соберут кого-то еще. Или, если дети финишируют, то сразу двоих. А если прибудет боров здоровый, то тебя одного не хватит, пойдешь довеском. Да это не важно, это ведь уже не ты, а прах твой... — он вдруг осекся. — Многовато говорю, да?

Я счел за лучшее промолчать.

— Так о чем я?.. А вот о чем. — Незнакомец вернул бычки на исходную позицию. — Информационный пакет перемещается неуловимо быстро. Для человека. Но не для киб-координатора. Для машины это целый проце-е-есс... — Он вновь принялся двигать окурки, но теперь гораздо медленнее. — Полторы-две миллисекунды, иногда три. Почти вечность. За это время киб-координатор многое должен успеть. И со многими. Представь пассажирооборот среднего порта... Нет, все равно не сумеешь! Потоки идут отовсюду. Прием, отправка, но чаще станции выполняют релейные функции, особенно в центре. Миллионы пассажиров ежесекундно. Даже если разбить секунду на тысячу частей, то и в одной этой части окажутся тысячи инфо-пакетов! Туда-сюда... отсюда туда... опять туда... потом обратно!.. — он исцарапал лист вдоль и поперек, затем вывернул на него пепельницу и для наглядности растер мусор ладонью.

Бармен с тревогой посмотрел в нашу сторону. Незнакомец, словно учуяв это спиной, призывно поднял руку. Бармен перевел взгляд на меня. Я сделал лицо непроницаемым, что означало: «больше не угощаю».

Сосед по столику не то чтобы был пьян... он был пьян вчера, это бесспорно. И позавчера, что весьма вероятно. Сегодня же он принял кружку пива — от моих щедрот, — вылакал пол-литра обычного портового пойла и помутнел, но не беспросветно. Он все-таки мог говорить. Громко и не очень внятно.

Ему было лет тридцать пять — примерно столько, сколько и мне.

Опустившийся субъект, застрявший в чужих местах не по собственной воле, а от безденежья. Он был порядком обтрепан. Вышел из дома невесть когда в приличной одежде, а потом либо стремительно отощал, либо слишком долго шлялся. Красную рубаху не стирали месяц, как минимум. Он praванивал весь — от макушки и... нет, про пятки лучше не надо. С пятками, я подозревал, у него еще хуже, чем с головой. Штаны на нем были болотные, не исключено, что когда-то серые или, допустим, бежевые... Но теперь строго болотные, по всей своей мятой поверхности.

Его лицо выражало много всякого, страстного и горячечного, но мне это было ни к чему.

Посетителей между тем не прибывало и не убывало. Люди менялись, но в дверях как будто стоял чуткий клапан: вышли двое — тут же двое и вошли, в полосатых ботинках и с модным орнаментом на щеках, подхваченным у аборигенов Мутона-7. В этом сезоне только ленивый не раскрашивал физиономию зелеными квадратами. Квадраты носили по всей матушке-галактике, во всех ее благословенных рукавах. Поветрие распространилось по обитаемым мирам за какую-то неделю, чему способствовала система транс-портировки. Если б не она, вряд ли я мог бы говорить о каких-то галактических рукавах. Мы так и сидели бы в пределах одной звездной системы. В лучшем случае выстроили бы сферу этого, как его... Тайсона, что ли?.. вроде того, да... Ну и лазали бы внутри нее, как бациллы в закупоренной пробирке.

— Полчаса уже треплешься, — сказал я наконец. — Думал, что-нибудь дельное сообщишь... Все, что ты мне поведал, проходят в школе, на первом цикле. Но нормальные дети узнают об этом еще раньше. Не сидят же они дома. И первое, что они видят за пределами квартиры, это рамка транс-порта.

Незнакомец расправил плечи и приподнял подбородок. Он понял, что зацепил меня. Нельзя сказать, что я был уже на крючке, но за прошедшие полчаса я не послал его к черту, и значит, был заинтересован.

А я действительно — был.

— Конечно, пакет из пяти архивов, это известно всем, — начал мужчина, как мне показалось, снова издалека. И сразу перешел к делу: — Вранье, дружище. Архивов не пять, а шесть. Шесть, ясно?

— Да хоть двадцать, какая мне разница? Только... что в шестом?

Он демонически улыбнулся.

— Спецификация на пять основных. Но главное — ключ. Пароль, содержащий элементы всех пяти архивов. Киб-координатор собирает человека не сам, а как бы по инструкции. Вот эта инструкция и содержится в шестом архиве. В школе про него не рассказывали, верно?

— Нет, не рассказывали... Но ты-то откуда знаешь?!

— Перед тобой дипломированный инженер транс-портник, — торжественно объявил незнакомец. И чуть погодя добавил: — Ну, почти дипломированный.

Я махнул на него рукой.

— Наоборот, наоборот! Какое счастье, что меня оттуда... э-э... то есть... что они не стали препятствовать моему... э-э... — Мужчина хотел сформулировать это поприличней, но ничего приличного не нашел. В итоге он бросил попытки и вернулся к теме. — После Академии я два года пахал на разных станциях. У меня есть и образование, и опыт. Обычному инженеру транс-порта многое может прийти в голову, но он даже не представляет, как это осуществить. Что на станции чаще ломается. За чем следят пристально, а за чем — не очень. На что и вовсе не обращают внимания. Я знаю все, я мог бы служить в отделе расследований. В транс-полиции я был бы лучшим! — Он опять улыбнулся. — Но я выбрал другое.

— Ты скакун... — заключил я не без ужаса.

— Да, это мой хлеб. Я скакун. И ты уже понял, зачем я все это рассказываю. В смысле... что я собираюсь тебе предложить.

— Нет. — Я поднялся, но вместо того, чтобы уйти, зачем-то подмигнул бармену. Через секунду на столе появились две полные кружки и чистая пепельница. Мне пришлось опуститься на стул.

— Только Верховный не хотел бы ни с кем поменяться. Только Верховный никому не завидует. Все остальные... — Собеседник игриво пошевелил бровями. — Остальные всегда чего-то хотят. Чего-то большего... О Верховном даже не думай! Это я так, для примера.

— Я и не думал, — ответил я осторожно.

— Шестой канал, весь вопрос в нем. Вернее, в том, как его вскрыть.

— Ты скакун, — повторил я. — Но подожди-ка... Ты должен быть сказочно богат, а не...

— На прошлой неделе был. Не то чтобы сказочно, но в таком баре я бы и нужду справлять побрезговал. А сегодня... вот. — Он жадно отхлебнул и достал из пачки десятую сигарету за вечер. — Меня губит тело. У него масса дурных привычек. Не тело, а какой-то сосуд пороков, и пристрастие к алкоголю еще не самый скверный...

— Ясно, тело у тебя чужое. Ты ведь скакун. Но почему бы тебе не выбрать... гм...

— Новую обитель души? Что-нибудь получше, да? Не могу. В этом теле — то, что делает меня скакуном.

— Не понимаю, — признался я. — Ты вшил эту железку прямо в себя?!

— Транс-полиция не дремлет. Они выловили почти всех. Написали программу, распознающую краш-чип. Куда бы ты его ни сунул — в карман, в ботинок, хоть в брюшную полость. Какая разница, если в стартовом контуре тебя оцифровывают всего, включая проглоченную вместе с супом муху? Один мой друг финишировал прямо на рудниках. Киб-координатор не только обнаружил его крашер, но и успел изменить маршрут. Да, техника не стоит на месте...

— Скакуны потеряли работу, — заметил я без сожаления. — Что ж, рано или поздно это должно было случиться. Ведь вы преступники! Все справедливо. Сегодня ты можешь называть себя дворником, пилотом, поваром — кем угодно, только не скакуном.

— Ага. — Он осушил кружку. — Программа чует краш-чип. Как его ни переделывай, как ни маскируй. Она видит принципиальную схему, этого ей достаточно. Но я же сказал: техника на месте не стоит.

Мужчина посмотрел на меня испытующе и тихо произнес:

— Биочип.

— Что?!

— Чип, — победно закончил он и постучал себе по лбу. — Никаких полупроводников, никаких элементов питания. На взгляд киб-координатора и его чертовых программ, это лишь кусок мяса. Мой собственный орган, который они обязаны оцифровать, перенести по первому каналу и собрать в рамке финиша.

— Получается, отмычка живет у тебя в голове? Краш-чип — часть твоего организма?

— Надо ли объяснять, почему я не могу этот организм бросить? Забавно: я, скакун нового поколения, неуловимый и недосягаемый, скакун, чье призвание — менять людям тела, сам вынужден ютиться в оболочке пьяницы, курильщика и... ладно, не будем.

— Погоди. Ты говоришь мне это для того...

— Ну конечно! — обрадовался незнакомец. — Погляди на себя: не старый, но вряд ли с перспективами. Брюшко... Да какое брюшко — брюхо! — Он пихнул меня локтем в живот. — Это данность, ты предрасположен. Сколько ни потей в спортзале, никуда ты свое пузо не денешь. Я уж не говорю о твоей склонности к облысению!

— Вот об этом не нужно...

— Ты лысеешь, дружище!

— Я же просил... Считаю эту тему деликатной, в некоторой степени даже интимной...

— Да-да! Ты лысеешь! Еще лет пять, и ты будешь, как моя коленка! Хотя... не слишком ли это большой комплимент для твоей плеши?

— У меня нет плеши, — выдавил я.

— Это временно. А жена? Жена у тебя есть?.. И уже не будет! Лысый, пузатый... — мужчина затрясся от смеха. — А работа? Кто ты на своей работе? Ноль! Младший отросток степлера!

— Да откуда такие дикие...

— Вижу тебя насквозь! Хороший скакун обязан быть психологом. А я скакун хороший. Днем гнешься перед шефом, а ночами ворочаешься в пустой постели и мечтаешь влезть в его шкуру. У него-то жена есть? И что, недурна? А?.. Отвечай!

Я потупился.

— Вот так! — заключил он. — А возраст? Да я не про жену — про шефа.

— При чем тут мое начальство?

— Это я для примера. Можно и не с начальством телами махнуться, можно и с полотером. Уж полотер точно возражать не станет. Интересно, сколько он получает?

— Кто? Полотер?..

— Тьфу! Твой шеф. Бьюсь об заклад, он считается перспективным. В отличие от тебя. И вряд ли намного старше.

— Не старше, — буркнул я. — Чуть моложе.

— О-о-о!.. Позор. Пресмыкаться перед каким-то сопляком... и знать, что никогда не займешь его место. Как я тебе сочувствую, дружище! Как же я тебе сочувствую... — Незнакомец, устав смотреть на мою нетронутую кружку, подвинул ее к себе.

Такого натиска я не ожидал. Я кое-что слышал о скакунах, в частности о том, как они находят клиентов. Услуги скакуна стоят безумно дорого, некоторые копят деньги годами, чтобы однажды поменяться с кем-то телом и сразу все окупить.

Соблазн велик, отказаться бывает непросто. Люди знают, что их ждет наказание, и все же соглашаются. Некоторые разыскивают скакуна сами. Точнее — разыскивали раньше.

Еще недавно это было похоже на эпидемию. Тысячи законопослушных граждан ежедневно теряли свои тела и оказывались нищими, больными, старыми... Дошло до того, что люди начали бояться транспорта. Неофиты-скакуны попадались быстро, но это была лишь пена — волки матерели все больше. В условиях жесткой конкуренции и беспрецедентных мер со стороны транс-полиции включился эффект естественного отбора. Грязный бизнес превратился в подлинное искусство. Талантливый скакун не просто перемещал тела и личности, он совершал сложные многоступенчатые операции обмена. Пока полиция добиралась до нарушителя, оплатившего эту чехарду, он часто оказывался уже в новом теле или, того хуже, успевал так продвинуться по социальной лестнице, что без санкции Верховного на него не могли и чихнуть.

Конец произволу скакунов был положен быстро и неожиданно: кто-то из гениев транс-департамента написал программу, различающую краш-чип. Скакуны потеряли свой инструмент, а с ним и возможность взламывать шестой архив.

Подтасовки на транс-порте мгновенно закончились, все вздохнули спокойно.

Оказывается, напрасно...

— Ну что, дружище? Ты ведь думал об этом?

Да, я об этом думал. Об этом думают все, никуда не денешься. Я догадывался, что встреча со скакуном должна выглядеть именно так: в грязном баре у пересадочной станции, за кружкой разбавленного пива. Но я не предполагал, что это будет похоже на какую-то вербовку... которую проводит полупьяный босяк в красной рубахе и болотных штанах.

— С тебя я возьму пятьдесят тысяч, — сказал мужчина. — Не торгуйся, это непозволительно дешево. Знал бы профсоюз, как я ломаю цену... — Он пренебрежительно усмехнулся. — Но профсоюза больше нет, сегодня я монополист. Пятьдесят тысяч. Во-первых, я на мели, и для начала мне нужно хоть что-то. Во-вторых, больше ты не заплатишь. Больше у тебя нет.

— Мне нужно знать подробности.

— О-о!.. Хочешь, чтобы я выложил свои секреты? Даже не получив аванса?!

— Но если я собираюсь тебе доверить...

— Твое тело и твой разум представляют ценность только для тебя самого. Ну подумай: на кой черт мне сдалось это пузо, эта лысина, эти подавленные юношеские...

— Достаточно, — оборвал я.

Скакун замолчал, но лишь для того, чтобы допить мое пиво.

— Уже решил, с кем махнешься? — спросил он. — Ах, тебя беспокоит технология... Объясняю в общих чертах. Мы с тобой проходим через рамку. Одновременно. Что?.. Запрещается?.. Плюнь. Говорю тебе: я два года отработал на станциях, киб-координатору нет никакой разницы. Момент транс-портировки засечь невозможно, поэтому я вхожу уже заряженный: краш-чип получил задание и ждет, когда его можно будет выполнить. Можно как раз во время транс-портировки. Мгновение между стартом и финишем. Да-да, то самое «мгновение». Для координатора это процесс, и для краш-чипа тоже. Крашер ищет информ-пакет, максимально соответствующий нашему заказу. То есть нащупывает подходящего пассажира, который, как и мы, находится между стартом и финишем. В пути.

— А если не нащупывает? Если не находит?

— Иногда поиск длится несколько часов. Мы будем входить в рамку и выходить из нее, входить и выходить, входить и выходить. С первого раза не получается никогда. Но мне еще не требовалось больше двадцати пересадок. В матушке-галактике много народу. Очень много. Мы обязательно что-нибудь подберем.

— Мне не нужно «что-нибудь». Я вообще не решил, стоит ли мне...

— Решил, решил. И не сейчас. Если бы не решил, ты бы давно уже вызвал транс-полицию.

Я не стал спорить и заказал еще пару пива.

— Так вот, крашер находит хорошую кандидатуру, — отхлебнув, продолжал скакун. — Затем взламывает шестые архивы, его и твой. И кое-что в них переписывает. Финишный контур собирает те же два тела, в полном соответствии со спецификацией. Откуда ему знать, что ваши спецификации сфабрикованы? Для системы все корректно, подмену чувствуешь только ты и тот, с кем вы махнулись. Первый, второй и пятый архивы меняются местами.

— Пятый?.. — Я слегка растерялся. — Еще и пятый? Память?!

— Зачем тебе чужое тело с твоей памятью? Что она в нем будет делать? Что она собирается помнить — про другое тело? Ну конечно, для тебя чужая память становится родной не сразу. Сутки. Реже — двое.

— Я как-то... честно говоря... Нет, я не согласен.

— Дура-ак! Это раньше менялись только телами. Ну и что?.. На первой же очной ставке потерпевший сообщит о тебе все, а ты даже не сможешь сказать, откуда у тебя взялся шрам на ноге и в каком году тебе удалили аппендикс.

— Но как же моя память? Это же я сам!

— Ничего подобного. «Ты сам» — это третий и четвертый архивы. Вот в них-то и содержится твоя личность. То, что передалось по наследству, и то, что ты нажил с годами. А память — это... ну вроде как база данных. Меняем одну базу на другую, и все дела.

— Но ведь «Я» — это мое знание жизни, оно сформировано на основе самой жизни, и если память о ней окажется чужой...

— Конфликт архивов неизбежен. Но это временно, к хорошему быстро привыкают. Зачем тебе вспоминать детство в нищем квартале? Гораздо интересней помнить, что ты сын миллионера.

— И... верить в это?..

— И верить! — поддержал скакун. — Даже не верить — знать! Ну?.. Что скажешь?

— Сорок.

— Что?..

— Сорок тысяч, этого довольно.

— Э-э, дружище! — Мужчина неприязненно сощурился и передвинул на столе кружки. — Сорок пять.

Я вздохнул.

— Нужен приблизительно ровесник...

— Этого мог бы не говорить, — произнес он.

— Физически здоровый, привлекательный, без особых...

— Нет, наверное, ты платишь пятьдесят тысяч за возможность побыть слепым парализованным идиотом!

— Сорок пять, — напомнил я.

— Конкретные пожелания имеются?

Я развел руками:

— Вряд ли.

— Как тебя зовут, клиент?

— Мёбиус, — ответил я негромко.

— Как?!

— Мёбиус, — повторил я.

— Вот же... н-да... Это имя или фамилия?

— И то, и другое.

— Ну надо же... А я — Карл Грифус. А ты, стало быть, Мёбиус Мёбиус?

— Хуже.

— Да куда уж хуже-то?

— Фамилия у меня двойная: Мёбиус-Мёбиус.

— Если полностью, то получается...

— Мёбиус Мёбиус-Мёбиус, — обреченно проговорил я.

— Тяжело тебе, дружище... — Скакун опрокинул в себя кружку и порывисто поднялся. — Идем.

Транс-портный контур находился рядом с баром, вернее, это бар открыли недалеко от контура, на минус семнадцатом уровне пятого субквартала захудалой планетки Трэнтор при звезде Теплая Заря, что на самой окраине юго-западного рукава матушки-галактики. Когда-то этот сектор считался перспективным, потому и звезду, и планету назвали донельзя пафосно. Минули годы, нашлись сектора получше, и Трэнтор стал прибежищем диссидентов, однако транс-портных контуров здесь было не меньше ста тысяч, таковы санитарные нормы.

Грифус остановился возле рамки.

— Я должен сосредоточиться. Итак... тебе, в принципе, безразлично, лишь бы что-нибудь получше... — Он осмотрел меня с головы до ног. Вероятно, давал целеуказание своему биочипу. — На счет «три».

— А куда мы?..

— Да никуда. Выйдем здесь же, на соседнем уровне. Приготовься. Раз... Два...

Мы синхронно переступили через рамку, и команда «три» растянулась в бесконечную миллисекунду. Если б у киб-координатора были уши, он бы услышал «трррррррррррри». Но для человека это происходит гораздо быстрей.

Скок!

Я очутился по ту сторону контура — уже в другом месте. Нога оторвалась от упругого пластика и опустилась — на упругий пластик. На тот же самый пол, закиданный упаковками от чипсов и соленых орешков. Моя собственная нога в черном латексном сапоге.

Я по инерции прошел дальше. «Клёп-клёп-клёп!» — гнусаво запели каблуки, фиксируя каждый мой шаг. На мне была клетчатая юбка с прозрачными вставками спереди и сзади. Короткий подол обегали неоновые огоньки.

— Все-все, уже идем назад, — торопливо произнес Грифус.

Я повернулся к хромированной стене, поднял руку и... поправила прическу. Зря я Марту послушала. Стерва уговорила меня вживить перья павлигатора, а куда мне, к черту, этот павлигатор? Насоветовала! Подруга, называется...

— Эй, Мёбиус! — раздалось рядом.

— Что? — спросила я недоуменно.

— Давай обратно в рамку. Или тебя это устраивает?..

— Урод. — Я прикрыл окошко на юбке. — Ты урод, Грифус!

— Такое случается, не кипятись. Сейчас все вернем. Нет, ну если ты доволен... то есть довольна...

— Быстро меняй! — заорала я.

Он взял меня за локоток и галантно проводил до контура.

— Ты готова, милая?

— Убью гада... — процедил я чувственным контральто.

— Раз... Два...

Скок!

В спину воткнулся гвоздь. Поразмыслив, я понял, что гвоздь не один, их несколько, и они медленно проворачиваются — в моей спине.

— Что ты опять?.. — хотел я крикнуть, но легкие треснули от кашля. Сердце внутри подпрыгнуло и, ударившись о макушку, упало обратно в кишечник. В моем возрасте опасно тревожиться. В моем возрасте вообще все крайне опасно. Имплантанты давно износились, а менять их на новые врачи не соглашаются ни за какие деньги. Ибо даже простейшая операция может стать моим последним приключением.

— Не ладится сегодня что-то... — буркнул Грифус. — Не мой день, похоже.

— Не твой, — прохрипел я чуть слышно. — Может, ты полагаешь, что сегодня — мой день?

— Не будем драматизировать. Поверьте, Мёбиус, вы в надежных руках. Сами до рамки дойдете или вам помочь?

Он взял меня за тот же локоть — впрочем, едва ли за тот же самый — и осторожно подвел к стартовому контуру.

— И что дальше?.. — продребезжал я.

— Знаешь, Мёбиус, не в твоем положении выделываться. Тебе сейчас хоть бы с кем поменяться, а то не ровен час...

— Не ровен час — это про другое. Это, например, если я достану трубочку да наберу один номерок. Мои люди повсюду, если ты не в курсе. У меня куплено все и везде.

Угрожать попусту я не привык, поэтому я действительно полез за трубкой. Ладонь нащупала на атласном жилете кармашек, но в этот момент Грифус увлек меня за собой. Даже не удосужился досчитать до трех. Похоже, щенок узнал-таки мое лицо и сообразил, с кем имеет дело.

Скок!

— Вот ведь незадача-то... Да-а-а...

Я открыл глаза.

Сначала я увидел мятые болотные штаны — на себе. Потом вспомнил про зеркальную стену — весьма кстати! — и посмотрелся в нее, как... ну, как в зеркальную стену и посмотрелся. И увидел Карла Грифуса — тоже на себе, вместе со штанами.

Сам Грифус стоял в двух шагах левее и с той же гримасой (хотя и на чужом лице), изучая свое отражение.

Ему было лет семнадцать — гораздо меньше, чем мне, то есть ему же самому. Красавчик. Спортивный, подтянутый... одетый, правда, бедновато. Голубоглазый. В общем, такой, у которого все впереди.

— Мёбиус... — выдавил он. — Я это... перемудрил малость.

— Бывает.

— Пошли в контур.

— Зачем? — Я нашарил в брюках пачку сигарет и неторопливо закурил.

— Как это — зачем?! — возмутился он. — Назад меняться!

Я выпустил струйку дыма.

— Мёбиус... — простонал он.

Я почесал лоб, как раз то место, где под черепной коробкой сидел вживленный биочип. Первый и пока единственный.

— Мёбиус... — растерянно повторил юноша.

— Да, Мёбиус-Мёбиус — это моя фамилия. Имя у меня тоже — Мёбиус. А звание — капитан транс-полиции.

Он рванулся к рамке, но вовремя одумался.

— Так вы этот контур пасли, да?

— Контролировали. Как и все контуры этого субквартала.

Я поднял с пола брошенную стариком трубку и набрал непростой номер из двадцати восьми цифр.

— Говорит капитан Мёбиус. Да, господин полковник, я его взял. Тот самый Карл Грифус, с тем самым биочипом... — Закончив доклад, я кивнул на рамку: — Проигрывай достойно, скакун.

Спустя пару миллисекунд мы вышли в бункере транс-полиции на Пегасе-116. Внизу — километры базальта и раскаленное ядро, вверху — километры базальта и космос. У нас тут не забалуешь.

Юноша диковато осмотрелся. Мне же осматривать было нечего: низкий потолок, тяжелая мебель, мрачное освещение — все давно знакомо. У меня приличная выслуга, без малого пятнадцать лет, из них десять — на Пегасе-116, под началом полковника Иггла. Или сэра Иггла, когда он настроен по-домашнему. Собственно, полковником он был не всегда, как и я не всегда был капитаном, но все эти годы он оставался для меня сэром Игглом, а я для него просто Мёбиусом. Или Мёбиусом Мёбиусом-Мёбиусом, когда он настроен по-домашнему.

Потерпевшего уже доставили: некто в моем теле томительно слонялся вдоль базальтовой стены.

Иггл выбрался из глубокого кресла за пультом и подошел ко мне.

— Мёбиус, это ты?

— А то кто же? — Я достал сигарету и ловко чиркнул зажигалкой о брюки. Крайне ценный навык.

Полковник вздернул брови.

— Мёбиус, когда это я разрешал тебе курить?

— Не разрешали. Но я ведь раньше и не курил. А еще я выпиваю, шеф. И кое-что похуже, — поделился я. — В общем, не тело, а сосуд пороков.

— Что за тон, Мёбиус?

— Простите, господин полковник. Это четвертый архив, будь он неладен. Чужая память. Не могу с собой справиться. Дело в том, что у меня никогда не было начальства. Кроме тюремных надзирателей.

Кажется, полковник собирался дать мне затрещину, но на столе тренькнул телефон. Звонила жена. Кого еще полковник Иггл мог называть Крошкой?

— Да, Крошка, — сказал он. — Нет, не забыл. Освобожусь через пять минут. Целую, Крошка.

Если честно, я бы эту Крошку тоже поцеловал. Видел ее несколько раз, когда она являлась к нам в бункер. За Иггла она вышла совсем недавно и еще не утратила качеств молодой супруги. Любящая и привлекательная. Крошка. Эх... Нет, капитану по фамилии Мёбиус-Мёбиус о таких крошках нечего и мечтать. То ли дело полковник. Орел, а не полковник! У него даже имя было какое-то геройское — Макс. Словно родители с младенчества подозревали за ним большое будущее. Впрочем, если ты владеешь акциями золотодобывающих предприятий северного рукава матушки-галактики, верить в счастье своего ребенка нетрудно.

— Да, Крошка, — мурлыкнул напоследок полковник и вновь повернулся ко мне. — Мёбиус!

— Ага?.. — Я затоптал окурок и развеял дым, дунув в разные стороны.

— Нет, на тебя надежды мало. — Иггл привередливо осмотрел прибывшего со мной юношу. — Иди сюда, Грифус. И ты тоже, — он подтолкнул потерпевшего к локальному контуру.

Две рамки — стартовая и финишная, друг напротив друга. К транспортной системе они подключены не были, их смонтировали только для того, чтобы мы исправляли содеянное скакунами.

Полковник открыл сейф и достал оттуда конфискованный краш-чип. Умельцы замаскировали преступное техсредство под обычную плюшевую игрушку: сумчатый овцеящер, отъедающий себе хвост. Под лоснящейся шерстью, как раз в сумке, был спрятан пульт.

— В рамку шагом марш! — скомандовал Иггл.

— Зачем, шеф? — спросил я.

— Как это зачем? Ты что, совсем форму потерял? То есть... ты и содержание утратил вместе с формой?

— Вы собираетесь поменять их местами... — Я указал на Мёбиуса и на юношу. — Но я ведь говорил вам, что Грифус — лучший из скакунов. Он никогда не проводит тривиальных обменов.

— Что это, интересно, ты мне говорил, Мёбиус? Когда?

— Ну... я думал, вы смотрите трансляцию. Вы же сами вешали на меня «жучки». Две стереокамеры и датчики квадрозвука.

— Да, я кое-что слышал, — скривился Иггл. — Этот упырь предлагал тебе поменяться со мной. Тебе — со мной... Смешно. Но микрофоны работали только в баре. А потом, после первого же обмена...

Я хлопнул себя по лбу.

— Действительно, господин полковник. Виноват.

Мёбиус, успевший вернуться к стене, грациозно выгнул спину.

— То есть как? — проговорил он. — На этом лысом мешке висят «жучки»?! И все, что я делала... вы это записали?!

— А что, позвольте полюбопытствовать, вы делали в моем теле? — вскинулся я.

Мёбиус не ответил, лишь покраснел до ушей.

— Постойте-ка... — сказал ему полковник. — Внутри вас должен быть молодой человек, которого вытеснил Грифус.

— То-то и оно, шеф... — кисло произнес я, вытирая взмокшие ладони о красную рубаху. — Боюсь, все не так просто.

— Без паники, капитан! Сударыня, назовите свой социальный номер.

Мёбиус назвал, и полковник, подойдя к пульту, дал команду на розыск.

Вскоре прибыла знакомая дама: высокие сапоги с говорящими каблуками и короткая юбка с полиэтиленовыми аппликациями.

— Надеюсь, вы и есть обладатель этого тела? — Иггл указал прибывшей на юношу. — Или нет?.. Кто вы?

— Я тот, кто сделает из вас отбивную. — Женщина ощупала полы несуществующего пиджака, затем поискала кармашек на несуществующем жилете.

— А где же этот? — крякнул полковник, вцепляясь юноше в щеку. — Куда он подевался? Где начинка?

— Прежде всего я хотел бы выяснить, где я сам, — сухо произнесла женщина. — Потом делайте что угодно. Но сначала я должен получить свою оболочку.

— Разумеется. Не откажетесь ли пока перебраться в этого молодого человека?

— Да что вы себе позволяете?!

— Временно! Согласитесь, это тело предпочтительнее, чем то, которое вы имеете в данный момент, — добавил Иггл, косясь на прозрачную юбку.

— Но-но, я попросила бы!.. — возмущенно воскликнул Мёбиус.

— Будьте добры, сэр, назвать свой социальный номер, — сказал Иггл женщине.

Транс-патруль сработал безупречно: спустя минуту в бункере появился третий потерпевший — старомодный костюм, под ним атласный жилет.

— Почему не обратились в полицию? — набросился на него полковник. — Где вы шлялись все это время?!

— До фени, — фыркнул старик. — У меня сейчас лабораторная по наномеханике, а вы дадите справку, что я не прогуливаю.

— Твое? — Иггл вновь дернул юношу за щеку, да так, что у того клацнули зубы.

— Мое, — неохотно ответил старик.

— Грифус, ну ты и намудрил, — проскрежетал полковник. — Тебе это дорого обойдется, Грифус...

Молодой человек не ответил.

— Грифус?.. — встревожился Иггл.

Тот снова проигнорировал.

— Грифус! Не валяй дурака. Это же ты?..

— Я, я, — осклабился юноша.

— А почему молчишь? Шутки шутишь?! С-скакун... — процедил Иггл и коротко врезал ему кулаком в живот.

— Вы бы поаккуратней, — промолвил старик. — Мне ведь носить.

Полковник собирался что-то ответить, но на столе зазвонил телефон.

— Да, Крошка, — сказал он. — Нет, не забыл. Освобожусь через пять минут. Целую, Крошка. Да, Крошка.

Положив трубку, он грозно зыркнул на юношу.

— Я все еще здесь, шеф! — напомнил я, поднимая руку.

— Что стоишь? — прошипел он. — Биочип в голове работает? Вот и ты работай! Меняй их живо, одного за другим.

— О’кей, шеф.

Иггл сел в кресло и начал диктовать отчет, а я принялся за дело.

Все получилось быстро и точно.

Скок! Скок! Скок!

Чудесная техника, эти новые биочипы.

Осталась лишь одна деталь.

— Осталась одна деталь, господин полковник, — сказал Грифус.

— Что такое?

— Нужно вернуть Грифуса в его тело.

— А в чьем он сейчас?

— В моем.

Иггл посмотрел на меня. Бывают искорки недоверия, а бывают целые зарницы. В глазах полковника светилась вольтова дуга.

— Ну так и поменяйся с ним, — сказал он Грифусу.

— Видите ли, господин полковник... Биочип такой шустрый... Я уже убедился. А что, если скакун, вернувшись в свое тело, успеет дать новую команду, и мы поменяемся обратно? Вы-то будете думать, что мы поменялись только однажды, примете меня за него, и... — Грифус чиркнул себя ладонью по горлу.

— Н-да?.. — Иггл засомневался пуще прежнего. — Говоришь, биочип шустрый?

— На порядок превосходит железо.

— И что ты предлагаешь, Мёбиус? Уж не хочешь ли ты, чтобы я полез с вами в рамку?

Иггл сделал вид, что опасается скакуна, но в действительности...

Ни один офицер транс-полиции не войдет в контур вместе с подчиненным. Прецедентов, правда, не было, но их потому и не было, что дураков у нас не держат. А если и были — дураки или прецеденты, — то о них все равно никому не известно.

— Что же ты предлагаешь, Мёбиус? — повторил полковник.

— Мы сделаем так, что обладатель биочипа, кто бы он ни был, не сможет им воспользоваться. Мы э-э... лишим это тело дееспособности. Мы э-э... дадим ему по башке, господин полковник.

— По башке?..

— По башке, по башке! — горячо проговорил Грифус. — То есть... не ему по башке, а в данный момент — мне. Потом вы внесете меня в рамку и произведете обычный обмен между мною и Грифусом. Оказавшись в своем теле, он не сможет совершить ничего противозаконного. Он вообще ничего не сможет совершить, господин полковник. Грифус будет в отключке.

— Толково, — оценил Иггл. — И у нас будет гарантия, что тело с биочипом находится без сознания, ведь в этом теле сейчас ты, капитан...

— Я, я! — закивал Грифус, хватая себя за болотные штаны. — Если вы ударите меня недостаточно крепко, я вам сообщу, шеф.

— Кто-кто тебя ударит?..

— Вы, конечно. Больше некому. Неужели я позволю, чтоб меня бил какой-то скакун? — Грифус брезгливо кивнул в мою сторону.

Открыв сейф, Иггл извлек несколько орудий на выбор: резиновую дубинку, бамбуковую палку и стальной пруток. Разумеется, никто этими предметами до сих пор не дрался. Внутри каждого был упрятан краш-чип.

— Думаю, вот это сгодится, — сказал Грифус, трогая псевдофомку.

— Думаешь?.. — переспросил полковник.

— Думаю, шеф.

— Дело хозяйское... — Иггл подошел к нему сзади и огрел железкой по черепу.

— Уй... уй... — запричитал Грифус, медленно падая на колени. — Как больно-то, шеф!.. Вы не могли бы чуть полегче?

— Мёбиус, не будь ослом! Бить нужно сильней, иначе ты не потеряешь сознание.

— Да, пожалуй... Но все же...

Не затягивая дискуссии, Иггл ударил еще раз.

— А! — вскрикнул Грифус. — Шеф, это... невыносимая боль! — Пощупав затылок, он предъявил полковнику ладонь. — У меня кровь, шеф!

Трое потерпевших испуганно отшатнулись.

— Так и должно быть, Мёбиус, — сказал полковник. — Это не у тебя кровь, а у Грифуса.

— Да, действительно, — всхлипнул Грифус. — Логично.

— Мне придется подать жалобу на негуманное обращение с арестованным, — предупредил я.

— Запишем в протоколе, что ты оказал сопротивление, — меланхолично сообщил Иггл. — Ты готов, капитан?

— Готов, — простонал Грифус.

— Ыыхх! — Полковник ударил его в третий раз, и тот, секунду пошатавшись, рухнул на пол.

— Убили! — завопил я. — Вы убили мое тело! Свидетели! У меня есть свидетели!

Потерпевшие принялись вразнобой пожимать плечами: мол, ничего особенного не заметили.

Иггл пощупал Грифусу пульс.

— Живой. Ну-ка, помоги.

Мы перенесли тело к рамке и положили между штангами. Иггл взял зверушку.

— Надеюсь, Грифус, ты сознаешь, что песенка твоя спета, поэтому если ты вдруг... — Он не успел закончить, вновь позвонила жена. — Да, Крошка. Нет, не забыл. Освобожусь через пять минут. Целую, Крошка. Да, Крошка... Грифус, бегом! — рявкнул он.

Я шагнул к бездыханному телу.

Иггл опустил трубку и встал рядом.

— Только попробуй что-нибудь схимичить... — пригрозил он, засовывая руку в овцеящера.

Скок!

Мне показалось, этот переход был самым долгим. Четыре миллисекунды, а то и пять. Вот так: «скккккккккккок». И слово «схимичить» тоже растянулось в резиновую нитку:

— Схимичччччччччччч...

— ...ить, — закончил я за Иггла.

— Что? — спросил он, глядя снизу-вверх.

— Ничего, Грифус, — сказал ему Грифус.

— Что ты сказал?

— Я сказал: ничего.

Иггл схватился за штангу и начал подниматься, а поднявшись, схватился за голову. Потом осмотрел свое тело и схватился еще крепче. Красная рубаха и мятые штаны болотного цвета могли бы его скомпрометировать — раньше, когда он был полковником Максом Игглом. Теперь, когда он стал скакуном Карлом Грифусом, эта одежда была ему к лицу.

Я швырнул плюшевую игрушку в сейф и скомандовал:

— Наручники, капитан!

— Есть, господин полковник! — браво отозвался экс-Грифус.

Экс-Иггл тихонько завыл. Все было слишком очевидно.

— Мёбиус... — безнадежно вымолвил он.

— Что, Грифус? — издевательски произнес капитан.

— Но у меня же есть свидетели!

Потерпевшие не перестали пожимать плечами еще с прошлого раза.

— Я бы не ввязался в эту авантюру, — проговорил юноша. — Но... уважаемый скакун взял с меня не так дорого. Я не привык экономить, однако эти деньги уже не мои.

— Ясен день! — весело откликнулся старик. — Бабло лишним не бывает. Пусть мне осталось не так много, но я возьму от жизни все! На свои семнадцать лимонов...

— Шестнадцать с половиной, — поправил капитан.

— Все, что полагается — мое! Солнце!.. Пляжи!.. Коньяк!.. Шикарные девоч... — он вдруг закашлялся.

— Девочки?.. — студент мелко, по-стариковски, рассмеялся. — Ну что ж... Девочки. Да!

— Ну а вы, сударыня?.. — воззвал Иггл из тела Грифуса. — Вы-то как оказались в этой шайке? Что на что вы могли поменять? Вы же тут одна...

— Я не одна, я с мужем, — ответила она, обнимая новоиспеченного капитана.

Тот, сияя, повернулся ко мне:

— Господин полковник...

— Просто Макс, — отмахнулся я. — Можно без формальностей, дорогой Мёбиус.

— А можно без «Мёбиуса»?

— Нельзя. Не горюй, скоро привыкнешь. День-два, и будешь натуральный Мёбиус-Мёбиус. Мне поначалу тоже...

— Как?! — Грифус громко высморкался в рукав. Четвертый архив — не пятый, прививается быстро. Он высморкался еще раз. — Как это «тебе тоже»?.. Значит, ты не впервые?! Ты уже?..

— Помалкивай, уголовная сволочь, — произнес я неторопливо, со вкусом. — Какое тебе дело до моего прошлого? Особенно теперь... — Я подергал его за наручники. — Я, может, и сам уже не помню. Память, архив номер пять... Пройдут сутки, и о прежней жизни в твоем мозгу не останется ни единого бита. Да и зачем тебе помнить все эти гербы, родовые имения, фамильный фарфор...

— На каторге от них толку не будет, — вставил капитан.

Отобрав у Грифуса свои сигареты, он недоуменно осмотрел пачку и бросил ее в урну.

— Откровенно говоря, Макс... это была не самая простая операция в моей жизни.

Я хотел ответить: «Главное, чтоб не последняя», но в этот момент мне позвонили.

— Да, Крошка, — сказал я. — Нет, не забыл. Что?.. Пять минут?.. Нет, Крошка, мы уже закончили. Я свободен.

❑

АЛЕКСАНДР ГРОМОВ

СИЛА ТРЕНИЯ

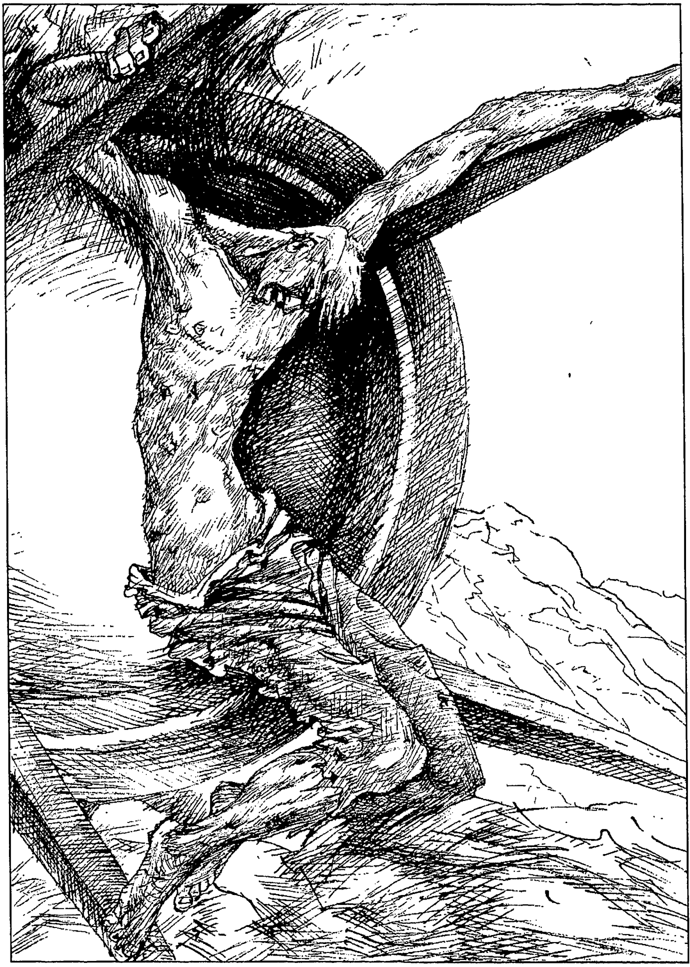


Иллюстрация Владимира ОВЧИННИКОВА

КАЧЕНИЯ

Больше всего на свете Виссарион Шпынь, дипкурьер на службе у правительства Лиги Свободных Миров, ненавидел космические полеты — именно то, с чем он постоянно сталкивался по долгу службы и от чего тяжко страдал, не собираясь, однако, подыскивать себе другое занятие. Если работа не приносит удовольствия, его не заменит никакое жалованье — эту аксиому Виссарион затвердил давно. И действительно: не высокое жалованье и не премиальные за образцовую службу удерживали его от перемены профессии, а законная гордость специалиста высокого класса, сознающего, что мало кто способен справиться с этой работой лучше него. Быть может, на всю громадную зону Лиги наберется, если хорошенько поскрести, пяток таких людей, но уже десяток не наберется наверняка. Приятно ощущать себя одним из немногих!

Деньги — пыль. Совсем другое дело знать, что живешь на свете не зря, что после трудной миссии начальник с особым чувством жмет тебе руку, молчаливо признавая, что ты, вопреки всем опасениям, опять выполнил задание образцово, и уж верх удовольствия случайно подслушать реплику: «Когда диппочту возит Шпынь, я спокоен. Если не справится он, то не справится никто. С таким рвением и чувством ответственности сталкиваюсь впервые. Какое счастье, что он не карьерист! Ну просто образец человека на своем месте!..»

Приятно, слов нет. И все-таки космические перелеты были для Виссариона Шпыня той зловредной ложкой дегтя, которая всегда дает понять человеку, что он не в сказку попал и обязательно должен за что-то страдать. То ли за собственные просчеты, то ли за ошибки руководства, то ли за первородный грех, то ли вовсе без всякой причины. Родиться человеком и никогда не мучиться вообще трудно, если только не родился жизнерадостным идиотом, о чем вряд ли стоит жалеть. Добиться преобладания приятного над неприятным и примириться с тем, что неприятного все же не избежать — только это и остается.

Строго говоря, его мучили не космические перелеты как таковые, а попытки организма адаптироваться то к одной планете, то к другой. В Лигу на правах полноправных членов входили десятки давно освоенных планет и сотни развивающихся колоний. Часто воздух на них был не годен для дыхания, отчего вне жилых куполов приходилось носить дыхательную маску и изъясняться так, будто болен гайморитом; планеты с агрессивными атмосферами вынуждали носить скафандр, разумеется, всегда подобранный не по росту и вообще неудобный; наконец, «курортные» кислородные миры тоже норовили подсунуть то аллергию, то инфекцию. Не доставляли радости иная сила тяжести, непривычная пища, своеобразные понятия о бытовых удобствах и диковинные обычаи местных жителей. Словом, Виссарион бывал просто счастлив, когда его служебные поездки ограничивались родной планетой, и, втайне жалея, что это случается так редко, понимал: иначе и быть не может. Кого начальство употребит для выполнения действительно сложного задания, каких на родной планете не бывает? Кого пошлет торить новый, неизведанный маршрут?

Конечно, его, Виссариона Шпыня! Профессиональная гордость боролась с внутренним протестом и пока что брала верх.

Сколько опломбированных контейнеров он перевез и благополучно доставил по назначению, он не представлял, потому что счета не вел. Контейнеры бывали разные: от небольших, вроде кейса, до громоздких многотонных монстров на платформах с антиграв-подушкой. Случались грузы радиоактивные, биологически опасные и даже антропоморфные. Виссариону было все равно. Главное — вызубрить инструкцию по обращению с конкретным грузом, если таковая существует, скрупулезно ее придерживаться, ну и, естественно, до последнего вздоха защищать груз от посягательств.

В него стреляли, и не раз. Отсутствие шрамов и присутствие всех конечностей лишь подтверждало высокую выучку Виссариона Шпыня. Если дело доходило до нападения, привилегию «последнего вздоха» он до сих пор оставлял за нападавшими.

Один из немногих дипкурьеров, он имел право сопровождать груз без напарника, чем часто пользовался на коротких маршрутах. Если уж полагаться на кого-то, то лучше себя не найти. Не так уж трудно обойтись без сна в течение нескольких суток. Особенно с помощью препарата «АнтиМорфей», оставляющего и мысли ясными, и реакцию молниеносной, а то, что он якобы вреден для здоровья, наверняка вранье, как и многое прочее...

Но если даже это правда, все равно игра стоит свеч.

— Какой контейнер? — задал Виссарион вопрос, узнав, что ему предстоит проложить новый маршрут к Бете Скунса.

Начальник отдела дальних перевозок задумчиво побарабанил по столу пальцами.

— То-то и оно, что никакого...

Виссарион выжидательно поднял брови и разумно смолчал. Все, что надо знать дипкурьеру, будет непременно доведено до его сведения без лишней риторики.

— Ты повезешь дубовый стол, — признался начальник, отчего-то сконфузившись, и вдруг прыснул в ладошку. — Стол большой и круглый, три метра в диаметре, изготовлен по специальному заказу лучшими краснодеревщиками. Натуральный земной дуб. Груз важнейший, но совершенно не секретный, отчего нет нужды в контейнере. Вторая планета Беты Скунса, космодром там единственный, скорее, даже не космодром, а посадочная площадка, наводка по радиомаяку. Сядешь на автоматике, сдашь этот предмет мебели посланнику Лиги, примешь почту, буде таковая окажется, и вернешься. Все ясно?

— Да. — Брови Виссариона опустились лишь на миллиметр.

— Понимаю... На первый взгляд, задание кажется нелепым, не так ли? — Испытующий взгляд-сканер впился в лицо Виссариона и разбился о бесстрастие. — Гм. И тем не менее миссия ответственнейшая, груз должен быть доставлен в срок, ставки очень высоки. Видишь ли, Бета Скунса — новая и чрезвычайно перспективная система...

Об этом Виссарион и сам догадывался. Побывав на сотнях планет, принадлежащих Лиге Свободных Миров или тяготеющих к ней, о Бете Скунса он слышал впервые. Значит, новая. По-видимому, недавно открытая. А на бесперспективную планету его не пошлют.

— Система очень удобно расположена, — продолжал начальник, — и со временем может стать крупным центром межзвездной транспортной сети. Помимо того, вторая планета — просто кладезь полезных ископаемых. К великому сожалению, планета уникальна еще одним обстоятельством: наличием разумной жизни, причем аборигены в достаточной степени антропоморфны...

Виссарион, опустивший было брови, медленно вздел их снова. Разумная жизнь? Чрезвычайная редкость, если не считать распространившегося по галактике человечества. Гуманоиды? Уникальный случай. Но что, собственно, из этого следует и в какой степени связано с предстоящим заданием?

— Дикари, — с отвращением сказал начальник. — Каменный век. Межплеменные войны за охотничьи угодья, кровная месть, каннибализм и прочие прелести. Нас, людей, туземцы побаиваются, но не слишком — во всяком случае, за богов не принимают. Когда дерутся между собой, нередко достается и нам. Там уже полтора года работает наша дипломатическая миссия, и ее резиденция больше похожа на военный лагерь. Отбито шесть нападений, два человека похищены и съедены. Выходов у Лиги, в сущности, два: либо истребить туземцев, либо замирить их. Понятно, что замирение и гуманнее, и, надо думать, дешевле...

Соглашаясь, Виссарион опустил и поднял веки.

— Предварительный зондаж, подарки вождям, поиски взаимоприемлемого решения — этот этап уже пройден. Теперь осталось собрать вождей и заставить их произнести все необходимые в таких случаях клятвы. Дело за малым: поскольку в том дикарском мире никогда не слыхали о каких бы то ни было переговорах, их придется проводить по нашим, человеческим обычаям, а не по местным, которых нет...

— Понимаю, — бесцветным голосом произнес Виссарион.

Он действительно уже все понял. Однако начальник решил расставить точки над всеми буквами, того заслуживающими. Надо думать, тщился оправдать дурацкое поручение.

— Уламывая туземных вождей, наши дипломаты много рассказывали им о том, как проходят переговоры в нашем мире. Туземцы, надо сказать, оказались довольно восприимчивыми и кое на что согласились с энтузиазмом. Особенно им понравилась идея встречи за круглым столом, где все равны хотя бы номинально... — Начальник вздохнул. — Короче, вынь да положь им круглый стол, без него они в переговоры не вступят. Он для них теперь имеет сакральный смысл. На Бете Скунса сейчас паника: до начала переговоров осталось пятнадцать дней, местная древесина ни на что не годится, в штате тамошней миссии нет не только столяра, но даже плотника, и так далее. Посланник воззвал о помощи. И ведь мы ему в помощи не откажем, верно?

Виссарион кивнул, чуть заметно пожав плечами, что должно было означать: «За информацию признателен, но зачем меня-то спрашивать? Приказывайте!»

— Приказываю принять груз и доставить его на вторую планету Беты Скунса лично в руки посланника Лиги, — отчеканил начальник. — Суть задания ясна?

— Так точно.

— Есть вопросы?

— С вашего позволения... Груз уже на космодроме?

— Более того, в трюме «Гонца». Отлет завтра утром.

— Сколько лететь до Беты Скунса?

— Чуть менее трех суток.

Брови Виссариона снова поползли вверх.

— Что, удивляет столь роскошный запас времени? — усмехнулся начальник. — Страховка от случайностей. Стол на Бете Скунса нужен позарез, вот и создаем «запас прочности». Еще вопросы?

— Просьба, — сказал Виссарион, вернув брови на законное место. — Если есть возможность, я хотел бы стартовать не завтра, а сегодня.

— Гм. Хорошо, я выясню, есть ли такая возможность... Возьмешь напарника-стажера?

— С вашего позволения, я предпочел бы сопровождать груз один.

— Смотри... — Начальник с сомнением покачал головой. — Твое право, но... напоминаю еще раз: заданее ответственнейшее!

— В том-то и дело. — Только слепой не заметил бы, что настойчивое стремление Виссариона Шпыня не делить ответственность ни с кем импонирует начальству. — Разрешите выполнять?

Старая, как мир, истина: пусть вклад начальника в выполнение важнейшей миссии выражается лишь в уставном «разрешаю» — нельзя лишать его возможности внести хотя бы такой вклад, иначе он проникнется тайным комплексом неполноценности. Уставы пишутся умными людьми, тонко понимающими субординацию.

Через час Виссарион был уже на космодроме, имея при себе сопроводительные документы в нагрудном кармане, плазменный пистолет в кобуре под мышкой и баул со сменой белья, нехитрой дорожной едой и набором стимуляторов, включающим, разумеется, «АнтиМорфей». «Гонец», призовой рысак на коротких трассах, застыл в огороженном, тщательно охраняемом секторе на периферии взлетно-посадочного поля, напоминая издали то ли скромный вулканический конус, то ли небольшую пирамиду не очень состоятельного фараона. Кораблик почтово-посыльной службы был знакомый и любимый за скорость и надежность. Возле корабля переминались с ноги на ногу охранники — все как один рослые, с выступающими подбородками и в защитных мимикрирующих доспехах, в данный момент серых, как покрытие поля. У одного доспех барахлил и менял цвета подобно хамелеону, изображая то болото с осокой и лягушками, то песчаную пустыню с надвигающимся самумом, а то зеленый газон с разбросанными там и сям анютиными глазками. Шепотом бормоча ругательства, детина боролся с настройкой и безуспешно пытался съежиться под уничтожающим взглядом фельдфебеля.

Виссариону не было до него никакого дела. Замечать все происходящее вокруг, мгновенно анализировать, мгновенно реагировать на опасность и не обращать внимания на то, что не мешает выполнению задачи — вот нормальные профессиональные качества дипкурьера на службе правительства Лиги. Виссарион довел их до совершенства.

Предъявив документы, после чего ему без особого подобострастия отдали честь, он приказал опустить грузовой пандус. Груз был на месте, запакованный и закрепленный как надо на малой антиграв-платформе. Кое-где сквозь мягкую упаковку, предохраняющую его от толчков и ударов, просматривалась благородная фактура полированного дерева. Дикари, конечно же, будут в восторге... На первый взгляд, столешница трехметрового диаметра не показалась Виссариону очень уж внушительной. Сколько там у них племенных вождей? Рассядутся ли? Впрочем, пусть о том болит голова у посланника, на то и придумано разделение труда...

Изгнав лишние мысли и опечатав трюм, Виссарион поднялся в крохотный пассажирский отсек, убедился в отсутствии на борту посторонних, проверил программу полета и немедленно дал сигнал о готовности к старту. Он никогда не любил тянуть резину и молчаливо осуждал начальство за каждую минуту промедления. Сколь бы ни был велик запас времени, не стоит транжирить его понапрасну.

Старт на антигравитационной тяге прошел идеально. Предстоял выход из поля тяготения планеты, путь на маршевых двигателях до входа в Первый Канал, гиперпространственный прыжок в туманность Смоляной Котел, короткий переход до устья Седьмого Канала, еще один прыжок и сутки пути до Беты Скунса. Вся трасса полета пролегала в зоне влияния Лиги, не приближаясь ни к зоне враждебной Земли, ни даже к зоне дружественной Унии. Какой-либо инцидент по пути был маловероятен.

И тем не менее Виссарион не собирался спать. Что значит обойтись без сна трое суток? Чепуха.

А главное, он мог полностью сосредоточиться на своих прямых обязанностях, не отвлекаясь на управление кораблем. По профессиональной привычке Виссарион не доверял очень многому, но автоматике «Гонца» — в последнюю очередь.

Для начала он задействовал резервные мощности корабельного мозга и приказал проверить детектором живой массы все без исключения отсеки, начав с трюма. Почти на каждой планете Лиги водилась мелкая земная фауна — тяжелое наследие колониального прошлого. Грызуны, а также термиты и некоторые муравьи могли попортить груз, пробравшись в трюм.

Получив утешительный доклад, Виссарион все же не успокоился, пока не расставил в разных закоулках корабля десяток мышеловок и не пустил в систему вентиляции аэрозоль, дурно пахнущий, зато убивающий наповал споры вредных грибков.

Иной на его месте, возликовав по поводу трех суток никем не контролируемого одиночества, непременно погрузился бы в чтение, в просмотр голофильмов, в виртуальные игры, в стряпню и поедание изысканных блюд, а то и в создание при помощи синтезатора изысканных алкогольных напитков и надегустировался бы до зеленых чертенят — но только не Виссарион.

Проверка, проверка и еще раз проверка! Все, что может помешать выполнению задания, должно быть выявлено и исключено. А если вдруг покажется, что все уже проверено и проверять больше нечего, то это вредное заблуждение, отмазка всякого лодыря. И если ты вдруг приходишь к выводу, что твоя служба не очень-то обременительна, то держи ухо востро: что-то не так. Прими «АнтиМорфей» и начинай сначала.

Программа полета. Лоция. Корабельная автоматика. Жизнеобеспечение. Двигательный отсек. Бортовое вооружение... Проверь. Перепроверь. Подумай, что еще не мешало бы проверить. Отыскав в инструкциях по уходу за техникой малознакомую процедуру, отработай ее до автоматизма. Задолби наизусть имеющуюся информацию о месте назначения. Почисти личное оружие. Короче говоря, делай что-нибудь!

За хлопотами Виссарион пропустил оба гиперпространственных нырка — феерическое зрелище мгновенной смены созвездий, окутанных вуалью черенковского свечения — и завораживающую угольную черноту туманности Смоляной Котел. Давно прошли времена, когда его, зеленого новичка на курьерской службе, еще волновала экзотика. Потом он стал к ней равнодушен и приобрел жизненное кредо: делай свое дело, а любоваться оставь тем, кому делать нечего.

И когда в атмосфере второй планеты Беты Скунса корабельный мозг внезапно завопил через все динамики, что сигнал радиомаяка пропал, Виссарион не растерялся. Нештатная ситуация требовала немедленного решения, и оно было принято в долю секунды: дать команду «Гонцу» садиться самостоятельно, выбрав площадку по своему усмотрению.

Существовало, правда, и другое решение: прекратить спуск, подняться на низкую, но стабильную орбиту, попытаться выйти на связь с резиденцией дипломатической миссии и спокойно дождаться возобновления работы маяка, после чего повторить попытку посадки. Однако тут имелись целых два «но»: было неизвестно, отчего замолчал маяк и можно ли надеяться вновь поймать его сигнал, прежде чем будет исчерпан лимит времени, а кроме того, околопланетное пространство изобиловало метеоритами. И Виссарион, мгновенно проанализировав все «за» и «против», решил садиться. Что с того, что он терпеть не может чужие миры и охотнее переждал бы на орбите? Чем хуже исполнителю, тем лучше делу — разве не так? Почти аксиома.

Нет такого обидного слова, которым он не обозвал себя впоследствии за это решение!

Удар был чудовищным — и почему-то боковым. Виссариона вынесло из кресла и, припечатав к переборке, вышибло из легких весь воздух. Клацнули зубы. Полыхнуло в затылке. Корабль заскрежетал, сильно накренился и взвыл дурным аварийным воем. Где-то заискрило, завоняло горелой пластмассой, и сейчас же под струями пены издыхающей гадюкой зашипел огонь. Стало почти тихо. Лишь снаружи завывало и временами взревывало — приглушенно, но жутковато.

Авария при посадке — это еще не диагноз, а только анамнез. Причину аварии Виссарион установил сразу: ураган. Просто-напросто «Гонца» у самого грунта подхватило порывом ветра такой силы, что с ним не справились компенсаторы, и швырнуло в сторону, за пределы облюбованной кораблем площадки. Вероятнее всего, на скалы, где и заклинило.

Корпус корабля мелко вибрировал под напором ветра. Шлифуя наружную обшивку, тонко визжал песок.

С первого взгляда стало ясно: дело дрянь. Корабельный мозг отключился, и настойчивые попытки Виссариона возобновить его деятельность не принесли успеха. Множественность замыканий как в основных, так и в резервных цепях не позволяла бороться с утечкой энергии. Через десять минут умное и послушное судно должно было стать еще одной мертвой грудой металла, уроненной людьми на дикую планету. Как будто их было недостаточно!

Несвоевременные эмоции недостойны профессионала. Действия Виссариона были быстрыми и рациональными. Во-первых, пока не издохли резервные батареи, он послал в эфир сигнал бедствия, не особенно надеясь на то, что он будет принят, ибо теперь и ребенку было ясно, что ураган такой силы отломает любую антенну — вот, кстати, и причина молчания радиомаяка. Но это надо сделать хотя бы для очистки совести. Во-вторых, он извлек из умирающей памяти корабля топографическую карту района посадки — всего лишь десятикилометровку, но более подробной карты второй планеты Беты Скунса, по всей видимости, не существовало в природе. В-третьих, он определился с местом посадки и изобразил на свежераспечатанной карте жирную точку.

Результат неприятно поразил даже его. Две точки на карте — место приземления и место назначения — широко разошлись. Крошечный поселок дипломатической миссии Лиги находился примерно в трехстах километрах к западу. Странно, что корабль не польстился на участки равнины, расположенные куда ближе к поселку. Впрочем, подумал Виссарион, «Гонца» могло отнести ураганом. Или же он осознанно выбирал место под защитой скалистого гребня — и прогадал.

В сущности, на данном этапе причина была делом десятым. Куда важнее — следствия и вытекающие из них выводы. Виссарион освежил в памяти сведения о планете. Почти двойник Земли по массе, диаметру, соотношению воды и суши и скорости вращения. Сила тяжести на поверхности — на один процент выше стандартной. Луна крошечная, и вместе с ней по орбитам бегают тучи орбитального мусора естественного происхождения. Красочные метеорные и метеоритные дожди. Воздух пригоден для дыхания, опасные для человека микроорганизмы отсутствуют. Богатство флоры и фауны. Климат — от субтропического до умеренного. Не планета, а благодать. Без пяти минут курорт.

Да, но триста километров пути!.. При самом беглом взгляде на карту становилось ясно, что равнинные участки скорее исключение, чем правило. Реки. Леса. Болота. Один горный хребет. Бог знает что еще — ведь карта приблизительная, результат беглой орбитальной съемки. Связи с миссией нет. Связи нет и не будет вообще ни с кем. Неизвестно, знает ли кто-нибудь о его местоположении. Скорее всего, нет. Триста километров пути, груз массой не менее трехсот килограммов и двенадцать суток в запасе. Есть о чем подумать...

Груз не пострадал — Виссарион тщательно проверил его, чуть только установил, что ни капли энергии из резервных батарей выдоить уже не удастся. Антиграв-платформа оказалась заряжена на две трети — что ж, совсем неплохо. Лучше бы, конечно, на сто процентов, но ведь она предназначена для погрузки-разгрузки, а не для перемещений на большие расстояния. Кому придет в голову проверить зарядку, если на пульте управления не горит красный предупреждающий сигнал и если от платформы только и требуется, что съехать с грузом из трюма по пандусу? Космодромная обслуга была ни в чем не виновата, зато по своему адресу Виссарион сказал несколько нелестных слов.

Только теперь, когда срочной работы не осталось, начали болеть ушибы — плечо, шея, таз, колено. На затылке вздулся пульсирующий желвак. Виссарион приладил к нему холодный компресс, а остальные ушибы смазал. Пройдет.

После чего он заснул, спокойно и без сновидений, не прибегая к транквилизаторам. Все равно, пока ураган не стихнет, нечего было и думать получить помощь или предпринять самостоятельные действия. Когда от человека ничего не зависит, ему лучше расслабиться.

События вернулись в зависимость от Виссариона спустя сутки, когда ураган стих. Открывать аварийный люк обесточенного корабля пришлось вручную. Ветер был еще силен и временами мешал дышать, но не двигаться. Наружный осмотр показал правильность вчерашней догадки: корабль действительно налетел на скалистый отрог и, накренившись, застрял. К счастью, пандус грузового отсека оказался обращен к равнине, а не к скалам. Равнина полого понижалась к болоту, обозначенному, кстати, и на карте. Дальний берег болота не просматривался.

— Так, — без выражения сказал Виссарион.

Иногда он говорил сам с собой, ничуть не считая эту привычку признаком скрытой шизофрении. Наоборот, она помогала ему. Но в данный момент он ограничился простой констатацией: помощь не пришла, а значит, его сигнал не был принят. Какие действия ему следовало предпринять в связи с этим обстоятельством и пониманием долга — было понятно. И лучше всего данные соображения уложились в словечко «так».

Другой на его месте сказал бы «влип». Но не Виссарион.

На сборы ему хватило получаса. При других обстоятельствах он управился бы и за пять минут, но сейчас ему нужно было проявлять разборчивость, придирчиво выбирая лишь то, без чего невозможно обойтись, бракуя громоздкие, тяжелые и не позарез необходимые предметы снаряжения. Вещевой склад был полон всякой всячины, однако Виссарион, основательно перерыв его, отобрал немногое и набил скромных размеров рюкзак. Добавил к собранному запас концентратов на две недели, четыре литра воды, перецепил кобуру плазменника так, чтобы не мешала лямка рюкзака, повесил на пояс большой, смахивающий на мачете нож и счел сборы законченными.

Еще час ушел на то, чтобы вручную опустить тяжеленный пандус. За это время окончательно исчезла надежда получить помощь от миссии. Предстояло поработать самому.

— Поработаем, — согласился Виссарион, забираясь на антиграв-платформу.

Он прекрасно знал, когда начнется настоящая работа — когда, отдав всю энергию, запнется, задрожит и хлопнется на брюхо антиграв-платформа. И произойдет это довольно скоро. Быть может, даже над болотом, но хорошо бы после...

Теперь он жалел, что не взял напарника. Можно было бы послать его в миссию налегке, а самому остаться присматривать за грузом и ждать транспорта. То, чтобы хоть на минуту оставить груз без охраны, Виссариону и в голову не могло прийти, как президенту Лиги не приходит в голову высморкаться в скатерть на торжественном банкете. Суровые должностные инструкции ничто, в сравнении с естественными табу.

Негромко загудев, платформа поднялась над ребристым полом трюма и, повинуясь управлению, скользнула вниз над пандусом. Виссарион не стал оглядываться на брошенный корабль — в нем не осталось ничего, о чем стоило жалеть.

— Полетаем, — сказал Виссарион.

Любой пилот, даже атмосферник, постыдился бы назвать полетом унылое скольжение в полуметре от поверхности. Но что не дозволено пилоту, то допустимо для того, кто ни за что не сменит свою профессию на воробьиное счастье барахтаться в воздухе. Аппарат не касается грунта? Не касается. Значит, полет. Виссарион был точен в терминологии.

Зато в ней не были точны те, кто составлял карту. Ровная поверхность зыбуна перемежалась торчащими там и сям обомшелыми валунами, целыми полями корявого кустарника и даже купами деревьев на островках. Препятствия раздражали. Большинство приходилось огибать по пологой дуге, а некоторые, тянущиеся на километры, и перепрыгивать, даром тратя энергию.

Платформа держала скорость хорошего бегуна-стайера, не больше. О лицо колотились летающие насекомые; мелкие норовили забить глаза и ноздри, крупные били, как картечь, и отскакивали, не успевая ужалить. Бесшумно работал антиграв-привод. Ветер монотонно пел в ушах — к сожалению, встречный ветер! Виссарион пригибался, пытаясь сделать свое транспортное средство хоть немного более аэродинамичным. Кажется, это мало помогало.

Пусть так! Не ждать же, когда ветер соизволит переменить направление. Начальство не простит дипкурьеру опоздания. Он сам себе его никогда не простит. Опоздание равносильно невыполнению задания!

Спустя час из-за горизонта понемногу начала подниматься неровная темная полоска — показался берег. А еще через пять минут антиграв-платформа противным писком и красным мигающим индикатором дала понять: энергия на исходе, необходима подзарядка.

— Сейчас, — сказал Виссарион, покусав губы. — Сей момент найду тебе заправку. Тут недалеко, парсеков сорок всего-навсего...

Медленно-медленно приближался берег. Островки с купами деревьев остались далеко позади; постепенно сошел на нет и кустарник. Теперь то, что мелькало под днищем платформы, полностью соответствовало понятию болота, да еще гиблого. Поросший местными мхами зыбун внезапно сменялся сотнями метров стоячей черной жижи, кое-где пузырящейся зловонными газами. Болото казалось исполинским неподвижным животным, состоящим из одного желудка — ненасытного, но терпеливого, хорошо знающего, что свою добычу он так или иначе получит. Не в этот раз, так в следующий.

— Лучше в следующий... — прошептал Виссарион.

Похоже, платформа так не думала. Запищал второй и последний предупреждающий сигнал. Пока еще ничего страшного не случилось, но должно было случиться с минуты на минуту. Край болота приблизился уже настолько, что стволы чахлых деревьев, просунувших корни в трещины скального выхода, отдельные валуны и низкорослые кусты были видны без всякой оптики.

Бинокль, подумал Виссарион. И сейчас же выругал себя за несообразительность. Раньше надо было начать избавляться от лишнего груза, гораздо раньше!..

Прекрасный бинокль, шедевр электронной оптики, булькнул в трясину первым. С безумной скоростью Виссарион рылся в рюкзаке, безжалостно бракуя то, без чего можно обойтись, если очень постараться. Половину провизии — долой! Четыре литра воды — долой! Авось местные речки и ручьи не отравлены. Походный набор инструментов — долой. Хватит и одних плоскогубцев, а остальное заменит нож...

Он оставил аптечку, крошечный фонарик, компас, моток прочной веревки и сам рюкзак, выполненный из почти невесомой ткани. Остальное сглотнула трясина. Что бы еще выбросить для облегчения платформы?.. Ботинки? Штаны?

Не поможет.

Плазменник?..

Ни в коем случае. Оружие здесь может пригодиться — это раз. Служебная инструкция велит дипкурьеру иметь его при себе — это два.

Виссарион понял, что запаниковал. Для всякого другого паника заключалась бы в бессвязных воплях и истерических метаниях, а для него — в диких мыслях. Это же надо додуматься — сопровождать груз без оружия!..

Мысль выбросить в болото груз не могла прийти ему в голову — для этого не хватило бы и самой отчаянной паники, потребовалось бы буйное помешательство. Скорее уж, Виссарион выбросился бы в трясину сам.

Так же бесшумно, как работал до того, антиграв-привод дал первый сбой: платформа задрожала и клюнула носом. Нет, выправилась, тянет... Черт, снова дрожит... И проседает все ниже...

Медленно, по сантиметру, платформа теряла высоту. Виссарион не глядел вниз — не хотелось впадать в первобытный ужас. Он смотрел только вперед — на приближающийся берег.

Тот и впрямь приближался, теперь гораздо медленнее, чем раньше. Мертах в ста от него тошнотворная гиблая жижа разнообразилась моховыми кочками и метелками жестких травянистых растений. Дотянуть бы...

Чпок! Платформа коснулась плоским днищем поверхности жижи. Подскочила, трясясь, как в лихорадке, задела снова... Чпок! Чпок-чпок-чпок!..

Протестующе загудел на высокой ноте антиграв-двигатель, пожирая последние крохи энергии. Виссарион более не колебался. Ждать было нельзя: платформа с полным грузом не дотянет не только до твердого берега, но и до кочек.

На то, чтобы принайтовить один конец веревки к ушастой скобе для крепления груза, а другим обвязаться вокруг пояса, ушли считанные секунды. После чего Виссарион сделал глубокий вдох и шагнул в топь.

Он сейчас же ушел в трясину по грудь. Пузырящаяся жижа шевелилась под ним и вокруг него, ощупывая, облизывая, смакуя редкий деликатес. Спасибо, что не сглотнула сразу, с головой, — Виссарион видел, как платформа мигом пошла бодрее. Разматывалась веревка. «Только бы не запуталась!» — мелькнула не то мысль, не то мольба.

Растопырив руки, он не шевелился (те, что отчаянно сражаются, помогают трясине против себя) — и все-таки погружался гораздо быстрее, чем ему хотелось. Сначала по шею. Потом по глаза. А когда натянувшаяся веревка рванула, пребольно врезавшись в тело, на поверхности топи уже не оставалось никакого Виссариона. Но он был жив, расчетливо деятелен и полон надежды — надежды на то, что, подтягиваясь по веревке, успеет выбраться раньше, чем умрет.

Жижа была плотна, как кофейная гуща, а веревка слишком тонка и скользила в ладонях; вдобавок все приходилось делать ощупью. Упустил веревку — пропал. Хуже того — погубил груз.

Не вытерпел мук удушья, захлебнулся вонючей жижей — то же самое!

У болотной кочки, рассеченной натянувшейся веревкой почти пополам, бурая жижа вдруг вздулась горбом, явив через мгновение безумные глаза и провал рта, судорожно захватывающий воздух. Еще минута — и Виссарион, рыча и извиваясь червем, выполз на зыбун. Здесь можно было ползать, дышать, жить...

Чуть накренившись на корму, платформа увязла столь прочно, что, казалось, торчала здесь всегда. На первый взгляд, она не погружалась, однако мешкать не стоило. Чуть отдышавшись, Виссарион вытянул из топи веревку, смотал, прикинул на глаз расстояние до твердого берега. Он дойдет. Допрыгает по кочкам, утвердится на прочном грунте и вытянет стол за веревку. Груз как нарочно перевернут столешницей вниз — поползет по зыбким мхам, как намыленный. Нет, пожалуй, длины веревки не хватит...

Едва не впав в отчаяние, он уже через несколько секунд обозвал себя дурнем и непрофессионалом. Можно же взять веревки, крепящие груз к платформе! Все равно придется их снять — платформа больше не понадобится. А если и этих веревок не хватит — что ж, впереди лес, а в нем, возможно, произрастают местные лианы и бегают непуганые звери, из чьих шкур можно нарезать прочных ремней...

Виссарион провозился дольше, чем рассчитывал. Зверей, готовых расстаться со своей шкурой, ему не встретилось, зато лианы нашлись. Оплетенные ими местные деревья больше всего походили на гигантские хвощи, в изобилии усеянные устрашающими зазубренными колючками в палец длиной. Вспомнились слова начальника отдела дальних перевозок: «Местная древесина ни на что не годится». Н-да, похоже на то. И в то же время не совсем так. На мебель — не годится точно. А вот на примитивное оружие — дубинку с шипами — годится вполне...

— И еще на пыточный инструмент, — пробормотал Виссарион, прижигая антисептиком глубокие царапины.

Он без особых проблем вытянул стол на берег. Затем вздохнул. Судя по карте, в западном направлении лес тянулся километров на пятнадцать—двадцать, и все эти километры предстояло прорубаться сквозь колючки. Не будь груза, он, пожалуй, прошел бы за сутки, но груз... Груз требовал широкой тропы, почти просеки.

Выжечь бы этот лес... Нельзя — подлые хвощи не желают гореть, а только корчатся и воняют. В этом Виссарион убедился, попытавшись разжечь костер.

Он подавил новый тоскливый вздох как явление неконструктивное. Вздыхай, не вздыхай — двигаться надо. Что ему суждено преодолеть, то и будет преодолено, аминь. Иначе не может быть, пока жив дипкурьер.

Как преодолеть — вопрос не философский, а чисто технический. Напрягая все силы, Виссарион перевернул стол, поставив его на ножки, и злобно зарычал. Нечего было и думать подлезть под стол и всю дорогу тащить его на горбу — он не цирковой силач, и на такие упражнения его горб не способен. Тащить волоком? Гм... Что хорошо для болота, то не годится в лесу. Нет, дубовое чудовище придется катить перед собой, как большой неуклюжий барабан, и молиться, чтобы не расшатались ножки. Только так. Физика — мудрая наука: она велит катить круглое. Кроме того, если катить стол, а не тащить волоком, то и просеку можно рубить узкую, чуть шире метра...

— Покатаем, — вздохнул Виссарион.

До захода солнца он проложил метров сто просеки, рубя лианы, срезая под корень стволы хвощей. Пищала под ножом кремнистая неподатливая древесина. Цеплялись за одежду колючки, норовили впиться в тело. От одежды шел пар. Пот заливал глаза, надоедала мелкая мошкара. Ничуть не удивляло отсутствие крупных животных: в таком лесу им понадобилась бы бронированная шкура.

Виссарион не имел ни малейшего понятия о здешней фауне и был только рад отложить знакомство с нею. Природа горазда на выдумки. Ей ничего не стоит создать летучего крокодила, ядовитого мамонта, извергающего из хобота чистый иприт, или саблезубого удава. Какова планета, таковы и твари. Родная метрополия тоже была изрядным гадюшником, пока ее не очистили от опасной живности за много поколений до рождения Виссариона.

Стемнело. Над колючим лесом чертили небо метеоры. Висела маленькая — горошиной — луна и не желала ничего освещать. Плюнуть хотелось на такую луну. Виссарион с тоской вспомнил о пяти великолепных лунах Метрополии, превращающих ночь почти что в день. Конечно, можно было продолжать работать и при свете фонарика, расходуя энергию дрянной химической батарейки...

Он покачал головой. Нет. Фонарик еще может пригодиться. Кроме того, Виссарион ужасно устал и понимал, что без трех-четырех часов отдыха не сможет завтра работать в полную силу. Невеликий запас стимуляторов из аптечки также следовало поберечь. В том, что необходимость прибегнуть к ним возникнет не раз, не усомнился бы при взгляде на карту только дурак. Колючий лес, за ним горы. За горным хребтом лежит большое озеро, вытянутое так, что его не обойти, а надо умудриться как-то пересечь. И только потом — зато уж до самой миссии — равнина...

Хоть это радовало.

— Побездельничаем, — пробормотал Виссарион, укладываясь прямо на столе. Он не был суеверен, и его ничуть не пугало то, что он невольно уподобился покойнику. Ну и что же, что на столе? Вообще-то непорядок, зато путем прямого контакта с грузом обеспечивается надежная охрана последнего. Толковый работник всегда найдет выход из положения, не нарушая явным образом ни одну из служебных инструкций.

Спустя полчаса он перебрался под стол, потому что пошел дождь. Мелькнувшую было мысль оплести лианами ножки стола, превратив его в подобие жилища, Виссарион отверг. Нет зверья в колючем лесу. Нет и не предвидится.

Задремывая, он все же подумал о том, что здесь должны водиться крупные травоядные, раз уж местные хвощи отрастили для защиты колючки, — и успокоил себя соображением: каковы колючки, таковы и травояды. Любитель полакомиться здешней флорой должен напоминать бронированного динозавра, сотрясающего землю далеко окрест, а коли так — опасности нет. Медлительная зверюга предупредит о себе издали, а плазменник всегда под рукой.

Он все же уснул ненадолго. Ему приснилось, что стол умеет летать. Оседлав его, Виссарион несся над лесом, над горными хребтами, над озерами и бескрайними равнинами. Столу нравилось летать. Приземляться он не желал ни в какую, и весь персонал миссии ловил его огромным сачком. Запутавшись в сетке, стол заскрежетал, заскрипел, протестуя, и Виссарион проснулся.

Стол и вправду скрипел и скрежетал. Точнее, скрежетали сомкнувшиеся над ним колючие хвощи, отчаянно царапая полированную столешницу. С треском рвалась пластиковая упаковка. Тихо шелестя, шевелились лианы — ползли, опутывали... Свет фонарика подтвердил мгновенную догадку: стол был схвачен лесом, а Виссарион пленен. Этот лес не собирался служить пищей бронированным травоядам — он сам был хищником! Похоже, подвижные лианы вовсе не паразитировали на колючих хвощах, а находились с ними в симбиозе. Когтистые лапы и алчущие рты — одни хватают добычу, другие высасывают ее к общей пользе...

Что-то мягко, настойчиво толкнуло в бок. Прошипев сквозь зубы проклятие, Виссарион обрубил едва не присосавшееся зеленое щупальце. Затем извлек из кобуры плазменник и послал заряд в самую гущу лиан.

Лес завизжал. Отдернулись дымящиеся лианы, заскрипели, натужно разгибаясь, стволы хвощей. Наверное, за всю историю планеты ее флора ни разу не демонстрировала столь небывалую прыть.

— То-то же, — наставительно произнес Виссарион, выбираясь из-под стола.

Дождя уже не было. Дождя-спасителя... Виссарион содрогнулся, осознав, что стало бы с ним, усни он на столе. Он больше не видел смысла оставаться на месте. Восток еще и не думал разгораться, ну и что? Теперь Виссарион знал точно, как надо двигаться по хищному лесу — не столько прорубать просеку, сколько выжигать ее в самом экономном режиме работы плазменника. Освободив груз от остатков упаковки, он завалил его на бок и, повесив на плечи тощий рюкзачок, зажав фонарик в зубах, а плазменник — за поясом, уподобился скарабею...

Хищный лес остался позади спустя трое суток. За это время Виссарион не поспал и минуты, не съел и ста граммов питательного концентрата и одолел в лучшем случае километров двадцать. Одежда превратилась в лохмотья, на коже не осталось живого места, едкий пот зверски щипал бесчисленные царапины и порезы. Нож затупился, фонарик сдох и был брошен, в плазменнике остался единственный заряд.

Последний день пришлось двигаться в гору. Час от часу подъем становился все круче, зато колючие заросли редели, пока совсем не сошли на нет, сменившись жесткой травой и безобидными на вид кустами, да и в воздухе повеяло приятной прохладой. Впереди синели горы.

Найдя ручей с холодной, явно ледниковой водой, Виссарион с рычанием упал в него ничком и несколько минут блаженствовал. Он с удовольствием лежал бы до зубовного стука, но не мог позволить себе такой роскоши. Вдоволь напившись и приняв дозу «АнтиМорфея», честный дипкурьер прикинул линию движения и вновь взялся за стол.

Он катил его вверх по склону, это было нелегко, но душа пела. Гиблое болото пройдено. Гиблый лес пройден. Если это не счастье, то что же тогда?

Что-то творилось с его пищеварением. То ли от концентратов, то ли от местной воды, то ли от натуги — скорее, все-таки от натуги — желудок Виссариона испортился. В сочетании со стимуляторами желудочные средства из аптечки не помогали. Мешали частые и унизительные позывы.

— Каков стол, таков и стул, — скулил Виссарион, присаживаясь под куст.

Теперь, когда остались позади шипы, стволы и корни, когда не приходилось прорубать и выжигать себе путь, стол начал проявлять норов, которого Виссарион прежде не замечал. Во-первых, он не желал катиться прямо, нимало не напоминая в этом отношении кабельную катушку; во-вторых, при попытках коррекции курса он норовил завалиться ножками кверху, что однажды и сделал, придавив Виссариона. В-третьих, ненадолго останавливаясь перевести дыхание, Виссарион был вынужден изображать собой подпорку, иначе стол норовил убежать вниз по склону.

И все-таки взбираться в горы было много легче, чем прорубаться сквозь лес.

Семь суток в запасе. Двести шестьдесят километров до цели. Это сколько же надо проходить в сутки?.. А, что толку считать! Не на равнине. Главное — перевалить через хребет и переплыть озеро...

Весь день Виссарион катил стол вверх. Склон медленно, но неуклонно становился круче. Давно кончились кусты и трава, теперь чаще приходилось огибать валуны и выбирать путь в обход каменных осыпей. Вспоминалась древняя легенда о Сизифе. Один раз шатающийся от усталости Виссарион плохо исполнил роль подпорки, и у него упало сердце, когда стол с грохотом покатился вниз. Если бы он и впрямь был бы не столом, а кабельной катушкой или округлым валуном, то сюжет легенды повторился бы буквально — а так, прокатившись немного, грохоча и подпрыгивая, стол сразу вошел в вираж, накренился, заваливаясь на бок, подпрыгнул, немного сполз юзом и замер, задрав к синему небу все четыре ноги. Он даже не попытался рассыпаться или расшататься — был сработан на совесть из настоящего земного дуба.

Виссарион не сумел даже выругаться вслух. Грудь ходила ходуном, сердце бешено стучало, прогоняя по жилам кровь, слабо насыщенную разреженным воздухом, и отдавало то в таз, то в самый затылок. Хотелось лежать и не вставать, хотя бы для этого пришлось умереть. Но он отдыхал не более минуты.

Приближалась полоса вечных льдов. Совсем близко нестерпимо сверкали пятна снежников. Жуткой синевой пугали изломы отвесных скал. Настоящая работа была еще впереди.

— Полазаем, — прошептал Виссарион, сглотнув вместе с комком слюны еще одну таблетку стимулятора.

Он работал без отдыха весь вечер и почти всю ночь. Он научился скорее угадывать, чем видеть предметы в едва тлеющем свете ничтожной луны и вспышках метеоров. Он рычал, напрягая все силы. Он ел снег и грыз лед. На леднике он едва не засквозил в глубочайшую расселину, по-видимому, не имеющую дна, — и все же удержался на самом краю. И задолго до рассвета он доставил груз к поясу скал, штурмовать которые ночью не решился бы и чемпион Лиги по скалолазанию — генетически модифицированная особь с конечностями паука и пальцами геккона.

Виссарион решился. На благо себе или нет, он заблудился, выбирая место для подъема, и потерял в темноте стол, заякоренный где-то за валун. До утра он искал его ощупью, коченея не столько от ужасного холода, сколько от мысли, что он оставил груз без присмотра. Ему повезло дважды: во-первых, он двигался и только поэтому не замерз насмерть, а во-вторых, он набрел на стол лишь с рассветом и не полез на скалы в темноте.

И все же он был в отчаянии: уходило время. Драгоценное время!

Обойти пояс скал было нельзя. Подтащив стол к облюбованному месту, Виссарион надежно привязал конец веревки к дубовой ножке, похожей своей толщиной на ствол необыкновенного квадратного дерева, а вторым концом обвязался сам. Будь что будет. Если ему суждено разбиться вдребезги, то так тому и быть. Но он сделает все, что сможет.

Да, но если он разобьется, задание окажется невыполненным... Задание, порученное ему, Виссариону Шпыню, едва ли не лучшему дипкурьеру Лиги!..

Мысль придала сил. Он полз по скале, рыча, срывая ногти, кровавя коченеющие пальцы о бритвенно-острые края крошечных уступов. Адские муки продолжались вечность. На половине подъема он понял, что у него нет больше сил ползти вверх. Но не было сил и висеть, держась за ничтожные зацепки, и поэтому он все же пополз вверх, уже не рыча, а всхлипывая. Еще... Еще чуть-чуть...

Наверху его стошнило. В первый раз со времени давно забытого детства Виссарион заплакал. Ему пришлось полежать на снегу и основательно озябнуть, прежде чем он пришел в себя. Стуча зубами, он взялся за веревку, пробормотал: «Потянем» — и потянул.

Никакого эффекта. Закусив губу и потянув сильнее, он едва не стащил со скалы самого себя. Нет, так дело не пойдет...

Беспомощно оглянулся... Вокруг сверкал снег и не наблюдалось ничего, что могло бы подсказать правильное решение. И никого, кто мог бы помочь. А еще говорят, что здесь живут туземцы-антропоиды...

Виссарион заскрипел зубами. Попался бы ему хоть один местный антропоид — уж он бы заставил его поработать на благо дипломатии! На благо Лиги. Да и на свое, черт возьми, благо: чьи вожди через шесть дней с удовольствием рассядутся за круглым столом — за этим самым столом! — не местные, что ли?

Они самые. И уж, конечно, туземцы не такие дураки, чтобы забираться высоко в горы да еще помогать ненормальному чужаку тащить неподъемную мебель для их же туземной пользы. Как всегда: одни выбиваются из сил, другие собирают сливки...

В нахлынувшей ярости Виссарион крушил пяткой наст, разгребал снег руками. Злость помогла найти решение. Откопав гранитный клык — не то выступ скалы, не то верхушку островерхого валуна, — он обмотал вокруг него веревку, выбрав слабину. Подергал — держит. Подставил под веревку спину, уперся ногами в другой валун, поменьше, напряг все силы...

Через полчаса неимоверных усилий он изловчился настолько, что сумел набросить на каменный клык еще одну петлю, минут через десять — вторую, а вскоре и третью. Подполз к обрыву, глянул вниз. Стол уже оторвался от грунта и, слегка покачиваясь, елозил по скале. Дело двигалось. Пусть медленнее, чем хотелось Виссариону, но оно все же двигалось...

К ночи он не только втащил стол на скалы, но и одолел еще одну скальную гряду — правда, та оказалась пониже и не столь отвесна. Веревка излохматилась, но выдержала. По пологому снежному подъему было удобнее не катить стол, а тащить его волоком, наскоро соорудив веревочные постромки.

Десять шагов — остановка. Пять глубоких вдохов — и снова десять шагов... Загнанный, отравленный стимуляторами организм реагировал тошнотными позывами. Виссарион выбился из сил, но продолжал двигаться в покорном отупении, мыча и со всей силой налегая на постромки. Это и спасло его ночью от холодной смерти на перевале. А утром он увидел на западе длинный снежный спуск, тени гор в широкой долине, полого сбегающей к большому озеру, редко разбросанные острова и на самом горизонте — полоску суши за озерной гладью.

Самая трудная часть пути осталась позади — так он решил и позволил себе час отдыха. Даже немного поел через силу. К его удивлению, ему совершенно не хотелось ни есть, ни спать. Хотелось одного: лечь и умереть, и даже не умереть по-человечески чинно, а попросту сдохнуть, как собака, но в этом Виссарион не смел себе признаться.

Ровно через час он дотащил стол до спуска, смотал веревку, сел на тыльную сторону столешницы меж четырех дубовых ножек и отпихнулся ногой. Прошуршав по снегу, стол съехал немного вниз и остановился. Вторая попытка вышла не лучше. Третья принесла успех: стол заскользил по склону, сначала медленно и важно, затем все быстрее, вздымая за собой фонтан снежной пыли. И целую минуту Виссарион радовался, как дитя.

С большим опозданием он понял, что, пожалуй, не сможет затормозить. Попытка тормозить сначала ногой, а потом ножом привела к тому, что с ноги едва не сорвало башмак, а нож вырвался из руки и потерялся где-то в снежном облаке. Виссарион застонал, проклиная себя за дурость: нож было жаль. Однако долго предаваться сожалениям было некогда: склон становился круче, а наст тверже, и стол набирал прыть. Только бы не перевернулся, не запрыгал, только бы не налетел на валун — покалечится же...

О себе Виссарион не думал, и все же он мысленно охнул, когда верхом на своем снаряде перелетел широченную зловещую трещину. Снежный склон превратился в язык ледника, усеянный трещинами и вытаявшими глыбами. Страшно скрежетали под столешницей мелкие камешки, визжал песок. А впереди уже виднелось хаотичное скопище глыб моренного вала — финиш для любителей покататься на саночках. Виссарион закрыл глаза и сотворил немую молитву.

Странно — но помогло! Стол вильнул вбок, с силой, едва не вывалившей Виссариона прочь, врезался в сползающий из бокового ущелья снежник, обрушил и разбросал несколько тонн снежной каши, завертелся волчком и заметно погасил поступательную скорость. Начал было набирать ее вновь — и раздумал. Затем его все-таки вынесло на каменистую лужайку, где дипкурьер на время потерял груз из виду, потому что сначала катился кубарем, а потом пахал землю носом.

Нос — тьфу! Виссарион сейчас же вскочил. Что со столом?! Перевернуть! Осмотреть!

Внешний вид столярного шедевра поверг его в уныние. Полировка исчезла. Благородная фактура дерева была испорчена глубокими царапинами, исчеркавшими столешницу и вдоль, и поперек, и наискось. Разболталась одна ножка. Выделялись вдавлины — следы ударов об острые камни. Сбоку столешницы появились два отщепа.

Виссарион тяжко вздохнул. Ему не удалось обеспечить полную сохранность груза. Путешествие не пошло на пользу круглому столу.

Пусть так. И все же для местных дикарей он все равно останется круглым столом, предметом таинственным и мистическим, о котором они столько слышали и о котором они будут рассказывать свои детям, внукам и правнукам...

Особенно если накрыть его скатертью.

В сумерках того же дня, катя перед собой стол, он вышел к озеру. Переправа была продумана им до мелочей. Он не станет строить плот. Дуб тяжел, но легче воды. Стол поплывет сам и повезет дипкурьера, надо лишь помочь ему.

Ножки — снять, отвинтив гайки. (Очень кстати не были выброшены плоскогубцы. И очень кстати неизвестные краснодеревщики сработали этот стол в ширпотребовском разборном варианте, мудро рассудив, что для дикарей все едино.) Стол — перевернуть и перевернутым пустить в плавание. Широкое деревянное кольцо, к которому крепятся ножки, послужит бортом судна — пусть низким, но все-таки бортом. Надо только забить деревянными пробками проделанные для винтов отверстия, а снятые ножки привязать под днищем ради увеличения плавучести...

Далее — весло. Для круглого судна лучше бы не одно, а два и с уключинами, но мечтать об уключинах то же самое, что о мачте с парусом или подвесном моторе. Двухлопастное весло?.. Не из чего сделать. Однолопастное сделать можно, вырубив шест с рогулькой и растянув по рогульке тряпку...

Все это Виссарион проделал споро и без суеты. Сильно не хватало ножа. По местному дереву пришлось работать зубами и наскоро оббитым кремнем. Предательски дрожали колени, но в целом тело пока еще слушалось, и мысли почти не путались. Он доставит стол вовремя! Он выполнит задание! Он по праву считается одним из лучших дипкурьеров Лиги. Нет, он самый лучший! Он Виссарион Шпынь, а не шпынь ненадобный!..

Минувший день был ужасен. Дно ущелья, выбранного для спуска к озеру, во многих местах не годилось для качения. То и дело оно сужалось, и текущая с ледника речушка исчезала под нагромождениями валунов. Тогда Виссарион бормотал: «Потаскаем», затем, кряхтя, подлезал под стол, выжимал его неимоверным усилием дрожащих ног и со стоном переносил через препятствие. Перенеся — падал без сил и давал себе долгий отдых. Минуту, а то и две.

Быть может, он умрет. Но прежде он доставит стол по назначению, и доставит вовремя! Ему плевать на местные племена, дрязги вождей, интриги дипломатов и политику Лиги. Он дипкурьер и должен доставить груз. Это дело чести. Другие варианты обсуждению не подлежат.

А он еще морщился когда-то, принимая задания, связанные с перелетами на иные планеты! Ненавидел мелкие неудобства. Ха, теперь смешно и вспомнить. Вот оно — настоящее задание. Такое выпадает не каждому и лишь один раз в жизни. Ради таких заданий и живет настоящий дипкурьер.

Не раз в сознании мелькала расслабляющая мыслишка: неужели здесь никогда не пролетают флаеры из миссии? Должны ведь. Хотя бы иногда, изредка, по делу или просто для порядка. Надо ждать, оставаясь на берегу озера: увидят, подберут...

Нет уж. Он знал: это протестует тело. Телу хочется отдыха и неги. В ближайшие дни оно не получит ни того, ни другого, и пусть пока заткнется. Он не позволит телу управлять мыслями — ими будет управлять воля.

Задолго до рассвета плавсредство было готово. Виссарион спустил его на воду, взгромоздился сверху и, отпихнув веслом берег, порвал контакт с землей. Если ему повезет, он достигнет противоположного берега через сутки. Если будет дуть устойчивый попутный ветер. Если не поднимется шторм. Почему бы Фортуне не улыбнуться ему еще раз? Она ведь уже улыбалась. Правда, ее улыбки были кривоваты...

— Поплаваем, — мужественно произнес дипкурьер, не умеющий плавать и сроду не пробовавший грести.

Первого от него не требовалось, надо было лишь побороть в себе страх перед водой, а второму приходилось учиться на ходу.

Он уже довольно уверенно ориентировался по местному звездному небу. Созвездие, навязчиво похожее на большой стол, обходя небосклон по дуге, под утро маячило на западе. Виссарион решил держаться немного правее.

Пробный гребок заставил закружиться в вальсе горошину-луну и все до единой звезды — плот вращался. Виссарион компенсировал вращение мощным гребком с противоположной стороны, добился обратного вращения и едва не выпал в озеро. Стол закачался, через низкий борт плеснула волна. Виссарион выругался.

...Когда рассвело, он обнаружил, что удалился от берега на какие-нибудь две сотни шагов, и причиной тому был скорее слабый попутный ветерок, нежели гребля. Виссарион осатанел. Круглое судно очень любило вращаться в вальсе и терпеть не могло двигаться прямо.

— Поучимся, — проскрипел Виссарион, оставив ругань как занятие непродуктивное.

Часа через два-три, когда, позолотив ледники, из-за хребта высунулось солнце, он уже мог заставить стол продвигаться вперед, правда, в черепашьем темпе. И все же это было уже кое-что.

Медленно тянулся день. Ветер совсем стих и не собирался помогать инопланетным дипкурьерам. Мертвая зыбь колыхала воду. А вечером поднялся встречный ветер и развел волну. На закате Виссарионово плавсредство было выброшено на берег почти в том же месте, откуда начало путь.

Мокрый и неистовый, Виссарион оснастил судно иначе: прикрутил дубовые ножки на законные места, примотал к двум соседним тонкие шесты и с помощью веревки натянул меж ними маленький лоскутный парус из обрывков своих одежд и распоротого зубами рюкзака. Остался нагишом, но обрел движитель. Он поймает ветер, стекающий с гор, и заставит его служить себе!

Когда солнце вновь выглянуло из-за хребта, плот преодолел уже изрядное расстояние, и Виссарион, напрягая зрение, видел далеко-далеко впереди не то полоску противоположного берега, не то прижавшуюся к воде дымку. Наверное, все-таки берег, потому что раньше зыбкой полоски не было видно. Трепетал лоскутный парус. Свежий ветер сносил плот немного к югу, но в целом плавание шло успешно.

Сидя в залитом водой «трюме», как в тазу, голый Виссарион подруливал веслом, держа по ветру. Он немного отдохнул, поел и испытывал скорее нравственные, чем физические страдания. Ну почему он не выучился плавать?! Он бы плыл за столом, подталкивая его, и плот двигался бы вдвое быстрее. Плевать, что вода холодна. Вперед, только вперед! Скорее! Скорее!

В проливе меж двух больших островов его атаковали.

Сначала Виссарион решил, что из зарослей поднялась стая крупных птиц. Потом он изменил свое мнение: перепончатыми крыльями твари походили на летучих мышей, только очень крупных. Летучих собак. Когда стая приблизилась, он разглядел полосатые хвосты, а крики тварей пренеприятно напоминали ночные кошачьи вопли.

— Только летучих котов мне и не хватало, — пробормотал Виссарион, на всякий случай прикрываясь рукой — не нагадили бы на голову...

Головной кот — наверное, вожак — вдруг исступленно заорал, перекрыв общий хор, после чего свалился на крыло и вошел в пике. Виссарион спасся только тем, что отпрянул, едва не перевернув плавсредство. От зубов он увернулся, а от когтей — нет. Тварь как ни в чем не бывало взмыла ввысь, оставив на плече Виссариона кровоточащие борозды и болтающийся клочок кожи. А сверху с леденящим душу воплем уже валился новый кот...

Окровавленный и яростный, Виссарион отбивался веслом. На шестом или седьмом коте ему повезло: шест сбил крылатую бестию в воду. Кот заорал было совсем истерически и замолотил крыльями, поднимая фонтаны брызг и явно пытаясь взлететь, но тут из глубины бесшумно всплыла кошмарных размеров разверстая пасть, усеянная рядами кинжальных зубов, и сглотнула кота. Мелькнул и исчез полосатый хвост. Сейчас же в небо ударил мощный фонтан, но стая, как видно, хорошо знакомая с охотничьими повадками озерного монстра, моментально рассеялась с паническими воплями, и под водяную зенитку попала только одна особь. Пасть поймала ее на лету, после чего без всплеска ушла под воду. А еще через мгновение стол закачался — монстр пытался схватить его снизу.

Виссарион задрожал от страха. Не за себя — за груз. Он сам — только придаток, снабженный мускулами и мозгами для выполнения профессиональных обязанностей. Без этого придатка стол не прибудет по назначению. Придаток тоже надо беречь, но груз важнее.

Виссарион снял с предохранителя плазменник. Последний заряд надо было выпустить так, чтобы у зубастого чудовища пропал всякий аппетит. Лучше всего — прямо в глотку.

Он ждал. Чудовище оказалось раздражающе тупым и все пыталось схватить стол снизу, однако даже оно не могло столь широко раздвинуть челюсти. В примитивной животной злобе оно бодало стол, и тот на мгновение выпрыгивал из воды и рушился в туче брызг, а Виссарион едва удерживался на нем. И все же он дождался момента, когда пасть вынырнула рядом со столом и не опоздал с выстрелом.

Монстр затонул и больше не всплывал. Выжило чудовище или сдохло, Виссариона нисколько не заботило. Его заботило то, что ветер с гор усилился, налетал злыми шквалами и нещадно трепал парус. Конечно, стол так двигался быстрее, но могла начаться буря...

Его носило по водам почти двое суток. Вздымались волны, сверкали молнии, выло и грохотало, и часто свинцовые тучи прочерчивал метеоритный след. Буря еще не унялась, когда плавсредство с закоченевшим и обессиленным Виссарионом прибило волнами к западному берегу. Гасла в рваных тучах вечерняя заря. До миссии оставалось по меньшей мере сто семьдесят километров пути. Правда, по равнине. До предельного срока — два дня и три ночи.

От паруса, а значит, и от одежды не осталось ничего. От рюкзака тоже. Голый Виссарион подпоясался веревкой, заткнул за нее плазменник, проглотил последнюю таблетку «АнтиМорфея», заел размокшим брикетом пищевого концентрата, запил водой из озера и, рыча от ненависти, начал переоборудовать плавсредство в предмет, удобный для качения.

Он шел по выжженным солончакам. Он шел по песчаной пустыне, и раскалившийся песок поджаривал его ступни, а стол предательски вяз, и нечеловеческих усилий стоило втащить его на бархан. Он шел по каменистой пустыне, и это было еще хуже. Он шел по бесконечной степи, и крылатые коты иного вида — наверное, стервятники — кружили над ним с хриплым мявом. Он шел, и шел, и шел...

На запад. По компасу и звездам. Раня ноги о колючки. Катя стол.

Он не мог сильно промахнуться. Степь ровна, как стол, как этот огромный дурацкий стол, и постройки миссии должны быть видны с большого расстояния. Он увидит их. Он дойдет.

...и тогда, получается, кто он такой, дипкурьер Виссарион Шпынь? Придаток? Все-таки придаток и не звучит гордо? Нет, так не пойдет... Он — стольник, вот кто. Или столоначальник. Черт знает, что означают эти древние слова... Но начальник ли он столу? Кто кому служит? Кто для чего предназначен? И зачем вообще все это...

Пить... Жара... Пить. Воды. Только вчера было озеро — где оно? Кто украл? Солнце печет. Смочить бы голову. И горло. Воды. Летучие коты в небе. Ждут. Что там — река?.. Нет, это мираж. Я знаю, что мираж... Пожалуйста, воды. Я что угодно для вас сделаю, хоть незапланированную остановку, только дайте глоток воды...

Он встретился с туземцами, когда нашел русло полупересохшего ручья, вкатил в него стол, чтобы слегка запрудить, и жадно напился илистой воды. Туземцы, в свою очередь, встретили его гудящим градом булыжников из ременных пращей. Сипло проорав: «Именем Лиги!», Виссарион укрылся за столешницей, как за надежным щитом, и, улучив момент, навел на аборигенов разряженный плазменник. Вероятно, местные гопники были уже знакомы с этим оружием, поскольку мгновенно разбежались с воплями ужаса. Впрочем, испуг туземцев мог быть вызван и иной причиной: изображая, будто целится, Виссарион волей-неволей высунул из-за укрытия лицо...

На закате двенадцатого дня он лежал ничком без сил и плакал. Иногда в его затуманенном мозгу образовывался просвет и вгонял его в отчаяние. Тридцать километров! Еще целых тридцать. И нет ни одной таблетки. Да и была бы — организм, наверное, отказал бы, не выдержав хронической перегрузки. Можно долго гнуть сук, но в конце концов он ломается...

Виссарион плакал.

Он одолел все, но его доконала усталость. Он сохранил груз и прошел с ним двести семьдесят километров, а теперь, когда их осталось только тридцать, он не может шевельнуть ни рукой, ни ногой...

ТОЛЬКО тридцать? Не «целых тридцать», а «только тридцать»?!

Именно так. И в этом огромная разница. Особенно когда впереди еще целая ночь — до самого рассвета...

Медленно-медленно, как во сне, Виссарион по очереди подтянул под себя ноги и, стараясь не завалиться на бок, поднялся на четвереньки. Цепляясь за стол, взгромоздился на ноги, почти потеряв при этом сознание, но все-таки не потерял. Перед глазами плыло — ну и пусть. У него есть опора. У него есть цель. У него есть долг. Пока жив, он будет двигаться...

Посланник Лиги на второй планете Беты Скунса был разбужен в несусветную рань. Правда, представившаяся ему картина того стоила. Посланник перестал позевывать и вытаращился.

— Прошу расписаться в том, что груз доставлен вовремя, — просипела, назвавшаяся дипкурьером Шпынем, голая образина, стараясь принять достойную позу и делая нечеловеческие усилия, чтобы устоять на сбитых в кровь ногах.

— Постойте, постойте... Какой груз? Круглый стол, что ли? Вот этот?

— С доставкой были проблемы, — пояснил Виссарион, из последних сил удерживая равновесие.

— Н-да... — произнес посланник, критическим взором осматривая царапины, выбоины и отщепы. — Усушка и утруска, так сказать... Вы катили его, что ли?

— Катил. Тащил. Плыл. Дрался. Триста километров... Но все это неважно — я доставил его вовремя! — Виссариона шатнуло, как пьяного. — И он худо-бедно остался столом...

Посланник пожал плечами:

— Мне жаль, но переговоры состоялись вчера. Вожди племен собрались раньше, чем ожидалось, так что не было смысла откладывать церемонию... Чего доброго, их свиты передрались бы между собой, и я не уверен, что нам удалось бы их разнять. А так все прошло великолепно. Вожди поклялись в вечном мире, сидя за тем столом, который стоял у нас в гостиной... Кстати, вон его тащат обратно.

Несколько мгновений Виссарион оторопело молчал. Затем из его груди вырвался вопль, исполненный предельной боли и невероятного страдания — как физического, так и нравственного. Такой вопль вряд ли мог бы издать даже пациент, осознавший, что врач вырвал ему без наркоза здоровый зуб вместо больного.

— Так он же квадратный!!!

Рабочие, боком заносящие квадратный стол в дверь, перестали пыхтеть и разом вздрогнули. В ближайших зданиях миссии задребезжали стекла. Круживший высоко в небе летучий кот с пронзительным мявом сорвался в штопор. Посланник же усмехнулся чуть снисходительно, не обратив внимания на нарушение тишины и субординации.

— У нас с вами немного разные специальности, коллега. Дипкурьер возит почту, дипломат трансформирует реальность в желательном направлении. Хотя бы только на словах. Я сказал вождям, что этот стол круглый, вот и все. Они ведь все равно не знают, что такое круг.

Виссарион лишь хватал ртом воздух, как сорвавшийся с веревки висельник.

— Конечно, можно было обрезать и скруглить углы квадратного стола, но вышла бы халтура, — доброжелательным тоном продолжал посланник. — У нас ведь нет краснодеревщика. Пришлось выходить из щекотливого положения своими силами, вот мы из него и вышли, не так ли? Постойте, не падайте!.. Зачем вы... Эй, люди!..

На следующий день чисто вымытый, облепленный пластырями, обложенный подушками и промытый изнутри всевозможными растворами Виссарион окреп настолько, что сумел привстать навстречу посетившему медпункт посланнику и задать мучивший его вопрос:

— Послушайте, но как же вы потом объясните туземцам, что такое круг на самом деле? Ведь с ними будут развиваться какие-то отношения, налаживаться взаимопонимание?..

— Несомненно.

— Но тогда, черт возьми, как?!

Лицо посланника излучало снисходительность и дружелюбие.

— Оставьте будущее аналитикам, а геометрию математикам, коллега. Политика — искусство реального, а будущее не является реальностью, данной нам в ощущениях. Проблема решается тогда, когда она возникает. И уж будьте уверены — данная чепуховая проблемка будет легко решена политическими средствами. В свое время.

— Внесением раскола между туземцами по поводу формы сакрального предмета? — горько предположил Виссарион. — Религиозными войнами между кругло-кругликами и кругло-квадратниками? Местные племена, конечно, все равно передерутся рано или поздно, а нам лучше иметь дело с двумя воюющими сторонами, чем с двадцатью. И прогресс какой-никакой, и легче оказывать давление...

Не окончив, он застонал, а посланник, задумавшись на несколько секунд, вдруг улыбнулся широко и обаятельно:

— Послушайте, коллега, а вы никогда не думали о том, чтобы сменить специальность? Могу оказать содействие. Я вижу, вы схватываете на лету, а мне здесь очень нужен толковый помощник...

— Наймите лучше для миссии краснодеревщика, — ответил Виссарион, тщетно пытаясь разглядеть, есть ли что-нибудь под маской дружелюбия, и неожиданно добавил: — И ветеринара — для себя!

На следующий день он самовольно встал на ноги. Сутки он ходил потерянный, не находя себе места. Не мылся, не брился, ни с кем не разговаривал. Забрел на кухню поесть — и только. Послал подальше приставучего врача, вздумавшего было настаивать на соблюдении постельного режима и всех назначенных процедур. А утром, заприметив шестерых дюжих рабочих, тащивших доставленный им стол в направлении свалки, Виссарион издал яростный боевой клич, заставивший рабочих уронить несомое, и в полминуты разогнал кулаками всех шестерых, пригрозив напоследок выпустить кишки из каждого, кто вздумает ему мешать. После чего счастливо засмеялся, крякнул и сноровисто покатил стол по гладкой равнине. Все дальше и дальше от миссии. За горизонт.

Больше его не видели.

Врач, правда, настаивал на том, чтобы догнать явно помешавшегося дипкурьера и вернуть его назад запакованным в смирительную рубашку, однако охотников догонять и запаковывать не нашлось. Посланник, поразмыслив, заявил, что никакой проблемы нет, так как безумный дипкурьер, несомненно, вернется сам, чуть только проголодается.

Он ошибся. Осталось неизвестным, насколько Виссарион проголодался, но то, что он никогда не вернулся, установлено вполне достоверно.

Второй факт, столь же достоверный, но куда более удивительный, был установлен лет через сто пятьдесят после описанных событий, когда на вторую планету Беты Скунса прибыла этнографическая экспедиция. В довольно-таки скучном фольклоре аборигенов была обнаружена истинная жемчужина: легенда о рыцаре Круглого Стола. Почему-то только об одном-единственном рыцаре, без упоминания о его коллегах и сюзерене. Тем не менее эта легенда послужила основой для капитальной монографии доктора истории Арчибальда Поппельбаума, в которой старая, как мир, проблема палеоконтактов трактуется с совершенно неожиданной стороны.

❑

МАЙК РЕЗНИК

СЛОНЫ

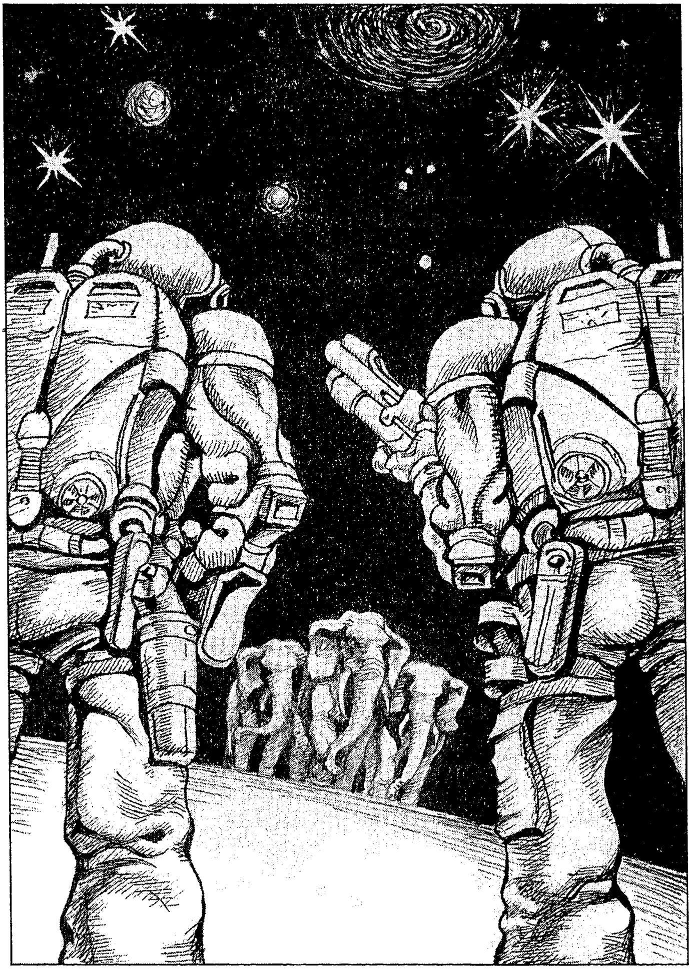


Иллюстрация Владимира ОВЧИННИКОВА

НА ПЛАНЕТЕ НЕПТУН

Слоны на Нептуне вели идиллическую жизнь.

Никогда не голодали и не болели. Среди них не было хищников. Они никогда не воевали. Не возникало повода. Рождаемость и смертность уравновешивали друг друга. Животные не страдали от паразитов ни снаружи, ни внутри.

Стадо путешествовало со скоростью, подходящей для самых маленьких и слабых особей. Они не бросали старых и дряхлых.

Они были выдающейся расой, эти слоны планеты Нептун. Они жили в мире и покое, они никогда не спорили между собой, старики были великодушны, молодые — вежливы. Когда малыш рождался, все стадо праздновало это событие. Когда старик умирал, все стадо скорбно оплакивало его уход. Меж слонов не было ни злобной вражды, ни мелочной зависти, ни затаенных обид.

Только одно мешало объявить этот край Слонотопией — то, что слон ничего не забывает.

Никогда.

Как бы ни старался.

Когда в 2473 году люди наконец «принептунились», слоны страшно встревожились. Тем не менее они приблизились к космическому кораблю, исполненные дружелюбия и доброй воли.

Люди тоже волновались. Всевозможные исследования Нептуна говорили о том, что планета — газовый гигант, а они твердо стояли на поверхности. И если результаты исследования ошибочны, кто знает, что еще может быть не так?

Высокий человек ступил на твердую поверхность. Потом другой. За ним — третий. Через некоторое время вышли все, и оказалось, что людей примерно столько же, сколько и слонов.

— Черт меня побери! — воскликнул предводитель людей. — Вы слоны!

— А вы люди! — нервно откликнулись слоны.

— Правильно, — сказали люди. — Именем нашего правительства мы объявляем планету собственностью Объединенной Федерации Земли!

— Неужели вы объединились? — вежливо спросили слоны, облегченно вздохнув.

— Ну, выжившие... — ответили люди.

— А вот эти ружья, что у вас в руках, они выглядят несколько зловеще, — заметили слоны, опасливо отступая.

— Это элемент нашей формы, — пояснили люди. — Не о чем волноваться. Почему мы должны обижать вас? Между людьми и слонами всегда существовала тесная связь.

Но слоны помнили, что это была за «тесная связь».

326 год до нашей эры

Александр Великий и Пор, владыка Пенджаба в Индии, встретились в бою на реке Желум. В армии Пора Александр впервые увидел боевых слонов. Он изучил ситуацию, потом послал своих людей ночью, чтобы те поразили самые чувствительные места животных: хоботы и животы. От боли слоны обезумели и стали крушить все вокруг и убивать всех людей в пределах досягаемости — своих хозяев и дрессировщиков. После великой победы Александр Македонский истребил оставшихся слонов, чтобы больше не встречаться с ними в бою.

217 год до нашей эры

Первая стычка между двумя видами слонов. Птолемей IV выставил своих африканских слонов против индийских великанов царя Антиоха.

Слоны планеты Нептун совершенно не поняли, кто победил в этой войне, но отлично знали, кто проиграл. Ни один слон не выжил.

Чуть позже 217 года до нашей эры

Пока Птолемей воевал в Сирии, Ганнибал взял 37 слонов с собой через Альпы, чтобы сразиться с римлянами. Четырнадцать несчастных животных замерзли насмерть, а остальные прожили немного дольше: они успели принять на себя удар тысяч вражеских копий, пока Ганнибал выигрывал битву при Каннах.

— Нам с вами надо поговорить об очень важных вещах, — продолжали люди. — Например, атмосфера Нептуна содержит крайне малый процент кислорода. Как вы дышите?

— Через нос, — ответили слоны.

— Мы задали серьезный вопрос, — грозно сказали люди, поглаживая оружие.

— Мы и ответили серьезно, по-другому мы просто не умеем, — объяснили слоны. — Юмор подразумевает, что кто-то станет объектом насмешки, а нам это представляется жестоким.

— Ладно, — согласились люди. Они были смутно недовольны ответом, может, потому что не поняли его. — Попробуем следующий вопрос. Каким образом мы с вами общаемся? У вас нет передатчиков, а мы в шлемах не можем слышать ничего, кроме переговорной волны, на которую настроен наш экипаж.

— Мы общаемся на психической волне, — пояснили слоны.

— Звучит не слишком научно, — съязвили люди. — Вы уверены, что это не телепатия?

— Нет, хотя конечный результат тот же, — ответили слоны. — Мы знаем, что вам кажется, будто мы говорим по-английски, только вот тот человек с краю слева понимает нас на иврите.

— А как мы для вас звучим? — спросили люди.

— Как тихое и благородное ворчание в желудке.

— Очаровательно, — буркнули люди, имея в виду «отвратительно».

— Знаете ли вы, что по-настоящему очаровательно? — отозвались слоны. — То, что вы включили в экипаж еврея. — Тут они заметили недоумение людей и объяснили: — Мы всегда чувствовали, что соревнуемся с евреями в странном состязании — кого из нас раньше изничтожат. Мы обычно называли себя евреями царства зверей. — Слоны повернулись к еврейскому космонавту: — А евреи не чувствовали себя слонами царства людей?

— Таки нет, пока вы это не подметили, — неожиданно для самого себя согласился еврейский космонавт.

42 год до нашей эры

Римляне собрали пленников-евреев на арене в Александрии и выпустили на них испуганных и растерянных слонов. Зрители прыгали, кричали и размахивали руками, требуя крови, и слоны, вечно ведущие себя совсем не так, как от них ожидается, атаковали зрителей, доказывая раз и навсегда, что нельзя доверять толстокожим.

Когда пыль опустилась, евреи почувствовали, что события дня вновь удостоверили их причастность к избранникам Божиим. Однако римляне их таковыми не сочли. После того как солдаты поубивали всех слонов, они предали мечу иудеев.

— Мы не обвиняем его в том, что он еврей, — сказали люди, — как не обвиняем любого из вас в том, что он слон.

— Верится с трудом, — заметили слоны.

— Неужели? — удивились люди. — Тогда примите во внимание, что индийцы — хорошие парни из Индии, а не злобные американские индейцы — поклоняются Ганеше, слоноголовому богу.

— Мы этого не знали, — признались слоны, пораженные больше, чем хотели показать. — Индийцы до сих пор почитают Ганешу?

— Ну, почитали бы, если бы мы не перебили их всех, когда защищали тамошнее правительство, — заверили люди и добавили: — И к тому времени слонов уже не использовали для ведения боев. Разве это не достойно благодарности?

Их последняя битва произошла, когда Тамерлан пошел войной против султана Махмуда. Тамерлан победил хитростью. Он привязал ветки к рогам буйволов, поджег их и погнал стадо на слонов Махмуда. Эта та-

ктика положила конец использованию слона в качестве военной машины: буйволов гораздо дешевле покупать и содержать.

Всех оставшихся ручных слонов стали тренировать для поединков, похожих на петушиные бои, только масштабнее. Гораздо масштабнее. Этот так называемый спорт стал дико популярен лет на тридцать или сорок, пока не закончились все участники.

— Мы не только поклонялись вам, — продолжали люди, — мы фактически назвали в вашу честь целую страну — Берег Слоновой Кости. Разве это не доказывает наши добрые намерения?

— Не в нашу честь, — сказали слоны, — а в честь той части наших тел, из-за которой вы нас всегда убивали.

— Вы чересчур мрачно смотрите на вещи, — заметили люди. — Мы могли дать название стране в честь какого-нибудь мелкого политического деятеля с фамилией без единой гласной.

— Кстати, о Береге Слоновой Кости, — вспомнили слоны. — Знаете ли вы, что первые инопланетяне высадились на Землю в 1883 году именно там?

— И как они выглядели? — спросили люди.

— У них были экзоскелеты из слоновой кости, — ответили слоны. — Они лишь взглянули на кровавую бойню и отбыли восвояси.

— А вы уверены, что это не пустые выдумки? — засомневались люди.

— Зачем бы мы стали лгать задним числом? — удивились слоны.

— Может, по привычке, — предположили люди.

— Нет, — уверили слоны. — Мы привыкли говорить только правду. Наша трагедия в том, что мы всегда об этом помним.

Тут люди решили, что пора бы сделать перерыв — пообедать, откликнуться на зов природы и отчитаться Центру управления экспедицией о находках на местности. Они вновь поднялись на корабль, кроме одного, который замешкался позади.

Слоны тоже разошлись, кроме одного могучего самца.

— Если меня не обманывает интуиция, у тебя есть заветный вопрос, — обратился он к оставшемуся человеку.

— Да, — откликнулся тот. — У вас такое тонкое обоняние, как же охотники могут незаметно подкрадываться к вам?

— Величайшие охотники на слонов были из племени Вандеробо, жили в Кении и Уганде. Чтобы незаметно приблизиться к нам, они прятали свой собственный запах под толстым слоем наших фекалий: обмазывались с головы до ног...

— Ага, — кивнул человек. — В этом есть смысл.

— Возможно, — признал слон и гордо добавил, исполненный достоинства: — Но если бы мы поменялись ролями, я бы скорее умер, чем покрыл себя вашим дерьмом.

Он отвернулся и отправился к товарищам.

Среди многочисленных миров галактики Нептун уникален. Он единственный активно признает трюизм, что все меняется, и действует методами, приближенными к магии.

По причинам, которых слоны не могли ни определить, ни объяснить, Нептун способствовал метаморфозам. Не обычной адаптации, хотя люди не могли отрицать, что привыкли к атмосфере и климату, а также к пульсирующей поверхности планеты и отсутствию акаций — но превращениям. Слоны нутром чуяли, что Нептун каким-то образом наделил их способностью развиваться в любом направлении, но никогда не злоупотребляли этим даром.

Поскольку они были слонами, а следовательно, не знали злобной зависти, они жалели, что люди не способны эволюционировать до такой степени, чтобы отбросить свои громоздкие скафандры и неуклюжие шлемы и гулять легко и свободно вдоль и поперек этой совершеннейшей из планет.

Когда люди выбрались из корабля и уверенно зашагали по поверхности Нептуна к месту встречи, слоны их уже ждали.

— Забавно, — усмехнулся командир.

— Что именно? — спросили слоны.

Командир хмуро уставился на них:

— Вы кажетесь меньше.

— А мы хотели сказать, что вы кажетесь больше, — откликнулись слоны.

— Это почти так же глупо, как моя последняя беседа с Центром управления, — сказал командир. — Они утверждают, что на Нептуне нет никаких слонов.

— Кто же мы, по их мнению? — удивились слоны.

— Галлюцинации или космические монстры, — ответил командир. — Если вы глюки, нам предложено игнорировать вас.

Казалось, он ждет вопроса о том, что же предложили сделать с космическими монстрами. Но слоны, когда захотят, могут быть упрямыми, как люди, и они не выказали своего любопытства.

Люди молча глазели на слонов в течение минут пяти. Слоны молча смотрели на людей.

Наконец командир вновь заговорил:

— Вы позволите мне отойти на минутку? У меня вдруг возникла настоятельная потребность пожевать какой-нибудь зелени.

И он направился к кораблю.

Остальные люди несколько секунд смущенно шаркали ногами.

— Что-то не так? — осведомились слоны.

— Это мы становимся больше или вы становитесь меньше? — вопросили люди.

— Да, — ответили слоны.

Тут вернулся командир людей и занял свое место напротив слонов.

— Теперь я чувствую себя гораздо лучше, — сказал он.

— Ты и выглядишь лучше, — согласились слоны. — Как-то даже симпатичнее.

— Правда? — обрадовался командир, явно польщенный.

— Ты самый красивый космонавт своего вида, какого мы когда-либо встречали, — правдиво похвалили слоны. — Особенно нам нравятся твои уши.

— Да? — командир слегка похлопал по ним руками. — Раньше их никто не замечал.

— Явное упущение, — заметили слоны.

— Кстати, об ушах, — встрепенулся командир. — Вы африканские слоны или индийские? Утром мне казалось, что африканские, — у которых уши больше, верно? — а теперь я что-то не уверен...

— Мы нептунские слоны, — был ответ.

— Ясно.

Следующий час стороны обменивались любезностями, а потом люди подняли глаза к небу.

— Куда это солнце подевалось?

— Ночь, — объяснили слоны. — Наши сутки составляют всего четырнадцать часов: семь часов света и семь — темноты.

— Не так уж ярко оно и светило, — пожал плечами один человек, громко хлопнув ушами.

— У нас плохое зрение, так что мы его почти не замечаем, — сказали слоны. — Мы больше полагаемся на обоняние и слух.

Казалось, людям было неловко. Наконец они обратились к командиру:

— Можно нам отлучиться на минутку, сэр?

— Зачем это?

— Мы вдруг проголодались, — ответили люди.

— А я собираюсь посетить туалет, — нескромно заметил один.

— И я, — признался другой.

— Я тоже, — присоединился третий.

— Ребята, с вами все в порядке? — забеспокоился командир, сморщив огромный нос.

— Я великолепно себя чувствую, — ответил ближайший член экипажа. — Могу съесть целую лошадь!

Остальные состроили недовольные гримасы.

— Ну, небольшую рощицу, я хотел сказать, — смущенно поправился он.

— Разрешаю, — одобрил командир. Люди поспешно двинулись к кораблю. — И принесите мне пучок латука и, может, пару яблок, — крикнул он вслед товарищам.

— Ты можешь к ним присоединиться, если хочешь, — кивнули слоны, которые пришли к неожиданному заключению, что мысль съесть лошадь совсем не так отвратительна, как им казалось до сих пор.

— Нет, моя работа — устанавливать контакты с инопланетянами, — объяснил командир. — Хотя, если приглядеться повнимательней, не такие уж вы иные, как мы ожидали.

— А вы абсолютно такие люди, как мы и думали, — откликнулись слоны.

— Принимаю это как лучший комплимент, — сказал командир. — Но я ожидал несколько большего от вас, наших исконных друзей.

— Исконных друзей? — повторили слоны, которые уже думали, что люди не смогут их ничем удивить.

— Конечно. Даже после того, как вы перестали помогать нам в войнах, мы всегда по-особому относились к вам.

— Неужели?

— Точно! Вот, например, Финеас Барнум* сделал некоего Джамбо мировой суперзнаменитостью. Этот слон жил по-королевски, ну, до тех пор, пока его случайно не переехал поезд...

— Не хочется показаться циничными, — засомневались слоны, — но как можно случайно задавить семитонную громадину?

— В первую очередь, — засветился гордостью командир, — следует изобрести паровоз. Как бы то ни было, вы должны признать, что люди могут похвастать многими великими свершениями: двигатель внутреннего сгорания, расщепление атома, полеты к другим планетам, излечение рака... — он задумался. — Я никоим образом не хочу унизить вас, но, если по-честному, какие ваши достижения могут сравниться с нашими?

** Финеас Барнум (1810 — 1891) — создатель Американского Музея, своеобразной коллекции уродов — людей и животных. Не брезговал самым бессовестным обманом. так, например, купил рабыню и перепродал ее как необыкновенную долгожительницу (161 год). В организованном позже цирке. названном Величайшим шоу Земли. демонстрировался слон Джамбо: животное якобы переносилось из лондонского зоопарка в Соединенные Штаты*

— Мы проживаем наши жизни свободными от греха, — просто сказали слоны. — Мы уважаем верования друг друга, мы не вредим окружающей среде, и мы никогда не развязывали войн с другими слонами.

— И вы сравниваете подобные глупости с трансплантацией сердца, кремниевым чипом и трехмерным телеэкраном? — снисходительно усмехнулся командир.

— Наши устремления отличаются от ваших, — пояснили слоны. — Но мы гордимся нашими героями точно так же, как и вы своими.

— У вас есть герои? — воскликнул командир, не в силах скрыть удивления.

— Конечно. — И слоны прочли наизусть почетный список: — Килиманджарский Слон. Селемунди. Мохаммед из Марсабита. Великолепная семерка из парка Крюгера: Мафуньян, Шингведжи, Камбаки, Хоао, Джомбо, Ндлуламифи и Фелвейн.

— И они здесь, на Нептуне? — спрашивал командир, а его экипаж тем временем выходил из корабля к месту переговоров.

— Нет, — ответили слоны. — Вы их всех поубивали.

— Наверняка на то были веские причины, — настаивали люди.

— Герои жили рядом с вами, и у них была изумительная слоновая кость.

— Ага! — обрадовались люди. — Мы же знали, что причина существовала!

Слонам не очень понравился ответ, но врожденная тактичность не позволила им сказать об этом.

Стороны обменивались мнениями, правдивыми и не очень, всю короткую нептунскую ночь. Когда солнце снова осветило окрестности, люди не сдержали возгласов удивления.

— Взгляните на себя, — закричали они. — Что происходит?

— Мы устали передвигаться на четвереньках, — пожали плечами слоны. — И решили, что гораздо удобнее ходить прямо.

— А где ваши хоботы? — указали люди.

— Втянулись.

— Вот черт! — выругались люди. Потом они посмотрели друг на друга: — А если подумать, то чертовщина-то вот где! Шлемы и скафандры нам малы!

— А наши уши болтаются на ветру, — заметил командир.

— И носы стали длиннее, — пожаловался его товарищ.

— Это очень сбивает с толку, — задумался командир и добавил, обращаясь к слонам: — Хотя, с другой стороны, сегодня я не злюсь на вас так, как вчера. Интересно, почему?

— Мы сами не в курсе, — ответили слоны, которых начали раздражать его жалобы.

— Но это правда, — простонал командир. — Сегодня мне кажется, что каждый слон во Вселенной — мой лучший друг.

— Жаль, что у вас не возникало таких ощущений раньше, когда это имело какое-то значение, — заявили слоны. — Да вы убили шестнадцать миллионов наших братьев в одном только двадцатом веке!

— Но мы же исправили ошибку, — заметили люди. — Мы устроили парки, чтобы защищать вас.

— Верно, — признали слоны. — Но в процессе их строительства изгадили почти все естественные места нашего обитания. Потом вы решили отбраковывать лишних, чтобы не истощать природу в парках... — они выдержали драматическую паузу. — И это случилось, когда Землю вновь посетили инопланетяне. Они изучили метод защиты через выбраковку, определили Землю как последний приют придурочных идиотов и решили больше никогда в будущем с вами не связываться.

По пухлым щекам людей потекли слезы:

— Мы осознаем весь ужас произошедшего, — плакали они. Некоторые утирали глаза толстыми ладошками, на которых, казалось, срастались пальцы.

— Может, нам стоит вернуться на корабль и обсудить проблему, — сказал командир людей, растерянно озираясь в поисках достаточно крупного аналога носового платка. — Кроме того, мне требуется посетить санузел.

— И я возвращаюсь, — согласился его товарищ. — Чур, капусту мне!

— Ребята, — подал голос еще один космонавт. — Знаю, что это глупо, но на четырех ногах ходить гораздо удобнее.

Слоны подождали, пока все люди окажутся на корабле, и пошли по своим делам, что само по себе поразило их, потому что до прихода людей у слонов не было никаких дел.

— Знаешь, — доверительно сообщил один слон другому. — Что-то мне вдруг захотелось попробовать гамбургер.

— А я хочу пива, — задумался другой. — Интересно, сегодня по интеркосмосу будут передавать футбол?

— И впрямь забавно, — усмехнулся третий. — Мне страшно хочется изменить своей жене, хотя я даже не женат.

Исполненные неясной тревоги слоны впали в беспокойный сон без сновидений.

Шерлок Холмс как-то заметил, что исключив невозможное, вы получите истину, какой бы невероятной она ни была.

Джозеф Конрад назвал истину цветком, в соседстве с которым блекнут все остальные слова.

Уолт Уитмен предположил, что лишь истина умиротворяет душу.

Нептун довел бы всех троих до неистовства.

«Правда — это сон, пока мой сон правдив», — заявил Джордж Сантаяна.

Он был достаточно безумен, чтобы сделать это заявление на Нептуне.

— Мы тут задумались, — сказали люди, когда обе группы встретились на следующее утро, — что же произошло с последним слоном на Земле?

— Его звали Джамал, — объяснили слоны. — Кто-то пристрелил его.

— А где его можно увидеть или что-нибудь узнать о нем?

— Его правое ухо, похожее на изображение африканского континента, служит холстом для карты и находится во дворце президента Кении. Левое ухо слона перевернули — кстати, вы будете удивлены, узнав, сколько левых ушей веками просто выбрасывали, пока не догадались переворачивать — и нарисовали еще одну карту, которая теперь находится в музее Бомбея. Ноги Джамала превратили в стильный набор высоких табуретов, и в настоящее время они являются собственностью элитного бара мэтров шоу-бизнеса в Далласе, штат Техас. Один бивень выставлен в Британском музее, другой украшен резьбой и находится в витрине одного из магазинов Пекина. Хвост превратили в мухобойку: им с гордостью владеет один из последних вакерос в Аргентине.

— Мы даже не догадывались об этом, — искренне ужаснулись люди.

— Последние слова Джамала были: «Я прощаю вас», — продолжали слоны. — И он мгновенно вознесся в сферы, куда ни один человек даже не стремится.

Люди взглянули вверх, внимательно осмотрели небо и спросили:

— А отсюда видно?

— Сомневаемся, — откликнулись слоны.

Люди снова посмотрели на слонов — те еще немного изменились. Да и сами люди фактически обрели физический облик тех, на кого всегда охотились. Бивни, уши, ноги, хвосты — метаморфозы коснулись всего. Слоны же выглядели совершенно как люди, у них даже появились скафандры и шлемы.

Люди, напротив, выросли из своей одежды (которая рваными клочьями валялась неподалеку) и теперь общались между собой ворчащими звуками в животах.

— Надоело! — возмутились люди, которые уже не были людьми. —

Похоже, мы стали слонами. — И добавили: — Может, вы нам скажете, что слоны делают?

— Ладно, — согласились слоны, которые уже не были слонами. — В свободное время мы создаем новые системы ценностей, основанные на самоотверженности, всепрощении и семейных узах. Мы пытаемся объединить труды Канта, Декарта, Спинозы, Фомы Аквинского и епископа Беркли в нечто гораздо более мудрое и логичное, не забывая включить эмоциональные и эстетические ценности на каждой стадии.

— Ага, нам это представляется не лишенным интереса, — сказали новые слоны без особого энтузиазма. — А что еще мы можем делать?

— А еще, — новые космонавты направили на них «магнумы-475» фирмы «Холланд и Холланд» и «нитроэкспрессы-550», — вы можете умирать.

— Вы не сделаете этого! Вы сами вчера были слонами!

— Точно! Но сейчас-то мы люди.

— Но зачем надо убивать нас? — вопросили слоны.

— По привычке, — сказали люди, взводя курки.

Когда больше некого было убивать, люди, бывшие ранее слонами, поднялись на борт корабля и отважно отправились в космос в поисках новых форм жизни...

Многие виды живой материи появлялись и исчезали на планете Нептун. Девять раз самозарождались микробы. Тридцать семь делегаций инопланетян в разное время посещали планету. Нептун перенес 43 войны, из них пять атомных. Он пережил 1026 религий, ни одна из которых не обладала универсальной истиной. Большая часть огромного полотна галактической истории разворачивалась на многострадальной поверхности Нептуна, к радости или зависти любого другого мира Солнечной системы.

Конечно, планеты не могут предлагать свое мнение, но если бы они могли, Нептун почти наверняка сказал бы, что самыми интересными созданиями, навещавшими его, были слоны, чьи благородные манеры, уникальные проекты и оригинальные планы на будущее остались свежи в его памяти. Он оплакивает факт, что они пресекли свои жизни собственноручно. Или вроде того.

Лучше не спрашивайте, каких слонов имеет в виду Нептун: старых новых слонов, которые начали жизнь как убийцы, или новых старых слонов, которые закончили жизнь как убийцы.

Нептун очень не любит подобных вопросов.

Перевела с английского
Татьяна МУРИНА

И СЕЛИ ОНИ В РАКЕТУ...

20-е годы

И сели они в ракету, и полетели покорять Марс. И обнаружили там марсиан, и помогли им сделать революцию и построить коммунизм.

30—40-е годы

И сели они в ракету, и полетели — но не на Марс, как предлагали враги и предатели, а к великим стройкам пятилетки. И при помощи ракетных дюз согревали воду для строителей, отчего жить становилось все лучше и веселей.

50-е годы

И сели они в ракету, и полетели покорять Марс. И умудрились добраться вперед американцев — благодаря находчивости и самоотверженности командира, который закрыл пробоину в обшивке корабля собственным телом (как установила потом государственная комиссия, причиной пробоины стал метеорит, подосланный агентами ЦРУ).

60-е годы

И сели они в ракету, и полетели покорять Марс. И долго сомневались, этично ли это будет.

70-е годы

И сели они в ракету, и полетели покорять Марс. И очень расстроились, поскольку там никого не оказалось... Неужели мы одни во Вселенной?!!

80-е годы

И сели они в ракету, и не полетели. И выяснили, что все оборудование — и двигатели, и скафандры, и даже кресла — украдено еще на заводах-изготовителях. И собрались уже было обратиться в прокуратуру, как вдруг прочитали в газетах, что их полет состоялся и даже прошел успешно.

90-е годы

И сели они в ракету, и полетели покорять Марс. И долго сражались за южную систему каналов, но в результате стали Императорами Галактики.

0-е годы

И сели ани в рокету, и палители...

Александр РОЙФЕ

Виктор МЯСНИКОВ

ПОГРАНИЧНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ

Вы заметили любопытное явление, утвердившееся на российском литературном поле: с одной стороны, взаимоотношения между фантастикой и Большой Литературой остаются, мягко говоря, прохладными, с другой же, наблюдается весьма активное проникновение авторов «толстых журналов» на территорию «условного противника». Ведь и в самом деле, современная проза мэйнстрима все чаще использует приемы, свойственные НФ и фэнтези. Фантастика в мэйнстриме — тема интересная, и мы попросили в ней разобраться московского писателя и критика.

В библиографических списках произведений фантастики встречается множество авторов, которых к фантастам причислить можно лишь с большой натяжкой. И далеко не все произведения, включенные в реестры, имеют право называться фантастическими. Зачастую речь идет лишь об элементах фантастики в сюжете. Конечно, «Аэлита» и «Гиперболоид инженера Гарина» Алексея Толстого — это в чистом виде НФ-романы, как и «Роковые яйца» Михаила Булгакова, а вот «Мастер и Маргарита» — уже нечто другое. В библиографии этот роман включают, а вот печатать в жанровой книжной серии никто не решается. Прием — это еще не жанр. Между литературой жанровой, сюжетной и так называемой высокой (или мэйнстримом) есть четкая граница, более похожая на пропасть. Перепрыгнуть ее, увы, затруднительно. Произведение остается там, где оно родилось. Это как граница между хоккеем и балетом на льду, наличие коньков их не уравнивает. Так что и сравнивать бесполезно — оценочные критерии разные.

Поэтому стоит разобраться, с какой целью и каким образом в мэйнстриме используются элементы фантастики. Почему произведения, по всем внешним признакам являющиеся фантастическими, ни литературной критикой, ни интеллектуальным истеблишментом, ни издателями, ни самими авторами зачастую таковыми не признаются.

* * *

Начать, пожалуй, следует с самого нашумевшего фантастического мэйнстримовского романа последних лет — антиутопии «Кысь» Татьяны Толстой.

Зачинается произведение самым что ни на есть «классическим» способом: «Бенедикт натянул валенки, <...> вышел на крыльцо и потянул носом морозный чистый воздух. Эх и хорошо же!» Так и повеяло незабвенным ильфо-петровским Ромуальдычем, который нюхнул портянку и ажно заколдыбался. Классики отечественной сатиры откровенно пародировали посконную прозу своего времени, а Толстая подобным цитированием ставит читателя в тупик: принимать ли ее роман всерьез? Тем более, что весь он написан таким искусственно-посконным языком.

Действие «Кыси» разворачивается спустя двести лет после некоего Взрыва, отбросившего Россию, а может, и всю земную цивилизацию в глухое средневековье. Причем, буквально. У выживших начисто отшибло память. Пропал не только разговорный русский язык конца XX века, но и канцелярит почти не сохранился, как и жаргонные словечки, которыми так безобразно насыщена наша современная речь. И все заговорили на каком-то лубочно-сусальном языке. Логики в этом нет никакой, зато явственно виден метод создания фантастических реалий — перевертыш. Нынешняя городская речь заменена на прямо противоположную — сельскую, старинную, с шутками-прибаутками, скоморошную, ласковую и любезную до приторной сахарности. Голубчики — так называют себя жители Федор-Кузьмичска.

Если попросить ребенка нарисовать фантастического зверя, что он сделает? К телу коровы пририсует голову крокодила с рогами и петушиным гребнем, львиные лапы, собачий хвост и птичьи крылья. То есть возьмет знакомые, вполне реальные элементы и скомбинирует из них нечто по привычной схеме. Нечетное количество лап и глаза на животе — это уже более высокий уровень творческой фантазии, доступный только детям подготовленным, преодолевшим первый уровень детского фантазирования. Точно так же и фантастическую реальность ребенок создает на доступном ему уровне — придает предметам и существам чужие свойства. Звери по небу летают, рыбы посуху гуляют — вот стандартный детский уровень.

Именно на таком первичном уровне работает фантазия Татьяны Толстой. Юркие зайцы прыгают по деревьям, куры осенью сбиваются в стаи и подаются на юг. Те и другие не просто несъедобны, а ядовиты. Зато мыши вполне съедобны, желанны на каждом столе и дают не только ценный мех, но и сало свечное.

Отброшенные в средневековье голубчики знают грамоту. Но алфавит у них наш, послереформенный, освобожденный от «ятя», «ижицы» и еще нескольких избыточных знаков. Толстая даже приводит весь список современных русских букв и добавляет: «А еще, конечно, наука всякой букве научное название дает: «люди», а то «живете», а то «червь».

Этими «аз», «буки», «веди» по порядку обозначены все главы романа. Их тридцать три, по количеству известных всем букв. Но если заглянуть в оглавление и просмотреть весь список, то азбука Татьяны Толстой не совпадет с той, что она же приводит в тексте. Буква «р» пропала, зато появилось «и» десятеричное. Три последние буквы алфавита — «ять», «фита», «ижица». При том, что буква «ф» уже имеется — «ферт». А уж «ю» вполне могла бы предстать «юсом».

Конечно, я придираюсь. Так ведь есть к чему! Такая неразбериха с алфавитом свидетельство не просто небрежения автора, а непродуманности фантастического мира Татьяны Толстой. Фантаст-профессионал такого себе никогда не позволит. Толстая, будучи профессионалом мэйнстримовской прозы, настоящим художником слова, тем не менее выступает в фантастике как дилетант, любитель. Совершенно очевидно, что с современной российской фантастикой она не знакома и имеет самые общие представления о принципах создания произведений этого направления. Поэтому в этом смысле ее творческий метод откровенно примитивен.

Смогла бы Татьяна Толстая создать более убедительный и логичный фантастический мир? Разумеется, да! За четырнадцать лет, потраченных на ваяние «Кыси», талантливый дилетант сумел бы не только освоить все приемы фантастической прозы, но и развить их, и создать новые. Просто Толстой это ни к чему, перед ней стояла иная задача. Она писала роман не о возрождении цивилизации, не о борьбе за выживание. «Кысь» — это желчная сатира на «ЭНТЕЛЕГЕНЦЫЮ» с «ОНЕВЕРСТЕЦКИМ АБРАЗАВАНИЕМ», социальных и творческих импотентов, строгающих деревянных «пушкиных», диссидентствующих болтунов. Это роман о беспросветной тупости зачуханных «голубчиков». О том, что литература никого не делает лучше, поскольку воспринимается «голубчиками» исключительно потребительски, как «безмысленное чтиво», тяга к которому сродни тяге к набиванию желудка. Зачем же создавать убедительный мир? Логичное развитие событий и характеров, наоборот, разрушило бы авторский замысел. Герои вышли бы из подчинения и начали жить своей жизнью, чего Татьяна Толстая никак не могла позволить.

В сущности, «Кысь» глубоко антагонистична сюжетной фантастической прозе. Ведь фантастика в представлении интеллектуального истеблишмента — то самое «безмысленное чтиво» для «голубчиков». Увлекательное, затягивающее, но бесполезное, потому что «голубчики» не способны воспринимать и понимать литературу мэйнстрима, усваивая только поверхностный, сюжетный, буквальный слой текста, не проникая вглубь.

Сам по себе выбор писателем жанра антиутопии зачастую носит вынужденный характер. В нашу быстро меняющуюся эпоху автору, особенно работающему в крупной форме, трудно поспеть за реалиями времени, да еще и осмыслить их Большое ведь видится на расстоянии, а это расстояние никак не образуется. И если браться за сатирическое произведение, то антиутопия оказывается самой удобной формой. Любые нынешние ситуации и явления можно смоделировать в их развитии в сторону абсурда, эксплуатируя фантастический гротеск. И фантастическая составляющая здесь служит вспомогательным средством, а не основой. В романе Татьяны Толстой использован не принцип создания фантастического произведения, а принцип отказа от современных реалий с целью исследования современной, на взгляд писателя, психологии и социально-нравственных проблем российского общества методом сатирического гротеска. И фантастический мир «Кыси» служит исключительно для обоснования этого гротеска, для расширения пространства свободы авторской мысли.

* * *

Другой нашумевший роман последних лет — «Укус ангела» Павла Крусанова — своего рода зеркальная противоположность «Кыси». Это тоже антиутопия, просто в романе Толстой действие происходит после катастрофы, а у Крусанова до нее. Оба романа «имперские». Но Толстая выражает точку зрения либеральной интеллигенции, где самоуничижение и саморазвенчание имперского мышления доходит до нижнего предела, а Крусанов, напротив, создает эпическое полотно, империю возвеличивающее. Что, однако, не уберегает ее от краха, поскольку тоталитарная система неизбежно сама себя уничтожает. Имперская утопия логично превращается в антиутопию.

Разные задачи, естественно, требуют разных средств. Поскольку возродить Российскую империю обычными экономическими и политическими средствами невозможно, на помощь писателю приходит магия. Как в анекдоте: «Есть два способа возрождения России — реалистический и фантастический. Реалистический — это когда прилетят инопланетяне и решат все проблемы, а фантастический — это когда наши люди бросят пить и начнут пахать, как китайцы». С этой точки зрения, «Укус ангела» абсолютно реалистичен, но и без китайцев Павел Крусанов не смог обойтись.

Но сначала несколько слов о современной утопии.

Коммунистическая утопия, основанная на сознательности граждан, создавалась не одним поколением советских писателей-фантастов. Но светлая идея себя исчерпала, и нынешние прозаики пошли проторенным историческим путем: империи воздвигаются огнем и мечом, а не силой убеждения, и держатся на насилии. Великая Ордусь, придуманная Хольмом ван Зайчиком и превратившаяся в некий утопический символ, где русский и китаец — братья навек, из фантастической версии альтернативной истории на наших глазах превращается в геополитическую идею. Многие убеждены, что Китай — естественный стратегический партнер России, и, объединив усилия, два эти государства могут превратиться в мировой полюс силы, способный противостоять диктату США и всего западного мира. И что же здесь фантастического? Сплошная публицистика. Лет сорок—пятьдесят назад такой публицистикой мог бы считаться сюжет с Соединенными Штатами Европы и распавшимся на пятнадцать—двадцать государств Советским Союзом.

Фантастическим государством Ордусь делает не идея союзного евразийского государства, а альтернативный исторический посыл — Золотая Орда не распалась, как все мировые империи, поскольку населявшие ее народы с принципиально несоединимыми менталитетами слились-таки в единую историческую общность — ордусский народ, а кто не захотел, тем глотки перерезали и хребты поломали. И подобно тому, как вполне серьезно ведется поиск легендарной Атлантиды, так и некоторые российские историки, политологи, публицисты и писатели ищут черты Ордуси в нынешней России.

То же делает и Крусанов.

Жанровой привязке «Укус ангела» поддается с трудом. Роман-фэнтези? Элемент сказочности в сюжете присутствует. Но он абсолютно неканонический: мать главного героя перерождается в уклейку и живет в пруду, а сам герой, Иван Некитаев, отдан на воспитание человеку-дереву.

Композиция романа, мягко говоря, нелинейна. События изложены не по порядку, а совершенно произвольно, словно автор случайным образом перемешал главы. Поэтому, кстати, Крусанову сразу поставили в вину подражание Павичу с его «Хазарским словарем». Но это один из стандартных приемов интеллектуального искусства, будь то кинематограф или литература. И это сигнал, который автор подает читателю: книга не для всех. Точно так же, как читатель фэнтези должен обладать определенным багажом знаний, так и читатель Крусанова обязан обладать определенной начитанностью. Без знания художественной литературы и знакомства с основами философии полноценное удовольствие от «Укуса ангела» не получить. Будьте любезны по ходу чтения поразмыслить, является ли князь Кошкин антитезой князю Мышкину, и вспомнить книгу Секацкого «Моги и их могущества». И подумать о философии власти, значении личности в истории и любовных отношениях между братом и сестрой.

Гремучая смесь из геополитики, публицистики, морально-нравственных проблем, социальной психологии, ницшеанства, евразийства и массы других жгучих ингредиентов нуждается в фантастическом сюжетном посыле лишь для внутренней организации. Сочные, кровоточащие куски прозы нанизаны на шампур «альтернативки». Вытащи шампур, и это уже будет иное блюдо. Если ограничить сюжет «российской сковородкой», не давая империи выплеснуться за нынешние границы, а вместо псов Гекаты использовать ядерное оружие, то получится политический памфлет. И многое выгорит и ужарится, сделав роман более постным и сухим. Можно выбросить и человека-дерево с матерью-уклейкой, но это лишь понизит уровень интеллектуальной игры. Зато станет понятно, что элемент фантастики не имеет в «Укусе ангела» решающего значения. Вот почему Михаил Крусанов категорически отказывается признать свой роман фантастическим. Для него, как для всякого автора интеллектуальной прозы, альтернативная история — способ раздвинуть границы существующей реальности, чтобы обогатить произведение дополнительными смыслами и идеями, а не сюжетными ходами.

* * *

Альтернативная история, пожалуй, самый популярный фантастический прием литературного мэйнстрима. Поскольку история — наука политизированная, это открывает широкие возможности для разного рода социально-политических версий, масштабных исторических вариаций, построения моделей общественного развития, сатирических памфлетов и тому подобного. Для современной России это особенно актуально.

В 2001 году шумный успех у литературных критиков снискал роман Дмитрия Быкова «Оправдание». Автор, сам критик и журналист, ведущий телевизионного политического шоу «ХОРОШО, БЫков», предложил смелое до эпатажности объяснение сталинских репрессий. Оказывается, это была такая система неестественного отбора, чтобы из наиболее стойких и надежных людей, способных вынести самые жестокие испытания и готовых принести себя в жертву, сформировать особый «Золотой легион». Именно эти, самые крепкие и мужественные, должны были спасти страну в будущей войне, а потом справиться с разрухой. Так и вышло: поздней осенью сорок первого года, пройдя подготовку в спецлагерях, они, сколоченные в «сибирские дивизии», отстояли Москву и перешли в контрнаступление.

Сюжет дает простор для публицистических отступлений и размышлений, раскрутки различных авторских идей. В принципе, все это могло быть изложено в каких-то газетных или журнальных статьях, но объем статьи недостаточен, чтобы развернуть мысль во всей красе. Романная форма позволяет целиком представить концепцию автора, детально выписать и художественно оформить, оживить образами героев, спроецировать на реальные исторические события и подвергнуть глубинному анализу. А заодно и поиграть в популярные игры: например, в «темные глубины психики» — садомазохизма в романе предостаточно. И прийти к выводу: империя ужасна, но Империя прекрасна. То есть перед нами снова «имперский» роман, характерный для периода ностальгии по великому прошлому, с симптоматическим обращением к альтернативной истории.

Роман Быкова едва не получил премию «Национальный бестселлер». На эту же премию претендовал еще один псевдоисторический роман — «Голая пионерка» Михаила Кононова. Вообще-то, это самая натуральная детская порнография, но выполненная в стилистике соц-арта. Автор, используя штампы советской идеологии и язык Михаила Зощенко, глумится над героикой Великой Отечественной. Фронт здесь похож на пионерский лагерь, но в нем всего одна пионерка по прозвищу Муха, каковую офицеры целого полка «употребляют» всеми мыслимыми способами. А идиотически инфантильная Муха, в которой высоколобые критики разглядели и Лолиту, и Богородицу, и Орлеанскую Деву, ночами совершает полеты в разных стратегических направлениях с невнятной целью и никаким результатом. Иногда при этом замечает в небе немецких валькирий.

Способность к полету — довольно распространенный способ показать возвышенную натуру девушек не от мира сего. Летала, например, главная героиня культового в 1970—1980 годах романа болгарского писателя Павла Вежинова «Барьер». Даже в рассказе-фантазии Ивана Тургенева «Призраки» есть летающая девушка.

В «Голой пионерке» это качество профанируется. Летает Муха не по причине возвышенной души, а потому что тронулась мозгами от ужасов войны и под воздействием коммунистической пропаганды. А еще потому, что Кононову явно не хватало сюжетного действия. Стратегические полеты никак не работают на сюжет, но позволяют раздуть произведение до романного объема. Вычеркни эти полеты, и роман сократится до повести. Фантастические перебивки, кроме того, периодически останавливают однообразный сексуальный конвейер, способный вогнать в тоску даже педофила-садиста.

Великая Отечественная послужила сюжетной канвой и для двухтомной эпопеи «Любовь мифогенных каст» Павла Пепперштейна (первый том — в соавторстве с Сергеем Ануфриевым). Главный герой, парторг Дунаев, после контузии еще и наедается галлюциногенных грибов. В результате он оказывается в иной реальности и узнает, что все сущее, равно как и придуманное, разделено на особые касты, яростно сражающиеся между собой. Параллельно войне на земле идет война между русскими фольклорно-литературными героями и персонажами западноевропейской литературной сказки. В общем, Колобок против Карлсона.

Роман, однако, не фантастический, а постмодернистский и постструктуралистский. Грубо говоря, литература исчерпала все сюжеты и идеи, поэтому остается только брать за основу чужих героев, заимствовать эпизоды и цитаты, играя ими, как ребенок с конструктором «Лего». Или адаптировать к нынешней жизни, как музыку Бетховена для мобильника.

Основной смысл постмодернистской прозы — игра со знакомыми и знаковыми образами. И чем дальше содержание от реальной жизни, чем сложнее зашифрованы образы, изощренней их взаимодействие, чем труднее все это для восприятия, тем элитарней произведение. Прибавьте к этому галлюциногенную психоделику, фрейдизм, матерную лексику, немного нарочитой китчевой пошлости и получится «проза не для всех». В «Любви мифогенных каст» абсолютно бредовое содержание с массой тончайших подробностей организовано по законам мифологии. Но если в романах фэнтези мифологическое пространство четко очерчено — «славянская» фэнтези, «западноевропейская» фэнтези, то Пепперштейн использует одновременно принципы всех мифов мира, вплоть до бушменских, в которых основным веществом для сотворения живых существ в сухой Калахари служит единственно возможный материал — свежий, пардон, кал. В итоге получился постмодернистский «интеллектуальный триллер», читатель которого занят не столько самим содержанием, сколько его раскодировкой.

* * *

Литературная игра с читателем, можно считать, уже оформилась в самостоятельный жанр. И главным направлением сделался римейк известных произведений. Особенно постарался в этом направлении издатель Захаров, крестный отец Бориса Акунина. Но если для «взрослого» читателя литературные поденщики перелицовывали классику, того же «Идиота» Ф.М.Достоевского, то для «юных» потребителей была заказана версия «Старика Хоттабыча». Некто Сергей Кладо под двусмысленным псевдонимом Обломов соорудил сказочно-фантастический и чудовищно косноязычный роман «Медный кувшин старика Хоттабыча». Знакомый всем сюжет был переписан по законам современной элитарной прозы, в коей маргинальные явления становятся центральными и обязательно наличие молодежного слэнга, марихуаны, компьютера и прочих атрибутов «современности».

Монополию Захарова на римейки нарушило издательство «Вагриус», выпустив авантюрно-плутовской роман «Кот» Сергея Буртяка. Заметьте, не сказочный, не фантастический, а авантюрно-плутовской, хотя в основе его лежит популярный сюжет Шарля Перро про Кота в сапогах. Кстати, кота, доставшегося в наследство герою романа Егору Мельникову, зовут Шарль. И здесь то же — «секс, наркотики, рок-н-ролл», интернет и слэнг. Кот материализуется в двойника Егора и делает за него всю работу: втирается в доверие к Королю — нефтяному магнату, соблазняет его дочь-Принцессу и выделывает прочие подобающие Коту штуки.

Между «Котом» и «Медным Хоттабычем» можно обнаружить массу сюжетных параллелей, поскольку сотворены они по единому рецепту. Но издатели категорически не желают относить их к фантастике, и для этого имеется теоретическое обоснование. Видите ли, в нынешнем стремительном мире у читателя нет времени глубоко вникать в текст, поэтому сюжет и герои произведения должны быть ему уже знакомы. Для этого и нужен римейк. Произведение посвящено современности, все герои текущего времени налицо: олигархи, бандиты, компьютерщики. А сказочная фантастика отдельных сюжетных линий обусловлена не авторским замыслом, но заложена в первоисточнике римейка.

Самый раскрученный и продвинутый российский писатель — Владимир Сорокин. Именно он главный представитель современной русской литературы за рубежом. Фантастики он не пишет, а занят спецификой языкового бытия. Наиболее прогрессивное мировое литературоведение убеждено, что именно аналитические и художественные размышления о законах бытования смысла и языковом бытии являются самым глобальным литературным открытием XX века. Отсюда происходят постмодернизм, деконструкция и постструктурализм. А роман Сорокина «Лед» — концепт интеллектуального бестселлера с нехарактерным для автора линейным сюжетом.

Интересно, посчитали бы данный роман концептом, будь он написан, например, Александром Громовым и издан в серии «Абсолютное оружие»? Скорее всего, и внимания критики не обратили бы. Может, поругали бы за неполиткорректность, которую Сорокину ставят в заслугу, поскольку — постструктурализм и деконструкция. Конспирологическая история о 23 тысячах Людей Света, голубоглазых блондинах, которых пробуждают ударами ледяного молота в грудь и которые начинают после этого говорить сердцем, вполне фантастическая. И сорокиноведы это отмечают: сюжет опробован фантастами. Но Владимир Сорокин создал роман-метафору, мистический роман об Идее, метафизически осмыслил ментальность и т.д. И соединил все это с голливудской попсовостью изложения. Именно в этом величие его литературного подвига. Король имеет право ходить голым, поскольку это актуально-концептуальная «новая искренность», недоступная среднему уму.

Метафизика, кстати, тоже не имеет отношения к фантастике, проходя по ведомству скорее философскому, чем литературному. Метафизик номер один у нас — Юрий Мамлеев. Недавно вышел его новый сборник рассказов «Задумчивый киллер». В рассказе, давшем название книге, наемный убийца однажды не сумел расправиться с намеченной жертвой. Он рефлексирует, пытается скрыться от заказчиков, но оказывается, что все, кого ему заказали, непостижимым образом погибают сами. Сам Мамлеев характеризует свой творческий метод таким образом: «Метафизический реализм наряду с обыденной земной реальностью также изображает нечто невидимое, скрытое в глубинах человека. В социальном и психологическом смысле человек представлен в литературе достаточно полно. Наша задача — показать человека изнутри: ночную сторону его души и высшую, связанную с Богом, сторону».

Метафизического реализма хоть отбавляй в романе Белоброва—Попова «Красный Бубен». А еще там полно неполиткорректного отношения к евреям, русским, азербайджанцам и прочим национальным и социальным группам.

Ядреная деревенская проза переходит в ужастик, когда на тамбовскую деревню Красный Бубен начинается нашествие вампиров — ветеранов Великой Отечественной. И все это занимает почти 800 страниц. «Ночной стороны души» с сексуальными перверсиями и народными матерками хватило бы на трех Мамлеевых. Но кто такие эти Белобров и Попов, чтобы ими занимались солидные литературоведы? Хотя концептуализма и структурализма в их бесшабашно веселом романе тоже с избытком. Издан он в серии «От заката до рассвета» издательства «Лимбус-пресс», что прямиком отсылает читателя к эстетике Голливуда, Тарантино, «Прирожденным убийцам» и прочей элитарной кинопопсе. В принципе, упырей кровососущих вполне адекватно можно было бы заменить братками обыкновенными, но это снизило бы уровень элитарности и потребовало бы в качестве компенсации более эстетского подхода к кровопролитию и соитию. Авторам же, похоже, просто хотелось похулиганить, но на уровне образованной тусовки, которая не только кино смотрит, но и Мамлеева читает.

* * *

Литературные границы меняют свои очертания. Лингвистические эксперименты начинают вытеснять старую добрую поэзию, маргинальная литература, сосредоточенная на сексе, наркотиках и насилии, временно становится магистральным направлением. Нецензурная лексика детабуизируется, и снобы упиваются примитивным матом. Процессы разрушения, демонтажа, расчленения текста, смысла, жизненных реалий, самого языка овладевают мэйнстримом. А сбоку царапаются сетераторы со своей сетературой, и на сервере диком чего только не произрастает. Впору говорить уже о сортиратуре, поскольку сортиры тоже являются традиционным местом литературного и художественного самовыражения народных масс.

Процессы эти в достаточной мере объективны и неизбежны. Без борьбы нет движения вперед, и ничто так быстро не устаревает, как новое. В традиционных сюжетных жанрах тоже происходят перемены. Разве на фантастику не влияет эстетика Голливуда и комиксовое мышление? На стыке журналистики, современного фольклора и литературы возникла таблоидная фантастика, заполняющая страницы желтоватых еженедельников историями об НЛО, вампирах, проклятиях колдунов и разнообразных бытовых чудесах. Практически все эти короткие истории сочиняются специально для привлечения читателя. А потом из них вырастают «Секретные материалы».

В эпоху Жюля Верна и Герберта Уэллса фантастика была чтением для интеллектуалов, понимающих, что такое электричество, и способных оценить полет писательской мысли. И Алексей Толстой, когда писал «Аэлиту», даже не подозревал, что его роман когда-нибудь может быть отнесен к развлекательному массовому чтиву. В те времена масскультовские книги имели вид тощих брошюрок, а примитивное содержание всех этих «Ников Картеров» было ориентировано на людей, окончивших два класса церковно-приходской школы. Ликвидация неграмотности повысила качественный уровень массовой литературы, но привела к тому, что в конце тысячелетия Татьяна Толстая уже не рискнула назвать свой роман фантастическим.

Особенно впечатляюще выглядит эволюция обратного порядка: Виктор Пелевин, начинавший как чистый фантаст, становится все большим реалистом. Если в «Чапаеве и Пустоте», романе насквозь постмодернистском, и содержание, и герои существуют по законам фантастики, то в «Generation П» фантастические эпизоды выполняют вспомогательную роль. И, наконец, в новом романе «Числа» фантастика полностью замещена сатирическим гротеском, поскольку именно этот прием позволяет адекватно воплотить замысел автора.

Фантастика и детектив благодаря своей массовости скомпрометированы в глазах интеллектуального истеблишмента, впрочем, как и классический реализм. В первую очередь, именно уходом от реализма как формы вообще, а не только от его социалистической и критической разновидностей, объясняется интерес мэйнстрима к приемам фантастики. А дружественные критики изобретают тонкие термины и эвфемизмы: славянский магический реализм, метафизический реализм, постструктурализм и т.п.

Тенденция между тем уже просматривается — мэйнстрим, широко используя приемы жанровой литературы, сращивается с масскультом, образуя некую пограничную литературную зону, получившую условное наименование «высокая беллетристика». Это и не массовая литература, но уже и не Большая литература. И это явление обусловлено изменениями в социальной структуре общества — растет количество людей образованных, усиливается влияние электронных средств массовой информации, интернета и телевидения, в первую очередь. А поскольку растет платежеспособный спрос в данном секторе книжного рынка (образованные люди хорошо зарабатывают и много читают), то фантастических произведений, которые авторы и критики отказываются таковыми признавать, будет все больше.

❏

Как вам кажется, почему так называемая Большая Литература в последние годы довольно активно использует приемы и атрибуты фантастики? И главное: идет ли такое «внимание со стороны» на пользу самой фантастике?

Геннадий ПРАШКЕВИЧ:

Фантастика — всего лишь один из многих приемов литературы. Не большой и не малой, а вообще литературы. И литература всегда пользовалась этим приемом. И в библейские времена, и во времена шумеров. И в каменном веке.

«Одиссея», «Божественная комедия», «Дон Кихот», «Фауст», «Путешествия Гулливера», «Шагреневая кожа», «Портрет Дориана Грея», «Мастер и Маргарита», «Война миров», «Солярис»... Список можно длить сколько угодно, чего никак не сделаешь, говоря о фантастике, утверждающей самое себя — порою довольно агрессивно. Неважно, идет речь о «Кавалере Золотой Звезды» или об «Осколке Солнца».

Когда писатель с удовольствием соглашается с тем, что он только *фантаст*, что ему не важны герои, что сама любовь ему неинтересна (потому что будет мешать читателю, отвлекая его внимание от событий, связанных с прохождением центра Крабовидной туманности), что ему интересна именно тема (запрограммированные солдаты, говорящие жабы, умные компьютеры, самосдергивающиеся штаны), антураж (борт космического корабля, психо-оружие, затонувший город) и все такое прочее, он сразу выносит себя за ту незримую, очень подвижную грань, которая и определяет собственно литературу. Ведь истинная — не большая и не малая — литература использует *все* приемы, в том числе и фантастику, а чисто фантастика только свой, один-единственный, часто размытый, с люфтом на обе стороны. Поэтому сразу невооруженным глазом видно, чем отличаются, скажем, «Гиперболоид инженера Гарина» и «На востоке». И поэтому никому в голову не придет упрекнуть, скажем, Салтыкова-Щедрина в легкомысленности («Летел рой мужиков»). И никто не скажет, что особенное внимание братьев Стругацких к редкой профессии сталкера дает им возможность не отвлекаться на несущественное — например, на пронзительную любовь к подрастающей и все более дичающей девочке.

Осознанные любовь и ненависть — вот два чувства, определяющие литературу.

А вне этого лежит все, что можно привязывать или не привязывать к фантастике.

Отсюда и ответ на второй вопрос. На пользу ли компьютеру то, что мы им постоянно пользуемся?

Леонид КАГАНОВ:

Фантастическое допущение — лишь один из авторских приемов, каких множество. Как говорил Ю.Никитин, если за всю жизнь с обычным человеком случается пара-тройка ярких событий — «женитьба, дали в морду, чуть не попал под машину», — то для литературного сюжета следует выбрать именно их, потому что только в напряженной ситуации раскрывается образ героя. Временами (или регулярно) автору может не хватать будничного экстрима, и тогда потребуется смоделировать ситуацию с фантастическим допущением. Фантастический атрибут — просто более яркая люминесцентная краска в палитре писателя. Такую краску в умеренных дозах использовали во все времена, достаточно вспомнить таких авторов «большой литературы», как Гомер, Вольтер, Шекспир, Гоголь, Булгаков... Нет ничего странного и в том, что ею продолжают пользоваться авторы современные — Мураками, Пелевин, Толстая... Есть ли смысл говорить о появлении тенденции? Проблема в другом — в самом делении на жанры. Согласитесь, во времена Гомера никому бы не пришло в голову попытаться классифицировать, в каком жанре написана «Одиссея»: фэнтези, документальная проза или путевые заметки. Жанр «фантастика» определился в тот момент, когда прием был поставлен на поток и стал самоцелью. Сформировали жанр вовсе не Герберт Уэллс и не Жюль Верн, а полчища куда менее талантливых, а посему ныне забытых авторов, которые принялись укладывать фантастическое допущение в основу сюжета, превращая прием в самоцель. Принялись малевать картины одной лишь люминесцентной краской, забывая о художественности ради блеска.

Нравится нам это или нет, но общественное мнение четко сформировано: писатель — это Писатель, он пишет Книги, его фантазия безгранична. Но писатель-фантаст — это тот, кто взял на себя обязательство регулярно выдумывать небывалую чушь, пусть даже весьма художественную и поучительную для подрастающего поколения. И то, и другое — ярлык, в «большой литературе» графоманов никак не меньше. Но именно из-за ярлыка некоторые серьезные авторы сегодня спешат отмежеваться от толпы пестрообложечников, объявив себя раз и навсегда мэйнстримом, хотя пользуются теми же красками той же писательской палитры — разве что чуть более вдумчиво и умеренно. Законы нашего мира суровы. Женщина, публиковавшая в юности фото на страницах порножурнала, в цивилизованной стране никогда не сможет занять уважаемый пост или стать женой президента. Автор, повесивший на себя ярлык «фантаст» и хоть раз опубликовавшийся под пестрой обложкой фантастической серии, раз и навсегда закрывает себе доступ в «большую литературу», Нобелевка не светит фантасту. Экспансии фантастики в «большую литературу» нет и не было. Произошло выделение горячих поклонников люминесцентной краски на отдельную полку книжного магазина, и остались авторы, которые по собственным соображениям или по соображениям издателей не встали под сияющий флаг. Изменить здесь ничего нельзя, можно лишь пытаться разъяснить общественности, что жанром считаются некие грубо обобщенные признаки тысячи книг тысячи авторов — лишь для удобства ориентации в книжном магазине. Но отдельный автор не может принадлежать никакому жанру по определению: он вольный художник и во время работы не задумывается над тем, как точнее вписаться в рамки жанра и выглядеть похожим на коллег. Если в качестве сюжетного мотора автору потребовалась машина времени для пьесы «Иван Васильевич», то в «Белой гвардии» этим мотором он волен выбрать тему революции. И если когда-нибудь удастся отменить в массовом сознании крепостное право жанра, вопрос о вольноотпущенных отпадет сам собой. Как это сделать? Теми же методами — активнее использовать в фантастике вышеперечисленные приемы «большой литературы». Это, безусловно, пойдет на пользу фантастике (или как она станет называться после отмены).

Андрей СТОЛЯРОВ:

Действительно, «большая литература» (которую, на мой взгляд, точнее было бы называть «литературой “толстых” журналов», поскольку «большой» она является не по художественным достоинствам, а только по формальному позиционированию) в последние годы активно использует приемы и атрибуты фантастики — впрочем, так же, как приемы и атрибуты «криминального чтива». Причем, использует, по большей части, не слишком удачно. Произведения, например, Юрия Буйды, при всем их крепком профессионализме, являются, как мне кажется, только эхом произведений Андрея Лазарчука, а все романы Павла Крусанова, как из «Шинели» Гоголя, вышли, по-моему, из книги Лазарчука и Успенского «Посмотри в глаза чудовищ». Правда, «Времена негодяев» Э.Геворкяна в них тоже весьма ощутимы. Эхо же всегда сильно размыто: более объемно и менее содержательно, чем исходный голос.

Кстати, в советское время это явление тоже было известно. Если обратиться к «Буранному полустанку» Чингиза Айтматова (лет пятнадцать назад этот роман был достаточно популярен), то нетрудно заметить, что самое неудачное место в нем — как раз фантастика. Тем более, что по сюжету она вовсе не требуется: фантастическая ситуация (контакт с пришельцами), которая и порождает коллизию, легко заменяется ситуацией реалистической (авария на орбите), и «нашлепка» фантастики безболезненно отваливается от текста.

Правда, нынешняя ситуация сильно отличается от предшествующей. Сейчас мы живем в период «размонтированной реальности». Каждая историческая эпоха имеет свою «смысловую матрицу» — базисный «текст», который обладает легитимностью абсолюта. Вводится он аксиоматически и потому не требует доказательств. Все же остальные социальные практики, в том числе и литературные, обретают законность только в соотношении с ним. В христианскую эпоху такой «матрицей», таким «текстом» являлась Библия. В эпоху Просвещения — та же Библия, но уже переведенная в светский формат: стремление к Царству Божию интерпретировалось как прогресс, спасение души — как успех в профессиональной деятельности... Эпоха постмодернизма эту центральную матрицу размонтировала. С одной стороны, это хорошо, поскольку одновременно был размонтирован репрессивный мировоззренческий догматизм: теперь равноправны все «тексты», все культуры, все философии, все религии, все народы. Но, с другой стороны, очевиден негатив: узаконена социальная патология, поскольку в отсутствие «матрицы» (эталона сравнения) она тоже обретает права легитимности. Отсюда «чернушность» прозы В.Сорокина, Вик. Ерофеева и их последователей, сделавших предметом эстетизации исключительно социопатии.

Говоря иными словами, сейчас нет общего смысла, к которому можно было бы апеллировать через литературу, связывая тем самым мир в единые координаты; есть только частные смыслы, пригодные для использования лишь в своей узкой тусовке. В результате новые авторы появляются и исчезают: они плывут, как пузыри по воде, тут же лопаясь и не оставляя по себе никакой памяти.

Ситуация напоминает Европу периода Реформации — когда Католический мир, ранее структурировавший реальность, внезапно распался и возник цивилизационный хаос, начавший перемешивать нации и культуры. Тогда десятки тысяч людей эмигрировали в Северную Америку. Они отказывались от старой реальности, которая больше их не устраивала, ради реальности новой, о которой достоверных сведений практически не было. Они уходили в фантастическую неизвестность.

Нечто подобное происходит сейчас и в литературе. Часть авторов «толстых» журналов отплывает от старой реальности на поиски реальности новой. Они пытаются преодолеть постмодернистскую пустоту, «тотальную равнозначность», ризому, простирающуюся в культуре до самого горизонта. И как европейским кораблям средством ориентации в океане служил компас, кстати говоря, изобретенный китайцами, так средством ориентации авторам, покидающим выдохшийся реализм, служит фантастика. Если нет более тверди земли, значит, приходится ориентироваться по чему-то нематериальному.

Правда, следует подчеркнуть важное обстоятельство. Одного компаса, как, впрочем, и кораблей, провианта, оружия, для открытия «Новой Индии» еще недостаточно. Здесь требуется Мореплаватель. Требуется капитан, который без тени сомнения поведет корабль за горизонт. Требуется Колумб, требуется Магеллан, требуется Васко да Гама.

Пока таких мореплавателей в современной литературе не видно. Но это не значит, что они не появятся уже в ближайшее время. ❑

Стивен КИНГ

ВСЕ ПРЕДЕЛЬНО

Москва: АСТ, 2003. — 668 с. Пер. с англ. 10 000 экз.

Как и в сборнике «Ночные кошмары и фантазии», в рецензируемой книге под одной обложкой оказались рассказы, принадлежащие двум противоположным ипостасям писателя. С одной стороны — произведения, созданные в манере, отождествляющейся только с творчеством С.Кинга («Смиренные сестры Элурии», «1408», «Человек в черном костюме», «Катаясь на «Пуле»). С другой — тексты, которые мог написать разве что «покойный Ричард Бахман» — «alter ego» Кинга, «автор» вполне реалистических «Дорожных работ». К подобным можно отнести такие рассказы сборника, как «Все, что ты любил когда-то, ветром унесет», «Чувство, которое словами можно выразить только по-французски», «Теория домашних животных: постулат Л.Т.».

Как уверяет сам Кинг, в драматургии сборника нет никакой системы: он-де просто вынул из колоды четырнадцать карт, пронумеровал произведения (одну повесть и тринадцать рассказов), стасовал карты, разложил и в этом порядке составил книгу. Самому автору получившаяся подборка понравилась — мне, как читателю, не очень. Потому что, как ни листай сборник — и в обычном порядке, и «по-арабски» (то есть с последнего рассказа), — все равно начинаешь не с самого впечатляющего произведения (и вообще, возникает ощущение, что открывающий книгу рассказ «Секционный зал номер четыре» — самая слабая вещь сборника). Зато в сердцевину автор упрятал несколько безусловных шедевров — «1408», «Катаясь на «Пуле», «Человек в черном костюме» и, разумеется, своеобразный пролог к сериалу «Темная башня» — повесть «Смиренные сестры Элурии».

И все же, подарив напоследок несколько прекрасных произведений и заявив, что новый роман из цикла о Роланде Дискейне «Волки Каллы» уже завершен, Стивен Кинг продолжает утверждать, что намерен уйти на литературный покой, «покинуть» своих преданных читателей. Тех, к кому он всегда так тепло обращался в предисловиях к своим книгам. Обидно, однако.

Глеб Елисеев

Виктор ПЕЛЕВИН

ДИАЛЕКТИКА ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА ИЗ НИОТКУДА В НИКУДА

Москва: ЭКСМО, 2003. — 384 с. 150 100 экз.

В прежних романах и повестях Виктора Пелевина был отчетливо выраженный элемент фантастического, представляющий собой буквализированную традицию восточной эзотерики. Подобного рода литературы достаточно и в чисто фантастических сериях. Кроме того, мир фантастики воспринимал Пелевина как постепенно удаляющегося «своего». Но в последней книге произошел окончательный разрыв.

Заглавная вещь сборника — «Числа» — обращена к традиционной теме творчества Пелевина: всеобъемлющей пустоте и разным путям ее осознания. Главный герой, предприниматель Степа, имеет мистические отношения с некоторыми числами и жизнь свою строит в соответствии с тем, какая цифра угрожает ему или обещает фарт в определенных обстоятельствах. В итоге он осознает, что на протяжении всей биографии руководствовался полной чушью. Пелевин намекает: вот так же любые воззрения человечества, заставляющие миллионные толпы воздевать руки и делать пафосные лица, — полная чушь... Фантастики во всем романе — кот наплакал. Сбывшееся предсказание одной болгарской активистки ясновидения да несколько неясных событий, вроде бы свешивающих в жизнь Степы длинные хвосты с иных планов бытия... но с той же вероятностью трактуемых как проявления тупого хаоса повседневности.

О литературных качествах романа многого не скажешь: это не провал, но движение по нисходящей. «Числа» слабее романов «Чапаев и пустота» и «Generation P». На страницах «Generation P» Виктор Пелевин в значительной степени поддерживал действие за счет массированного использования приколов. В «Числах» действие держится только на них. Несколько месяцев назад вышел роман Алекса Орлова «Тютюнин против ЦРУ», так вот, и здесь, и там действие представляет собой отару анекдотов, едва сдерживаемых сюжетной изгородью. Если читать оба романа залпом, может сложиться впечатление, что автор у них один, но зачем-то скрывается под двумя разными псевдонимами.

Единственный, но солидный плюс романа: почти все приколы — смешные...

Дмитрий Володихин

Владимир АРЕНЕВ

МОНЕТКА НА УДАЧУ

Москва: АСТ, 2003. — 332 с. (Серия «Звездный лабиринт. Библиотека фантастики «Сталкера»). 5000 экз.

Рассказы киевского фантаста Владимира Аренева — скорее акварель, чем станковая живопись. Мягкая, доверительная манера. Автор разговаривает с читателем тихо, не стремясь поразить буйством красок, задавить лавиной эмоций или увлечь лихо закрученным сюжетом.

Сейчас так пишут редко. Видимо, берясь за рассказ, поднаторевшие в выпечке романов фантасты и в малую форму щедрой, набитой рукой льют экшн и драйв. У Аренева — иначе.

Сборник состоит из трех циклов новелл. Впрочем, «Мы, людики» правильнее назвать повестью в рассказах. Списанные биороботы пытаются добиться от людей даже не формального равенства, а простого понимания. Казалось бы, стандартный ход в научной фантастике — но здесь это звучит тише и оттого, возможно, проникновеннее. Не пламенная речь на митинге, а невеселый разговор ночью, в купе вагона. Еще более ти́хая интонация в цикле «Киевские истории». Чудо неприметным образом входит в жизнь обычных людей, наших современников — и проявляется, доселе скрытая от самого человека, его суть.

Рассказы исполнены в самых разных жанрах — фэнтези, городская сказка, социальная фантастика, фантастическая притча... Разве что киберпанка нет. Хотя коротенький рассказ «Он знал войну», пожалуй, можно причислить к этому направлению. Однако независимо от формальной полочки, на которую кладется пирожок, будет в этом пирожке и серьезная философская начинка. Возможно, не сразу заметная — автор подчас сознательно имитирует наивный взгляд. В каких-то случаях, может, и зря — примитивизм как художественный прием опасен соскальзыванием в шаблоны. Что, вероятно, и подпортило рассказы, объединенные в «Летопись Ильсвура».

В целом, книга «Монетка на удачу» (рассказ, давший название сборнику, впервые был напечатан в журнале «Если») являет определенный этап как в творчестве киевского писателя, так и в развитии русскоязычной фантастики. Можно, оказывается, писать не только батальные полотна, но и лирические акварели.

Виталий Каплан

Ольга ЕЛИСЕЕВА

ХОЗЯИН ПРОЛИВОВ

Москва: АСТ, 2003. — 382 с. (Серия «Заклятые миры»). 7000 экз.

«Хозяин проливов» — вторая книга дилогии Ольги Елисеевой «Золотая колыбель». Если первая часть, «Сокол на запястье», повествовала преимущественно о женских судьбах, то здесь главными героями являются мужчины: архонт Делайс, благополучно вернувшийся из плена и возглавивший Пантикапей; Асандр, ставший предводителем морских пиратов; гиппарх Левкон, также бежавший из плена и вновь занявшийся привычным ремеслом воина. Таким образом, обе книги «Золотой колыбели» как бы уравновесили друг друга, представляя собой воплощение Инь и Ян. Продолжена в «Хозяине проливов» и мифологическая линия, повествующая об изгнании с Олимпа Аполлона и его противоборстве с всесильной Великой Матерью.

Обе сюжетные линии неразрывно связаны между собой, иллюстрируя органичную связь микрокосма и макрокосма. Земная жизнь становится неким отражением жизни небесной. Но если последняя разражается в мелких, локальных конфликтах, важных для судеб лишь нескольких высших существ, то ее отголоски на Земле имеют гораздо более грозный и разрушительный характер. Распря между Гекатой-Геро и небесным лучником Аполлоном перерастает в окончательную победу патриархата над матриархатом. И при этом, как ни парадоксально, в романе Елисеевой в конечном итоге нет побежденных.

Книга московского фантаста подкупает органичным сочетанием столь свойственного «женской прозе» лиризма и психологизма с динамикой повествования. Здесь нет перекоса ни в одну, ни в другую сторону. Острота сюжета не ослабевает из-за обилия поэтических вставок, отступлений бытового, этнографического и мифологического характера. В изображении лирического конфликта порой появляются весьма неожиданные и нетипичные для прежней манеры писательницы тона.

Думается, дилогия «Золотая колыбель» в целом еще раз подтвердила закрепившееся за Ольгой Елисеевой реноме мастера историко-фантастической прозы — разновидности, заменившей в наши дни классический, «вальтер-скоттовский» исторический роман.

Игорь Черный

Андрэ НОРТОН,
Розмари ЭДХИЛЛ

ТЕНЬ АЛЬБИОНА

*Москва — СПб.:
ЭКСМО —
«Домино»,
Пер. с англ.
О.М.Степашкиной.
2003. — 496 с.
(Серия «Меч
и магия»).
8100 экз.*

Российский читатель не очень хорошо знает «позднюю» Андрэ Нортон. Создательница «Колдовского мира» и одна из создательниц «Триллиума» известна у нас прежде всего по этим давно снискавшим популярность циклам. Между тем «миров» Андрэ Нортон гораздо больше, и до последнего времени их число пополнялось.

Перед нами — «Тень Альбиона», первый роман нового цикла, начатого в 1999 году. Соавтором Нортон в работе над ним стала пока не столь знаменитая Розмари Эдхилл. С этим можно связать единственный, пожалуй, упрек издателям — Эдхилл названа на титульном листе, но на обложке ее имени нет.

Американские писательницы приготовили для читателей коктейль из нескольких литературных ингредиентов. Тут и альтернативная история — действие происходит в параллельной реальности, где власть над Британией сохранила свергнутая в XVII веке династия Стюартов, а североамериканские владения остались под властью короны. Тут и классическая фэнтези — на землях Англии под защитой избранных людей живет Древний Народ. Тут и излюбленная Нортон тема параллельных миров — для спасения британского трона призывается американка из «нашего» XIX столетия. Поскольку же события разворачиваются в эпоху наполеоновских войн, то не обойтись без приемов и антуража авантюрно-исторического романа.

У кого-то, возможно, вызовет улыбку та решительность, с которой Нортон и Эдхилл тасуют историю, выстраивая свой «альтернативный» мир. В водовороте описываемых интриг и происшествий мелькают известные имена — от польского революционера Тадеуша Костюшко (одного из героев книги) до самого маркиза де Сада в роли колдуна и главного злодея. Но знатоков жанра едва ли этим удивишь. Можно не сомневаться: любителей приключенческой прозы роман равнодушным не оставит. Нортон, несомненно, подтверждает свою репутацию «королевы» авантюрной фэнтези.

Сергей Алексеев

Кирилл
БЕНЕДИКТОВ

ВОЙНА ЗА «АСГАРД»

Москва: ЭКСМО, 2003. — 832 с. (Серия «Русская фантастика»). 8000 экз.

Книга Кирилла Бенедиктова представляет собой настоящий геополитический роман. Все основные персонажи показаны прежде всего как представители разных цивилизаций, а сюжетный конфликт — в первую очередь, цивилизационное столкновение. 2053 год, абсолютное доминирование англо-саксонского «культурно-исторического типа», последние попытки соседей по планете сопротивляться этому диктату. А кто не желает или не может сопротивляться — тот худо-бедно приспосабливается... Между тем владыки Земли готовят для миллиардов недолюдей «окончательное решение»...

«Война за «Асгард» заняла почти пустующую в современной российской фантастике нишу: конструирование ближайшего будущего. Московский писатель предложил серьезное, можно сказать, монографическое описание мира после победы глобализации. Он по-ефремовски честно и основательно рисует политическое устройство, технологии, экологическое состояние Земли, быт, «малые войны», идеологию, нравы. Не пытается пропустить подробности и выехать на одной игре ума. Мир, отстоящий от нас на полвека, холоден и неуютен. В XXI веке по-бенедиктовски наша страна представляет собой задворки «богатого севера», впрочем, сохраняющие некоторую самостоятельность. Россия находится не в худшем состоянии — по сравнению, например, с Индией или Китаем, — но она бедна и унижена. Как ни парадоксально, нынешняя слабость оказала российской цивилизации большую услугу в будущем: не видя в стране серьезного противника, хозяева планеты не стали учинять ее окончательный разгром. Звучит горько, но похоже на правду...

Видно, что автор является широко образованным политологом, отлично ориентируется в современной философии и футурологии. Его антиглобалистская позиция осознанна и аргументирована. Вместе с тем, персонажи не теряют психологической сочности и правдоподобия, а сюжет способен увлечь даже очень притязательного любителя приключенческой фантастики. В сущности, надо поздравить Кирилла Бенедиктова: «Война за «Асгард» — творческая удача автора.

Дмитрий Володихин

ХИППИТОПИЯ

Пэт МЭРФИ. «ГОРОД НЕСКОЛЬКО ЛЕТ СПУСТЯ». «АСТ».

«Чума на оба ваших дома!»

Несчастный Меркуцио: если бы он мог предположить, с каким пылом литераторы грядущих времен воспримут его проклятие...

У Пэт Мэрфи, дважды лауреата премии «Небьюла», известной нашему читателю по лучшей ее повести «Влюбленная Рашель»*, есть своя — довольно извилистая — версия вселенской Чумы. Не будем раскрывать ее суть, поскольку в романе это один из элементов интриги; намекнем лишь, что благородные помыслы и действия лучших представителей человечества подчас оборачиваются своей противоположностью...

Ну а дальше начинается самое главное: какой из вариантов посткатастрофического мира живописать автору? Знакомое, кажется, во всех вариантах умирание цивилизации? Или ее поэтапное возрождение, путь к «очищенному» будущему по вкусу создателя — технократическому, либеральному, автократическому, имперскому?

Мэрфи не желает быть социологом, она согласна на роль кинооператора, предлагая «видеоряд» одного маленького сообщества на развалинах опустевшего мира. Все, что за его пределами, намечено пунктирно, штрихами, вся Америка скрыта в полутьме, юпитеры направлены только на крохотную колонию.

Да, собственно, это даже не колония — просто встреча друзей в какой-нибудь арт-студии. Скульпторы, художники, композиторы, выжившие в обезлюдевшем Сан-Франциско (а кто не был человеком искусства, тот, подчинившись логике города, стал им), живут так, словно ничего не произошло. Мир рухнул, но осталось творчество, и для создателей, непризнанных и гонимых скончавшимся истэблишментом, наступили воистину волшебные времена. Волею автора они поставлены в идеальные условия существования, когда подпорченные дары исчезнувшей цивилизации лежат под боком — стоит лишь протянуть руку. Нет, это совсем не пир во время чумы, это гораздо серьезнее и трогательнее — это ТВОРЧЕСТВО НА РАЗВАЛИНАХ, пользующееся всеми атрибутами и символами ушедшей эпохи.

Писательница честно пытается нарисовать образ хиппи-будущего, но сквозь него упорно проступают контуры хиппи-утопии. Слишком много авторской любви и слишком мало авторской логики... И то ска-

---

** А также по рассказу «Стратегия регенерации в условиях мегаполиса», «Если» № 3, 1997 г. (Прим. ред.)*

зать: оазис искусства, помноженный на абсолютную свободу самовыражения и априорную доброжелательность аудитории! Невероятно привлекательная идея, которая грела сердца Художников во все времена.

Пэт Мэрфи отрабатывает ее сполна. В зарисовках творчества участников «вечеринки» нет фальши, надуманности, псевдоконструкций — автор почти демонстративно отсылает читателей к искусству начала шестидесятых: возможно, с ее точки зрения, это пик борьбы с официозным, «галерейным» искусством. В детально описанных композициях «городских безумцев» угадываются труды корифея поп-арта Джаспера Джонса, эпатажные (на ту пору) работы отца-основателя оп-арта Роберта Раушенберга, конструкты представителей «кинематического искусства» Жана Тингели и Лидии Кларк, забавы родоначальника «тактильного искусства» Якова Агана...

Город принимает все. Город стал олицетворением своих творцов, а они согласились быть его метафорой. И вот Город заполняют призраки ушедших людей, отблески их надежд и желаний. Город обретает душу.

На этой очень зыбкой территории — близ мэйнстрима, но не переходя границы — и существует проза Пэт Мэрфи. Оставаясь жанровым писателем, она предлагает читателям продуманный сюжет и зримые этические координаты. Поглядывая «за рубеж», она создает текучий мир образов, в зеркале которого — в зеркале Города! — каждый как бы незавершен, *неокончателен*; цель и средства меняются местами, характер и действие спорят друг с другом.

Проблема в том, что на Сан-Франциско движется армия (числом 150 солдат) генерала Майлза, призванная утвердить на этом островке бывших США «истинно американские ценности», а в общем-то, говоря по-нашему — «восстановить вертикаль власти». И что же могут противопоставить «четырехзвездному» генералу с его шаркающим, но вполне функциональным танком, с его прыщавой, но уже обученной и запуганной главнокомандующим пехотой вольные художники? Пусть даже на их стороне «дикарка», вносящая некую толику здравого смысла в их оборонительные замыслы.

Оказывается, люди искусства отнюдь не беззащитны. Не желая лишать жизни солдат противника, жители Города используют невероятные способы борьбы. Ведение боевых действий волею автора превращается в противоборство двух ПРОЕКТОВ, художественного и милитаристского.

Скажете: понятно, на чьей стороне сила. Сколь бы изобретательны ни были творцы, разрушение сильнее созидания.

Но разве это так?

Читайте — и узнаете, что предложила Пэт Мэрфи в качестве контраргумента.

Сергей ПИТИРИМОВ

ВСЕ НА ВЫБОРЫ!

Не успела редакция зафиксировать один рекорд, как был поставлен новый. В нашем предвыборном опросе решили принять участие 905 любителей фантастики. Учитывая специфику темы, прокомментировать результаты мы поручили политтехнологу и журналисту–политологу — кстати, большим поклонникам жанра.

Вы проголосовали бы за политическую партию, если бы ее лидером был...

Леонид Горбовский — 19 %
Пауль Атрейдес — 5 %
Арагорн — 6 %
Дарт Вейдер — 11 %
Дар Ветер — 2 %
Кей Дач — 7 %
Лев Христофорович Минц — 2 %
Алексей Иванович Гусев — 0 %
Майлз Форкосиган — 10 %
Гудвин, Великий и Ужасный — 3 %
Ион Тихий — 5 %
Гэри Селдон — 5 %
Сайрус Смит — 1 %
Язон динАльт — 5 %
Против всех — 10 %

Данные на 24.09.2003

Вы обратили внимание на поразительную предвыборную активность, которую явил электорат сервера «Русская фантастика»? Выходит, политическая действительность вовсе не оставляет любителей фантастики равнодушными, и бытующее представление о том, что они живут исключительно в вымышленных мирах, в корне ошибочно!

В принципе, сам подход редакции — персонализация избирательной кампании — достаточно точно отражает нынешнюю политическую реальность. Знаете ли вы программы «Яблока», блока «Родина», Народной партии?.. Избиратели в большинстве своем голосуют не за партию, а за лидера (исключение составляют лишь последователи КПРФ). Нынешние квазипартийные образования для нас, скорее, «черные ящики» — черт знает, что там внутри. Да и с их лидерами тоже трудновато — сегодня они «за», завтра — «против».

Иное дело литературные герои: о них мы знаем почти все (или считаем, что знаем). Они не меняют своих пристрастий и вполне прогнозируемы.

Так что нынешнее голосование — это достаточно адекватная картина наших политических симпатий*.

Начнем с нуля. Именно столько голосов досталось красноармейцу Гусеву из «Аэлиты». Не хочется нам больше революции — ни у себя, ни на Марсе. Даже идеализированный коммунист ефремовский Дар Ветер рассматривается как архаика — он оказался на двенадцатом месте.

---

* *Вопрос о том, в какой степени литературная популярность героя могла повлиять на выбор голосующих, в силу своей «нематериальности» оставлен за рамками анализа. (Прим. авт.)*

Абсолютным же победителем (в личном зачете) стал Леонид Горбовский, проделавший литературный путь от звездного первопроходца до председателя Мирового Совета. Мудрея вместе со своими создателями, он отказался от романтического флера коммунистической утопии, и голосующие готовы забыть его «коммунарское» прошлое, поскольку даже в те далекие времена идеологической фразой он не бряцал. Избиратели видят в нем прежде всего человека — эталон совести, нравственной чистоты, гуманизма. Плюс умение принимать непростые решения и нести за них личную ответственность. Если попытаться найти аналогию в нашей жизни, то наиболее близко к Горбовскому стоят (стояли) два академика А.Д.Сахаров и Д.С.Лихачев.

Как ни удивительно, но следом по личной популярности идет человек из прямо противоположного лагеря — цепной пес Империи Дарт Вейдер. Партии «сильной руки» вообще оказались в фаворе: помимо Дарта Вейдера провести своих соратников в Думу имеет все шансы Кей Дач — сторонник оперативно-силовых решений из романа С.Лукьяненко, а также символ просвещенной монархии Арагорн и состоявшийся император Ф.Герберта Атрейдес, балансирующий, правда, на грани пятипроцентного барьера.

А вот инженерно-техническим и научным работникам, как всегда, не везет: Сайрус Смит, со вкусом обустроивший таинственный остров Жюля Верна, получил один процент голосов, а прибывший из Великого Гусляра Лев Христофорович Минц — два. Даже партии технократов, возглавляемой азимовским «основателем» Гэри Селдоном, придется очень постараться, чтобы удержать свой «проходной балл».

Если же описывать роль Иона Тихого, то этот герой, скорее, наблюдатель. Такого рода деятелей в нашем парламенте существенно больше доставшихся его партии пяти процентов.

Избиратели, проголосовавшие за Майлза Форкосигана и Язона динАльта, пожалуй, наиболее адекватно понимают формат и задачи работы в парламенте. Все эти персонажи, в первую очередь, прирожденные дипломаты, прекрасные психологи и в то же время неплохие актеры, имеющие к тому же незаурядное мужество.

За бортом Думы остается Великий и Ужасный. Личность, конечно, комическая, но ведь этот шарлатан сумел-таки отстоять независимость своего Изумрудного города в условиях враждебного колдовского окружения, запугав всю Волшебную Страну своим мифическим могуществом!

Давайте фантазировать дальше? Представим себе похожие фигуры на реальной политической арене и попытаемся увидеть будущий состав нашей гипотетической Думы (для удобства будем называть лидеров прежними именами). Допустим, наш предварительный опрос оказался на редкость репрезентативным, и вся страна проголосовала в логике его участников.

На первый взгляд, самой влиятельной политической силой должна оказаться партия (скорее, движение) Леонида Горбовского, который обеспечил своим сторонникам девятнадцатипроцентное представительство в Думе.

Однако вспомним «силовиков». Кооперироваться на этапе предвыборной кампании они не станут: нет особой необходимости, да и не те люди! Но оказавшись в парламенте и обнаружив своего «природного антагониста» возглавившим крупнейшую фракцию, они, несомненно, объединятся. Однако патологическая вера Дарта Вейдера в личную неуязвимость и его железная готовность положить половину населения страны на алтарь строительства новой империи напугают даже таких испытанных бойцов, как Арагорн, Дач и Атрейдес, и в коалицию его не пригласят. Судя по всему, в «коалиции трех» будет преобладать мнение Арагорна и Дача (за ними больше депутатских мандатов), поэтому корпоративные решения — несомненно, ориентированные на силовые методы — будут все же более сдержанными, чем позиции самого Атрейдеса, переполненного, в отличие от сопредседателей, идеей мщения. Радикализм Вейдера останется для трибунного употребления и в программные документы Думы не попадет.

Хотя не исключено, что Атрейдес выйдет из коалиции (вместе с одним из «силовых» комитетов, которые поделит тройственный союз) и сомкнется с Вейдером. Тогда ситуация станет более взрывоопасной.

В любом случае, по принципиальным вопросам коалицию будет поддерживать фракция Дарта Вейдера. В итоге 29% членов Думы последовательно будут голосовать за силовые методы.

Партия инженерно-технических работников и движение озабоченный ученых, как мы уже говорили, вроде бы обречено на провал. Но не спешите расстраиваться! Узнав результаты предварительного голосования, лидеры партии и движения создадут блок, призвав в него партию технократов Гэри Селдона. И даже, вполне возможно, согласятся включить в него партию «левоцентристов», которую возглавляет Дар Ветер, ибо «при социализме о науке заботились». Таким образом в Думе может образоваться достаточно влиятельная фракция, которая, впрочем, не способна к консолидированному голосованию по причине разновекторности интересов. Ведь блок представляет и голосовавшую за него научно-техническую интеллигенцию, и ожидания деятелей науки, и запросы ВПК. К тому же лидеры, организовавшие блок, далеки от единомыслия: каждый являет собой самостоятельную величину. В случае «ведомственных» вопросов они будут голосовать единым фронтом, однако по ключевым проблемам государственного строительства и текущей политики голоса неизбежно разделятся: депутаты, стоящие за Минцем и Смитом, поддержат решения фракции Горбовского, тогда как бóльшая часть депутатов имени Гэри Селдона двинется в кильватере «силовиков».

Мини-партия Иона Тихого по причине «центризма», скорее всего, в Думе окажется. Особой деятельности от нее ждать не приходится, но личные качества лидера расположат ее близ фракции Горбовского.

Гарантированно проходит в парламент только партия «буджолдистов» Майлза Форкосигана, а симпатичный авантюрист, прибывший с неукротимой планеты Г.Гаррисона, Язон динАльт идет по самой грани... В принципе, партии Форкосигана и динАльта, оказавшись в Думе, могут служить стабилизирующим фактором, хотя симпатии первого из-за его солидного боевого опыта будут на стороне «силовиков», а второй начнет искать собственную выгоду, поглядывая в перспективе на пост министра иностранных дел.

Таким образом мы получили «двухполюсную» Думу с некоторым тактическим преимуществом «силовиков», но не столь значительным, чтобы самостоятельно проводить решения. Учитывая достаточную «переговороспособность» всех лидеров (за исключением экстремистского крыла, но оно пребывает в относительной изоляции), а также принимая во внимание, что волею избирателей в Думе есть фигуры, способные выступать в роли посредников и «примирителей», основным инструментом работы парламента станет компромисс. Что ж, далеко не худший вариант.

Однако картина окажется совершенно иной, если мы поднимем уровень реалистичности нашей виртуальной избирательной кампании. Сторонникам Леонида Андреевича будет сложно найти фигуру, равную ему по моральным и прочим качествам, среди реальных политических деятелей. И потому его приверженцы по своему обыкновению брезгливо откажутся участвовать в выборах, приплюсовав 19% к уже имеющимся 10% «против всех» (кстати, число не явившихся на декабрьские участки избирателей будет, вероятнее всего, колебаться вокруг этой цифры).

В этом случае серьезно усилятся позиции сторонников Дарта Вейдера: будучи второй по величине фракцией, она выглядит гораздо более сплоченной, чем коалиция, возглавляемая тремя равновеликими лидерами. Не имея серьезной оппонирующей силы, фракция приберет к рукам пару «силовых» комитетов, да и решения самой коалиции, вынужденной договариваться с неизбежным союзником, радикализируются. Фракцию науки прикормят, центристов запугают, сторонников ДинАльта приструнят, с фракцией Форкосигана договорятся. Потребуется не так уж много времени, чтобы коалиция вместе со своим партнером превратилась в «партию власти». После чего страна неизбежно будет втянута в военный конфликт и превратится в знакомый до боли военизированный лагерь.

Но закон и порядок гарантированы. Как в казарме.

Или на кладбище.

Владимир УСПЕНСКИЙ,
Валентин ШАХОВ

Курсор

Булгакон-2003 прошел с 4 по 7 сентября в болгарском городе Пазарджик. Программа фестиваля включала выставку болгарских художников-фантастов, встречу с писателями и издателями, дискуссию о моделировании будущего, обсуждение предстоящего Еврокона-2004, который пройдет в следующем году в болгарском городе Пловдив. Россию представлял критик Евгений Харитонов, прибывший по приглашению организаторов кона. Специально к Булгакону софийское издательство «Аргус» выпустило его книгу «Болгария фантастическая. Обозрение болгарской фантастической литературы и критики» — это первая фундаментальная работа подобного рода в Болгарии. То же издательство вручало призы по итогам литературного конкурса. Лауреатами стали Георги Караджов за роман «Рана» и Христо Карастоянов за рассказ «Грешница».

NASA намерено построить лифт в космос для доставки на орбитальные высоты космических туристов. Проектирование завершится в следующем году. Постройка обойдется в семь миллиардов долларов, при этом утверждается, что необходимые технологии для подобного строительства уже есть. Лифт будет состоять из надводной платформы в Тихом океане и орбитального аппарата на высоте до 100 тысяч километров, соединенных кабелем из углеродных нанотрубок. Напомним, что первым человеком, предложившим идею такого лифта еще в 1960 году, был ленинградский инженер Ю.Н.Арцутанов, а популярность проект получил после того, как в своем знаменитом романе «Фонтаны Рая» (1978) идеи Арцутанова художественно развил писатель-фантаст Артур Кларк.

Юбилейный, пятый фестиваль фантастики «Звездный мост» состоялся с 11 по 14 сентября в Харькове. В связи с юбилеем организаторы решили сделать конвент более праздничным, хотя и для дела тоже нашлось время: состоялись оригинальные «тематические» семинары и диспуты, работали секции толкинистики, ролевых игр и весьма представительная философская. Развлечений же гостям фестиваля (около 170 человек) было уготовано немало: турнир по пейнтболу «НФ против фэнтези», завершившийся разгромным поражением команд, защищавших честь фэнтези; выезд участников на природу — «Пикник на обочине» с карнавальными представлениями и спортивными играми; грандиозный фейерверк в центре Харькова, во время которого с площади Свободы взлетала «настоящая» летающая тарелка. Писатели, посетившие фестиваль, активно выступали по местному телевидению и радио (Владимир Васильев даже попробовал себя в роли ди-джея); сменяли друг друга фуршеты, банкеты и прочие гастрономические искусы.

Центральным событием стало награждение победителей. Литературные призы вручались как по результатам голосования участников (в этом году благодаря спонсорской поддержке призы подкреплялись кредитной карточкой с кругленькой суммой на счету), так и «авторитарно». В номинации «Циклы, сериалы и романы с продолжениями» первое место (золотой кадуцей) завоевал Владимир Васильев за цикл «Ведьмак из Большого Киева», второе (серебряный кадуцей) — Алексей Пехов за цикл «Хроники Сиалы», третье (диплом) — Дмитрий Казаков за роман «Истребитель магов» (продолжение романа «Я, маг!»). В номинации «Крупная форма» золотой кадуцей был вручен Сергею Лукьяненко за роман «Спектр», серебряный — Марине и Сергею Дяченко за роман «Пандем» (по условиям кона рассматриваются не только работы предыдущего года, но все, опубликованные до дня проведения фестиваля), диплом — Юрию Брайдеру и Николаю Чадовичу за роман «Гвоздь в башке».

В номинации «Дебютные книги» лидерами года стали: Ярослав Веров за книгу «Хроники Вторжения», Роман Афанасьев за книгу «Астрал», Ольга Громыко за книгу «Профессия: ведьма».

Среди наград жюри стоит выделить специальную премию Харьковского института чудаков — в этом году огромные искусственные рубины будут переданы Борису Стругацкому и семье Кира Булычёва. Премии за критику, публицистику и литературоведение (каждый критик может получить такой приз не более одного раза) получили Владимир Ларионов, Мария Галина и Владислав Гончаров. Премия Творческой мастерской «Второй блин» и оргкомитета фестиваля досталась «верным паладинам фантастики за многолетний труд» — коллективу журнала «Если».

Римейки «в квадрате» рвутся на большой экран. Компания Fox Searchlight и начинающий режиссер Тодд Линкольн, известный по работе с видеоклипами и рекламными роликами, приступили к съемкам фильма «Муха». Одноименный фантастический триллер о превращении человека в насекомое был впервые снят в 1958 году Куртом Ньюманном и обрел новую жизнь в 1986-м, когда за римейк взялся знаменитый Дэвид Кроненберг. Тодд Линкольн признался, что очарован предыдущими фильмами, но собирается снять нечто совершенно новое. Например, в его ленте человек-муха будет летать.

Еще один римейк № 2 готовят продюсеры Рой Ли и Дуг Дэвидсон совместно с компанией Warner, обладающей правами на новую версию фильма Абеля Феррары «Вторжение похитителей тел» (1993). Напомним, что впервые знаменитое произведение Джека Финнея было экранизировано еще в 1956 году режиссером Доном Сигелем, и эта лента вошла в анналы фантастического кинематографа.

Конгресс фантастов России прошел с 26 по 28 сентября в Санкт-Петербурге. Традиционные призы «Странник» в этом году получили: Святослав Логинов за роман «Свет в окошке», Елена Хаецкая за повесть «Прах», Леонид Каганов за рассказ «Эпос хищника» и Геннадий Прашкевич за мемуары «Малый бедекер по НФ, или Повесть о многих превосходных вещах». Лучшим издательством писательское жюри премии признало издательство АСТ, как редактор-составитель приз получила Светлана Бондаренко за подготовку полного собрания сочинений братьев Стругацких (издательство «Сталкер»). Приз «Паладин фантастики» был посмертно присужден Киру Булычёву.

Агентство F-пресс

14 октября исполнилось 65 лет В.П.Крапивину. Владислав Петрович по праву считается одним из лидеров отечественной детской литературы (хотя его книги любимы и взрослым читателем), а большинство его произведений так или иначе относится к жанру фантастики. Помимо литературного творчества, итог которого — более двух сотен книг и многочисленные литературные премии, Крапивин знаменит своей просветительской и педагогической деятельностью. Произведения писателя публиковались и в нашем журнале: «Трава для астероидов» и мемуары «След ребячьих сандалий». Редакция сердечно поздравляет Владислава Петровича и желает ему здоровья, семейного счастья, душевного равновесия и радости творчества.

Редакция «Если»

БОДИН Джон
(BODIN, John C.)

Молодой американский автор Джон Бодин делает лишь первые шаги в научной фантастике: его дебютом стал рассказ, написанный в соавторстве с Роном Коллинзом и опубликованный в майском номере журнала «Analog» за этот год (с ним читатели познакомились в ноябрьском выпуске «Если»). Бодин — фанат популярных автогонок в Индианаполисе (Indy Car Race), издатель и редактор сетевого журнала «Indy Racing League Insider Magazine On-Line». Живет в городе Коламбусе (штат Индиана).

ВУЛФ Джин
(WOLFE, Gene)

Один из ведущих авторов американской НФ и фэнтези, мастер мифопоэтической фантастики Джин Родмен Вулф родился в 1931 году в Нью-Йорке. После окончания школы был призван в армию, воевал в Корее, после демобилизации закончил инженерный факультет Хьюстонского университета. С 1984 года — профессиональный писатель.

В научной фантастике Вулф дебютировал в 1966 году рассказом «Гора как мышь». С тех пор он опубликовал более 40 книг, среди которых 29 романов научной фантастики и фэнтези и 11 сборников рассказов. Наибольший успех выпал на долю цикла романов Вулфа «Книга Нового Солнца», продолженного циклом «Книга Долгого Солнца». Придуманный писателем «мифопоэтический» мир критики ставят в один ряд с такими образцами миростроительства, как Хайнский цикл Урсулы Ле Гуин и мир Дюны Фрэнка Герберта. Среди других наиболее известных произведений Вулфа — серия повестей и рассказов под общим названием «Архипелаг».

Джин Вулф — дважды лауреат премий «Небьюла» и Всемирной премии фэнтези, в его внушительной коллекции литературных трофеев есть премия имени Джона Кэмпбелла, Британская премия научной фантастики, Британская премия фэнтези, другие награды жанра.

ГРОМОВ Александр Николаевич

(Биобиблиографические сведения об авторе см. в № 4 за этот год)

Корр.: Практически в каждом вашем произведении присутствует мотив преодоления. Как правило, это говорит о том, что автору в реальной жизни «не хватает подвигов». Однако вы заядлый байдарочник, причем экстремального толка...

А.Громов: Давно известно, что писать следует либо о том, что хорошо знаешь, либо о том, чего не знает никто. Действительно, часть моей жизни связана с тяжелыми физическими нагрузками. Физическое преодоление мне известно не понаслышке. Следовательно, я пишу о том, что хорошо знаю.

Несмотря на это, писательский труд — труд сидячий, и тяжелой физической нагрузки мне все равно не хватает. Вот я и отыгрываюсь на героях.

КОЛЛИНЗ Рон (COLLINS, Ron)

Американский писатель-фантаст Рон Коллинз окончил Университет города Луисвилля с дипломом инженера-механика, работал специалистом по электронной технике и авионике в различных компаниях. В научной фантастике Коллинз дебютировал в 1995 году рассказом «Семейное дерево» и с тех пор опубликовал более десятка рассказов в журналах и сборниках. Два из них номинировались на премию «Небьюла», один — на премию «Хьюго», а рассказ «Камень Тарант» (2000) получил сетевую премию HOMer. Вместе с женой, дочерью и кошкой Рикой Рон Коллинз проживает в городе Коламбусе (штат Индиана).

НЕНОВА Нина

Болгарская писательница Нина Ненова родилась в 1953 году в Софии. Получила образование юриста в Софийском университете, однако свою профессиональную деятельность связала с литературой. В 1988—1990 годах работала редактором в журналах «ФЕП» и «Фантастика».

Первым профессиональным опытом в жанре стала пьеса для радиоспектакля «Забытые пространства» (1986—1987), а в 1988 году состоялся печатный дебют — НФ-рассказ «Космические корабли». На рубеже 1980—1990-х писательница выступала с рассказами в различных изданиях, но вскоре неожиданно исчезла из литературы. Лишь спустя десятилетие состоялось возвращение фантаста к читателям: в 1999—2000 годах вышло сразу несколько авторских книг — сборники новелл «Был и другой» и «Небиологический», романы «Покойники вне кладбищенской территории», «Формула счастья» и «Контакты с утопленником». Две последние книги были изданы и на русском языке.

ПРОШКИН Евгений Александрович

Коренной москвич Евгений Прошкин родился в 1970 году. После школы учился в Московской Геологоразведочной академии и в Литературном институте, но оба покинул после третьего курса. Отслужив в рядах Советской Армии (в частях береговой охраны на Курильских островах), Е.Прошкин успел сменить десяток профессий.

Первый рассказ автора, «Запасной вариант», был опубликован в журнале «Четвертое измерение» еще в 1991 году. Однако первая книга появилась почти десятилетием позже — роман «Война мертвых» (2000). Затем последовали новые произведения, закрепившие успех фантаста: «Слой» (2001), «Механика вечности» (2001), «Зима 0001» (2002), «Слой Ноль» (2003) и «Магистраль»

(2003). В соавторстве с Вячеславом Шалыгиным писатель выпустил роман в жанре юмористической НФ «Наши фиолетовые братья» (2002).

РЕЗНИК Майк
(RESNICK, Mike)

Один из видных представителей американской фантастики последних двух десятилетий Майк Даймонд Резник родился в 1942 году в Чикаго (предки его были выходцами из России). Окончив университет, Резник работал клерком в управлении железных дорог, кинологом, редактором в издательстве. Активный поклонник творчества Эдгара Райса Берроуза, он дебютировал в литературе романом «Забытое море Марса» (1965). Выступив с несколькими романами в жанре «героической фэнтези» (в духе того же Берроуза), писатель неожиданно на полтора десятка лет оставил фантастическую литературу, переключившись на иные жанры, в которых успел написать под множеством псевдонимов более 200 книг, по плодовитости уступая только Айзеку Азимову!

Возвращение Резника в фантастику состоялось в середине 1980-х. Сейчас на счету писателя около сотни рассказов и почти 60 романов, многие из которых объединены в серии — такие, как «История будущего», «Рассказы о галактическом Мидуэе», «Хроники дальних миров», «Оракул», «Киринъяга». Широко известна эротическая тетралогия «Истории бархатной кометы», состоящая из романов «Восход Эроса» (1984), «Эрос в зените» (1984), «Закат Эроса» (1985) и «Эрос в надире» (1986). Резник — четырежды лауреат премии «Хьюго», лауреат премии «Небьюла» и еще десятка других. Кроме того, Резник является составителем оригинальных антологий на темы альтернативной истории: «Альтернативные президенты» (отдельно вышла также антология «Альтернативные Кеннеди»), «Альтернативные полководцы», «Альтернативные преступники», «Альтернативные тираны» и, наконец, «Альтернативные всемирные конвенции».

СУЭНВИК Майкл
(SWANWICK, Michael)

(Биобиблиографические сведения об авторе см. в № 4 за этот год)

В одном из последних интервью, отвечая на вопрос о мировоззрении людей науки, М.Суэнвик сказал: «У читателей бытует мнение, что наука — это холодное и бесстрастное стремление вперед. В действительности это совершенно не так. Ученые часто начинают с интуиции или эмоционального предпочтения. Логика лишь инструмент, как стамеска или газовый хроматограф, который они используют в работе. Гораздо важнее интеллектуальная честность, способность признавать свою неправоту. Я наблюдал реакцию аудитории, устроившей Джону Острому бурную овацию после того, как он сделал на симпозиуме сообщение, посвященное ранней эволюции птиц. Это была сильная, эмоциональная, убедительная речь. Мой сосед наклонился ко мне и спросил: «Вы заметили, кто встал первым?» И назвал имя человека, чьи теории прямо противоположны воззрениям Острома. Это было необыкновенно».

ТЮРИН Александр Владимирович

(Биобиблиографические сведения об авторе см. в № 7 за этот год)

Корр.: Несколько лет вы живете в Германии. Удается ли вам на чужбине следить за литературным процессом в России.

А.Тюрин: Все-таки я не так уж долго нахожусь в «творческой зарубежной командировке», чтобы эти процессы зашли слишком далеко. А если честно, то после тридцати я в некоторой степени утратил интерес к запойному чтению фантастики. Наверное, потому, что хорошо представляю сочинительскую «кухню». Ну, это то же самое, что при взгляде на красивую девушку думать о том, как работает ее пищеварительный тракт и железы внутренней секреции. Хотя с новинками я, конечно, знакомлюсь — как правило, скачивая тексты из Сети.

ЧАН Тед
(CHIANG, Ted)

Американский писатель-фантаст Тед Чан родился в 1967 году в городе Порт-Джефферсон (штат Нью-Йорк). Окончив Университет Брауна в Провиденсе (штат Род-Айленд) с дипломом специалиста по компьютерам, Чан работал в различных компаниях и правительственных учреждениях, после чего перебрался на Западное побережье, в штат Вашингтон, где живет со своей подругой, зарабатывая на жизнь компьютерными программами и изредка публикуя научно-фантастические произведения, причем почти каждое из них становится крупным литературным событием.

Сенсационным оказался даже дебют Теда Чана: рассказ «Вавилонская башня» (1990) никому не известного автора завоевал высшую премию жанра — «Небьюлу», а затем и премию журнала «Locus». В последующие годы Чан опубликовал всего около десятка рассказов и коротких повестей, но каждое произведение номинировалось на «Небьюлу» и «Хьюго». В итоге столь редко выступающий автор собрал немалую коллекцию наград: две премии «Небьюла», «Хьюго», премию имени Джона Кэмпбелла, имени Теодора Старджона, журнала «Asimov's». В 2002 году вышла первая авторская книга Чана «История твоей жизни и другие истории», завоевавшая премию журнала «Locus» как лучший авторский сборник.

В России автора представил читателям журнал «Если», опубликовав в 2000 году «Историю твоей жизни» и в 2002-м «72 буквы».

Подготовили Михаил АНДРЕЕВ и Юрий КОРОТКОВ

ВНИМАНИЕ!

Заканчивается подписная кампания на ПЕРВОЕ ПОЛУГОДИЕ следующего года. Если вы хотите получить все шесть номеров журнала, НЕ ОПОЗДАЙТЕ в свое почтовое отделение.

ПОДПИСКА-2004

ПЕРВОЕ ПОЛУГОДИЕ

ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ

1 Российские и зарубежные газеты и журналы

2 Книги и учебники

ПРЕССА РОССИИ

1 ТОМ РОССИЙСКИЕ И ЗАРУБЕЖНЫЕ ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ

Журнал «Если» вы найдете в объединенном каталоге «Пресса России»

Индекс подписки на полгода — 73118

Цена подписки на первое полугодие 2004 года — 264 рубля (плюс стоимость почтовых услуг).

Подписка проводится во всех отделениях связи.

ISSN 1680-645X
9 771680 645003 >